

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. А. МИХАЙЛОВ

ПЕРВЫЙ БРОСОК НА ЮГ

БИТВА ЗА СТЕПЬ

БИТВА ЗА СТЕПЬ.....	1
Введение.....	2
Глава 1.....	3
ПОД СКИПЕТРОМ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.....	3
1. «Сиятельные персоны».....	3
2. «Учреждение Петра Великого крепко содержать».....	13
Глава 2.....	27
ЭПОХА ТЮЛЬПАНОВ.....	27
Глава 3.....	35
ИСТОРИЯ ПРОТИВОБОРСТВА.....	35
Глава 4.....	58
ПОХОД НА АЗОВ И БАХЧИСАРАЙ.....	58
Глава 5.....	75
ПОХОД НА ОЧАКОВ И В МОЛДАВИЮ.....	75
Глава 6.....	95
ПОХОД НА ХОТИН И ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА.....	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	100
БИТВА С ПУСТЫНЕЙ.....	103
Глава 1.....	103
РОССИЯ – ДВУЛИКИЙ ЯНУС:.....	103
ЛИЦОМ К ЗАПАДУ И К ВОСТОКУ.....	103
Глава 2.....	116
ДРЯХЛЕЮЩИЕ ТИТАНЫ.....	116
Глава 3.....	122
ПЕРВЫЕ ПРЫЖКИ НА ВОСТОК.....	122
Глава 4.....	130
ВОЙНА С КОКАНДОМ.....	130
Глава 5.....	138
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ.....	138
Глава 6.....	147
БОРЬБА С БУХАРСКИМ И ХИВИНСКИМ ХАНСТВАМИ.....	147
Глава 7.....	153
БОЛЬШОЙ ХИВИНСКИЙ ПОХОД.....	153
Глава 8.....	161
ПОКОРЕНИЕ КОКАНДА.....	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	164
Битва со степью.....	164
Мемуары и публикации документ ов.....	164
Научная и научно-популярная лит ерат ура.....	165
Битва с пустыней.....	165
Мемуары и публикации документ ов.....	165
Научная и научно-популярная лит ерат ура.....	166

Герой романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» Петр Гринев начинает рассказ о своей жизни словами: «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором...» Именно отец, как видно из дальнейшего, внушил юному Петруше универсальные жизненные правила: «Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

Прекрасно знавший русскую историю писатель, разумеется, не случайно вложил такое поучение в уста миниховского ветерана. Война, которую вела русская армия под началом фельдмаршала Б.-К. Минина против Турции и Крымского ханства в 1735-1739 годах, была чрезвычайно тяжелой и дала множество примеров стойкости и мужества русских солдат и офицеров. К сожалению, впоследствии эта кампания оказалась почти позабыта. Причин тому несколько. Во-первых, война 1735-1739 гг. попала в тень более поздних русско-турецких войн. Яркие образы П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова заслонили образы Б.-К. Минина и П. П. Ласси, так же, как штурм Измаила суворовскими чудо-богатырями заслонил взятие Очакова 1737 года. Еще в начале XIX в. известный военный деятель граф К. В. Толь решительно заявил: «Походы миниховские, как по тогдашнему театру войны, образованию и тактике наших войск, так и по недостаточным понятиям самих полководцев о военном искусстве, не могут быть для нас поучительны».

Подобная оценка оставалась неизменной на протяжении многих лет. Только в начале XX в. полковник Генерального штаба А. К. Байов попытался ее оспорить, и указал на явную несообразность: при обилии трудов по истории русской армии в царствование Петра I, Елизаветы I и Екатерины II, авторы упорно игнорировали длившееся с 1730 по 1740 г. правление Анны Иоанновны. Чтобы преодолеть традицию умолчания, Байов в 1906 г. начал публикацию обширного исследования по истории вооруженных сил России в «забытое время». Однако Октябрьский переворот и Гражданская война прервали деятельность ученого, а его книга «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны стала библиографической редкостью и почти неизвестна широкому кругу читателей.

Впрочем, недостаток внимания к событиям 1730-х годов диктовался не одними военно-историческими резонами, но и предвзятым отношением многих историков к правлению Анны Иоанновны в целом. Из книги в книгу кочевали, да и кочуют до сих пор, анекдоты о грубой и недалекой царице, которая якобы интересовалась только увеселениями и жирной ветчиной, потакала капризам своего фаворита Бирона и раздавала чины иноземцам. Словом, царствование Анны Иоанновны гораздо чаще ассоциируется с построенным для развлечения государыни Ледяным дворцом, чем с достижениями в области военного дела.

Такой взгляд едва ли объективен. В 30-е годы XVIII столетия шло постоянное совершенствование вооруженных сил страны: возникли новые типы войска, улучшилась подготовка офицеров, больших успехов достигло кораблестроение. В ходе войны 1735-1739 гг. российская армия впервые в своей истории стала одерживать победы над турками в крупных полевых сражениях, впервые вступила на земли Крыма.

Правда, эти успехи были оплачены огромными человеческими потерями, но в этом отношении военачальники Анны Иоанновны не представляли собой какого-то особого исключения. Традиция не щадить «солдатских кровей» в России не с Анны Иоанновны началась и не на ней закончилась. Вместе с тем не будет преувеличением сказать, что без знакомства с событиями 1730-х годов трудно понять и оценить победы и достижения второй половины столетия, найти основы блистательной эпохи А. В. Суворова.

Война 1735-1739 гг. интересна еще и тем, что представляла собой не только столкновение России с Турцией и Крымским ханством, но стала результатом сложных общеевропейских противоречий и сопровождалась хитроумными дипломатическими интригами. Сложностью отличалась и внутривосточная обстановка в России, ибо страна вступила в период, который историк В. О. Ключевский нарек «эпохой дворцовых переворотов». Появление на российском престоле то совсем юных отроков, то целой череды женщин (прежде в России дело невиданное), превращение гвардии в подобие древнеримских преторианцев, от которых зависела и власть, и сама жизнь правителей, взлеты и падения ловких авантюристов и фаворитов — вот едва ли не главные приметы XVIII столетия в России. Причины подобной нестабильности могут служить предметом для особого, вполне самостоятельного разговора. Здесь же следует заметить, что

придворные интриги и поражения или победы на поле брани оказывали друг на друга постоянное воздействие и слагались в ту неповторимую по яркости мозаику, благодаря которой один из современников назвал XVIII век «столетием безумным и мудрым».

Глава 1

ПОД СКИПЕТРОМ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

1. «Сиятельные персоны»

Вступление на престол в 1730 г. курляндской герцогини, племянницы Петра Великого Анны Иоанновны стало следствием ожесточенной борьбы за власть, вспыхнувшей в России сразу после смерти царя-реформатора. Дело в том, что, перестраивая государственную машину, Петр Алексеевич изменил и сложившийся к тому времени порядок престолонаследия. Если в Московском государстве трон традиционно переходил от отца к первому по старшинству сыну, то согласно принятому в 1722 г. «Уставу о наследии престола» самодержец получил право назначать наследником престола того, кого ему заблагорассудится.

Пойти на такой шаг Петра заставили сложные семейные обстоятельства. Его сын от первого брака (с нелюбимой супругой Евдокией Лопухиной) царевич Алексей был заподозрен в государственной измене, по приказу отца арестован и приговорен к смертной казни. В июне 1718 г. Алексей Петрович скончался в рavelине Петропавловской крепости, по официальной версии, от «кровавого пострела» т.е. кровоизлияния. Ходили, однако, слухи, что царевича задушили. Менее, чем через год, в апреле 1719 г. умер после недолгой болезни сын императора от брака с его второй женой Екатериной Скавронской, малолетний Петр Петрович.

Для государя смерть ребенка, которого он горячо любил и считал своим преемником, стала страшным ударом. Многих же недоброжелателей царя она, напротив, ободрила. Во время панихиды по царевичу Петру псковский ландрат Степан Лопухин, дальний родственник опальной царицы Евдокии, со смехом сказал своим соседям, что «еще его, Степана, свеча не угасла, будет ему и впредь время». В этих дерзких словах заключалась горькая для императора правда. У царевича Алексея остался сын Петр, которому в ту пору шел четвертый год, сам же Петр наследников мужского пола не имел.

Подписывая указ 1722 г., государь стремился предотвратить переход власти в руки ненавистного ему семейства Лопухиных, что было бы неизбежно в случае следования традициям. Однако избрать преемника оказалось для Петра I очень непросто. За исключением царевича Петра Алексеевича, вся императорская фамилия состояла из женщин. В 1724 г. император торжественно короновал свою супругу Екатерину, с которой уже двенадцать лет состоял в негласном браке. Хотя речь о наследовании престола при этом не шла, многие современники увидели в коронационных торжествах именно избрание преемницы. Французский посол Ж.-Ж. Кампредон, например, сообщал в Париж: «...над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга»

Первая российская императрица Екатерина Алексеевна прошла удивительный жизненный путь. Простая, совсем необразованная женщина, происходившая из лифляндских крестьян Скавронских, она в 1703 г. была захвачена в плен русскими солдатами в крепости Мариенбург (ныне Алуksне в Латвии), стала фавориткой сначала верного друга царя А. Д. Меншикова, а затем и самого Петра. Суровый и решительный император относился к ней с необыкновенной нежностью, именовал в письмах «Катеринушкой», «другом сердешниньким», «маткою». Следует сказать, что фавориток и «метресс» у царя всегда было много, но превращение любовницы в законную жену и императрицу — случай совершенно уникальный. На подобное не решались ни прославившийся своими любовными похождениями союзник Петра в Северной войне курфюрст Саксонии Август II Сильный, ни его младший современник король Франции Людовик XV, который соорудил в Версале специальный Олений парк для встреч с фаворитками.

Характеризуя отношения Петра и Екатерины, голштинский посланник г. Ф. Басевич писал: «Она имела так же и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса». Однако вскоре после коронационных торжеств отношения между супругами испортились. Осенью 1724 г. была открыта любовная связь Екатерины с камергером В.

Монсом. Дерзкому «галанту» отрубили голову, обвинив его во взятках, а Петр несколько месяцев почти не разговаривал с женой. Измена, естественно, поколебала намерение императора передать супруге престол.

Оставались еще две дочери царя от брака с Екатериной. Старшая из них, Анна вышла замуж за герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского и покинула Россию, а младшая, Елизавета оставалась с родителями в ожидании выгодной партии. Претендовать на корону могли также дочери сводного брата Петра I царя Иоанна Алексеевича (1666-1696 гг.), Екатерина Иоанновна и Анна Иоанновна, ставшие женами соответственно герцогов Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского и Фридриха-Вильгельма Курляндского.

Петр прекрасно понимал всю меру своей ответственности, и долгое время не решался сделать выбор. Даже заболев в январе 1725 г., он все время откладывал принятие окончательного решения. В ночь с 28 на 29 января государь скончался, так и не подписав завещания. Вопрос о наследнике расколол приближенных Петра I на два лагеря. Представители старинных аристократических фамилий, прежде всего кланы Голицыных и Долгоруких, поддерживали кандидатуру внука императора, сына злосчастного Алексея, царевича Петра. Однако люди из новой знати, поднявшиеся на вершину славы лишь благодаря петровским реформам, более сочувствовали вдове государя Екатерине. Особенно активно поддерживали ее фельдмаршал А. Д. Меншиков и видный дипломат П. А. Толстой — они участвовали в розыске по делу царевича Алексея и не могли ожидать от его сына ничего хорошего. В результате «птенцы гнезда Петрова» смогли склонить на свою сторону гвардию и силой принудили «старых бояр» подписать указ в пользу Екатерины.

Так как малообразованная императрица плохо разбиралась в государственных делах, в помощь ей был создан особый орган — Верховный тайный совет. В его состав вошли А. Д. Меншиков, его сторонники П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин и Г. И. Головкин, дипломат А. И. Остерман, а также наиболее видный представитель старой знати Д. М. Голицын. Фактически вся власть в стране сосредоточилась в руках А. Д. Меншикова, который имел неограниченное влияние на императрицу. Этот яркий и незаурядный человек, также как и сама Екатерина I, в полном смысле слова поднялся «из грязи в князи». По мнению одних современников, он происходил из обедневшего дворянства, но другие, менее доброжелательные, говорили, что он был вовсе «подлой породы» и некогда торговал пирогами на московских улицах. Еще в юности Меншиков попал в услужение к царю Петру и прошел путь от денщика до фельдмаршала. В 1703 г. он стал первым генерал-губернатором Петербурга, а во время Полтавской битвы командовал русской конницей и смог полностью разгромить одну из вражеских колонн.

При всей храбрости и энергичности Меншиков обладал очень существенным недостатком: его тяга к казнокрадству имела совершенно чудовищные масштабы, даже на фоне прочих петровских вельмож, не отличавшихся особенной щепетильностью. К тому же фельдмаршал был падок до роскоши (видимо сказывалось голодное детство) и очень тщеславен. «Обеды его, — писал о Меншикове историк Д. М. Бантыш-Каменский, — в торжественные дни состояли из двухсот кушаньев, подаваемых на золотом сервизе, которые приготавливались лучшими французскими поварами... В городе ездил он с чрезвычайной пышностью: выходя на берег Невы с многочисленной свитой, любимец Петра садился, обыкновенно, в лодку, обитую внутри зеленым бархатом и раззолоченную снаружи. Она причаливала к Исаакиевской пристани, где ныне Сенат (дом фельдмаршала находился на Васильевском острове — А. М.). Там ожидала Меншикова карета, сделанная наподобие веера, на низких колесах с золотым гербом на дверцах, большой княжеской короной из того же металла на империале и запряженная шестью лошадьми». Понятно, что подобный образ жизни доставил Меншикову множество врагов и завистников.

Опасаясь конкуренции со стороны других сановников, глава Верховного тайного совета решительно расправлялся со всеми, кого подозревал в отсутствии лояльности. В середине апреля 1727 г. Меншиков начал следствие против своих бывших союзников в придворной борьбе, П. А. Толстого и петербургского генерал-полицмейстера А. М. Девиера, обвинив их в «непочтительности» к императрице. Суть конфликта, однако, была иной. Названные лица активно выступали против составленного Меншиковым плана женитьбы царевича Петра на своей дочери Марии. После допроса и пыток Толстой и Девиер отправились в ссылку. Вскоре, 7 мая 1727 г., императрица Екатерина I умерла. В оставленном ею завещании двенадцатилетний царевич Петр объявлялся наследником, но

до его совершеннолетия страной должен был править Верховный тайный совет. В одной из статей завещания содержалось также пожелание «учинить супружество» между царевичем Петром и княжной Меньшиковой.

Сам А. Д. Меньшиков нисколько не сомневался, что на правах тестя сможет держать юного императора в руках. Если в 1725 г. он активно противодействовал вступлению Петра II на престол, то теперь активно ему содействовал. Но бывший царский денщик допустил две крупные ошибки.

Во-первых, уничтожая своих соперников из числа соратников Петра Великого, он расчищал дорогу к власти представителям старинной аристократии. Во-вторых, Меньшиков явно недооценил назначенного к царевичу воспитателем Андрея Ивановича Остермана. По его мнению, Остерман не мог быть опасен, так как, являясь выходцем из Вестфалии, не имел при дворе обширных связей и, к тому же, должен был испытывать благодарность за удаление Толстого, соперника на дипломатическом поприще. Остерман со своей стороны всячески поддерживал это заблуждение. Он отправлял Меньшикову подробные, но ложные, отчеты о настроениях Петра Алексеевича, а сам тем временем старательно настраивал своего питомца против фельдмаршала.

Большую роль при дворе стали играть представители старинного рода Долгоруких. Молодой офицер Иван Долгорукий свел с Петром II близкую дружбу, а его отец сенатор Алексей Григорьевич исполнял обязанности второго, после Остермана, наставника. Сам Петр Алексеевич очень тяготился опекой Меньшикова. По свидетельству прусского офицера К.-Г. Манштейна, как-то, в минуту гнева, юный монарх закричал на князя: «Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения». Развязка наступила осенью 1727 г. Попытка зарвавшегося временщика присвоить девять тысяч червонцев, подаренных купцами Петру, переполнила чашу терпения последнего. Фельдмаршал был арестован, осужден и отправлен в ссылку, а все его имущество конфисковано.

Подавляющее большинство царедворцев злорадствовало, ибо заносчивый Меньшиков успел досадить буквально всем. Воронежский вице-губернатор Егор Пашков писал своему другу И. Черкасову: «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа, которого Бог сильной десницей сокрушил; все этому очень рады...». Ему вторит видный деятель петровской эпохи епископ Феофан Прокопович, который в письме к Петру II награждает Меньшикова такими эпитетами, как: «бездушный человек, язва, негодяй, которому нет подобного».

После падения Меньшикова основное влияние в Верховном тайном совете перешло в руки старой знати. К 1729 г. в его состав входили четыре представителя рода Долгоруких (Алексей Григорьевич, Василий Владимирович, Михаил Владимирович и Василий Лукич), два Голицына (Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович), а также граф Гаврила Иванович Головкин и Андрей Иванович Остерман. Новые «блистательные персоны», впрочем, действовали теми же методами, что и Меньшиков. Они намеревались женить Петра II на одной из княжен Долгоруких и активно раздавали своим сторонникам высокие государственные посты.

Долгорукие к тому же запятнали себя взяточничеством и очень дурно влияли на юного монарха. «Петр отвык совершенно от серьезного занятия, — писал историк С. М. Соловьев, — кто хотел приблизиться к нему, тот должен был говорить о вещах ему приятных, доступных: об охоте, собаках и т. п.». Это суждение подтверждается и свидетельствами современников. «Все в России в страшном расстройстве, — доносил один из иностранных дипломатов, — царь не занимается делом и не думает заниматься; денег никому не платят, и Бог знает до чего дойдут финансы; каждый ворует сколько может».

Еще в конце 1727 г. Петр II перенес столицу из Петербурга в Москву. Многие современники видели в этом знак окончательного разрыва молодого правителя с людьми из окружения Петра I. Не менее символично выглядело и то, что по пути в Москву Петр Алексеевич встретился со своей бабкой Евдокией Лопухиной и подарил ей волость в две тысячи дворов. «Дура Дунька», как называл свою супругу Петр Великий, пробыв долгие годы в монастырском заточении, вовсе не утратила вкуса к интригам и теперь, когда ветер переменился, приняла активное участие в «попрании» Меньшикова.

Однако при Петре II, как всегда бывает во время резких перемен в высших сферах, на одного довольного приходилось десять обиженных. Стремительное возвышение Долгоруких и Голицыных не только пугало «новую» знать, но и раздражало представителей других старинных фамилий. Родственник матери Петра I Александр Львович Нарышкин, живший в своем подмосковном имении, когда узнал, что Петр II

охотится неподалеку и желает его видеть, заявил: «Что мне ему, с чего поклоняться? Я и почитать его не хочу, я сам таков же, как и он, и думал на царстве сидеть, как он. Отец мой (Лев Кириллович Нарышкин — А. М.) государством правил, дай мне выйти из этой нужды — я знаю, что сделать!». За «предерзкие слова» Нарышкина отправили в «дальнюю его деревню».

Недоволен был и Остерман, оттесненный Долгорукими на второй план. Опытный царедворец хорошо видел, как опьяненные удачей фавориты делают ошибку за ошибкой, наживая все новых врагов и теряя союзников. В начале сентября 1729 г. Петр II выехал в сопровождении свиты на грандиозную охоту, для которой собрали более шестисот собак. Потехи продолжались более двух недель, а вскоре после возвращения в Москву стало известно, что император вступает в брак с дочерью князя Алексея Григорьевича Долгорукого Екатериной. 30 ноября произошло обручение, и 17-летнюю княжну стали официально называть императорским высочеством. Дворяне со всей страны потянулись в Москву на свадебные торжества. Но в самый разгар предпраздничных хлопот Петр II заболел оспой и в ночь с 18 на 19 января 1730 г. скончался. В предсмертном бреду он звал к себе Остермана, а потом потребовал сани, чтобы ехать к сестре Наталье Алексеевне, которая умерла более года тому назад. Сразу же после кончины Петра II, члены Верховного тайного совета собрались на совещание. Князь Алексей Григорьевич Долгорукий стал требовать престола для своей дочери, но это предложение было отвергнуто. Против него выступил даже один из членов фамилии фельдмаршал Василий Владимирович Долгорукий. «Неслыханное дело вы затеваете, — говорил он родственникам, — чтоб обрученной невесте быть российской престола наследницей! Кто захочет ей подданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие члены фамилии — никто в подданстве у нее быть не захочет. Княжна Катерина с государем не венчалась». Идею возвести на престол дочь Петра I Елизавету, также не приняли: верховники боялись конкуренции со стороны лиц из ее окружения.

Наконец князь Дмитрий Михайлович Голицын заявил, что со смертью Петра II линия, идущая от Петра Великого, пресеклась, и справедливость требует перейти к старшей линии царя Иоанна Алексеевича. Так было принято решение пригласить на престол Анну Иоанновну, которая еще в 1711 г. овдовела и, следовательно, без помех могла вернуться из Курляндии в Россию. Верховники надеялись, что не имевшая прочных связей при русском дворе герцогиня станет послушным орудием в их руках. При этом чтобы наверняка сохранить влияние и, по словам Д. М. Голицына, «себе воли прибавить», Долгорукие Голицыны решили предложить новой императрице кондиции т. е. условия, ограничивающие ее власть. В глубокой тайне была составлена грамота, по которой Анна Иоанновна, будто бы по собственной воле, обещала всем руководствоваться мнением Верховного тайного совета и без его воли не назначать себе наследника, не вести международных переговоров, не жаловать крупных земельных владений и т. д. Осуществление замысла верховников по сути дела означало бы создание в стране новой формы правления — ограниченной монархии. Но ограничение это должно было осуществиться в пользу очень узкой группировки высших сановников.

Именно нежелание и неумение учитывать интересы широких слоев дворянства (или, как тогда говорили на польский лад, шляхетства) стало основной ошибкой членов Совета. Многочисленные дворяне, съехавшись в Москву на царскую свадьбу, неожиданно оказались на похоронах царя и при выборах новой царицы. Ходившие среди них слухи о тайных приготовлениях в Верховном совете порождали множество тревог и опасений и, одновременно, подталкивали к выдвижению собственных требований. Различные группировки дворян приступили к составлению своих проектов государственного устройства. Против авторов кондиций выступили такие яркие люди, как историк В. Татищев, писатель А. Кантемир, епископ Феофан Прокопович. Одним из лидеров враждебной верховникам группировки стал видный вельможа князь Алексей Михайлович Черкасский.

Настроение большинства дворян, видевших в самовластном государе защиту от произвола временщиков и фаворитов, прекрасно выразил Казанский губернатор Артемий Волынский, который писал в Москву: «Слышно, что здесь делается у вас или уже и сделалось, чтобы быть у нас республике... Я zelo в этом сумнителен. Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадаем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Между тем депутация от Верховного тайного совета отправилась в столицу Курляндии Митава (ныне Елгава, в Латвии), где представила Анне Иоанновне кондиции, которые та приняла без всяких оговорок. 4 февраля 1730 г. был издан манифест об избрании Анны на российский престол, а неделю спустя, она прибыла в село Всесвятское под Москвой. Здесь, однако, будущая императрица быстро поняла, что «затейка» верховников вовсе не пользуется единодушной поддержкой дворянства. Во время аудиенции к Анне явилась целая толпа дворян, умолявших ее «принять самодержавство». Особенно воодушевило герцогиню то, что среди противников Совета оказалось много гвардейских офицеров. По сообщению очевидца событий, испанского посланника Я. Де Лириа, гвардейцы даже обратились к ней с такой речью: «Мы верные подданные Вашего Величества, верно служили Вашим предшественникам и пожертвуем нашу жизнь на службу Вашему Величеству, но не можем терпеть тирании над Вами. Прикажите и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов». 23 февраля Анна Иоанновна, в нарушение кондиций, объявила себя полковником Лейб-гвардии Преображенского полка, а 25 февраля вовсе отказалась выполнять прежние договоренности.

Протестовать никто не решился. Курляндская герцогиня вступила на российский престол, Верховный тайный совет был распущен. Понимая, что его планы рухнули, Д. М. Голицын зловеще произнес: «Знаю, что я буду жертвой неудачи этого дела. Так и быть пострадаю за отечество; мне уже немного остается, и те, которые заставляют меня плакать, будут плакать долее моего». Как и многие ее предшественники, Анна Иоанновна действительно начала правление с наказания своих реальных и мнимых противников. Сперва, впрочем, она действовала очень осторожно. Отцу несостоявшейся царицы А. Г. Голицыну приказали жить безвыездно в имении, а прочих видных представителей рода разослали губернаторами по окраинам империи: Василия Лукича в Сибирь, Ивана Григорьевича — в Вологду, Михаила Владимировича — в Астрахань. Князь Дмитрий Михайлович Голицын и его брат фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын сохранили на некоторое время свои высокие чины и звания.

Однако уже несколько месяцев спустя, начались настоящие расправы: в середине 1730 г. князя Алексея Григорьевича вместе с семьей сослали в Соловки, а его сына Ивана, друга покойного императора — в Березов. В декабре того же года фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, измученный тревогами за свою судьбу, скончался от сердечного приступа. Другой фельдмаршал, Василий Владимирович Долгорукий в конце 1731 г. был заточен в Шлиссельбургскую крепость, невзирая на то, что в свое время протестовал против попытки возведения на престол Екатерины Долгорукой. Только в 1736 г. Анна Иоанновна имела удовольствие добраться до автора кондиций Д. М. Голицына. Его обвинили в злоупотреблениях по службе, взяточничестве и, самое главное, в «произнесении богомерзких слов». Как выяснил суд, вольнодумный князь однажды заметил, что для пользы дела стал бы слушать советы самого Сатаны. Дмитрия Голицына отправили в Шлиссельбург, где он и умер в 1737 г. Еще через два года началось новое следствие по делу Долгоруких, в результате которого князь Иван Алексеевич был подвергнут в Новгороде мучительной казни «через колесование», а Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам Долгоруким отсекали головы.

Уничтожив Верховный тайный совет, Анна Иоанновна создала в октябре 1731 г. Кабинет министров, сходный с Советом по функциям, но еще более узкий по составу. Первоначально в него вошли три сановника: А. И. Остерман, князь А. М. Черкасский и граф Г. И. Головкин. В 1735 г., после смерти Головкина, членом кабинета был избран П. И. Ягужинский, а еще позже, в 1738 г. — А. П. Волынский. Подпись трех кабинет-министров полностью заменяла собой подпись императрицы.

Большую роль стал играть также генерал-фельдмаршал Б.-К. Миних, который в 1730 г. занял пост президента Военной коллегии (органа, руководившего вооруженными силами страны). Наконец, неограниченным влиянием на императрицу пользовался ее фаворит Э.-И. Бирон. Что же представляли собой люди, определявшие курс страны во время войны 1735-1739 гг.?

Императрица Анна Иоанновна, как говорилось выше, в 1710 г., совсем еще юной семнадцатилетней девушкой, была выдана замуж за герцога Курляндского, но почти сразу овдовела. Тем не менее, Петр I настоял на том, чтобы Анна отправилась в Курляндию и жила там, управляя герцогством с помощью российских советников. Курляндия в то время играла очень важную роль в борьбе России за выход к Балтийскому морю, и Петр Великий не мог отказаться от влияния на нее. Формально герцогство считалось вассалом Речи Посполитой (союзного государства Польши и Литвы), но это нисколько не мешало

императору принимать самые решительные меры. В сентябре 1712 г., узнав, что многие курляндские дворяне без восторга встретили приезд Анны Иоанновны, он велел русскому уполномоченному П. М. Бестужеву действовать напористо и жестко: «И для того посылайте на экзекуции наших драгун... и смотрите за ними, чтоб они сверху указу себе лишнего не брали».

Другие державы, в первую очередь Речь Посполитая и Пруссия, также стремились взять Курляндию под свой контроль. С этой целью они то поддерживали претензии на корону других родственников покойного герцога, то пытались предложить Анне Иоанновне нового жениха. Особенно активизировались такие попытки после смерти Петра I. В конце 1725 г. Речь Посполитая выдвинула в качестве претендента на руку и сердце Анны Иоанновны побочного сына польского короля Августа II Морица Саксонского. Курляндское дворянство на своем сейме его кандидатуру одобрило, да и герцогине жених понравился, но в России подобные действия вызвали тревогу. В Митаву немедленно выехал русский дипломат князь В. Л. Долгорукий (позже казненный Анной Иоанновной), который принялся угрожать курляндскому дворянству тем, что в случае избрания Морица их ожидает полное поглощение Польшей. В качестве собственных кандидатов Россия предложила на выбор либо герцога Голштейн-Готторпского, либо А. Д. Меншикова, давно хлопотавшего о своем избрании герцогом. Затем к этим двум были добавлены братья Карл и Людвиг Гессен-Гомбургские, находившиеся на русской военной службе. Часть членов курляндского дома во главе с престарелым герцогом Фердинандом высказалась за принца Гессен-Кассельского. После долгих споров и международных интриг, во время которых Анна Иоанновна ездила за консультациями в Петербург, а Меншиков в Митаве лично угрожал курляндцам ввести в герцогство войска, дело кончилось ничем. Герцогиня замуж так и не вышла.

Подобные инциденты, разумеется, наложили неизгладимый отпечаток на характер Анны Иоанновны. С. М. Соловьев писал по этому поводу так: «Раннее и бездетное вдовство в стране слабой, за влияние, над которой спорили три сильных соседа, сделали из Анны игрушку политических отношений и соображений; она стала невестой всех бедных принцев, желавших получить Курляндию в приданое; планы о браке ее составлялись и разделялись, смотря по отношению между Россией, Польшей и Пруссией... Чаша унижения была выпита до дна, а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная к унижению».

Разорвав кондиции, Анна Иоанновна продолжала опасаться заговоров и интриг со стороны родовой аристократки. Отсюда ее жестокие гонения на Голицыных, Долгоруких, Юсуповых, отсюда и попытка опереться на «пришлых людей», иностранцев или россиян, не имевших связей при дворе и всем обязанных самой императрице. Все современники сходились в том, что Анна Иоанновна была умна, но многие при этом порицали правительницу за грубость, склонность к жестоким шуткам и буйным развлечениям. При дворе все время находилось множество шутов, уродов, разного рода сумасшедших, смешивших императрицу. Особенно любила Анна Иоанновна женщин, которые умели быстро и безостановочно говорить («жужжать», по словам современника). Иногда в шуту превращался человек знатного происхождения, навлекший на себя гнев царицы, как, например, еще один представитель ненавистного ей семейства Голицыных, князь Михаил Алексеевич. Во время пребывания за границей он женился на итальянке, перешел в католичество (что тогда считалось преступлением), а возвратясь в Россию пытался это скрыть, но безуспешно, Анна в 1733 г. произвела несчастного в «кавалеры шутовского ордена» и обязала подавать квас за обедом. Сходная судьба постигла князя Волконского, попавшего в шуты за свое заносчивое поведение.

Вообще унижение человека родовитого и гордого почти всегда доставляло императрице удовольствие. Она любила, например, натравливать на вельмож своих комнатных собачек, заставляла пожилых и тучных придворных пролезать под столом, а иных, в чем-либо провинившихся, наказывала «из собственных рук».

Люди, испытавшие на себе гнев Анны Иоанновны, по понятным причинам, рисовали в мемуарах крайне непривлекательный ее портрет.

Так жена казненного Ивана Долгорукого Наталья Шереметева пишет о ней: «Престрашного была взору; отвратное лицо имела; так была велика, когда между кавалеров идет, всех головой выше и чрезвычайно толста». В этом отзыве видно явное желание уязвить «погубительницу» и утвердить свое превосходство в той сфере, над которой царские указы не властны: в красоте и женской привлекательности.

Современники, не испытывавшие таких тяжелых гонений, как Шереметева, держались более спокойных и, зачастую, вполне благожелательных оценок. Голштинский камер-юнкер Ф.-В. фон Берхгольц, знавший Анну Иоанновну еще герцогиней, отмечает, что она «женщина живая и приятная, хорошо сложена, недурна собой и держит себя так, что чувствуешь к ней почтение». Супруга британского посла леди Джейн Рондо в одном из своих писем к подруге отмечает: «Она (императрица — А. М.) очень крупная женщина с очень хорошей для ее сложения фигурой, движения, ее легки и изящны. В выражении ее лица есть величавость, поражающая с первого взгляда, но когда она говорит на губах появляется невыразимо милая улыбка... Она, по-видимому, очень человеколюбива и будь она частным лицом, то, я думаю, ее бы называли очень приятной женщиной».

Английская гувернантка Элизабет Джастис, жившая в Петербурге с 1734 по 1737 г. (т. е. тогда, когда Шереметева находилась в ссылке), дает и вовсе восторженный отзыв: «Ее величество высока, очень крепкого сложения и держится соответственно коронованной особе. На ее лице выражение и величия, и мягкости. Она живет согласно принципам своей религии. Она обладает отвагой, необычной для ее пола, соединяет в себе все добродетели, какие можно было бы пожелать для монаршей особы...». Впрочем, справедливости ради следует заметить, что Джастис при дворе не бывала и видела императрицу лишь при посещении театра. Еще один английский путешественник, медик Джон Кук в своих записках о России сообщает: «Императрица Анна не была красавицей, но обладала каким-то столь явным изяществом и была столь исполнена величия, что это оказывало на меня странное воздействие: я одновременно испытывал благоговейный страх перед ней и глубоко почитал ее».

Надо также сказать, что многие из тех недостатков, о которых писали враги Анны Иоанновны, вовсе не являлись исключительной чертой императрицы. Не подлежит сомнению, что государыня любила шутов и забавы. Но ее современник, шведский путешественник К. Р. Берк, побывавший в Петербурге, отмечал, что тяга к грубоватым развлечениям вообще была присуща русскому обществу. «Народ любит шутов и уродов. — пишет он, — В знатных домах обычно есть бандурист, который под звуки своего инструмента поет непотребные песни, корча разные гримасы». Кстати, по мнению Берка, нравы царского двора при Анне Иоанновне даже смягчились. «Теперь помимо 19 января — дня прихода императрицы к власти, — отмечает он, — при дворе больше уже сильно не пьют, а при Екатерине, говорят, трезвыми бывали редко. Тех, кто мгновенно делается совсем пьян, любящая скромность императрица не жалует и потому приказала нескольким гренадерам присутствовать там (во дворце — А. М.), чтобы отводить свалившихся с ног вниз к их слугам». Страсть государыни к роскоши также вполне отвечала нормам эпохи, а отмечаемая рядом мемуаристов лень едва ли превышала пассивность целого ряда европейских монархов. Что же касается подозрительности и мстительности, то они, как говорилось выше, имели вполне веские основания.

Фактическим руководителем Кабинета министров являлся уроженец города Бохума Генрих-Иоганн-Фридрих Остерман, который в России стал именоваться Андреем Ивановичем. Он происходил из семьи пастора, обучался в Йенском университете, но был вынужден покинуть Германию из-за того, что во время дуэли убил своего противника. В 1703 г. Остерман оказался в Голландии, где встретился с адмиралом К. Крюйсом, пригласившим его на русскую службу. В 1708 г. он поступил в Посольский приказ переводчиком, два года спустя, стал там секретарем, а после окончания Северной войны принял активное участие в подписании Ништадтского мирного договора со Швецией. Энергичный дипломат, Остерман также проявил себя, как хитрый и даже коварный царедворец. При Екатерине I он всячески демонстрировал свою верность Меншикову, при Петре II активно способствовал падению бывшего фаворита и возвышению Долгоруких, а при Анне Иоанновне преследовал уже самих Долгоруких. Завидовавший успехам Остермана, Г. И. Головкин как-то заметил: «Андрей Иванович — человек веры неправославной, да, кажется, и вообще никакой». Весьма яркий образ главы Кабинета министров запечатлен в записках прусского офицера К.-Г. Манштейна. «Часто, — сообщает этот автор, — иностранные министры в течение двух часов проговорят с ним (Остерманом — А. М.) и по выходе из его кабинета знают не больше того, сколько знали, входя туда. Что он ни писал, что ни говорил, могло пониматься двояко. Тонкий, притворный, он умел владеть своими страстями и в случае нужды даже разнежиться до слез. Он никогда не смотрел никому в глаза из страха, чтобы глаза не изменили ему, он умел держать их неподвижно».

Еще в 1721 г. А. И. Остерман вступил в брак с Марфой Ивановной Стрешневой, братья которой занимали видные государственные и военные посты. На это обстоятельство в его карьере специально указывал, живший в России, датский ученый и путешественник П. фон Хавен. «Остерман, — пишет он в своих мемуарах, — обладал представительной внешностью и хорошим сложением, но и не менее одаренным разумом — он был и умен и отважен. Однако некоторые подозревали в нем помыслы, по которым в государственные дела он вкладывал более благоразумия, нежели души... Он почти всегда притворялся больным, поэтому почти никогда не выходил из дому и не поддерживал с кем бы то ни было особых отношений, благодаря чему избегал многих подозрений и преследований, да и легко мог скрывать свои мысли и намерения... Он женился на природной русской знатной даме. Благодаря этому последнему большинство русских видели в нем соотечественника. И этим он еще освободился от скверного прозвища, которым русские господа порой награждают живущих в России немцев. Русские называют их «кургузумы», то есть «короткохвостыми лошадьми». Ибо русские говорят, что у немцев в этом государстве нет ни хвоста, ни имений, ни семьи». Фон Хавен сообщает также, что Андрей Иванович «никогда не покровительствовал никому из своих друзей». На еще одно, очень редкое для того времени, качество Остермана указывает леди Рондо, писавшая: «Он не алчен, поскольку остается бедным при всех предоставлявшихся ему возможностях».

Второй постоянный кабинет-министр, князь Алексей Михайлович Черкасский выглядел живым контрастом энергичному Остерману.

Он принадлежал к древнему аристократическому роду и обладал множеством высокопоставленных родственников. Первым браком князь был женат на Агриппине Львовне Нарышкиной, двоюродной сестре Петра I, а вторым — на Марфе Трубецкой, дочери сенатора Юрия Юрьевича Трубецкого. Во владении у А. М. Черкасского находилось свыше семидесяти тысяч крестьянских душ. Но при всей своей знатности, при всем богатстве, это был пассивный, мало деятельный сибарит. Историк XVIII в. М. М. Щербатов охарактеризовал его, как «человека весьма посредственного разумом, ленивого, незнающего в делах и, одним словом, таскающего, а не носящего свое гордое имя». Современник Черкасского, А. П. Волынский язвительно замечал: «Ныне его поставят - на завтра постригут, а за все про все молчит и ничего не говорит». Джейн Рондо также писала своей подруге, что князь «знаменит молчаливостью» и язвительно добавила по этому поводу: «Владения и знатность князя потребовали для него почетной должности, и он наверняка не станет ни утруждать себя делами, ни мешать кабинету своим красноречием».

Впрочем, при Петре I послужить Черкасскому все-таки пришлось. В 1715 г. он был назначен обер-комиссаром Петербурга и, следовательно, отвечал за строительство в молодой столице. Несколько раз император благодарил Черкасского за «исправный порядок», а в 1719 г. решил назначить его губернатором в Сибирь, вместо проворовавшегося М. П. Гагарина. Испуганный вельможа умолял государя отменить назначение, говорил, что с таким делом ему не справиться, но Петр остался непреклонен. Черкасский, действительно, не смог навести в сибирских землях порядка. Посетивший Сибирь в ту пору генерал-майор В. Геннин с иронией просил императора прислать Черкасскому «мешочек смелости», ибо он «добр да не смел». В 1724 г. князь вернулся в Петербург и вскоре был назначен присутствующим в Сенате. Лишь один раз А. М. Черкасский проявил незаурядную активность: в 1730 году, когда выступил против верховников. Став кабинет-министром, он вновь отошел в тень, а после перенесенного в 1738 г. апоплексического удара даже перестал ездить на заседания кабинета.

Третий кабинет-министр Гаврила Иванович Головкин был старым дипломатом петровской школы, руководил с 1717 г. Коллегией иностранных дел, затем входил в состав Верховного совета. Многие современники обвиняли Головкина в безынициативности, но скорее он был просто слишком осторожен, чтобы демонстрировать свою позицию по тому или иному вопросу. Остермана Гаврила Иванович откровенно не любил, однако едва ли мог вести с ним борьбу: ко времени воцарения Анны Иоанновны Головкину было более семидесяти лет, и он сильно болел. После его смерти, третьим кабинет-министром в 1735 г. стал Павел Иванович Ягужинский, еще один «птенец гнезда Петрова».

Сын бедного органиста из Немецкой слободы, Ягужинский не раз испытал взлеты и падения. Он занимал должность генерал-прокурора Сената, был послом в Польше, Пруссии и Австрии, но при Екатерине I подвергся гонениям со стороны Меншикова. В 1730 г. Ягужинский сначала примкнул к верховникам, но затем, обиженный

пренебрежительным отношением Долгоруких, одним из первых предупредил Анну Иоанновну о неприязни дворянства к «затейке» с кондициями. По отзывам современников, этот государственный деятель был умен, очень амбициозен и резок в обращении. В свое время он не боялся противоречить Меншикову, наверное, не побоялся бы и Остермана, но здоровье его было подорвано. В 1736 г. Ягужинский умер. Некоторое время одно место в кабинете оставалось вакантным, а затем его занял Артемий Петрович Вольтинский, в прошлом Астраханский губернатор и резидент в Персии.

Руководитель вооруженных сил страны Бурхард-Кристоф Миних родился в 1683 г. в графстве Ольденбургском, где его отец служил смотрителем плотин, и с юных лет готовился стать военным инженером. В 1701 г. он поступил на службу в Гессен-Дармштадтскую армию, отсюда перешел в Ост-Фрисландскую армию, а из Ост-Фрисландской — в Гессен-Кассельскую, с которой принимал участие в Войне за испанское наследство. Однако, мелкие германские княжества, видимо, были тесны для честолюбивого военного и в 1716 г. Миних стал генерал-майором в войсках польского короля и саксонского курфюрста Августа II. Прослужив польской короне пять лет, он принял предложение российского посла С. Г. Долгорукого перейти на русскую службу.

Петр I поручил Миниху составить новый план укреплений Кронштадта, затем послал его инспектировать Рижскую крепость и остался доволен выполненными поручениями. В 1722-1725 гг. Миних принимал участие в сооружении Ладожского канала. Его настойчивость и исполнительность очень понравились государю. При одном из посещений строительства Петр даже заявил: «Он (Миних - А. М.) скоро приведет Ладожский канал к окончанию; из всех иностранцев, бывших в моей службе, лучше всех умеет предпринимать и производить великие дела». Прусский посланник Аксель фон Мардефельдт заметил как-то о Минихе, что он «постигнул дух Петров». И действительно, подобно императору, этот военачальник не просто старался достичь поставленной цели, но шел к ней неуклонно, не щадя ни себя, ни других. Смертность рабочих на строительстве была огромной, тех, кто пытался бежать, били батогами, но канал возводился.

После смерти Петра I финансирование работ по устройству канала резко сократилось, и Миних вернулся в Петербург. Несмотря на очень натянутые отношения с Меншиковым, ему удалось избежать опалы при Екатерине I. Петр II пожаловал Миниху графское достоинство и назначил его на пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга, Ингерманландии и Карелии. Как и Остерман, Миних во время подготовки верховниками кондиций, занял выжидательную позицию, а после явного провала их планов, встал на сторону Анны Иоанновны. Опала фельдмаршалов М. М. Голицына и В. В. Долгорукого расчистила ему путь к самым высоким воинским постам и чинам. Анна Иоанновна назначила Миниха президентом Военной коллегии и генерал-фельдцейхмейстером (начальником всей артиллерии), дала ему чин генерал-фельдмаршала. Видный полководец принц Евгений Савойский, одобряя эти действия, писал императрице, что она вверила руководство армией «человеку, соединяющему в себе с редкими достоинствами примерную ревность к службе».

Историк Д. М. Бантыш-Каменский, суммировав различные отзывы современников о Минихе, дал ему следующую характеристику: «Граф Миних был роста высокого, величественного. Глаза и все черты лица показывали остроумие, неустрашимость и твердость характера; голос и осанка являли в нем героя. Он невольным образом вселял в других уважение к себе и страх; был чрезвычайно трудолюбив и предприимчив; не знал усталости, мало спал, любил порядок, отличался, когда хотел любезностью в обществах, стоял в ряду с первыми инженерами и полководцами своего времени; но вместе был горд, честолюбив, лукав, взыскателен и жесток; не дорожил для своей славы кровью вверенных ему солдат; казался другом всем, не любя никого».

К этой развернутой характеристике стоит добавить, пожалуй, только отзыв леди Рондо, отражающий особый, женский взгляд на фельдмаршала. В 1735 г. она писала своей подруге в Англию: «Представление, которое сложилось у Вас о графе Минихе, совершенно неверно. Вы говорите, что представляете его себе стариком, облику которого присуща вся грубость побывавшего в переделках солдата. Но ему сейчас что-нибудь пятьдесят четыре или пятьдесят пять лет, у него красивое лицо, очень белая кожа, он высок и строен, и все его движения легки и изящны. Он хорошо танцует, от всех его поступков веет молодостью, с дамами он ведет себя как один из самых галантных кавалеров этого двора и, находясь среди представительниц нашего пола, излучает веселость и нежность, которые мне очень неприятны, ибо притворны. ...Как были бы Вы

удивлены, увидев, что он внимает Вам с томным взором, потом внезапно хватает Вашу руку и с восторгом целует ее! Но насколько более Вы были бы удивлены, обнаружив, что он полагает обязательным вести себя так со всеми женщинами. ...Я бы считала, что его любимым военным приемом должно быть нападение из засады, ибо искренность — качество, с которым он, по-моему, не знаком».

Действительно, кроме полководческих талантов, Миних явно обладал способностями к придворным интригам и то поддерживал Остермана, то пытался ослабить его влияние на императрицу.

Фаворит императрицы Анны Иоанновны Эрнст-Иоганн Бирон официально находился на придворной службе (он был обер-камергером), но при этом оказывал сильнейшее влияние на все государственные дела. Согласно исследованиям немецких генеалогов А. Бухгольца и Ф. фон Лорингховена, Бирон был внебрачным сыном корнета польской армии Карла Бирена и простой латышки, няньки его детей. Еще в 1714 г. он пытался поступить на службу к царевичу Алексею, сыну Петра I, однако, как человек низкого происхождения, получил отказ. По возвращении в родную Курляндию, Бирон занял место камер-юнкера при дворе Анны Иоанновны, причем помог ему в этом тогдашний гофмейстер герцогини П. М. Бестужев. Ходили слухи, что причиной покровительства являлась любовная связь между Бестужевым и сестрой Бирона. Вскоре ловкий курляндец превратился в возлюбленного Анны и первым делом добился удаления Бестужева, который также выполнял при герцогине отнюдь не только официальные обязанности. «Я в несносной печали, — писал Бестужев своей дочери в 1728 г. — едва во мне дух держится, потому, что через злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш друг (Бирон — А. М.) более в кредите остался».

Вскоре после восшествия Анны Иоанновны на престол, Бирон был утвержден в дворянстве, а затем возведен в графское достоинство Священной Римской империи. В 1737 г. он получил титул герцога Курляндского и Семигальского. По отзывам большинства современников, фаворит очень ревниво оберегал свое положение при особе императрице и безжалостно расправлялся с противниками. Живший в Петербурге в 1733 г. английский путешественник Ф. Дэшвуд отмечает в своих записках: «У графа множество недругов (а какой выдающийся человек их не имеет?), и он всегда старается знать, что люди говорят и делают. Людей заставляют быть осмотрительными и держать язык за зубами незамедлительные, суровые наказания, которым подвергают на основании одних лишь подозрений». Так в последний год правления Анны Иоанновны Бирон отправил на эшафот кабинет-министра А. П. Волынского, попытавшегося ослабить его влияние на государыню.

Кроме подозрительности, Бирон отличался тягой к казнокрадству, мотовством, тщеславием и неоднократно участвовал в самых темных махинациях. Фельдмаршал Б.-К. Миних, который сначала с фаворитом дружил, а потом враждовал, отзывается о нем так: «Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, не имел вовсе образования, говорил только по-немецки и на своем природном курляндском наречии; он даже довольно плохо читал по-немецки, в особенности, если попадались латинские или французские слова. Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив около нее своей жены. Императрица не имела вовсе стола и обедала или ужинала с семейством Бирона и даже в комнатах своего фаворита. Он жил великолепно, но вместе с тем был бережлив, весьма коварен и крайне мстителен».

Леди Рондо, не имевшая причин питать к фавориту неприязнь, тем не менее, отмечает в своем письме: «Герцог очень тщеславен, крайне вспыльчив и, когда выходит из себя, несдержан в выражениях. Он презирает русских и столь явно высказывает свое презрение во всех случаях перед самыми знатными из них, что, я думаю, однажды это приведет к его падению».

Лица, желавшие сделать придворную карьеру, и иностранные дипломаты заискивали не только перед самим Бироном, но и перед его родственниками.

По свидетельству шведа К.-Р. Берка, саксонский посланник Мориц Линар удостоил супругу Бирона «чести принадлежащей вообще-то лишь членам императорской фамилии, — целования руки при входе на куртаг», а многие офицеры «обхаживают также юного графа Бирона (сына фаворита - А. М.), двенадцатилетнего мальчугана».

Одним из сообщников Бирона в нескольких очень неблагоприятных делах был обер-гофмаршал Карл-Рейнгольд Левенвольде, который пользовался также покровительством А. И. Остермана. Некоторые современники полагали даже, что Левенвольде доносил

Остерману о делах фаворита, а тот своего приятеля побаивался. Сам Остерман в открытый конфликт с Бироном не вступал, но вел против интриги, как, впрочем, и против других влиятельных вельмож.

Еще одним весьма примечательным человеком являлся Андрей Иванович Ушаков, руководитель Канцелярии тайных розыскных дел, специального органа политического сыска, созданного в 1731 г. Ушаков происходил из обедневших новгородских дворян, в начале Северной войны отличился, как храбрый офицер и был назначен к царю Петру адъютантом. В 1712 г. он занял должность фискала, а в 1718 г. начал службу в Тайной канцелярии, которая была учреждена для следствия по делу царевича Алексея, но затем стала заниматься розыском по политическим делам вообще. Здесь Ушаков прошел подлинную школу «кнутаобития» под началом П. А. Толстого. При допросах в канцелярии широко практиковались пытки: на дыбе, раскаленными щипцами или горящими вениками. В отношении одного из подследственных Толстой советовал Ушакову «чаще его пытать, доколе или повинится или издохнет...». Однако в 1726 г. Тайная канцелярия была ликвидирована, а годом позже Андрея Ивановича самого арестовали по делу Толстого и Девиера. Лишь со вступлением на престол Анны Иоанновны Ушаков смог вернуться к привычному занятию. Канцелярия тайных розыскных дел напоминала Тайную канцелярию не только по названию, но и по функциям, и по методам работы. Неудивительно, что имя Ушакова внушало трепет современникам. «Арестованному по его приказу человеку, — писал К. Р. Берк, — впору готовиться к кнуту».

Подозрительность императрицы и Бирона нередко приводила в руки Ушаков даже заслуженных сановников. Он участвовал в разборе всех крупных политических дел царствования Анны Иоанновны и одновременно следил за порядком в столице, командовал одним из самых привилегированных российских полков — Лейб-гвардии Семеновским. Иностранцы путешественники не жалели мрачных красок для описания телесных наказаний и способов казни, принятых в Российской империи. К. Р. Берк подробно рассказывает и о «пыточном битье, когда обвиняемого... поднимают со связанными сзади руками и закрепленными ногами», и о битье батогами, которые «предназначены главным образом для солдат и матросов», и о смертной казни. Однако в родной ему Швеции в то время еще применялось колесование, а в Испании — растягивание преступника лошадьми. Начало XVIII века вообще не отличалось мягкостью нравов.

К собственно военной элите принадлежал также генерал-поручик (с 1736 г. — генерал — фельдмаршал) Петр Петрович Ласси, ирландец по происхождению. Он поступил на русскую службу еще в 1700 г., участвовал в Северной войне и Прутском походе Петра I, в августе 1725 г. стал членом Военной коллегии. По оценке Д. М. Бантыш-Каменского, Ласси «с просвещенным умом сочетал доброе сердце, возвышенные чувства... был решителен в военных предприятиях, осторожен в мирное время; не знал придворных интриг...». В силу последнего обстоятельства Ласси нередко бывал оттеснен от решения важных государственных вопросов и редко выходил за границы своей профессиональной деятельности.

Многие русские аристократы во времена Анны Иоанновны жаловались на засилье немцев. Впоследствии подобные оценки перешли и в труды некоторых историков, причем все деятели этого периода рассматривались ими, как некая единая, враждебная России сила. Однако, ближе к истине был все-таки С. М. Соловьев, четко отделявший Остермана и Миниха от временщиков вроде Бирона и Левенвольде. Первых он характеризовал, как «иностранных, очень даровитых и усыновивших себя России, неразрывно соединивших свою славу с ее славой», а вторых — как «паразитов, которые производили болезненное состояние России в царствование Анны».

2. «Учреждение Петра Великого крепко содержать».

Сразу после прихода к власти новой императрице и ее приближенным пришлось решать сложные проблемы, касавшиеся вооруженных сил страны. Петр II в течение своего кратковременного царствования армией почти не интересовался. После отставки в 1727 г. А. Д. Меньшикова, он даже не потрудился назначить нового президента Военной коллегии. Миних состоял вице-президентом, но при переезде двора в Москву, остался в Петербурге для наблюдения за работами на Ладожском канале. Так что коллегия была фактически обезглавлена. В октябре 1729 г. Верховный совет доложил императору, что в Коллегии давно уже нет президента, из-за чего пополнение войск новобранцами и

снабжение боеприпасами производится крайне плохо. Совет рекомендовал учредить особую комиссию, которая занялась бы разбором дел офицеров, уволенных с военной службы, и вернула бы всех пригодных в строй. Но план этот не был реализован. Остался на бумаге и замысел Остермана — устроить весной 1729 г. под Москвой военный лагерь на двенадцать тысяч человек, чтобы в нем обучить Петра II азам военного искусства.

Флот Петра II тоже не интересовал. Больших парусных кораблей при нем вообще не строили, а сооружались одни лишь гребные суда. В апреле 1728 г. на заседании Верховного тайного совета император приказал, чтобы из всего российского флота постоянно выходили в море лишь четыре фрегата и два флейта, да еще пять фрегатов были готовы к крейсерованию. Прочим кораблям, для «сбережения казны» надлежало оставаться в портах. Французский дипломат М. Маньян сообщал своему правительству, что на доводы военных моряков о необходимости постоянно держать флот на море, царь ответил: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нем, как дедушка».

Нерегулярные выплаты жалования вели к оттоку офицеров из вооруженных сил, а нехватка командиров, в свою очередь, вызвала падение дисциплины среди солдат и матросов. Во время сильного пожара в Москве в апреле 1729 г. гвардейские солдаты, присланные для борьбы с огнем, принялись грабить дома, а офицеры не решались их остановить. Только с прибытием в город императора погромы прекратились, но никто из виновных наказан не был, так как за них заступился Иван Долгорукий, майор гвардии.

Уже в июне 1730 г. императрица Анна Иоанновна распорядилась учредить специальную Воинскую комиссию, целью которой было наведение порядка в армии. Указ государыни гласил: «Всякий верный сын отечества признать должен, что крепость и безопасность государства, содержание мира и святого покоя от чужих неприятелей и, следовательно, благополучие всех подданных по Бозе от содержания порядочной армии зависит; а по кончине дяди нашего многие непорядки и помешательства при и явились и ныне еще являются и происходят, для поправления которых еще при тетке нашей (Екатерине I — А. М.) и племяннике нашем (Петре II - А. М.) особливые комиссии учреждены были, но в действие не произведены. Наше соизволение есть - учреждение Петра Великого крепко содержать, все непорядки и помешательства исправлять и привести армию в доброе состояние без излишней народной тягости». Председателем Комиссии назначили Б.-К. Миниха.

Основу русской армии к началу царствования Анны Иоанновны составляла регулярная пехота. Она включала два гвардейских полка (Преображенский и Семеновский), сорок армейских полков и семнадцать полков отдельного Низового корпуса, сформированного на случай войны с Персией.

Одной из первых мер правительства стало создание в 1730 г., в Москве, нового гвардейского полка, названного Измайловским. Анна Иоанновна и ее приближенные с недоверием относились к «старым» Преображенскому и Измайловскому гвардейским полкам, в которых служили представители знатнейших родов российского дворянства. Сын фельдмаршала Б.-К. Миниха Эрнст Миних в связи с этим подчеркивал на страницах своих записок: «Примечательно, что по сделанному проекту, упомянутый пехотный полк не из настоящих российских рекрут, но из так называемых однодворцев (потомков служилых людей, живших на границах страны — А. М.) или украинцев набран, а офицеров определяли в оный не иных, кроме лифляндцев или других чужестранных. Намерение при сем было такое, чтобы древнюю толпу избалованных и необузданных людей содержать в руках, что, кажется, для тогдашних времен небезнужно было». Полковником и шефом измайловцев стал генерал-адъютант, обер-шталмейстер императорского двора К.-Г. Левенвольде, а помощником к нему назначили Якоба Кейта, шотландца по происхождению. В сентябре 1731 г. полк был переведен из Москвы в Петербург, где разместился в слободе за рекой Фонтанкой.

В том же 1731 году два армейских полка расформировали. Еще два года спустя, в связи с подписанием союзного договора с Персией, полки Низового корпуса возвратились в Россию и присоединились к армейским, причем пять полков вовсе упразднили. В результате к началу войны с Турцией, т. е. к 1735 г., российская пехота насчитывала три гвардейских и пятьдесят армейских полков.

Согласно выработанным Воинской комиссией штатам, армейский полк в мирное время должен был насчитывать 1406 человек: 38 офицеров, 68 унтер-офицеров (сержантов, капралов и т. д.), 1152 рядовых и 148 нестроевых солдат. В военное время численность полка увеличивалась до 1556 чел. Каждый армейский полк делился на два батальона, а

каждый батальон — на четыре роты. Гвардейские полки были многочисленнее армейских. Преображенский полк включал четыре батальона, а Семеновский и Измайловский — по три батальона.

Солдаты-пехотинцы именовались фузилерами. Они вооружались кремневыми ружьями (фузеями) и шпагами. В 1731 г. для них была принята фузеечка нового образца. Она, как и прежняя, взятая на вооружение еще при Петре I, имела калибр 19,8 мм, но отличалась большой длиной (147 сантиметров вместо 142) и большим весом (5,7 кг вместо 5,5).

В апреле 1732 г. на Тульский оружейный завод из Канцелярии главной артиллерии поступило распоряжение, содержащее конкретные указания, которыми мастерам следовало руководствоваться при изготовлении новых фузеечек: стволы не должны были отличаться друг от друга по толщине стенок и внешней отделке, запалы предписывалось просверливать, а не пробивать. В распоряжении впервые говорилось о необходимости взаимозаменяемости однотипных деталей, чтобы «в полку от одной фузеечки каждую часть можно было применить к другим фузеям».

Стреляла фузеечка образца 1731 г. пулей весом в девять золотников (38 граммов). Понятно, что такая тяжелая пуля наносила страшные раны, но прицельная дальность стрельбы не превышала трехсот шагов. Каждый рядовой имел при себе двадцать пуль, которые носил в двух патронных сумках. Еще по тридцать пуль на человека полагалось возить в ящиках на специальных фурах. Для ближнего боя фузеечка была снабжена трехгранным штыком длиной 44,5 см. В 1737 г. фузеечки решили вновь укоротить. Кроме того, ствол стал крепиться к ложу не железными шпильками, как у фузеечек 1715 и 1731 гг., а с помощью ложевых колец, что очень упростило изготовление оружия и удешевило его. Фузеечка образца 1737 г. оставалась на вооружении целых девятнадцать лет. Однако снабдить всю пехоту единообразным оружием в царствование Анны Иоанновны не удалось, и нередко даже в одном полку соседствовали фузеечки, несколько отличавшиеся друг от друга.

Сержанты пехотных полков вооружались алебардами — небольшими топориками на длинных древках. Нестроевые солдаты вместо шпаг носили полусабли прусского образца. Офицерам полагалось иметь шпаги и эспантоны. Эспантон представлял собой короткое копьё с плоским и широким наконечником и был оружием скорее церемониальным, нежели боевым. В 1736 г. Миних распорядился, чтобы офицеры в поход эспантонов не брали «ибо в них против нынешнего неприятеля нужды не признается». Вместо бесполезных копий офицеры получили короткие ружья со штыками.

Кстати, борьба с татарской конницей стала причиной еще одного нововведения. По инициативе Миниха, пехотные полки стали снабжаться «пикинерными» и «рогаточными» копьями. Первыми вооружали, при развернутом строе, солдат второй шеренги. Вторые, более тяжелые, закреплялись в специальных брусках и превращались в своеобразные «противокавалерийские» ежи. В каждом полку, идущем в поход, надлежало иметь 288 пикинерных копий, 1200 рогаточных копий и 48 брусков.

Кроме фузилеров в состав пехоты входили гренадеры, солдаты вооруженные, помимо фузеечек, ручными гранатами. Еще в царствование Петра I были созданы специальные гренадерские полки, но в 1731 г., по инициативе Миниха, их расформировали, а гренадеров распределили по пехотным полкам из расчета по десять человек на роту. Так как гранаты в то время были довольно тяжелы (2,5 кг), в гренадеры отбирали наиболее сильных и рослых новобранцев.

В августе 1731 г. Военная комиссия издала распоряжение, предписывавшее носить всем «воинским чинам» форму установленного образца. Дело в том, что хотя единообразное обмундирование для каждого рода войск было введено еще Петром I, обеспечить им все воинские части долгое время не удавалось и накопилось немало всяческих искажений. Впрочем, вновь принятая форма очень напоминала петровскую. Солдаты всех армейских пехотных полков получили темно-зеленые однобортные кафтаны длиной до колен и короткие красные штаны с белыми чулками. Под кафтан надевался красный камзол. Подбой, воротник, обшлага у кафтана также были красными. В качестве обуви солдаты носили башмаки, к которым добавили белые суконные гамашы на пуговицах. Головным убором фузилеров по-прежнему служила черная треугольная шляпа, но передний ее угол был поднят, и треуголка стала превращаться в двуголку. Гренадерам полагалась конусовидная шапка, не мешавшая замаху при броске гранаты. Явно неудачным новшеством являлось введение в 1730-е годы для солдат напудренных причесок с косами. Эти прически отнимали у воинов много времени и оказались очень

негигиеничными, тем более что в некоторых полках за неимением пудры использовали муку, смешанную с квасом.

Обмундирование офицеров походило на солдатское. Его отличительными чертами были шейные металлические знаки в виде широкого полумесяца и трехцветные красно-сине-белые шарфы, которые носились через правое плечо. Штаны у офицеров были не красные, а зеленые. Для различия отдельных армейских полков служил плетенный шнурок на левом плече кафтана, далекий предшественник погона. В гвардейских полках были разноцветные кафтанные воротники: синие у семеновцев, красные у преображенное, зеленые у измайловцев. Гвардейские гренадеры имели на шапке пышный плюмаж из красных и белых страусиных перьев.

Нужно отметить, что обмундирование во времена Анны Иоанновны поставлялось в полки не в виде готовых вещей, а сукном, нитями, пуговицами, каразеей на подкладку и т. д. Шили мундиры в каждом полку самостоятельно. Типичных для XIX века казарм тоже не существовало. Чаще всего солдаты стояли постоем в домах обывателей. При этом хозяевам полагалось не только предоставлять помещение, но и снабжать солдат дровами, лучиной, сечами.

Постой ложился на плечи граждан очень тяжким бременем, и дело здесь было не только в материальных расходах: загрузившие в боях воины далеко не всегда вели себя образцово. Случались пьянки, драки, воровство и даже изнасилования. Ко всему прочему размещение постоем очень затрудняло сбор солдат в случае тревоги: иногда один полк стоял в нескольких деревнях или отдаленных друг от друга районах города. Один из пунктов в таком случае служил местом размещения «штабного двора». Кроме самого штаба, в нем находились: лазарет, баня, дома для офицеров, караульные помещения, блокгаузы, пороховой погреб, конюшни, казарма для солдат, обслуживающих штаб. В районах расквартирования полков сооружали также продовольственные базы («магазины»). Однако порой связь между штабом и удаленными от него ротами полка оставляла желать лучшего.

Наиболее компактно размещались находившиеся в Петербурге гвардейские полки, для которых строили специальные военные городки — слободы. Еще в ноябре 1726 г. императрица Екатерина I указала отвести Преображенскому и Семеновскому полкам земли по Большой перспективной дороге (впоследствии — Невский проспект) неподалеку от Адмиралтейства. Весной следующего года семеновцы сплавили по Неве, в Петербург строевой лес и сложили его на берегу Фонтанки. К несчастью, в мае царица умерла, а новый государь, Петр II судьбой строительства не интересовался. Заготовленный лес частично использовали на починку штабного двора (находился на месте нынешнего Юсуповского дворца), частично продали. Зато, юный император подарил Преображенскому полку дворец А. М. Девиера (на месте нынешнего Аничкова дворца), в котором разместился полковой штаб. Необходимость этой меры была очевидна, так как раньше дело доходило до курьеза — ящик с полковой казной хранился попеременно в разных частях города.

12 декабря 1739 г. императрица Анна Иоанновна издала указ о строительстве гвардейских полковых слобод в Петербурге, на Московской стороне, за рекой Фонтанкой. В указе, в частности, говорилось: «Вместо казармов строить полковые слободы, дабы солдаты с вещью выгодой с женами своими жить, а дети их сбережены и при полковых школах обучены и воспитаны быть могли». Далее указ уточнял место размещения слобод: «...Преображенскому полку позади Литейного двора, Семеновскому позади Фонтанки за обывательскими дворами, Измайловскому позади Калинкиной деревни, или где по усмотрению удобнее будет...». Впоследствии для Измайловского полка отвели участок, ограниченный нынешними Московским и Лермонтовским проспектами, Фонтанкой и Обводным каналом.

В слободах солдаты жили в деревянных избах (их называли «связями»). Посреди «связи» находились большие, а по сторонам солдатские комнаты-светлицы. Количество изб в каждом полку было разным. Например, в Преображенском полку их насчитывалось 192. За пределами жилой зоны находились огороды. Вообще, обитатели слобод могли вести свое хозяйство, выращивать овощи и фрукты, содержать домашнюю птицу и скот. Для поддержания на территории слободы должного порядка назначались дежурные офицеры, а по ночам производилось патрулирование, дабы «не было винной продажи и кормчества» и солдаты «не выходили из домов без формы, не рубили дрова в полковых рощах».

Кавалерия в царствование Анны Иоанновны подверглась гораздо более глубокой реорганизации, чем пехота. К 1730 г. регулярная конница состояла исключительно из драгун, которых насчитывалось 33 полка. Драгуны являлись своего рода «ездящей пехотой» и обучались ведению боя, как в пешем, так и в конном строю. Однако, именно в силу такой двойственной роли, как конница они были довольно слабы. В 1731 г. Военная комиссия предложила переформировать часть драгунских полков в кирасирские. Кирасирам предстояло стать ударной силой русской кавалерии. Они снабжались защищавшими грудь доспехами (кирасами), получали самых лучших лошадей и проходили усиленную подготовку. Аргументируя необходимость создания этого нового типа конницы, члены Военной комиссии в одном из своих «рассуждений» указывали: «Понеже в российском войске иной кавалерии, кроме драгунских полков, а именно: рейтаров и кирасир не бывало, а при других при всех европейских войсках имеются больше рейтарские, нежели драгунские полки, а при некоторых, а особливо при римских цесарских (австрийских — А. М.) войсках, имеются кирасирские полки, которые против турецкого войска действовали лучше других, и легкие драгунские полки против таких рейтарских и кирасирских полков не могут авантажем стоять, то ради Военная комиссия рассуждает, дабы в нынешнее мирное время учинить таких кирасирских десять полков на немецких лошадях».

К сожалению, из-за финансовых затруднений к началу войны с турками и татарами успели создать всего три кирасирских полка: один — в 1731 г. и два — в 1732 г. Кроме того, в начале 1731 г. Анна Иоанновна издала указ, гласивший: «Бывший Лейб-Регимент назвать Конная гвардия, а в ранг быть против гвардии, а быть в полку унтер-офицеров и рядовых тысячу человек». Так появился Лейб-гвардии Конный полк, один из наиболее привилегированных в русской армии. Себе императрица присвоила звание полковника этого полка, а подполковником назначила обер-штаб-мейстера Ягужинского. После всех переформирований русская кавалерия включала один гвардейский, 3 кирасирских и 29 драгунских полков, насчитывающих почти 36 тысяч человек.

По штату 1731 г. численность одного драгунского полка составляла 1093 чел. в мирное время и 1225 чел. в военное время. Численность кирасирского полка не менялась, всегда равнялась 974 чел. Каждый драгунский или кирасирский полк делился на десять рот. Драгуны вооружались фузеями со штыками, палашами и пистолетами. Кирасирам вместо фузей предписывалось иметь укороченные карабины, а палаши у них были заметно длиннее и тяжелее драгунских.

Обмундирование драгун, как и пехотное, оставалось похожим на то, что было принято при Петре I. Им полагались синие кафтаны с красными воротниками и обшлагами, лосиновые камзолы и штаны. В конном строю, драгуны надевали сапоги с раструбами, а в пешем — башмаки. Конногвардейцы при синем кафтане носили красные камзол и штаны. К тому же их мундиры были богато украшены золотым галуном.

Кирасирам предписывалось в строю иметь суконные или кирзовые мундиры-колеты белого цвета с зелеными воротниками и обшлагами, кирасы, лосиновые штаны и ботфорты. Вне строя им полагалось обмундирование, очень сходное с драгунским. Беда, однако, была в том, что изготовить достаточное количество «уставных» мундиров для первых кирасирских полков во время не успели. В июне 1733 г. Миних писал императрице: «Ваше Императорское величество, не соизволите ль указать на оные два кирасирские полка, некоторые мундирные и амуничные вещи, коих в России достать невозможно... выписать из немецких краев». Вероятно, именно поэтому англичанин Фрэнсис Дэшвуд, живший в Петербурге летом 1733 г., пишет, что русские кирасиры «одеты в синие и желтовато-коричневые камзолы». Синие камзолы — драгунские, а желтовато-коричневые — покупные, немецкие. Головным убором и в кирасирских, и в драгунских полках служила черная шерстяная шляпа.

Артиллерия во времена Анны Иоанновны делилась на полевую, осадную и крепостную. Полевой артиллерии предписывалось, говоря языком устава того времени, «стоять на высоких местах и из оных (пушек — А. М.) сколько возможно по неприятелю стрелять».

В каждом пехотном армейском полку, по штатам 1731 г., следовало иметь две пушки, бившие ядрами весом по три фунта (1,2 кг). Драгунам полагалось только по одной такой пушке на полк, да и то не всем полкам. Существовал также отдельный Артиллерийский полк численностью в 1046 офицеров и нижних чинов. Как единое подразделение он не действовал, но в полевых условиях из его десяти рот формировались бригады

произвольной величины, которые в зависимости от обстановки могли быть приданы войскам. К Артиллерийскому полку, по штатам 1731 г., приписывалось 63 орудия.

На вооружении полевой артиллерии находились пушки весовым калибром в три, шесть, восемь и двенадцать фунтов, пудовые и полупудовые гаубицы, а также мортиры — особые артиллерийские орудия, предназначенные для ведения навесного огня. Дальность стрельбы у орудий разного калибра несколько различалась. Так двенадцатифунтовые пушки могли вести огонь на 800 шагов, восьмифунтовые пушки — на 700 шагов, шестифунтовые — на 650 шагов, трехфунтовые — на 500 шагов. Последние были наиболее употребительными и составляли, по штатам 1731 г., не менее четверти всей полевой артиллерии. Стреляли пушки ядрами, разрывными гранатами, металлическими пулями — картечью и брандскугелями (специальными зажигательными снарядами). На каждую трехфунтовую пушку, например, полагалось иметь 120 ядер, 25 гранат и 30 картечных зарядов.

В 1737 г. Миних пришел к выводу о необходимости усиления полковой артиллерии. По его рекомендации императрица Анна Иоанновна приняла именной указ, который предписывал иметь при каждом пехотном полку по четыре трехфунтовые пушки, а при каждом драгунском полку — по две. «Увеличение полковой артиллерии почти вдвое, — писал по этому поводу военный историк А. Байов, — несомненно, до некоторой степени уменьшило подвижность полков; однако, это неудобство с избытком вознаграждалось той пользой, которую артиллерия приносила при боевых столкновениях с турко-татарами». Следует также заметить, что авторы нового штата все же не забывали о подвижности полков: увеличение артиллерии было достигнуто за счет трехфунтовых пушек, самых легких в то время.

Осадная артиллерия подразделялась на три корпуса. Ее основу в описываемое время составляли мортиры, а не крупнокалиберные осадные пушки, как при Петре I. Крепостная артиллерия находилась в гарнизонах и крепостях и включала, наряду с орудиями, которые соответствовали требованиям времени, немало устаревших моделей. Штаты осадной и крепостной артиллерии претерпевали многократные изменения, но ни один из выработанных Комиссией вариантов так и не был утвержден. Основные ее базы располагались в Петербурге, Брянске, Осереде.

Разработка новых конструкций артиллерийских орудий, по мнению многих военных историков, велась в 1730-е годы слишком вяло и непоследовательно. Генерал-лейтенант Н. Е. Бранденбург, руководивший в 1877-1903 гг. Артиллерийским музеем, писал: «Все ограничивалось одной внешностью, и только разве случайно открывшиеся вопиющие несообразности вызывали на время признаки более разумной деятельности. ...Производили смотры практической стрельбы или обучение последней, но при условиях, делавших из них более воинскую потеху, чем серьезное дело». Однако каких-либо доводов в пользу такой точки зрения Бранденбург не привел. Отзывы же современников о боевых качествах русской артиллерии очень разноречивы. Критически настроенный швед Р. К. Берк рассказывает, что при осаде русскими войсками Данцига в 1734 г. многие пушки не смогли стрелять, так как «не подходили ни ядра, ни лафеты». Англичанин Дж. Кук, напротив, заявляет, что на Петербургском Литейном дворе «отливают наилучшие в мире пушки, мортиры и бомбы».

К числу бесспорных недостатков российской артиллерии в 1730-е годы следует отнести нерациональную организацию ее личного состава. Дело в том, что ездовые (т. е. солдаты и офицеры, отвечавшие за перевозку орудий и боеприпасов) были отделены от собственно артиллеристов, сведены в самостоятельную часть («полевой фурштадт») и подчинены своему командиру, независимому от командира Артиллерийского полка.

Общее руководство артиллерией осуществлял генерал-фельдцейхмейстер. Первоначально эту должность занимал сам Миних, но в 1735 г. он был направлен главнокомандующим в действующую армию, и артиллерию возглавил принц Людвиг-Вильгельм-Иоганн Гессен-Гомбургский. К. Р. Берк отмечал в своих записках, что принц «более расположен к этому (артиллерийскому — А. М.) делу, чем его предшественник». Впрочем, ни принц, ни Миних профессиональными артиллеристами не были. Для решения специальных вопросов при генерал-фельдцейхмейстере имелся штаб.

Обмундирование солдат Артиллерийского полка состояло из кафтана и камзола красного цвета. По крою кафтан напоминал пехотный, но, помимо цвета, отличался от последнего большим количеством медных пуговиц, которые приходилось постоянно драить.

Штаты инженерных войск были утверждены незадолго до вступления Анны Иоанновны на престол, в июне 1728 г. и в 30-е годы столетия не менялись. В стране существовал Инженерный полк и минерная рота, причем строевой частью была только последняя. Полк состоял преимущественно из офицеров, которые по мере надобности командировались для решения конкретных задач. От полевых армейских частей были четко отделены гарнизонные войска, предназначенные для внутренней службы. Они также состояли из пехоты и драгун. К 1730 г. гарнизонные войска насчитывали сорок девять полков и два отдельных батальона пехоты, четыре полка и два отдельных эскадрона драгун. В 1734-1736 гг. к ним были добавлены еще три драгунских полка. Кроме того, для охраны Ладожского канала сформировали специальный Ладожский канальный батальон. Помимо основной функции, гарнизонные войска служили для первоначальной подготовки новобранцев перед отправкой в полевую армию.

Наряду с регулярными воинскими частями в состав российской армии входили многочисленные иррегулярные формирования. Прежде всего, это были казаки: донские, малороссийские, чугуевские, яицкие, слободские и др. Количество реестровых (т. е. официально взятых на учет правительством) донских казаков в царствование Анны Иоанновны составляло около 15 тысяч человек. Миних очень высоко оценивал донцов и писал в одном из своих приказов, что они «так верно и радетельно к службе и отечеству поступали, как более требовать невозможно».

В бою донские казаки чаще всего выполняли функции легкой кавалерии. Лошадей, оружие и одежду они приобретали на свой счет. Обычно донцы носили синие чекмени (однобортные кафтаны традиционного русского покроя) без пуговиц, широкие шаровары, мягкие сапоги и меховые папахи. Вооружение казака состояло из пики, сабли, ружья без штыка, но, в силу отсутствия каких-либо правил снабжения, отличалось большим разнообразием. Казаки заказывали ружья и сабли на российских мануфактурах, покупали у отдельных ремесленников, очень любили трофейное оружие. Отправляясь в поход, они объединялись в полки разного состава. Военная коллегия только вела учет донским казакам, а на любые попытки вмешательства в их внутренние дела казачество реагировало очень болезненно.

Еще в 1716 г. часть донских казаков, по инициативе правительства, переселилась на реку Хопер, для защиты Новохоперской крепости от татарских набегов. В 1724 г. около тысячи казачьих семей были направлены «на вечное жительство» на реку Аграхан, а в 1733 г. еще тысяча семей разместились между Царицыным и Камышином. Эти поселения положили начало Волжскому казачьему войску.

Численность реестровых малороссийских казаков, по данным А. Байова, составляла около 55 тысяч человек. Следует заметить, что значительная часть казачества очень тяготилась контролем со стороны российского правительства и отнюдь не утратила надежду на обретение независимости. Правительство со своей стороны всемерно хотело урезать полномочия старшины (верхушки казачества). Еще при Петре I, в 1722 г. была ликвидирована выборность гетманов, а управление всей Левобережной Украиной передано Малороссийской коллегии. Однако, постоянная угроза войны с Турцией заставила власть пойти на компромисс с малороссийскими казаками. В 1727 г. Петр II упразднил Малороссийскую коллегия и разрешил выборы гетмана, которым стал миргородский полковник Данила Апостол. К гетману, впрочем, был приставлен «министр» Федор Наумов, в функции которого входило следить, чтобы в старшину избирались только «люди добрые и ни в чем не подозрительные». В январе 1734 г. Апостол умер и, по решению Кабинета министров, власть перешла к Правлению гетманского уряда — коллегиальному органу из царских чиновников и представителей казачьей старшины. Это решение вызвало сильное недовольство казачества. Генерал-лейтенант Алексей Шаховской, находившийся тогда на Украине, с тревогой доносил императрице: «Кому они гетманом быть желают, того подлинно я знать не могу, а видно, что они гетмана желают».

В силу вышеизложенных причин во время войны 1735-1739 гг. российское командование относилось к малороссийским казакам с изрядным подозрением, а необходимость соблюдать некоторые казачьи привилегии вызывала у него раздражение. Так Б.-К. Миних в 1739 г., будучи проездом в Глухове и узнав о невыгодном для него решении местного суда, кричал на судей: «Таких судей повесить надо или, бив кнутом, в Сибирь сослать!» Об украинских законах фельдмаршал выразился с военной прямоотой: «Шельма писал, а каналья судил».

Наиболее организованными в военном отношении были слободские и чугуевские казаки. Слободские казаки и в мирное, и во время войны объединялись в пять полков, которые составляли бригаду, подчиненную командиру Украинской дивизии. С 1729 по 1731 г. в четырех из пяти слободских полков было сформировано из казаков по одной регулярной роте. В 1736 г. таких рот стало по две в каждом полку, а в 1739 г. все десять регулярных казачьих рот были сведены в Слободской регулярный полк. Форменная одежда слобожан состояла из синего кафтана откидными рукавами и шаровар, цвет которых зависел от полка: в Харьковском — желтые, в Сумском — светло-синие, в Ахтырском — зеленые, в Изюмском — красные, а в Острогожском — оранжевые.

Чугуевские казаки были объединены в один полк пятисотенного состава, причем три сотни составляли собственно казаки, а две сотни — крещенные калмыки. Как и слободские казаки, чугуевские сохраняли свою организацию в мирное время.

В 1734 г. в русское подданство вновь были приняты запорожские казаки, поселившиеся в Новой Сечи при устье реки Бузувлук. Большой опыт борьбы с турками делал их очень ценными соратниками для русской армии, но, привыкшие к вольнице запорожцы отличались также крайней недисциплинированностью, а их верность внушала правительству сильные сомнения. В 1735 г. запорожцы даже не смогли (или не захотели) сообщить российскому командованию точную численность своих сил и уклончиво заявили; что «войско ежедневно прибывает и убывает».

Еще одним, весьма специфичным, иррегулярным формированием являлись гусары. Еще Петр I поручил своим дипломатам привлекать на службу сербов, хорватов, венгров, которых расселяли на Украине и обеспечивали жалованием «как они оно получали от цесаря римского». К 1731 г. числилось около четырехсот гусар, преимущественно сербов. В 1737 г., уже в ходе войны, полковник Стоянов смог сформировать Сербский гусарский полк, а еще год спустя полковник Куминг привел из Венгрии две роты кавалеристов, которые свели в Венгерский гусарский полк. Наконец, в 1739 г. князь Мамуков-Давыдов получил разрешение организовать Грузинскую гусарскую роту в составе 74 человек. Все гусары, на прежних основаниях, получая от правительства жалование и участки земли в приграничных районах, должны были содержать себя сами. Покрой обмундирования у них соответствовал национальным традициям: расшитые шнурами куртки и штаны, короткие плащи, меховые шапки и т. д.

Своеобразным промежуточным вариантом между иррегулярным и регулярным войском служила ландмилиция. Впервые она появилась в 1713 г. в количестве пяти пехотных полков, которые были предназначены для защиты южных границ страны и формировались из однодворцев Киевской и Азовской губерний. Вскоре после формирования ландмилицию распустили, но уже в 1722 г. собрали вновь. В 1729 г. было решено довести численность ландмилиции до десяти полков, но реализовать этот план полностью не удалось.

В 1731 г., Миних предложил для защиты Украины от татарских набегов устроить «между Северским Донцом и Берестовой и Орели реками и по Северскому Донцу линию и, усмотря, где опасные места к проходу неприятельскому, сделать крепости». Оборона этой линия возлагалась на ландмилицию, реорганизацию которой поручили полковникам Тараканову и Дебрины. В итоге их деятельности появилось двадцать ландмилицейских полков, из которых девять (четыре пехотных и пять конных) поселили на линии, а прочие собирали только в военное время. Как сообщал Миних императрице в январе 1736 г., для каждого полка «учинено аккуратное разделение земель и назначены... довольные места, как на пашню, сенокос, так и к выгону скотины». Ландмилиционеры жили в своих домах и имели хозяйство, но, при этом постоянно (а не периодически, как большинство казаков) несли службу. В летнее время их собирали на учения в специальных лагерях. До 1736 г. ландмилиция не имела своего обмундирования и снабжалась старыми мундирами пехотных и драгунских полков. Затем ее солдатам были присвоены белые кафтаны, красные камзолы, штаны «козловой кожи» и гренадерские шапки белого цвета. Офицеры при таких же кафтанах и камзолах носили красные штаны.

Помимо всех перечисленных войск, в состав русской армии входили отряды калмыков, состоявшие под началом «старшин из своих владельцев». Они носили национальную одежду и были вооружены луками, саблями, копьями и прочим национальным оружием.

Комплектование регулярной армии рядовым составом осуществлялось посредством рекрутских наборов, установленных Петром I. Рекрутская повинность распространялась, по действовавшему законодательству, на всех, «которые в подушные оклады положены» т. е. в первую очередь на крестьян. От нее были освобождены, помимо

привилегированных сословий, однодворцы Воронежской, Киевской, Казанской и Астраханской губерний, которые пополняли ландмилицию, крестьяне слобод, приписанных к екатеринбургским заводам, тульские и сестрорецкие оружейники, все население огромной Сибири и некоторых других территорий.

После 1724 г. набор рекрутов стал производиться с определенного количества «ревизских душ», а не путем подворной раскладки, как ранее. Общее количество призывников определялось реальными потребностями армии и, следовательно, в разные годы было различным. Так в царствование Анны Иоанновны в отдельные наборы требовали одного рекрута от 320, 169, 102, 98 душ. Заботясь о выполнении принятых норм, правительство налагало денежные штрафы на губернаторов за каждого недобранного рекрута.

Возраст рекрута мог колебаться от пятнадцати до тридцати лет, но призывников младше восемнадцати лет запрещалось направлять в действующую армию. Военная коллегия считала желательным, чтобы рост рекрута был не менее двух аршинов и четырех вершков (1 м 60 см), хотя призывали и мене высоких.

Так как солдатская служба была пожизненной, а дисциплина в армии очень суровой, крестьяне видели в «рекрутчине» тяжелейшее бремя, едва ли не наказание. Специфической формой протеста стали побег. «Многие крестьяне, — свидетельствует К. Р. Берк, — из страха быть взятыми в солдаты убегают от своих господ в С.-Петербург, где, либо добывают себе пропитание на государственных работах, либо же, бродя по стране, воруют и грабят. Если господа отыскивают таких беглецов (от чего те, правда, старательно берегутся, часто перебираясь с места на место), то наградой становится кнут». Нередкими были и случаи дезертирства уже находившихся на службе солдат. Так в одном лишь 1732 году в бегах числилось около двадцати тысяч «нижних чинов». Об остроте проблемы свидетельствует строгость наказаний за уклонение от военной службы. За членовредительство били шпицрутенами (металлическими шомполами), после чего, в зависимости от состояния здоровья, записывали или в солдаты, или в обозные. Еще строже наказывали за дезертирство. Так солдат Белозерского пехотного полка И. Астафьев, бежавший из караула, был бит кнутом, а затем его, вырезав ноздри, сослали в Сибирь. Фурьера Галицкого пехотного полка А. Ларионова за такую же вину тоже наказали кнутом и отправили на галеры.

Впрочем, крестьянин мог избежать призыва законным путем, выставив себе заместителя. Плохим последствием такой практики посвящена специальная записка, поданная в Кабинет министров неизвестным лицом (возможно, самим Минихом) в 1732 г. Ее автор сообщает, что крестьяне, собрав сообща необходимые деньги, нанимают бобылей, пьяниц, «увечных людей», которые и отправляются вместо них в армию. Для «искоренения зла» в записке предлагалось ограничить срок солдатской службы десятью годами.

Сбор рекрутов в 1730-е годы производился особыми наборщиками из числа офицеров. В их обязанности входило лично присутствовать при приеме новобранцев и «накрепко смотреть», чтобы они соответствовали всем требованиям. Принятым рекрутам сразу же брили виски и лбы, дабы «через то знаем был, что он взят на службу и ежели, паче чаяния, побежит, по тем приметам познан и пойман быть мог». Интересно, что в 1734 г. по инициативе Миниха в правила содержания рекрутов, разработанные еще в 1719 г., были внесены изменения, которые значительно облегчали положение призывников. Офицерам предписывалось вести рекрутов «порядочно и никакого озлобления им отнюдь не чинить», дневной марш не мог превышать тридцати верст, заболевших полагалось вести на повозках, а тех, кто в чем-нибудь провинился «наказывать, при собрании других всех батогоми, однако ж с рассмотрением, чтоб никто изувечен не был, понеже они люди новые и воинских прав еще не знают».

Солдат, потерявших на службе здоровье или получивших тяжелые увечья, назначали сторожами к казенным складам и мастерским, иногда переводили в гарнизонные части. Тех, кто не мог выполнять вообще никаких обязанностей, увольняли со службы. Для отставных воинов имелись богадельни при монастырях, но мест в них на всех не хватало, и очень часто старые солдаты влачили самое жалкое существование. В 1736 г. правительство сделало попытку обеспечить уволенных со службы солдат и унтер-офицеров землей. Согласно указу императрицы, их следовало расселить в Поволжье, «близ границ на пустых местах», выделив на каждую семью от 20 до 30 четвертей земли. Эти наделы можно было передавать по наследству, но запрещалось продавать, закладывать и отдавать в приданое за дочерью. Однако, подавляющее большинство

отставников не пожелало ехать в отдаленные и беспокойные, из-за стычек с башкирами, районы страны. В 1739 г. Сенат сообщил Кабинету министров, что во всех губерниях нашлось только шесть человек, согласных получить землю на Волге. В ответ, правительство пошло традиционным для России путем: приказало переселять отставных воинов в обязательном порядке.

Зато несомненным успехом стало расширение сети школ для солдатских детей: по императорскому указу от 21 сентября 1732 г. они учреждались при всех гарнизонах. В этих школах сыновей солдат обучали чтению, письму, счету, Закону Божьему, началам военной службы, обеспечивая при этом обмундированием и питанием за казенный счет. «В каждом гарнизонном городе есть военная школа, — отмечает служивший в России англичанин Дж. Кук, — все мальчики получают единую форму. Капитан обеспечивает порядок. Мальчики также охраняют школу. ...Поощряют тех из них, кто пожелает бить в барабан или играть на каком-нибудь военном музыкальном инструменте. Однако олухов, не выказывающих никаких способностей, обучают только ружейным приемам».

Офицерский корпус российской армии комплектовался преимущественно дворянами. Петр I предпринял целый ряд самых решительных мер для того, чтобы заставить «первое сословие» служить на «поприще военном или гражданском». В марте 1714 г. был принят знаменитый указ о единонаследии, согласно которому дворянам запрещалось делить имения между сыновьями. Поясняя суть этой меры, царь-реформатор указывал, что при передаче земель только одному наследнику, прочие «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим». Специальное дополнение к указу о единонаследии запрещало дворянину, состоявшему на военной службе, покупать земли ранее, чем «по седьми лет службы его». Для тех же, кто не служил вовсе, это запрещение действовало «даже до смерти». За отказ от службы дворянам грозила и конфискация имеющихся владений, причем часть их передавалась доносчику, известившему правительство «нетчике». Словом, император поставил дело так, что на законных основаниях дворянин никоим образом не мог уклониться от службы. Зато выходец из недворянской среды, получив первый офицерский чин прапорщика, получал одновременно и право на дворянское достоинство.

Желая иметь подготовленных в профессиональном плане офицеров, Петр I настаивал на том, чтобы дворяне начинали службу рядовыми солдатами в гвардии. В «Воинском уставе» 1716 г. говорилось: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». Кроме того, для обучения будущих командиров были открыты специальные школы: навигацкая, инженерная, артиллерийская и др. За побег из школы к ученику могли быть применены самые суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Несмотря на всю строгость петровского законодательства, многие дворяне продолжали всячески уклоняться от службы. В 1732 г. правительство объявило, что большое количество недорослей живет по своим домам и «к делам никуда не определены». Рассматривалось даже дело о дворянине, который, чтобы избежать службы, записался в купечество. Виновного отправили солдатом в гарнизон, а с бурмистров, внесших его в списки, взяли штраф.

В 1736 г. вышел манифест, который несколько облегчил положение дворянских детей, установив одновременно более четкий контроль за их службой. Отныне один из сыновей помещика мог оставаться дома «для смотрения деревень и экономии», а необходимый срок службы остальных ограничивался (при Петре служба была бессрочной). Предписывалось «всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста быть в науках, а от 20 лет употреблять в военную службу, и всякий должен служить в воинской службе от 20 лет возраста своего 25 лет, а по прошествии 25 лет всех, хотя кто еще и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять с повышением одного ранга и отпускать в дома, а кто из них добровольно больше служить пожелает, таким давать на их волю».

В 1737 г. была введена обязательная регистрация всех дворянских детей («недорослей») старше семи лет. В 12-летнем возрасте им назначалась проверка, во время которой мальчики должны были показать умение читать и писать. Далее, если родственники давали обещание за четыре последующих года научить детей Закону Божьему, арифметике и геометрии, их отпускали домой. Тех же, чья семья такого обещания дать не могла, направляли в различные школы. По достижении шестнадцати лет дворянских детей собирали в Петербурге и Москве, вновь подвергали экзамену и вновь опрашивали родственников, смогут ли они дать юношам подготовку по географии, истории и фортификации. На этот раз, однако, недоросля могли не только отправить в училище или

отпустить домой, но и зачислить на гражданскую службу. Тех же, кто по достижении шестнадцати лет был по-прежнему неграмотен, полагалось определять в матросы без права выслуги. В возрасте двадцати лет молодые дворяне должны были явиться на четвертый, последний смотр, после которого их направляли на военную службу, причем показавшие наилучшие познания в науках получали право на ускоренное производство в офицерский чин.

Для улучшения подготовки офицеров в 1731 г. в Петербурге был учрежден Шляхетный корпус, явившийся военно-учебным заведением нового для России типа. Дело в том, что школы, созданные в царствование Петра I, вызвали недовольство дворян, которых отпугивали как царившие в них суровые порядки, так и то, что в число учеников допускались лица «неблагородного происхождения». Отправка молодых дворян на учебу за границу также не оправдывала себя. Стоили эти поездки очень дорого, а невозможность постоянного надзора приводила к тому, что ученики нередко возвращались домой без всяких знаний. Дать же полноценное образование детям в семьях могло далеко не все дворянство. Дополнительное осложнение заключалось в том, что от службы в гвардии, являвшейся, по замыслу Петра, главной кузницей командных кадров, некоторым дворянам также удавалось уклониться, причем весьма оригинальным путем. Родители стали записывать своих отпрысков в гвардию едва ли не с рождения. Ребенок только числился в полку, но чины ему шли, так что к совершеннолетию он был уже офицером. Например, Александра Голицына, сына фельдмаршала М. М. Голицына, сразу при рождении, в 1724 г., записали в Преображенский полк, и в восемнадцать лет он получил чин капитана. В 1726 г. А. А. Нарышкин был произведен в мичманы флота в возрасте одного года.

В России явно назрела необходимость в таком военно-учебном заведении, которое с одной стороны удовлетворило бы корпоративные чаяния дворянства, а с другой — обеспечило бы подготовку высококвалифицированных командиров. Шляхетный корпус этим требованиям вполне соответствовал. В него могли поступать молодые дворяне в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет. Учебный курс был рассчитан на шесть лет и включал, как общеобразовательные, так и специальные, военные предметы.

С самого начала корпус был закрытым заведением. Воспитанники именовались кадетами (от французского «cadet» — младший) и жили в специальном интернате под постоянным надзором педагогов. Внутренний распорядок корпуса имел военный характер. Помимо наук кадеты занимались строевыми упражнениями, несли в корпусе караульную службу и вообще должны были «во всем весьма по-солдатски поступать». В день официального открытия корпуса 17 февраля 1732 г. в нем числилось всего 56 воспитанников, но уже через месяц их было 300 человек.

Многие современники, иностранцы и россияне, отзывались о Шляхетном корпусе, как об одном из лучших учебных заведений страны. Яркую картину жизни кадет рисует, например, в своих записках К. Р. Берк. «Время каждого кадета, — отмечает он, — полностью распределено по занятиям и упражнениям, которые по склонностям и в соответствии с возрастом для них наиболее важны, а именно: русский, немецкий, французский и латинский языки, история, география, геометрия, фортификация, арифметика, письмо и составление писем, танцы, фехтование, вольтижировка, рисование и верховая езда. Каждый учитель по наукам и упражнениям имеет в своем классе список кадет, приходящих на урок, и делает им по этому списку переключку. Чтобы обучение шло как можно успешнее, ни у кого на уроке нет больше 16 кадет». Берк лично посетил корпус, который располагался во дворце, ранее принадлежавшем А. Д. Меншикову, и пришел к выводу, что «комнаты чистые и опрятные», а кормят воспитанников очень хорошо. Впрочем, шведский путешественник отметил также наказания, ожидавшие нерадивых учеников. Провинившихся, по его словам, выставляли к позорному столбу, били фухтелями (т. е. шпагой плашмя), сажали верхом на острую доску, а самых маленьких лишали обычных кушаний за обедом и кормили только хлебом с водой.

Совершенствовались и военно-учебные заведения, готовившие к службе в специальных родах войск. В 1735 г. в Петербурге открылась Артиллерийская школа, состоявшая из двух отделений: одно для дворянских и офицерских детей, а другое для «пушкарских» детей. В ней обучали преимущественно математическим наукам и артиллерии. Выпускники «дворянского» отделения направлялись унтер-офицерами в артиллерийские части.

Наряду с уроженцами России на военную службу принимали иностранных подданных, что нередко вызывало раздражение у многих офицеров собственно российского

происхождения. Это раздражение особенно усиливалось тем обстоятельством, что еще с времен Петра I действовали правила, по которым офицер-иностранец получал большее жалование, чем офицер-россиянин. В 1732 г., по предложению Военской комиссии, Военная коллегия приняла решение о выплате всем офицерам одинакового жалования. При зачислении иностранцев на службу с ними заключались специальные договоры («капитуляции»), в которых фиксировались их права и обязанности.

В начале правления Анны Иоанновны все аспекты полевой, строевой и гарнизонной службы регулировались принятым в 1716 г. Военским уставом и другими актами петровского времени.

Однако уже в 1730 г. Военской комиссии было поручено пересмотреть существующие правила построения и действия войск в бою, «дабы при всей армии, как при кавалерии, так и при инфантерии, введены были экзерциции одне и равныя, понеже от разности в экзерцициях при случаях великие непорядки и злыя следования приключиться могут». В 1731 г., на основе собранного комиссией материала, Б.-К. Миних подготовил так называемую «Экзерцицию пешую», то есть, говоря языком более позднего времени, устав пехотной службы. Новая «экзерциция» не отменяла прежнего Военского устава, но служила пояснением к нему.

Основной тактической единицей считался полк. В военное время и в пехоте, и в коннице из нескольких (двух, трех и более) полков формировались бригады, которые, в свою очередь, составляли дивизии. Дивизии могли иметь и исключительно пехотный или кавалерийский, и смешанный состав. В мирное время дивизии выступали скорее в роли административных единиц, нежели воинских частей.

Главным видом построения пехотного полка являлся развернутый строй, при котором все его восемь рот располагались в одну линию, состоявшую из четырех шеренг. Интервалов между ротами по фронту не было. Дистанция между шеренгами составляла три шага. Люди каждой последующей шеренги становились в затылок впереди стоявшим. Четыре, стоявшие друг за другом, человека образовывали один ряд. От солдат в строю требовалось держаться «прямо и бодро и ничем отнюдь не трогаться».

Если полку было нужно «раздаться» по фронту, применялось так называемое «сдваивание шеренг», для которого солдаты третьей шеренги входили в интервалы между солдатами первой шеренги, а солдаты четвертой — между солдатами второй. Углубление построения производили «сдваиванием рядов», после которого солдаты располагались в восемь шеренг. Для некоторых более сложных перестроений каждая рота делилась на четыре взвода (плутонга). Так для атаки, например, солдаты могли построиться во взводные или двухвзводные колонны.

Подобно большинству руководств того времени, «Экзерциция пешая» предписывала стрелять исключительно залпами. Качества оружия того времени все равно не позволяли вести эффективную прицельную стрельбу, и от солдат требовали в первую очередь не меткости, а слитности действий. Допускалась стрельба по шеренгам и по плутонгам. В первом случае пехотинцы, зарядив фузеи, перестраивались из четырех шеренг в три. После этого солдаты передней шеренги примыкали к фузеям штыки и становились на колени, тогда как находившиеся во второй и третьей шеренгах продолжали стоять в полный рост. По команде «прикладывайся» солдаты прицеливались. Затем подавалась команда «пали». Первой стреляла третья шеренга, а затем, по очереди, вторая и первая. При стрельбе плутонгами основное требование состояло в непрерывности пальбы, т. е. чтобы плутонги вели огонь непосредственно друг за другом, через один (сначала первый плутонг, затем третий, затем второй и, наконец, четвертый). «Экзерциция» требовала также обучать солдат стрельбе на ходу, при наступлении или отступлении.

Особый раздел «Экзерциции» устанавливал правила бросания гранат для grenадер. Имелись также разделы и пункты, регламентирующие обязанности командира полка, ротных командиров и всех прочих должностных лиц. Среди них особого внимания заслуживает пункт, посвященный обязанностям знаменосца. Он гласил: «В бою не надлежит оставлять (знамя — А. М.) под смертно казнию..., а егда опасной случай в ретираде учинится, тогда знамя от древка отодрать надлежит, и у себя схоронить или около себя обвить и тако себя с оным спасать».

Перестроения и залповая стрельба требовали от солдат хорошей выучки. Она достигалась путем утомительных, многочасовых занятий и суровых наказаний за ошибки. Результат, тем не менее, был налицо. Большинство иностранцев, видевших российскую армию и имевших возможность сравнить ее с армиями других стран, с большой похвалой отзывалось о подготовке российских воинов, особенно гвардейцев. «Четыре гвардейских,

Ингерманландский и Невский (пехотные — А. М.) полки, экзерциции которых я видел, — пишет швед К. Р. Берк, — выполняют приемы почти также хорошо, как пруссаки, однако без забавных подпрыгиваний. Не сомневаюсь, что находящиеся в поле полки тоже хорошо обучены». Англичанин Фрэнсис Дэшвуд, бывавший, кстати, во Франции, отмечает: «Гвардейские полки выглядят такими превосходными солдатами, каких я когда-либо видел». Его соотечественница Элизабет Джастис, как истинная представительница прекрасного пола, в своих заметках о России повествует о нарядах дам гораздо подробнее, чем о выучке солдат. Тем не менее, и она сочла необходимым заметить: «Я видела, как 32 тысячи солдат делали военные упражнения на льду. Надо признать, что они хорошие солдаты».

Во время Русско-турецкой войны 1735-1739 гг., когда «Экзерциция пешая» подверглась суровой проверке, в нее были внесены некоторые дополнения. В 1736 г., по указанию Миниха, генерал В. В. Фермер составил «Диспозицию боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками». В ней отмечалось, что нужно учить войска только тому, что «придется делать в бою». В качестве лучшего способа ведения огня называлась стрельба по плутонгам, причем каждый плутонг должен был стрелять пошереножно. Одновременно «Диспозиция» требовала отказаться от залповой стрельбы целым батальоном или, тем более, полком. Основания для этого были следующие: во-первых, офицер, командующий огнем батальона, не может из-за порохового дыма хорошо видеть противника, а, значит, не может и руководить боем; во-вторых, при стрельбе батальонной шеренгой на неровной местности не все солдаты одинаково хорошо видят противника; в-третьих, перерывы между отдельными залпами очень велики. «Диспозиция» также указывала, как вести стрельбу из колонн и стрельбу из-за укрытий.

Огонь из колонн рекомендовалось применять при занятии какой-нибудь «теснины». Каждая колонна образовывалась плутонгами одного батальона или полка, поставленными друг за другом. Создание колонн численностью более полка было признано нерациональным из-за возможной путаницы в командах. Стрельбу следовало вести по плутонгам, но в отличие от обычного варианта, солдаты каждого плутонга стреляли все разом. Дав массированный залп, передний плутонг отходил в хвост колонны и открывал пространство для стрельбы следующему.

При наличии перед фронтом какой либо естественной защиты (изгороди, холма, ручья и прочего) солдаты должны были строиться не в четыре, а в три шеренги. В этом случае стреляла должна была только первая шеренга, а остальные заряжали ружья и подавали их стреляющим. Старый способ, когда шеренга, дав залп, отходила назад, а на ее место выдвигалась другая, признали неудачным. По мнению автора «Диспозиции», люди, зная, что после выстрела они смогут отойти, будут торопиться и плохо вести огонь. При перемещении шеренг может возникнуть замешательство, которое спровоцирует натиск врага.

Признавая, что лучшим оружием является фузея со штыком, «Диспозиция» указывала на эффективность применения против конницы длинных пик. Пиками, по мнению ее автора, следовало вооружать солдат второй шеренги, а солдатам первой шеренги надлежало иметь примкнутые штыки. «Диспозиция» учла также склонность татар к засадам и внезапным нападениям. При передвижениях она рекомендовала нести фузеи не «через плечо», а в руках, имея всегда большой палец правой руки на курке. Для увеличения подвижности пехотинцев в бою, рекомендовалось накануне «баталии» оставлять ранцы, шинели и шпаги в обозе.

Касаясь взаимодействия пехоты и артиллерии, «диспозиция» предписывала размещать пушки за флангами батальона, чтобы неприятель «не мог прежде времени видеть». При необходимости открыть артиллерийский огонь, плутонги, стоявшие перед пушками, должны были сдвинуть ряды и в открывшиеся бреши пушки стреляли «скоро картечью». При построении колоннами пушки разрешалось ставить за одним из центральных плутонгов.

Для отражения вражеской конницы российская пехота часто использовала каре — построение в виде четырехугольника, каждую сторону которого составляли шеренги солдат. Для штурма вражеских крепостей воины строились в колонны, причем впереди шли гренадеры.

Обращает на себя внимание, что действия кавалерии в «диспозиции» почти не затронуты, хотя, казалось бы, при войне с турками и татарами, обладавших очень многочисленной конницей, именно этот вопрос должен был привлечь внимание командования.

Возможно, сложившееся положение объясняется тем, что Миних, хотя и создал первые в России кирасирские полки, по собственному признанию, кавалерийское дело знал плохо. В мае 1736 г. отредактированную «Диспозицию» разослали в полки в виде «Генералитетского рассуждения».

Главным документом, определявшим строевую службу кавалерии, была «Экзерциция в полку Его Императорского Высочества». Она появилась в 1732 г. и предназначалась для кирасиров. В 1736 г. генералитетское совещание приняло решение «при всех драгунских полках в швенковании и впротчем конницею обучения поступать так, как в кирасирских полках». Основным построением конницы также признавался развернутый строй из трех шеренг. Для атаки выстраивались колонны разного состава: эскадронные, четыреххвостные, взводные и др. Интервалов по фронту между всадниками не было вовсе: кавалеристы того времени сражались стремя в стремя. Стремительной атаке кирасир и драгун не обучали — им рекомендовалось действовать «малой рысцой».

Для подготовки пехотинцев и кавалеристов регулярно проводились полковые учения. Ход пехотного учения позволяет представить приказ по Семеновскому полку от 3 сентября 1736 г. Согласно этому документу, полк выходил для учения на свой плац и строился развернутым фронтом. Задача заключалась в том, чтобы выработать навыки стрельбы шеренгами, сначала на месте, затем в движении «наступивши и отступными дивизионами».

Хуже обстояло дело с обучением артиллеристов. Военная коллегия неоднократно требовала от канцелярии «Главной артиллерии и фортификации» сообщить, как были организованы артиллерийские учения при Петре I. Канцелярия переадресовала запрос известному артиллерийскому генералу В. И. Геннину, ведавшему в то время уральскими заводами. Геннин ответил: «При моей бытности в России на артиллерийской службе в команде Главной артиллерии, о артиллерийской экзерциции, а именно: метание бомб, пушечная пальба в мишень и скорострельная, каким образом производить, от главной артиллерии указа я не имел, только артиллерийских служителей велено было обучать практике». В 1731 г. войска получили составленный по указанию Сената «Учебный артикул пушечный». Для подготовки артиллеристов следовало отобрать в каждом полку восемь человек, которых «обучать канонирской должности» сначала на месте службы, а затем в гарнизонах.

Наряду с сухопутной армией в 1730-е годы совершенствовался военный флот России. Как говорилось выше, при Петре II его развитие фактически остановилось. В 1728 г. шведский посланник доносил своему правительству из Петербурга: «Несмотря на ежегодную постройку галер, русский галерный флот, сравнительно с прежним, сильно уменьшается; корабельный же приходит в прямое разорение, потому, что старые корабли все гнилы, так что более четырех или пяти линейных кораблей вывести в море нельзя, а постройка новых ослабела. В адмиралтействах же такое несмотрение, что флот и в три года нельзя привести в прежнее состояние, но об этом никто не думает».

После вступления на престол Анны Иоанновны ситуация сразу изменилась. Уже в июле 1730 г. был принят указ, в котором «наикрепчайше подтверждалось Адмиралтейств-коллегии, чтобы корабельный и галерный флот содержаны были по уставам, регламентам и указам, не ослабевая и не уповая на нынешнее благополучное мирное время». В декабре 1731 г. на Адмиралтейской верфи заложили новый 66-пушечный корабль. Тогда же императрица распорядилась возобновить на Балтийском флоте регулярные учения с выходом в море, дабы «иметь сие и людям обучение и кораблям подлинной осмотр, ибо в гавани такелаж и прочее повреждение невозможно так осмотреть, как корабль в движении».

В 1732 г. была учреждена специальная комиссия, целью которой провозглашалось «приведение в надлежащий, постоянный и добрый порядок флота, как корабельного, так и галерного и адмиралтейства и всего, что к тому принадлежит». Председателем Морской комиссии стал А. И. Остерман, а в ее состав вошли опытные моряки, контр-адмиралы Т. Сандерс, Н. Сенявин, П. Бредаль, В. Дмитриев-Мамонов и граф Н. Головин. Комиссия приняла решение срочно возобновить строительство на Балтике крупных парусных кораблей.

К 1736 г. Балтийский флот включал 20 линейных кораблей, 17 фрегатов, 2 шнявы, 2 бомбардирских судна и 8 пакетботов. Кроме того, существовала самостоятельная и довольно многочисленная Гребная флотилия. Основным типом гребного судна являлась скампавея или галера. Она имела 18 пар весел и от 3 до 5 пушек калибром в 12, 8 и 3 фунта. Команда скампавеи насчитывала около 150 чел.

При Анне Иоанновне была также преобразована руководившая военно-морскими силами Адмиралтейств-коллегии. Вместо прежних одиннадцати контор в ее составе создали четыре экспедиции, что значительно упростило делопроизводство, уменьшило переписку и позволило улучшить денежную и материальную отчетность.

Реформировали и штаты личного состава флота в целом. Все офицеры и матросы корабельного и галерного флота были сведены в 36 рот. В дополнение к ним в 1733 г. сформировали два морских солдатских полка по двенадцать рот каждый. Наконец в 1734 г. появился корпус морской артиллерии, также в составе двенадцати рот. Свидетель реорганизации флотских штатов датчанин П. фон Хавен, служивший, кстати, учителем в семье адмирала П. Бределя, отметил в своих записках: «Все матросы (галерного флота — А. М.) получили оружие, как солдаты, а именно шпаги, ружья и багинеты, и теперь должны помимо морского дела обучаться еще и военному. Это явно сделано с целью более успешно применять их на флотилиях против турок. Весь офицерский штат был также изменен и устроен по английскому образцу в лучшую для офицеров сторону...».

Готовившая флотских офицеров Морская академия в 1733 г. получила новое здание: из Кикиных палат ее перевели в дом князя А. Г. Долгорукого, стоявший на набережной Невы в начале Третьей линии на Васильевском острове (на месте нынешнего здания Академии художеств). Традиция отдавать под учебные заведения дворцы опальных вельмож оставалась, таким образом, неизменной. До 1738 г. учебным процессом в Академии руководил шотландец Генри (Андрей Данилович) Фаркварсон, приглашенный на службу Петром I еще в 1698 г. Воспитанники получали знания по математике, навигации, астрономии и другим наукам, но, так как флотская служба была очень тяжелой, дворяне поступали в Академию неохотно, особенно после открытия Шляхетного корпуса. Тем не менее фон Хавен отмечал, что «большинство флотских офицеров — природные русские, которые обучались в Петербурге как кадеты и потом отведали морских плаваний между чужими странами».

С обострением отношений между Россией и Турцией заметно усилился интерес правительства к сооружению кораблей на Дону и Днепре. Весной 1733 г. на Дон был отправлен вице-адмирал Змаевич, которому поручалось «с поспешением» приступить к строительству 20 галер, 23 ботов и 400 будар. В 1735-1736 гг. эти суда, по мере изготовления, сосредоточивались в Павловске и Таврове и входили в состав Донской флотилии. В январе 1738 г., по инициативе Миниха на Днепре, на острове Хортица была основана Запорожская верфь.

Особенно впечатляюще выглядят следующие цифры: за все царствование Анны Иоанновны только для Балтийского флота построили около 100 боевых кораблей, в том числе 20 линейных кораблей и 10 фрегатов.

Итак, в 1730-е годы руководство российскими вооруженными силами стало более централизованным. Для подготовки офицеров был открыт Шляхетный корпус, что положило начало полуторавековой истории кадетских корпусов в России. Расширилась сеть школ для солдатских детей. В составе кавалерии появились кирасирские полки. Были уточнены и усовершенствованы правила ведения боя пехотой. Фактически возродилось кораблестроение. Однако, невзирая на эти очевидные факты, многие историки, в особенности советского периода, навязчиво повторяли тезис о «застое» и «упадке» военного дела во времена Миниха. Так С. М. Троицкий в своих комментариях к «Истории России» С. М. Соловьева утверждал: «Известно, что именно в 30-е годы XVIII в., когда всей внутренней и внешней политикой России ведали Остерман, Миних и их приближенные, пришли в упадок армия и флот, где Миних насаждал прусскую систему обучения, сводившуюся к муштре и увеличивающую тяжесть службы для солдат». Споры нет, солдатская служба при Минихе была тяжела, но почему создание новых военно-учебных заведений и строительство двадцати линейных кораблей нужно считать упадком? Этому историк предпочел не объяснять.

Глава 2

ЭПОХА ТЮЛЬПАНОВ

Царствование турецкого султана Ахмеда III, которое продолжалось с 1703 по 1730 год и послужило прологом к войне с Россией, историки нарекли «эпохой тюльпанов». Действительно и сам султан, и его соратник великий визирь Дамад Ибрагим-паша чрезвычайно любили эти изысканные цветы, тратили большие деньги на их

приобретением даже сами выводили новые сорта. Однако дело заключается не только в этом. По-турецки слово «тюльпан» звучит, как «ляле» и имеет символическое значение из-за созвучия со словом «Аллах». «Победа,— писал поэт Яхья Кемаль, — это хрупкая красота с лицом розы и поцелуем тюльпана». Правление Ахмеда III было не просто временем, когда выращивали много тюльпанов. Оно было также временем, когда Османская империя изо всех сил пыталась отстоять свои позиции в стремительно менявшемся мире и сохранить результаты своих прежних побед, свой «поцелуй тюльпана».

На протяжении почти четырехсот лет турки-османы наводили ужас на три континента. Основателем их государства считался, согласно легенде, вождь маленького племени кочевников-кайы Эртогрул, который в XIII веке помог султану турок-сельджуков Алаэддину Кейкубаду в битве с монголами и получил в награду земли к западу от Анатолийского плато.

Сын Эртогрула, Осман I принял ислам (прежде его единоплеменники были язычниками), порвал зависимость от сельджуков и начал продвижение в земли, принадлежавшие Византийской империи. В 1301 году под Бафеоном его конница разгромила вышедшее для отражения набега греческое войско. После этого успеха к смелому вождю со всех сторон стали стекаться воины, которые, вскоре, получили наименование «османлы» — люди Османа.

Потомки первых правителей стали активно раздвигать границы своих владений. Сын Османа Орхан-бей, выбив византийские войска из Малой Азии, захватил города Бурсу (1326 г.), Никею (1331 г.), Никомедию (1337 г.) и Галлиполи (1354 г.). Правда, затем он помог византийскому императору Иоанну IV Кантакузину в войне против сербов, но лишь потому, что уже считал его владения своей добычей. Сын Орхана Мурад I в 1362 г. смог занять большой город Адрианополь (ныне Эдирне в Турции), в котором основал свою столицу. После этого владения турок-османов окружили Константинополь со всех сторон, а император превратился в их данника. В 1388 г. Мурад разгромил болгар, после чего напал на Сербию. В кровопролитном сражении на Косовом поле (1389 г.) сербы потерпели сокрушительное поражение, но и сам Мурад был убит князем Милошем Обиличем. Подводя итог свершениям первых турецких властителей, британский исследователь Лорд Кинросс отмечал: «Историческая роль Османа заключалась в деятельности племенного вождя, сплотившего вокруг себя народ. Его сын Орхан преобразовал народ в государство. Его внук Мурад I превратил государство в империю».

В конце XIV века турки завоевали всю Болгарию и нанесли несколько серьезных поражений венграм. Сын Мурада Баязид, правивший с 1389 по 1402 г., укрепил свою власть в Анатолии и принял титул султана. Он дважды осаждал Константинополь, но безрезультатно, а затем сам подвергся нападению среднеазиатского правителя Тамерлана (Тимура). Борьба с этим врагом окончилась для Баязида страшным разгромом в битве при Анкаре (1402 г.). По преданию, Тимур посадил несчастного султана в железную клетку и тот, в приступе отчаяния, разбил себе голову о прутья.

В течение двадцати последующих лет османские земли были охвачены междоусобной борьбой. Однако при султанах Мураде II (1421-1451 гг.) экспансия турок возобновилась с новой силой. Отказавшись от попыток захватить Константинополь, Мурад укрепил границы с Венгрией по Дунаю, отнял у Венеции земли на побережье Албании и Эпира, вел утомительную борьбу с албанским вождем Скандербегом. Его преемник Мехмед II Завоеватель (1451—1481 гг.) осуществил давнюю мечту османов и весной 1453 г. овладел Константинополем. Ему также удалось вытеснить из Эгейского моря генуэзский флот (1461 г.), разгромить венецианцев и даже совершить поход в Италию. Тогда же турки подчинили себе Крымское ханство, после чего татары стали принимать активное участие в их походах в качестве вассалов.

Легенда гласит, что, узнав о смерти Скандербега, Мехмед воскликнул: «Наконец-то Европа и Азия принадлежат мне!». Однако наибольшего могущества Османская империя достигла немного позже, при Сулеймане I (1520-1566 гг.), который вошел в историю с титулом Кануни т. е. Законодатель. Восхищенные современники называли его также Сулейманом Великолепным. Захватив в 1522 г. остров Родос, Сулейман I превратил Османскую империю в сильную морскую державу. Он наголову разгромил венгров при Мохаче (1526 г.) и осадил в 1529 г. Вену, но взять города не смог. Колоссальных успехов достигли турки в Африке и на Аравийском полуострове. В их руки перешли Алжир (1520 г.), Аден (1538 г.), Йемен (1546 г.), Триполи (1551 г.). По договору с Ираном (1553 г.), султан получил западные области Грузии и Армении.

Вскоре после смерти Сулеймана Великолепного, в 1571 г. турки потерпели серьезное поражение в морской битве с испано-венечианским флотом при Лепанто. Эта неудача еще не имела для Турецкой империи катастрофических последствий, но она явилась первым внешним проявлением упадка ее военной мощи и вселила в души противников османов уверенность в собственных силах. Как писал участник битвы, автор бессмертного «Дон Кихота» Мигель Сервантес, в тот день «разрушено было ложное убеждение всего мира и всех народов в непобедимости турок на море». В царствование внука Сулеймана Великолепного Мурада III (1574-1590 гг.) упадок стал еще более явным. Он проявился в ужасающей коррупции и постоянных смутах. Султан Мурад IV (1623-1640 гг.) пытался навести в стране порядок ценой беспощадного террора. Его свирепые расправы с вельможами несколько уменьшили повальное казнокрадство, но кардинального изменения не произошло. Более того, приметы кризиса становились все более очевидными. Сын Мурада Ибрагим (1640-1648 гг.) не смог даже выбить донских казаков из Азова, а длительная война с Венецией тянулась с попеременным успехом. Следующий султан Мехмед IV (1648-1687 гг.) проиграл схватку с Россией за Украину и потерпел поражение в войне с Австрией и Венгрией. Наконец при Мустафе II (1695-1703 гг.) принц Евгений Савойский устроил туркам «кровавую баню» у Белграда, и был подписан Карловицкий мирный договор. Через сто лет после битвы при Лепанто, европейские державы не только поняли, что турок можно побеждать, но начали активное наступление на их владения. Правление Ахмеда II, в целом более спокойное, также не обошлось без поражений.

Неуклонное падение могущества Османской империи диктовалось глубокими внутренними противоречиями в самой основе государства: вассально-ленной системе землевладения. Эта система была унаследована османами еще от сельджуков и в свое время служила важнейшим фактором их успеха. Она предусматривала формирование военного ополчения из лиц, которые за свою службу получали от государства земельные наделы. Такое ополчение на первых этапах своего существования являлось вполне боеспособным и, что особенно важно, сплоченным. Однако уже в XVI веке действительное содержание ленной системы настолько изменило свой характер, что из фактора успеха, она превратилось в источник все возрастающей слабости.

Как было установлено еще первыми султанами, все земли в Османской империи, за исключением некоторых окраин, делились на три категории: 1) военные лены (мелкие — тимары, более крупные — зеаметы), которые выдавались правительством отдельным лицам исключительно за военную службу; 2) коронные земли (хассы), принадлежавшие непосредственно султану; 3) Церковные земли (вакуфы). Существовали также частновладельческие земли (мюльк), но доля их была очень невелика.

Тимары и зеаметы жаловались воинам турецкого происхождения вместе с живущими на них крестьянами. При этом в отличие от Западной Европы, речь шла не о владении землями, как таковыми, а о праве на получаемые с них доходы. Держатели тимаров и зеаметов должны были служить султану в качестве сипахи — кавалеристов. Это ополчение на протяжении нескольких столетий составляло костяк вооруженных сил Османской империи. По первому приказу всем сипахи того или иного округа (санджака) надлежало явиться на службу с собственным отрядом воинов (джебелю). Если тимариот (держатель тимара) или заим (держатель зеамета) не мог собрать воинов, он лишался поместья, которое, в отличие от вотчины русского боярина, отнюдь не было наследственным.

На всех вновь завоеванных территориях османы отводили под тимары и зеаметы не менее половины земель. Для этого они иногда отнимали участки у прежних владельцев (греков, молдаван, боснийцев), а иногда, в случае согласия нести службу, просто переводили местную аристократию в разряд сипахи. Крестьяне, как христиане, так и мусульмане, на всех военно-ленных землях считались юридически свободными, но обменять или продать свой надел могли только с разрешения сипахи. Этим, да взиманием налогов, в сущности, и ограничивались отношения тимариотов и займов с крестьянами. Как писал Лорд Кинросс, «Государство, сипахи и крестьянин делили права и обязанности в отношении земли. Государство владело землей. Сипахи был уполномочен государством, собирать с крестьян определенные оговоренные налоги в обмен на его военную службу и военную службу его собственных всадников. Крестьянин — райя — обрабатывал землю, пользуясь ее плодами в обмен на налог...». Была, впрочем, одна существенная деталь: немусульмане платили повышенные налоги, и уже поэтому находились в более тяжелом положении, чем «правоверные».

В мирное время сипахи были обязаны проживать в своих имениях. Турецкий писатель XVII в. Мустафа Кочибей Герюджели, характеризуя такой порядок, указывал: «А тимариоты жили каждый в том санджаке, где было его большое или малое поместье, находясь под своими знаменами. Жить в других местах запрещено было». Тем не менее, ни сельским хозяйством, ни торговлей сами сипахи не занимались. В земле они видели только источник налоговых поступлений, а военная служба являлась необходимым условием, дающим на эти налоги право. Кочибей с гордостью писал, что все османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано». В зависимости от опыта службы сипахи делились на каскары (старые сипахи) и оглары (новые). В бою первые обычно становились на левом фланге, а вторые — на правом. Кроме того, в начале XVIII века старые и новые сипахи получали на копья флажки разного цвета (желтые и красные соответственно).

Сипахи были не только войском, но и главной политической силой Османской империи, составляя, по выражению турецкого источника, «настоящую рать за веру и государство». Военно-ленная система освобождала бюджет от большей части расходов на содержание армии и обеспечивала в то же время страну довольно многочисленным войском.

Другой, чрезвычайно важной частью турецкой армии являлись янычары. Янычары (от турецкого «ени черю» — новое войско) были учреждены султаном Мурадом I около 1360 г. и первоначально играли роль дворцовой гвардии. Однако очень скоро они составили крупные воинские формирования, предназначенные, главным образом, для поддержания порядка на захваченных территориях.

Комплектовалось янычарское войско за счет принудительного набора христианских мальчиков («девширме»). Отнятые у родителей совсем маленькими и обращенные в ислам, будущие янычары обучались военному делу и воспитывались в духе непримиримого мусульманского фанатизма. В отличие от сипахи, янычары получали от правительства не землю, а денежное жалование. Тем не менее, ленная система оказывала свое влияние и на них, открывая перед командирами и даже рядовыми воинами заманчивую перспективу получения ленов и тем самым превращения в сипахи.

При султানে Сулеймане Великолепном (1520-1566 гг.) был издан специальный регламент янычарской службы, который продолжал действовать несколько столетий. Количество янычар было доведено до двадцати тысяч и все они разбиты на три категории. К первой и самой многочисленной принадлежали янычары, состоявшие на действительной военной службе. Им было положено жалование от трех до семи серебряных монет (акче) в день. Вторая категория включала ветеранов, которым платили от девяти до двенадцати акче в день. В третью категорию входили заслуженные воины и инвалиды. Ежедневное жалование здесь колебалось от тридцати до двадцати акче, но попасть в эту группу было очень сложно. Янычарам второй и третьей категории разрешалось жениться и заниматься приработками. Впоследствии размеры выплат менялись, но сам принцип их назначения оставался прежним. Таким образом, подавляющее большинство янычар не должно было иметь ни семьи, ни какого-то дела кроме военной службы. Вся их жизнь принадлежала султану и османскому государству.

Янычары считали своим духовным покровителем дервиша (мусульманского монаха) Хаджи Бекташа, жившего в конце XIII в. Поэтому они носили войлочные шапки, украшенные длинными шлыками, которые символизировали рукав халата дервиша. Вообще в янычарской символике было много предметов, подчеркивающих, что все воины этого корпуса являются членами одной семьи. Священным предметом каждого полка служил котел, вокруг которого янычары собирались, не только для еды, но и для общего совета. Уважение к котлу было настолько велико, что во время одного из янычарских бунтов начала XIX века воины пощадили вельможу, спрятавшегося под их котлом. На своих шапках янычары носили ложки, а многие их чины имели откровенно кухонное происхождение: Так командир орты (подразделения, соответствующего европейскому полку) именовался «чорбаджи» — раздатчик супа. Существовали чины водоноса, первого повара и т. д.

Янычары пользовались множеством привилегий, среди которых были и довольно оригинальные. Одна из них именуемая «балта асма» заключалась в следующем: янычар мог повесить на стенку лавки свой боевой топор («балта») и после этого взимать с торговца часть дохода. Большое жалование, привилегии, щедрые подарки султанов, возможность выдвинуться на высокие военные посты, все это делало янычар отважными бойцами. У них также была очень развита корпоративная гордость. Любые покушения на

свои привилегии янычары встречали решительным отпором и очень скоро превратились не только в опору султанского престола, но и в угрозу для тех властителей, которые относились к ним без должного уважения. Неслучайно, XVII — XVIII века изобилуют примерами янычарских бунтов, жертвами которых стали многие султаны. При вступлении на престол каждый султан обязательно делал янычарам щедрые подарки: так называемый «джулус бахшиши» — дар восшествия.

Янычары, а также все солдаты регулярных воинских частей (в том числе артиллеристы) носили название «капы кулу» — рабы правительства. Рабами султана считались и гражданские государственные служащие. Среди них было немало настоящих рабов: купленных, подаренных султану, взятых в «девширме». Султаны Османской империи даже предпочитали назначать на высшие государственные должности рабов, полагая, что они будут более преданы им лично, чем соплеменники-османы. Турецкое государство не знало наследственной аристократии в русском или западноевропейском смысле этого слова. Простой янычар или раб мог сделаться советником султана — визирем, как, впрочем, и визирь всегда мог превратиться в раба, а то и лишиться головы.

Помимо янычаров и сипахи, в Османской империи существовало множество различных ополчений, отличавшихся друг от друга по источникам комплектования и задачам в бою: левенды, ассапы, сеймены и другие. Привлекались на военную службу и представители народов, некогда покоренных османами. Так по данным итальянского военного теоретика и путешественника Луиджи Марсильи, который в конце XVII века сам побывал в Турции, подавляющее большинство ассапов составляли арнаулы т. е. албанцы. Марсильи также упоминает термин «сараткулы», относящийся, по его мнению, ко всем ополчениям, кроме сипахи.

Государственный аппарат Османской империи начала XVIII века, как и вооруженные силы, сохранял тот облик, который ему придал еще Сулейман Великолепный. Полным и единовластным правителем государства считался, разумеется, султан. Его ближайшим помощником и советником во всех делах был великий визирь, своего рода первый министр. Очень большую роль играл шейх-уль-ислам — глава мусульманского духовенства и высший судья в вопросах морали. Каждому султанскому указу или закону шейх-уль-ислам давал толкование с точки зрения его соответствия Корану — фетву. Султан мог сменить шейха, но ни имел права отменять фетву.

Следующими, по значимости, за великим визирем и шейхом-уль-ислам лицами были два казаскера — два верховных судьи, из которых один руководил судебным сословием Европейской Турции, а другой — остальной части государства. За казаскерами шли вельможи, которых с известной натяжкой, можно уподобить европейским министрам: дефтердар (глава финансового ведомства), капудан-паша (начальник военно-морских сил империи), кетхюда-бей (помощник визиря, ведавший в основном внутренними делами), рейс-эфенди (глава внешнеполитического ведомства), нишанджи (хранитель султанской печати, канцлер) и многие другие сановники. Все они именовались общим термином «капы риджали» — государственные мужи. Разумеется, очень влиятельным человеком был также ага (командир) янычар. Имелись при султанском дворе и вельможи, выполнявшие очень специфические обязанности. Искемлыджи, например, служил переносчиком скамеечки для ног султана.

Наиболее важные сановники составляли при султানে особый совет — диван. Обычно диван собирался четыре раза в неделю, но в случае каких-то чрезвычайных обстоятельств мог быть созван внеочередной совет («аяк дивани»). Кроме того, диван обязательно собирался перед каждой раздачей жалованья янычарам («галебе дивани»). Председательствовал в диване визирь, но в зале для заседаний имелось специальное помещение, из которого султан мог следить за происходящим. Открытие заседания дивана производилось очень торжественно и сопровождалось пышными шествиями. Чрезвычайный русский посланник И. А. Щербатов так описывает один из диванов ноября 1731 г.: «А за верховным везирем шли прочие три везиря, или паши первого класса, не по чинам своим, но по старшинству их ранга, первым за везирем шел нисанджи Копроли паша (нишанджи Хафиз Ахмед-паша Кеprüлюзаде — А. М.), за ним капитан паша, а за капитан пашею последней шел тефтердар...». Свои диваны имели также визирь и наместники в провинциях.

Весьма сложную организацию имел султанский гарем. Ведущие роли в нем играли мать султана («валиде султан») и та его жена, которая родила первого сына («баш-хасеки»). За ними следовали остальные жены, которые рожали султану детей («икбаллер») и одалиски-наложницы. Охранявшие гарем евнухи нередко выполняли и

другие деликатные поручения султана, например, по устранению неугодного родственника. Кизлярагасы (буквально — начальник девушек), предводительствовавший черными евнухами, был весьма заметной в дворцовой иерархии фигурой. Помимо собственно гарема он заведовал и расположенной в том же здании дворцовой тюрьмой. В этой тюрьме томились братья и племянники царствующего султана, возможные претенденты на престол. Очень многие правители Османской империи шагнули к вершинам власти из темницы, и очень нередко кизлярагасы сохраняли на них свое влияние. Именно так получилось с преемником Ахмеда III Махмудом I (1730-1754) и «черным евнухом» Хаджи Бешир-агой, который, по отзыву британского посла Джеймса Портера, являлся «человеком большого ума и богатого опыта».

Весьма жесткими и решительными политиками были и многие султанские жены. Расхожее представление о несчастных, забытых узницах имеет очень мало общего с реальной исторической действительностью. Достаточно вспомнить, что супруга Сулеймана Великолепного Роксолана (уроженка Украины Анастасия Лисовская) совершенно бестрепетно устраняла детей своего повелителя от других жен, оклеветала и погубила великого визиря. За приятную улыбку Роксолана носила прозвище «Хуррем-султан», т. е. Смешливая госпожа, но тому, кого она считала врагом, было не до смеха. После расправы над принцем Мустафой (сыном султана и черкешенки Гюльбехар) она приказала вторично кастрировать евнухов из его окружения, а затем, в виде милосердия, на свои средства приобрела серебряные трубочки, которые несчастным вшили для отправления естественных надобностей. Встречались волевые султанши и в более позднее время, причем порой они заставляли султанов перемещать высших государственных чиновников, как это было в 1640-е годы со слабовольным Ибрагимом.

В территориально-административном отношении Османская империя делилась на крупные провинции эялеты и округа санджаки. Во главе первых стояли бейлербеи, во главе вторых — санджакбеи. Командир всех сипахи одного санджака именовался алайбеем. Все крупные должностные лица носили титул паши и разделялись на ранги, символом которых служили бунчуки (знамена из конских хвостов). Так санджак-беи чаще всего находились в ранге однобунчужного паши, а бейлербеи — двухбунчужного. В целом же систематика чинов в Блистательной Порте носила очень запутанный характер, изобиловала синонимами и неоднозначными терминами. Слово «чорбаджи», например, могло обозначать не только командира орты янычар, но и сельского старосту в балканских землях.

Как уже говорилось, созданные первыми султанами система землевладения и структура государственного аппарата в чистом виде просуществовали недолго. Основным источником обогащения аристократии в государстве османов служили военные походы. Но источник этот не был неиссякаемым. Войны требовали больших средств и материальные ценности, приобретенные при завоевании одной страны, быстро растрачивались на борьбу с другой. Удержание покоренных народов в повиновении также требовало больших усилий. С другой стороны, завоевания расширяли владения ленников и, одновременно, поднимали в их глазах значение земельной собственности.

С конца XVI века перестал соблюдаться запрет на сосредоточение нескольких ленов в одних руках. Возникали обширные поместья, владельцы которых произвольно увеличивали повинности крестьян, а в отдельных, правда, довольно редких, случаях создавали собственные пахотные угодья в имениях-чифтликах (от турецкого «чифт» — пара, имелась в виду пара волов с помощью которых обрабатывалась земля). Чифтликская система получила наибольшее распространение несколько позже описываемых событий, в конце XVIII века, но ростки ее давали себя знать и в начале столетия.

На смену патриархальному сипахи, которого интересовали в первую очередь война и военная добыча, приходил гораздо более прижимистый землевладелец стремившийся выжать максимальные доходы из крестьян и старательно избегавший военной службы. Всеми правдами и неправдами лены приобретали гражданские чиновники, а иногда, даже купцы-ростовщики. Многие сипахи, напротив, разорялись. В середине XVII в. писатель Кочи-бей с возмущением заявлял, что если раньше «села и пахотные поля были в руках мужей сабли и сынов очага», то теперь их захватывает «всякая сволочь».

Непосредственным следствием этого процесса явилось ослабление военной мощи страны. Сипахийская кавалерия уменьшалась количественно и теряла боеспособность. Если при Сулеймане Великолепном сипахи насчитывали более двухсот тысяч человек, то на рубеже XVII-XVIII столетий их численность, по данным побывавшего в Турции графа Марсильи, составляла немногим более пятнадцати тысяч. Выучка сипахи явно оставляла

желать лучшего. Современник Марсильи английский дипломат Поль Рико (1628-1700 гг.) с презрением замечает в своей книге о Турции, что в бою сипахи «не что иное, как смущенное множество людей». Сходную оценку дает дубровчанин С. Градич: «Отличавшиеся прежде воинственностью, силой, терпеливостью, скромностью, воздержанностью и бережливостью, ныне они (сипахи — А. М.) стали вялы, трусливы, сладострастны...».

Уже в XVII веке сипахи постоянно участвовали в смутах и мятежах. Для борьбы с ними султаны все чаще использовали янычар, попадая от последних в постоянную зависимость. Традиционные подарки, которыми султаны одаривали янычар при вступлении на престол, превратились в обязательную дань, сами янычары стали неким подобием преторианской гвардии, всегда готовой сместить неугодного правителя.

Так в 1687 г. раздраженные долгой и неудачной войной с венграми и австрийцами, янычары свергли султана Мехмеда IV и посадили на престол его брата Сулеймана II. Сулейман, однако, скоро умер.

Его преемник и брат Ахмед II также жил недолго и в 1695 году на трон вступил сын Мехмеда Мустафа II. В 1703 г. янычары, недовольные задержкой жалования, пошли на Стамбул в настоящий военный поход, свергли Мустафу и передали престол его брату Ахмеду III. Сын и племянник свергнутых султанов Ахмед, конечно, прекрасно понимал, какую грозную силу представляют из себя янычары.

При вступлении на престол новому султану шел тридцатый год. По счастливой случайности он родился не среди интриг гарема, а в военном лагере, так как его мать сопровождала отца в походе. «Правитель, наделенный чувством терпимости, — пишет об Ахмеду III Лорд Кинросс, — он был светским человеком и человеком культуры, способным откликаться на цивилизационные вкусы как Запада, так и Востока».

При Ахмеду III развернулось активное строительство изысканных летних дворцов, причем для одного из них, дворца Саадабад, султан использовал план французского шато Марли, который ему привезли из Парижа. Среди близких друзей султана был знаменитый поэт-гедонист Ахмед Недим (1681-1730 гг.), который в своих газелях и касыдах воспевал любовь, женщин, и неодобряемое исламом вино. Учрежденный Ахмедом III, праздник весны совершенно затмил все традиционные празднества османов, включая и религиозные. Он проводился всегда в апреле на протяжении двух вечеров при свете полной луны.

В первый вечер султан принимал поздравления, сидя на троне в зале, убранном множеством тюльпанов, стеклянных шаров и ламп. Во второй вечер устраивались развлечения для султанских жен. Среди прочих забав, Ахмед особенно любил «поиск сокровищ», когда женщины искали заблаговременно спрятанные среди цветов в саду подарки: украшения, конфеты, безделушки.

Однако султан вовсе не был пассивным эпикурейцем. Он прекрасно видел все недостатки своей державы и хотел их исправить, причем исправить, опираясь на знания и опыт Западной Европы. Его ближайшим сподвижником в этом нелегком деле стал великий визирь Дамад Ибрагим-паша Невшехирли, покровительствовавший, как и его господин, архитекторам и поэтам. В 1720 г. турецкое правительство отправило ко двору Людовика XV специального посланника Челеби Мехмеда-эфенди. Его официальным заданием (выполнить которого он не смог) было заключить союз с Францией. Но, кроме того, дипломат получил от визиря приказ «посещать крепости, фабрики и стройки Франции» и «сообщать о том, что может найти применение». Мехмед, сопровождаемый сыном Саидом, действительно тщательно ознакомился с французской экономикой и культурой. Он посетил Парижскую обсерваторию и арсенал, беседовал с графом Сен-Симоном и с удивлением писал на родину о женщинах, которые «пользуются более высоким статусом, чем мужчины».

В 1727 г. Сайд совместно с Ибрагимом Мютеферрикой, венгром на турецкой службе, основал первую в Турции типографию. Среди напечатанных в ней книг был и трактат Мютеферрики «Основы мудрости в устройстве народов», в котором венгерский дворянин убеждал турок «очнуться от дремоты безразличия». «Пусть они (османы — А. М.), — говорится в трактате, — знают об условиях, в которых живут их враги. Пусть они станут предвидящими и близко знакомыми с новыми европейскими методами, организацией, стратегией, тактикой и военным делом».

Военному делу Ахмед III придавал особое значение. Первые проекты реорганизации османской армии появились у султана еще до назначения визирем Ибрагима Невшехирли. В конце 1710 г. австрийский посланник в Стамбуле И.-М. фон Тальман сообщал своему

правительству, что некий поляк Станислав Понятовский через французского посла графа Дезальера передал визирю Балтаджи Мехмед-паше проект, предусматривавший, «как в короткое время сделать турецкие войска регулярными и непобедимыми». Вряд ли Балтаджи, занятый борьбой с армией Петра I на Пруте, имел время вникать в проект Понятовского, но у Тальмана сама акция вызвала большое опасение, что, став регулярным, турецкое войско превратится в «страшную опасность для христиан».

Особенные опасения австрийцев вызвало то, что следующий проект военной реформы туркам предложил венгерский князь Ференц Ракоци, руководитель антигабсбургского восстания 1703-1711 гг. Именно с Ракоци вел переговоры другой великий везирь Шехид Али-паша, планировавший создать регулярный корпус из солдат-христиан и мусульман под командованием князя. Последний принял предложение и переселился в Турцию в октябре 1717 г., но Али-паша к тому времени погиб в битве с войсками Евгения Савойского под Петервардайном и Турция начала с Австрией переговоры о мире.

Во время переговоров по приказу Ибрагима Невшехирли был составлен еще один трактат о необходимости военных реформ. Вопрос о его авторстве не решен по сей день. Одни историки приписывают текст Ракоци, другие — выходцу из Трансильвании, основателю первой турецкой типографии Ибрагиму Мютеферрике. Однако обращает на себя внимание, что в качестве положительного примера для турок в трактате приводится Россия и царь Петр, перестроивший армию на европейский лад.

В конце 1717 г. в Стамбул приехал французский военный инженер Рошфор. Он установил контакты с Ибрагимом Невшехирли и попытался убедить его в целесообразности размещения на территории Османской империи французских гугенотов. По свидетельству австрийского агента Шенье, наибольшее впечатление на визиря произвело обещание создать при турецкой армии корпус военных инженеров. Проекты Рошфора, впрочем, не были приняты, как из-за давления со стороны официальных французских властей, так и из-за недовольства янычар, не желавших служить с «гяурами». Но прошло менее девяти лет, и вопрос о перестройке османской армии подняли вновь. Как сообщал в Петербург И. И. Неплюев, инициатива опять исходила от Ракоци, который предложил Порте создать регулярный корпус из венгров, албанцев и запорожских казаков. Сам Ибрагим Невшехирли хорошо представлял слабость нерегулярной турецкой армии. В докладе Ахмеду III в 1718 г. он писал: «Состояние наших войск известно, даже если у неприятеля будет десять тысяч человек, сто тысяч наших воинов не могут им противостоять и бегут». Французский посол маркиз Боннак утверждал даже, что Порта собственными силами намеревалась создать корпус регулярной армии численностью в двенадцать тысяч человек, но так ли это неизвестно.

Во всяком случае, в правление Ахмеда III все проекты создания регулярной армии так и остались проектами. Главная причина этого заключается в ожесточенном сопротивлении янычар, очень дороживших своим привилегированным положением. Сами янычары, как, впрочем, и сипахи, категорически отказывались учиться новым приемам ведения боя. Из-за этого военное искусство в Османской империи замерло на уровне XV-XVI веков. Перед полевым сражением армия обычно становилась в три линии: впереди конница, за ней пехота, а позади все артиллерия. Конница делилась на отдельные группы неопределенного состава и численности. Излюбленным приемом турецкой кавалерии было заставить противника ложной атакой сосредоточиться на одном фланге, а затем нанести удар по другому. Пехота была очень мало подвижна и лишь поддерживала конницу. Вообще турки предпочитали нападать, имея численный перевес, стремились быстро смять первые ряды противника, но при упорном сопротивлении также быстро отступали.

В начале XVIII в. принцип комплектования янычарского корпуса «девширме» часто нарушался. В янычары проникали дети торговцев, мелких чиновников-мусульман. В списки корпуса было внесено множество посторонних людей и просто «мертвых душ» для получения жалования. В 1728 г. султан Ахмед даже принял специальный указ о борьбе со злоупотреблениями при раздаче пособий янычарам-ветеранам («отуракам»).

Отказ от глубоких военных реформ не спас Ахмеда III от свержения в 1730 г. Восставшие янычары также убили Ибрагима Невшехирли. По горькой иронии судьбы, визирь в день мятежа занимался своим любимым делом: пересаживал тюльпаны в саду на Азиатских берегах Босфора. Возведенный на престол племянник Ахмеда Махмуд I (1730-1754 гг.) был довольно пассивным правителем. К тому же он находился, как говорилось выше, под сильным влиянием евнуха Хаджи Бешира. Анализируя перемены в придворных кругах Турции, А. И. Неплюев приложил к одному из докладов сообщение своего

осведомителя-муллы, говорившего: «Кормило же сей империи хотя всегда тремя чинами правимо было, иногда везирским, иногда гулямским (т. е. улемами — духовенством — А. М.), а иногда евнухами. Яко же во времена Мустафы салтана, отца нынешнего салтана, гулеманской владычествовал (на султана Мустафу II сильное влияние оказывал шейх-уль-ислам Сейде Фейзулах-эфенди — А. М.)). При антецессоре (предшественнике — А. М.) его салтане Агмете везирской (т. е. визирь Дамад Ибрагим-паша — А. М.), а ныне евнухской...». Хаджи Бешир посоветовал Махмуду I, как можно чаще менять визирей, что тот и делал.

Тем не менее, именно в 1730-е годы идея создания регулярной армии получила в Турции сильного союзника. Им стал француз Александр Клод Бонневаль, который служил прежде в австрийской армии, но из-за конфликта с венскими властями покинул службу и предложил свои услуги Дамаду Ибрагим-паше. После гибели визиря, Бонневаль (принявший ислам и взявший имя Ахмед-паши) некоторое время находился при Ракоци, а в начале 1732 г. был вызван новым визирем Топалом Осман-пашей в Стамбул. По приказу последнего он занял должность хумбараджибаши («главного действительного артиллерийского командира», как писал русский резидент А. А. Вешняков) и приступил к реорганизации бомбардирского корпуса по европейскому образцу. Наиболее активно деятельность Бонневаля развернулась в 1732-1735 годы, в период пребывания на посту визиря Хекимоглу-Али-паши, который и сам был личностью выдающейся. Отец Хекимоглу итальянец с Крита, служил придворным медиком у Ахмеда III, а сам визирь явно обладал талантами дипломата и военачальника. Как сообщал А. А. Вешняков, по инициативе Бонневаля и Хекимоглу правительство решило: «Из албанцев и арнаутов магометан набрать три тысячи человек и обучать военному регулу под его Бонневалового дирекциею всякой бомбардирской должности, учредя им офицеров из ренегатов же французов, при сем находящихся». Последнее свидетельство интересно тем, что отмечает участие в подготовке турецких артиллеристов и других французских офицеров. Вешняков далее упомянул двоих: графа Рамзея и Морне, об остальных же отозвался пренебрежительно: «...ни достойных к тому качеств, ни знания не имеют».

В мае 1735 г. русский резидент сообщал о первых успехах, созданной Бонневалем артиллерийской школы («хендесхане»): «Ныне имеет три роты, или триста человек молодых турок бошняков, одетых в мундиры по-венгерски... со всеми офицерами, как надлежит быть в регулярном войске, которые с великим ему самому (Бонневалю — А. М.) удивлением столь много преуспели во всяких эксерцициях и движениях воинских в два месяца, что все исполняют якобы уже были старые солдаты, и оных не толико практике, но и теории учит, как арифметике и другим некоторым частям, нужным математике и рисовать, в тот вид, чтоб все могли быть офицерами и вдруг три полка сделать...». Далее он отмечает, что ежедневно на «эксерцициях» присутствуют не только султан и визири, но и «великое множество военных и духовных, что видят с удивлением и зело похваляют».

После падения в 1735 г. Хекимоглу Али-паши, положение Бонневаля пошатнулось. Сам он был из школы удален, но подготовка пушкарей продолжалась. Начавшаяся война с Россией и Австрией привела к гибели большей части хорошо обученных выпускников. В 1743 г. Бонневаль, надежды которого на высокие посты не оправдались, на предложение вновь возглавить школу, ответил, что корпус состоит из «невежих турок... яко ученых им более ни единого нет, ни заводить вновь не намерен». Еще четыре года спустя, школа по требованию янычар была закрыта.

Сама идея реорганизации армии явно находила отклик у многих сановников, сторонников заимствования некоторых западноевропейских институтов и обычаев. Но все действия турецких «западников» наталкивались на активное сопротивление янычар и подавляющего большинства духовенства. В результате построенная на безнадежно устаревших принципах турецкая армия при столкновении с армиями стран Западной Европы была обречена на поражения.

Глава 3

ИСТОРИЯ ПРОТИВОБОРСТВА

Война Российской империи против Крымского ханства и Турции в 1735-1739 годах имела, разумеется, вполне конкретные политические причины, порожденные той специфической ситуацией, которая сложилась в Европе во второй четверти XVIII

столетия. Вместе с тем, она являлась эпизодом многовековой борьбы России за расширение и сохранение своих южных границ и в этом смысле отражала глубинные геополитические процессы.

Крымское ханство выделилось из состава Золотой орды в конце XIII века, когда внук Батыея, хан Менгу-Тимур отдал Крым во владение своему племяннику Орам-Тимуру. Первым крымским ханом пришлось отстаивать свои земли в жестокой борьбе с бывшими единоплеменниками — ногайскими татарами. Не всегда мирными были и отношения с самой Золотой ордой. В 70-е годы XIV века честолюбивый военачальник Мамай, оттеснив от власти законных ханов Золотой орды, попытался подчинить Крым своему ставленнику, но безуспешно. Характерно, однако, что, потерпев поражение в Куликовской битве и проиграв междоусобную войну с заяицким (зауральским) ханом Тохтамышем, Мамай бежал все-таки в Крым, где впоследствии был убит. Помимо потомков монголов и татар, Крым населяли славяне, греки, аланы, половцы, геноуэзцы. Здесь издавна процветали ремесла, велась оживленная международная торговля. Францисканский монах Вильгельм Рубрук, живший при дворе хана Менгу-Тимура, повествует в своей книге о городе Солдае (Судаке) на южном побережье Крыма, в который, по его словам, приезжают купцы со всей Руси, чтобы купить соль и товары, доставленные из Турции.

Около 1428 г. ханом в Крыму стал Ази-Гирей. Он положил начало династии Гиреев, правившей ханством более 350 лет и перенес свою столицу из Крым-города в Бахчисарай. Его сын Менгли-Гирей проявил себя, как очень способный политик и военачальник. Опасаясь нападения со стороны Золотой орды, он в 1474 г. начал сближение с великим князем московским Иваном III, в котором видел естественного союзника для борьбы с общим врагом. В Москву прибыл ханский посол Ази-Баба, а в Крым отправился боярин Василий Беклемишев. После обмена грамотами Иван III и Менгли-Гирей заключили договор, в котором давали обязательство «быть... везде заодно, другом другу быть, а недругу недругом». Однако, вскоре ситуация изменилась самым к образом: в 1475 г. к берегам Крыма подошел флот турецкого султана Мехмеда Завоевателя, который захватил крепость Кафу. Не имея сил для сопротивления могущественному противнику, крымский хан признал себя вассалом турецкого султана и, таким образом, сохранил престол. Некоторое время Менгли-Гирей поддерживал с турками вполне благожелательные отношения, но затем стал жаловаться на них московскому князю. «Султан посадил в Кафе своего сына, — писал он Ивану Васильевичу, — он теперь молод и моего слова слушается, а как вырастет, то слушаться перестанет, я также не стану слушаться, и пойдет между нами лихо: две бараньи головы в один котел не лезут».

Главной задачей Руси в то время являлась борьба с Золотой ордой, да и едва ли московский князь мог реально помышлять о конфликте с султаном, который захватил Константинополь, успешно воевал с венецианцами, венграми, молдаванами и многими другими народами. В турках-османах московские дипломаты видели скорее потенциальных союзников для борьбы с золотоордынцами и Литвой, чем противников. В 1480 г. хан Золотой орды Ахмат двинулся а поход на Русь, но, встретив на реке Угре московское войско, не осмелился вступить в бой с ним, простоял несколько месяцев в бездействии, а затем ушел в степи без дани. Это событие, получившее название «Угорского стояния», ознаменовало падение татаро-монгольского ига. Однако последний, смертельный удар нанесли Золотой орде именно крымские татары. В 1502 г. Менгли-Гирей напал на владения сына Ахмата Ших-Ахмата и разорил их. Интересно, что когда последний золотоордынский хан попытался укрыться в Турции, султан отказался его принять. Так что в отношении Золотой Орды Московская Русь, Крым и Турция действовали единодушно.

Для установления с турками более тесных контактов московские власти пользовались посредничеством крымского хана. В 1492 г. Иван III направил Менгли-Гирею грамоту для передачи султану Баязиду, сыну умершего Мехмеда Завоевателя. В этой грамоте великий князь жаловался, что султанский наместник в городе Азове «чинит обиды» русским купцам, и предлагал обменяться послами, чтобы в будущем иметь дружественные отношения. В силу нескольких недоразумений ответ пришел только через пять лет, но зато носил вполне доброжелательный характер. «Гостей своих в мою землю на их промысел отпуская, — писал султан, — из нашей заповеди никто не смеет выступить (то есть обид купцам не нанесет — А. М.). Как свои двери отворены видишь перед собою, так и мои двери отворены перед тобою всегда».

С конца XV века Москва стала активно вмешиваться в дела Казанского и Астраханского ханств, что вызвало быстрое ухудшение отношений с Крымом. Уже при

сыне Менгли-Гирея Магомет-Гирее (1515-1524) дело дошло до вооруженных столкновений. Захват Казани и Астрахани в 1552-1556 гг. царем Иваном IV, обеспечил Руси контроль над торговыми путями по Волге и Каме, одновременно вызвал настоящий взрыв ярости у крымского хана Девлет-Гирея, который сам претендовал на волжские земли. Недовольны были и турки. Во-первых, султан носил титул халифа и считался повелителем и защитником всех мусульман. Во-вторых, в 1552-1555 гг. Турция смогла отбить у Персии большую часть Закавказья, овладела Эриванью (Ереваном), Тебризом, Эрзерумом. Приближение к Каспию нового потенциального противника, естественно, вызывало раздражение и тревогу.

В 1563 г. русский посол в Крыму Афанасий Нагой сообщал царю о прибытии к хану турецкого посла с приказом начать подготовку похода на Астрахань. Татары, однако, в поход идти отказались, посчитав войну с русскими слишком трудной и опасной.

Весной 1569 г., по инициативе турецкого визиря Мехмед-паши Соколлу, в Кафе собралось 17-тысячное янычарское войско, которое затем двинулось на Дон, а оттуда подошло к Астрахани. Однако для штурма города у турок не хватало артиллерии. Наступившие холода способствовали падению боевого духа янычар. Ко всему прочему, честолюбивый Девлет-Гирей опасался чрезмерного влияния турецких полководцев в своих владениях и всячески запугивал союзников рассказами о суровой зиме и силе русских войск. В конце сентября, когда стало известно о приближении большой армии воеводы Вельского, турки покинули позиции под Астраханью.

Впрочем, Иван Грозный тоже не чувствовал себя готовым к большой войне с османами. В 1570 г. в Константинополь отправился русский посол Новосильцев. Под предлогом поздравления султана Селима во вступлении на престол, он должен был напомнить туркам о прежних, мирных, отношениях между двумя странами и, самое главное, убедить их, что мусульманство не подвергается в новых русских владениях ни малейшему притеснению. Выполняя царскую волю, Новосильцев говорил султану: «А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жаловании по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь посадил в Касимовском городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе... а, если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булата среди своей земли в бусурманском законе устраивать...».

Преемник Новосильцева, Кузминский даже предлагал султану Селиму II военный союз для походов «на цесаря римского и на польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских». Такой план вовсе не был фантастическим, учитывая, что Русь в то время вела войну с Польшей, а Турция в 1570 г. начала вторжение на Кипр, являвшийся зоной интересов Венеции т. е. «государей италийских».

По отношению к хану Московская Русь также старалась держаться корректно. Иван IV даже убеждал Девлет-Гирея, что намерен передать ему Астрахань, но и это не предотвратило набега. В 1571 г. крымский хан с большим войском подошел к самой Москве, сжег ее предместья и захватил множество пленных. В следующем году набег повторился. На этот раз татар встретил на Оке князь Михаил Воротынский, который нанес им сокрушительное поражение. Девлет-Гирей сразу стал сговорчивее и послал царю грамоту с обещанием прекратить войну в обмен на «Астраханские юрты». В ней хан простодушно нарисовал свой идеал крымской экономики: «Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовской, с правой черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду». Иван IV ответил отказом и также изложил свое видение «геополитической ситуации»: «Теперь против нас одна сабля — Крым, а тогда Казань будет вторая, Астрахань — третья, ногаи — четвертая».

В начале XVII столетия Русское государство было охвачено жесточайшим внутри — и внешнеполитическим кризисом, вошедшим в историю под названием Смутного времени. Перевероты, мятежи, польская и шведская интервенция не только разорили страну, но и вели к падению ее международного авторитета. Однако после упрочения на престоле династии Романовых и восстановления государственности, Россия вновь начала отстаивать свои внешнеполитические интересы, хотя поначалу действовала очень осторожно. В 1620-е годы Россия и Турция предпринимали попытки договориться о совместных военных действиях против Польши, но успеха не достигли. Переговорам помешали, пассивность русского правительства, которое боялось начинать большую

войну с сильным противником, неустойчивая политическая ситуация в самой Турции и частые нападения донских казаков на турецкие купеческие караваны. Турки считали казаков подданными царя, посылали жалобы на их «разбои» в Москву, но получали неизменный ответ, что «на Дону живут воры и государя не слушают». В действительности отношение московских властей к казакам было не столь однозначным. В них видели и постоянный источник беспокойства, неуправляемую «вольницу», и военную силу, которую можно использовать на «царевой службе».

Помимо жалоб, Турция использовала еще один, гораздо более действенный способ давления на Москву: татарский набег. Москва и Стамбул, таким образом, постоянно обменивались ударами через казаков и татар, но в обоих случаях дело приходилось иметь с очень непослушным оружием,

В июне 1637 г. большой отряд донских казаков взял штурмом Азов, крепость в устье Дона, которую турки называли Садд-уль-ислам — Оплот ислама. «Степные льщари» умело воспользовались конфликтом между султаном Мурадом IV и крымским ханом Инайе-Гиреем. Хан захватил Кафу, турецкую крепость в Крыму, а султан в ответ низложил его. Именно в этот момент отряд атамана Михаила Татаринова и овладел мощной цитаделью, в которой стояло более двухсот пушек. После этого казаки обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой взять город «под свою руку». Царь воспринял это событие, как опасное «самовольство», способное втянуть страну в большую войну с Турцией, и помощи донцам не оказал. Тем не менее, осенью того же года крымский хан Бохадур-Гирей послал своего брата Нураддина напасть на русские земли, заявив при этом, что его поход является мезтью за разорение Азова.

В 1641 г. большое турецкое войско подступило к Азову, но выбить казаков из города не смогло. Узнав о том, царь в начале 1642 г. царь собрал на Земский собор представителей боярства, дворянства, духовенства и иных сословий. Все участники Собора согласно высказались, что Азов от казаков нужно принять. Особенно подробно обосновали свое мнение дворяне Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский, которые твердо полагали, что Азов — ключ к землям по Кубани и на Кавказе. «Будет Азов за государем, — говорили они, — то Ногай большой..., горские черкесы, кженские, бесленевские и адинские будут все служить государю». В то же время многие участники Собора жаловались на свои жизненные тяготы и трудности. Узнав настроение подданных, государь понял, что начинать войну рискованно и приказал казакам покинуть город. Азов вновь стал турецким, а к султану отправился царский посол Илья Данилович Милославский с грамотой о «вечной дружбе». В ответ султан обещал послать в Крым распоряжение, запрещающее татарам нападать на Русь.

Спокойствие, впрочем, было недолгим. В конце 1645 г. крымцы в очередной раз вторглись в пределы Московского государства, но под городом Рыльском были разбиты царскими воеводами и отступили. Весной 1646 г. Россия предложила Польше, на владения которой татары также нападали, совершить на врага совместный поход. Во время беседы с королем Владиславом IV, русский посланник В. И. Стрешнев проявил хорошую осведомленность в международной политике, сказав, что настало самое удобное время для удара по Крыму, так как «на турского султана Ибрагима учинился упадок большой от венециан; ратным людям его разоренье и теснота, людей его осадили в Критском острове немцы». Действительно, еще в 1645 г. турецкие войска приступили к завоеванию Крита, но сами были блокированы соединенным флотом венецианцев и мальтийских рыцарей. Тем не менее, король ответил послам, что не может начать войны без одобрения сейма, хотя и считает нужным наказать татар. В результате долгих переговоров, после ответного визита польского посла в Москву, был заключен только оборонительный договор против татар. Тем временем русский посол в Турции Афанасий Кузовлев подвергался постоянным оскорблениям и унижениям, причиной которых являлись все те же набеги донских казаков. В начале 1647 г. визирь Азим-Салех даже угрожал в случае нападения казаков на турецкие земли «изжарить посла на рожне». Донцам до этих угроз не было ни малейшего дела, и они продолжали грабить турецкие корабли на Черном море. Как писал историограф Османской империи Лорд Кинросс: «Пограничная война между казаками и татарами продолжалась, каждая из сторон (Россия и Турция — А. М.) требовала от другой держать своих неуправляемых вассалов под контролем».

В 1654-1667 г. Россия вела изнурительную борьбу с Польшей. Ее результатом стало присоединение к Московскому государству Левобережной Украины и получение прав на временное владение Киевом. Но претензии на украинские земли предъявляли и турки, действовавшие при активной поддержке крымских татар. Многие украинские казаки при

этом вообще стремились к полной независимости, постоянно лавировали между противоборствующими державами.

В 1667 г. гетман Правобережной, остававшейся под контролем Польши, Украины П. Дорошенко, вступив в сговор с гетманом Левобережья И. Брюховецким, убедил его «передаться» турецкому султану. Каждый гетман, в тайне, надеялся стать единовластным правителем единой Украины, а турки вынашивали собственные замыслы. В апреле 1668 г. Брюховецкий направил своего посла полковника Гамалея к султану Мехмеду IV и просил принять его «под высокую руку». В ставку Брюховецкого, город Гадяч явилось большое татарское войско для принятия присяги на верность гетману. Узнав об этих событиях, Дорошенко стремительно двинул на соперника отряды своих казаков. Несмотря на все мольбы, Брюховецкого татары отказались сражаться на его стороне. Левобережный гетман был захвачен в плен и убит. Провозгласив себя гетманом «обеих Украин», Дорошенко в 1669 г. сам заявил о принятии турецкого покровительства, был с почетом принят в Стамбуле, где получил от султана титул бея. Возмущенный король Польши направил в Турцию письмо с протестом. Забеспокоились и в Москве: в апреле 1672 г. к султану был направлен толмач (переводчик) Посольского приказа, перс на русской службе, Василий Даудов с грамотой, в которой царь Алексей Михайлович просил Мехмеда IV не посылать войск на Украину и не начинать войны с Польшей. В ответ турецкий визирь Ахмед Кепрелю гордо заявил: «Будете друзья или недруги нам, в какой путь не пойдете, с нашей стороны то же самое увидите». По возвращении в Москву, Даудов сообщил тревожную весть: султан принял депутацию казанских и астраханских татар и выслушал их жалобы на притеснения со стороны царских властей.

Тревожно было и в Крыму. С 1666 по 1671 год ханством правил Адиль-Гирей, который не совершил ни одного похода на Русь. Он даже согласился отпустить знатных русских воевод, захваченных в плен его предшественником Мехмед-Гиреем, союзником польского короля во время войны на Украине. Возможно, именно такая уступчивость не нравилась султану. Адиль-Гирей был лишен престола, и власть перешла в руки Салим-Гирея. Новый хан немедленно приказал вернуть назад одного из отпущенных пленников боярина Василия Петровича Шереметева, который уже выехал из Бахчисарая, и стал требовать с царя Алексея Михайловича большой выкуп. «Ближние люди новые, — с тревогой сообщал Шереметев в Москву, — во нравах своих злые..., прежний договор с Адиль-Гиреем ставят ни во что, кричат, что по их старому обыкновению и вольностям хан неволен отбирать у них ясырь..., кто, что возьмет на войне, тем они и живут».

В мае 1672 г. большое турецко-татарское войско вторглось в Подолию. Вспыхнула польско-турецкая война, нашедшая отражение в романе польского писателя Генрика Сенкевича «Пан Володыевский». Через четыре года после начала боевых действий польский король Ян Собесский был вынужден подписать с турками Журавненский мирный договор, по которому передал султану Подолию вместе с крепостью Каменец-Подольский. Во время войны единым гетманом Украины стал черниговский полковник Иван Самойлович, сторонник союза Украины с Россией. Дорошенко, желая восстановить свои права, заключил союз с крымскими татарами и захватил при их помощи гетманскую столицу Чигирин.

Чтобы не допустить перехода Украины в руки турок, весной 1676 г. к Чигирину направилось объединенное войско гетмана Самойловича и боярина Г. Г. Ромодановского. В июле 1676 г. его авангард смог овладеть городом. В ответ, в августе 1677 г. султан двинул к Чигирину свою армию. Однако оставленный Ромодановским гарнизон отразил нападение, а подоспевшие к месту действий основные силы русских разгромили турок в полевым сражении. В июле 1678 г. турки и татары вторично напали на Чигирин. После упорной осады они одолели защитников. Остатки гарнизона с большим трудом пробились к русскому войску, шедшему на помощь крепости. Два последующих года прошли в стычках между русско-украинской армией Самойловича и Ромодановского с одной стороны и крымскими татарами с другой.

В январе 1681 г., так и не добившись своих целей, Турция подписала с Россией Бахчисарайский мирный договор, согласно которому признала Левобережную Украину российским владением. Султана Мехмеда, впрочем, эта неудача практически не обеспокоила. Османы готовились к большому походу против Священной Римской империи, с которой враждовали из-за Венгрии, так что украинский театр военных действий представлялся им второстепенным.

В марте 1683 г. султан лично повел войска от Адрианополя и Белграда на север и в июне вторгся в Австрию. По дороге он соединился со своим союзником правителем

Трансильвании Михаем Апафи, так что общая численность султанских войск превысила 200 тысяч человек. В середине июля турки осадили Вену. Император Леопольд I бежал из столицы, но немногочисленный (15 тысяч человек) гарнизон оказал врагу мужественное сопротивление.

Осада продолжалась до 12 сентября, когда на помощь австрийцам пришел польский король Ян Собесский. Его армия совершила переход от Варшавы до Вены (около 350 км.) всего за 15 дней и объединилась с войском Карла Лотарингского, которое прежде вело только оборонительные бои. К ним примкнули также отряды курфюрстов Саксонского, Баварского и Бранденбургского. Несмотря на то, что даже все вместе союзники насчитывали около 64 тысяч человек, они нанесли туркам сокрушительное поражение. Восхваляя доблесть Собесского, польский романист Генрик Сенкевич писал: «Король Ян III победил турок под Веной, разбил в прах их могущество, и крик «виват» повторялся во всех христианских странах».

Действительно, события 1683 года имели огромное историческое значение, ибо ознаменовали конец расширения Османской империи. Блистательная Порта оставалась одним из самых могущественных государств в мире, но эра завоеваний для нее завершилась. Отныне султанам приходилось отчаянно бороться за сохранение своих владений, которые, несмотря на все их усилия, постоянно сокращались. Явственным фактом стало отставание Турции от стран Западной Европы в экономической, военной, политической и многих других сферах жизни. Разумеется, началось это отставание не в 1683 г., но никогда ранее не получало оно столь определенного подтверждения. «Подчиненное положение Османской империи и растущая зависимость от Европы, — писал британский историк Лорд Кинросс, — раз и навсегда стали восприниматься европейскими политическими деятелями как политический факт. Раз и навсегда сила Запада с его поднимающимися национальными государствами превзошла силу Востока».

Однако рубеж XVII—XVIII вв. стал поворотным этапом не только для Турции, но и для ее северной соседки России. Всего двенадцать лет отделяют поражение турок под Веной от первых военных походов Петра Великого. Срок в историческом плане ничтожный! Время заката Османской империи стало также временем создания и роста империи Российской.

В 1684 г. вдохновленные победами австрийцы и поляки решили развить успех, для чего попытались заручиться поддержкой России. В мае императорский посол Блюмберг встретился с боярином Василием Голицыным, фаворитом царевны Софьи, являвшейся в то время фактической правительницей России. С ответной миссией во Львов выехал боярин Борис Петрович Шереметев, в будущем сподвижник Петра I и фельдмаршал. После долгих споров стороны заключили союз, причем Польша обязалась окончательно уступить России Киев. Так сложилась антитурецкая Священная лига, включившая Австрию, Речь Посполитую и Венецию.

Весной 1687 г. большое русское войско под началом В. В. Голицына двинулось на вассала Турции крымского хана. Татары, узнав о приближении противника, подожгли степную траву. Лишившись корма для своих коней, воины Голицына были вынуждены повернуть назад. Татары ответили на русский поход целой серией набегов.

В 1689 г. Голицын предпринял новую попытку овладеть Крымом. Теперь его план заключался в том, чтобы совершить поход ранней весной, когда трава еще не такая сухая и вероятность степных пожаров гораздо ниже. Опытный офицер, шотландец Патрик Гордон дал Голицыну несколько ценных советов. Он рекомендовал взять с собой штурмовые лестницы (в степи не было дерева для их изготовления), построить на Днепре легкие суда для действий против крепости Кази-Керман, устраивать по мере продвижения войск небольшие укрепления. Большинство предложений учтено не было. В середине марта московские полки двинулись в поход. На реке Самаре к ним присоединился недавно избранный украинский гетман И. Мазепа с казаками.

Поход оказался очень трудным. Вместо прежней жары главной помехой стала весенняя распутица. Полки, обозы, артиллерия буквально вязли в грязи, с трудом переправлялись через разлившиеся степные реки. 15 мая, уже на подступах к Перекопу, войско было атаковано татарами с тыла. Нападение удалось отразить, но многие полки и, особенно, казаки понесли большие потери. Пять дней спустя татары снова сделали попытку остановить наступление русских, но неудачно. В конце концов, крымцы укрылись за мощными укреплениями Перекопа, а русское войско стало готовиться к штурму. Тут как раз и сказалась нехватка дерева для строительства осадных сооружений, о которой предупреждал Гордон. Обнаружился также недостаток продовольствия, не нашли

поблизости источников пресной воды. В конечном итоге русско-украинское войско «с жалием и руганием» начало отход. На обратном пути татары вновь подожгли степь, часто совершали на отступавших стремительные налеты. В конце июня русские достигли реки Мерло, где Голицын распустил ратных людей по домам. Неудачные экспедиции очень подорвали авторитет правительства Софьи и способствовали его падению. В том же 1689 г. власть в стране сосредоточилась в руках юного Петра I и его окружения.

Известный историк С. М. Соловьев писал о походах Голицына так: «Не решен был заблаговременно главный вопрос: что такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя; не подумали об одном, что за Перекопью та же безводная степь, как и на дороге к полуострову». Современник событий, иезуит де Невилль называет еще одну, очень важную, причину неудачи: плохую подготовку русских войск.

По его словам, в распоряжении Голицына имелись лишь «толпы грубых, беспорядочных крестьян (имелись в виду стрельцы, имевшие право заниматься всякими приработками — А. М.), не закаленных в битвах, с которыми он не мог ни начать, ни совершить с честью никакого важного военного предприятия».

И все же экспедиции Голицына не были совсем бесполезны. Они отвлекли татарские силы от воевавших с Турцией союзников России. Последние действовали с большим успехом. В 1684 г. австрийцы оккупировали значительную часть Хорватии и выбили турецкий гарнизон из Буды, а год спустя, очистили от неприятеля всю Венгрию. В 1691 г. турецкая армия потерпела сокрушительное поражение от войск принца Людвига Баварского на Дунае. В 1693 г. венецианцы заняли Родос, который османы смогли вернуть только ценой больших потерь.

В 1695 г. Петр I решил продолжить борьбу с Турцией. Юный государь (Петру тогда было 23 года) видел в этой войне не просто месть за татарские набеги, но стремился обеспечить России выход к Черному морю и открыть, таким образом, новые перспективы для развития национальной экономики. Однако, он хорошо помнил о неудачных походах Голицына, а потому решил идти не в Крым, а на Азов. Чтобы замаскировать свои намерения, Петр послал в низовья Днепра крупное войско, угрожавшее оттуда Крыму, а сам, с другой армией, направился по Дону и Волге к вражеской крепости. Взять Азов, однако, не удалось. Турки наладили снабжение города с моря, а боевых кораблей у осаждавших не было. Царь лично участвовал в боевых действиях (по собственному выражению «зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром»).

К лету 1696 г. в Воронеже собрали «морской караван» в тридцать военных судов, после чего русские войска «крепко обложили» Азов и с суши, и с моря. На этот раз крепость пала. Любопытно, что во втором Азовском походе среди отличившихся был юный поручик Михаил Голицын, который получил ранение стрелой в ногу, но не оставил строя. В будущем ему предстояло стать генералом-фельдмаршалом, членом Верховного тайного совета и испытать на себе суровую опалу Анны Иоанновны.

В 1697 г. выдающийся австрийский полководец принц Евгений Савойский наголову разгромил войско султана в битве на реке под Зентой. Между тем царь Петр готовился к новой большой войне с турками. Завоевание Азова являлось только первым шагом в решении стоявшей перед Россией задачи. Османы по-прежнему держали в руках Керченский пролив, соединявший Азовское море с Черным. Чтобы активизировать действия антитурецкой коалиции из России в Европу отправилось «великое посольство». В его составе находился инкогнито и сам государь Петр Алексеевич. Посольство посетило Пруссию, Голландию, Англию, Австрию. Петр воспользовался поездкой, чтобы изучить интересовавшие его отрасли знания, работал на корабельных верфях, посещал фабрики, больницы, музеи, арсеналы и государственные учреждения.

Однако достичь дипломатических целей посольство не смогло в силу сложившейся тогда международной ситуации. В Европе обострились противоречия между Австрией и Францией, которые вступили в спор из-за права посадить того или иного претендента на испанский престол. Опасаясь установления в Европе французской гегемонии, к Австрии примкнули Англия и Нидерланды. Зато на стороне Франции выступили некоторые германские государства, правители которых издавна враждовали с австрийскими императорами. Испания и вовсе раскололась: одни провинции поддерживали французского кандидата, другие — австрийского. Дело шло к большой европейской войне (она действительно началась в 1701 году), и Австрия, самая сильная держава в Священной лиге, спешила заключить с турками мир.

В самом конце 1698 г. в Карловичах (Хорватия) собралась мирная конференция. Участвовавшие в ней русские дипломаты решительно выступили против прекращения войны с турками, но с их мнением никто не посчитался. Петр I впоследствии с горечью признавал, что его замечали «меньше, чем собаку». Каждый из участников Священной Лиги вел переговоры с Турцией самостоятельно, «Карловицкий конгресс, — отмечал историк О. А. Гриневский, — не был форумом для совместного ведения переговоров... На нем не предусматривалось, например, проведение общих заседаний, где присутствовали бы все делегации. Вместо них, по предложению австрийцев, каждый должен был проводить «съезды» с турками в присутствии посредников». Такой порядок предоставлял наибольшие выгоды австрийцам, ибо очередность встреч соответствовала очередности вступления стран в Лигу («кто первый с цесарцами (австрийцами — А. М.) договор заключил, тот раньше и с турками о своих делах говорить будет»).

Представитель России П. Б. Возницын на первой же встрече с турками, в ноябре 1698 г., выдвинул явные завышенные требования, настаивал на передаче России не только Азова с Таганрогом, но и Керчи. «Турецкие послы, — писал Возницын, — то услышав, в великое изумление пришли и вдруг в образе своем переменились... Так красны стали, что больше того невозможно быть». Османский посол, грек Маврокордато, в ответ потребовал вернуть все захваченные Россией земли. Но Возницын, дипломат старой школы, уступчивостью не отличался. На следующей встрече он не снизил, а повысил претензии. В прибавку к прежнему, он стал требовать уступки Очакова и права свободной торговли России на Черном и Средиземном морях. Так российский дипломат впервые поднял на международных переговорах проблему Черноморских проливов.

Разумеется, шансов получить желаемое у России не было, тем более что другие державы поспешили подписать с османами договоры. В январе 1699 г. Возницын заключил перемирие на два года на условиях «кто чем владеет, да владеет». России, следовательно, достался Азов с прилежащими землями. Эти условия были закреплены в июле 1700 г. Константинопольским мирным договором.

Гораздо больше выгод получили союзники России. По его условиям Карловицкого договора, империя Габсбургов сохранила за собой Славонию, Трансильванию и значительную часть Венгрии. К Речи Посполитой переходили Подолия и Западная Украина. Венеция обрела Морею.

Не найдя союзников для борьбы с османами, Петр, однако, смог сколотить союз, направленный против Швеции. Основные усилия его теперь сосредоточились на подготовке к схватке за прибалтийские земли. Сразу после заключения Константинопольского договора, российские войска двинулись в Прибалтику. Началась знаменитая Северная война, затянувшаяся на 21 год.

Впрочем, военные действия против шведов не заставили царя позабыть про дела турецкие. Послом в Константинополь был отправлен один из лучших российских дипломатов Петр Андреевич Толстой, человек беспримерной хитрости и изворотливости, о котором сам государь как-то сказал: «Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел». Толстому предстояло внимательно наблюдать за действиями султана и вельмож, пресекая все «злоумышления» сторонников новой войны с Россией. Исполняя свою миссию, дипломат не раз проявлял удивительную ловкость и, даже, коварство, возбуждал недоверие султана к крымскому хану. В 1703 г. он даже добился казни визиря, враждебно настроенного к России. В то время, как русские наращивали свои силы на Азовском море, турки тщательно укрепляли Керченский пролив, на берегах которого они возвели цитадель Еникале.

В 1709 г., незадолго до Полтавской битвы, Петр I, желая продемонстрировать туркам свое миролюбие, распорядился сжечь часть кораблей Азовского флота. Как выяснилось впоследствии, уничтожены были старые суда, специально отведенные в Азов для разборки. Тем не менее, султан запретил собиравшемуся в поход крымскому хану начинать военные действия против России.

Для Крымского ханства первое десятилетие XVIII века ознаменовалось ожесточенными раздорами и смутами, что, конечно, было очень на руку русским. Еще в декабре 1704 г. скончался престарелый хан Селим-Гирей I, имевший репутацию осторожного и расчетливого правителя, а его родственники немедленно начали борьбу друг с другом. Крымский историк Сеид-Мухамед-риза с горечью писал об этом времени: «Всякий из потомков Чингизов, кто только питал какую-либо надежду, пускал в ход разные средства, чтобы добиться ханского звания». В декабре 1704 г. из Стамбула прибыл султанский посол Вели-ага, который привез грамоту о возведении на престол сына Селима Кази-

Гирея. Однако, ровно через два года султан Ахмад III, поверив рассказам Толстого о якобы имевшей место нелояльности хана, передал власть в руки его младшего брата Каплан-Гирея. Выбор оказался очень опрометчивым. Весной 1708 г. новый правитель отправился в поход на кабардинцев, которых считал, видимо, слабым противником. Кабардинский князь Курчук предложил Каплан-Гирею выкуп («ясырь»), но тот отказался, надеясь на большую военную добычу. Тогда кабардинцы ночью напали на татарский лагерь и учинили в нем страшную резню. Турецкий историк Рашид-эфенди писал: «Большая часть именитых мужей Крыма погибла. Гордый хан едва спасся с несколькими из своей свиты и попал к ногаям. Стыдно было ему показаться в Крым. Крымцы донесли о случившемся в Порту и просили себе нового хана». Султану ничего не оставалось, как удовлетворить просьбу. На престол был возведен еще один сын Селим-Гирея, Девлет-Гирей. Этот правитель по праву носил имя хана, разорившего в XVI веке окрестности Москвы, ибо был убежденным сторонником войны с Россией. Именно он порывался идти в набег, в 1709 г., когда русские демонстративно жгли старые корабли в Азове.

Как известно, Северная война началась для российской армии со страшного поражения под Нарвой в ноябре 1700 года. Однако противник Петра шведский король Карл XII, одержав военную победу, сразу же допустил грубую стратегическую ошибку: полагая, что с русскими покончено, он бросил все силы против союзника России польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного. Вытеснив польско-саксонские войска из Курляндии, шведы вторглись в Литву, а затем и в Польшу. Не взирая на все мирные предложения Августа, Карл XII не только продолжал боевые действия, но опубликовал манифест, в котором призывал поляков свергнуть Августа и избрать себе другого короля. Расчет на постоянную готовность польской шляхты к смуте и междоусобице блестяще оправдался.

В июле 1704 г. часть сенаторов «крикнула» в короли познанского воеводу Станислава Лещинского. Двумя годами позже, абсолютно деморализованный Август подписал со шведами соглашение, по которому официально отрекся от польской короны и порвал военный союз с Петром. Но в то время когда Карл XII, говоря словами Петра, «увяз в Польше», Россия стремительно наращивала свои силы, реформировала и перевооружала армию. Поражение шведов под Полтавой в июне 1709 г. стало жестокой расплатой за высокомерное пренебрежение к «варварам-москвитам».

Характерно, что после Полтавской баталии Карл XII укрылся в молдавских владениях Турции. В одном из своих посланий к султану он писал: «Обращаем внимание вашего императорского величества на то, что если дать царю время воспользоваться выгодами от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию... Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи. При таком состоянии дел, чтобы отвратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство — это союз между Турцией и Швецией; в сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии». К борьбе с Петром султана подталкивали также крымский хан, мятежный украинский гетман Мазепа и французские дипломаты, которых очень беспокоил рост влияния России на международной арене. Характерно, что изгнанный из Польши шведский ставленник Станислав Лещинский нашел убежище именно во Франции.

В конце 1710 г. султан Ахмед III решил на активные действия. Он мобилизовал янычар и заключил российского посла П. А. Толстого в Семибашенный замок. Узнав о враждебных действиях турок, Петр I решил начать кампанию первым. При этом император надеялся на поддержку православных подданных султана: греков, сербов, болгар, молдаван. Основания к тому были. В 1710 г. сербы писали российскому царю: «Когда воздвигнет Господь Бог крестоносную десницу твою на басурман, не забудь и нас, малейших, приглашением царским и милованием своим». Сам Петр также активно пропагандировал идею совместной борьбы христианских народов с османами. В одной из его грамот черногорцам говорилось: «Мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошныя народы христианския от тиранства поганского избавити... И тако, наконец, еще будем единокупно, кийждо по своей возможности, трудится и за веру воевати, то имя Христова вящше прославится, а погани Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество в пески и степи аравийския». Были заключены соглашения с господарями Молдавии (Кантемиром) и Валахии (Бранковяну).

Весной 1711 г. Петр I во главе 40-тысячного войска быстро двинулся к Дунаю. К несчастью, поход был очень плохо подготовлен, что на войне неминуемо ведет к

поражению. В русской армии не хватало провианта и медикаментов, не произвели и тщательной разведки местности. Тяжелые переходы по знойным степям привели к многочисленным болезням среди солдат. В начале июля недалеко от реки Прут турки смогли разорвать коммуникации между кавалерийским авангардом и основными силами русской армии. После этого, на Военном совете было решено на Дунай не идти, «ретируются от неприятеля» и, соединив разрозненные части, «дать баталию». Однако давно готовые к войне турки бросили против 40 тысяч русских более 140 тысяч своих воинов. На реке Прут армия Петра была блокирована в своем укрепленном лагере и турецкий главнокомандующий Балтаджи Мехмед-паша начал обстреливать ее из пушек. Сам Петр впоследствии писал об этих событиях: «...ретируются более было нельзя ж, но пришло до того: или выиграть или умереть» Шансов победить в этом сражении у русские войска практически не имели. Но на помощь военному искусству пришли дипломатия и подкуп. Ценой огромных взяток турецкому главнокомандующему и невыгодного для России договора царю удалось избежать гибели или плена. Согласно легенде, на взятки пошли драгоценности царицы Екатерины, которая сопровождала своего супруга в этом неудачном походе. По заключенному соглашению, Россия возвратила Турции Азов, дала обязательство разрушить Таганрог и другие свои крепости в приазовских землях.

В день подписания договора, 12 июля 1711 г. отрезанный от главной армии кавалерийский корпус генерала Карла Ренна взял штурмом вражескую крепость Браилов, но эта победа уже ничего не могла изменить. Впоследствии Петр I всемерно затягивал выполнение Прутских соглашений. Нет сомнений, что царь-реформатор надеялся взять реванш за унижительное поражение, но продолжавшаяся война со шведами не позволяла ему быстро реализовать свои чаяния. Осенью 1711 г. император писал адмиралу Ф. М. Апраксину: «Також и то разсудить надлежит, что з двумя неприятели такими не весьма ль отчаянно войну вести и упустить сию швецкую войну, которой конец в надеянии божий уже близок является,... Сохрани боже, ежели б в обеих войнах, пребывая, дождались французского миру, то бы везде потеряли». Государь, таким образом, подчеркивал, что конец войны с турками позволит быстрее завершить войну со шведами, а спешить надо потому, что близится к окончанию война за испанское наследство, и в ближайшем будущем европейские державы получат возможность вмешиваться в дела России. Впрочем, в определении сроков окончания Северной войны государь ошибался: ей предстояло продолжаться до 1721 г. Мирный договор между Францией и Австрией был, действительно, подписан относительно скоро: в 1714 году.

Турция вскоре после Прутского похода вступила в полосу военных и дипломатических неудач. В 1716 ее войска под началом визиря Дамад Али-паши двинулись к Белграду, что вызвало войну с Австрией. В сражении у города Петервардайна принц Евгений Савойский наголову разгромил османов, причем решающую роль сыграли австрийские кирасиры, опрокинувшие вражескую конницу (об этом факте, конечно, знал организатор русских кирасир Б.-К. Миних). Затем, развивая успех, австрийцы захватили крепость Темешвар, последний оплот турок в Венгрии, нанесли врагу сокрушительное поражение в полевом сражении под Белградом. Эти блестящие победы надолго стали предметом гордости Австрии и даже вошли в австрийский солдатский фольклор. Кстати, именно о них поет знаменитый солдат Швейк, герой романа Ярослава Гашека: «Бравый воин принц Евгений, // Обещал монахам в Вене, // Что подарит им Белград...».

В 1718 г. Турции пришлось подписать с Австрией Пожаревацкий трактат, по которому она окончательно уступила Габсбургам большую часть Сербии, включая Белград, большую часть Валахии, остатки своих владений в Венгрии и важные стратегические пункты в Боснии.

Еще одной проблемой для турецкого правительства стал Крым, ханы которого все чаще, и чаще выходили из Повиновения, совершенно не желая вникать в тонкости официального политического курса султана. Девлет-Гирей активно участвовал в походе турок на Прут и был очень недоволен, когда турецкие военачальники выпустили русскую армию из окружения. В 1713 г. султан, решив избавиться от беспокойного вассала, вернул на престол Каплан-Гирея, жившего до этого времени в Турции. Однако сын Девлета, Бахты-Гирей поднял против нового правителя мятеж, который едва удалось подавить. Чтобы укрепить свой авторитет, Каплан-Гирея решил прибегнуть к давнему, испытанному способу: набегу. Так повелось со времен Золотой Орды, если хан хочет любви и уважения подданных, он должен дать им военную добычу. Татары решили идти на Астрахань, но султан запретил набег, не желая ссориться с Россией. Тем не менее, большой татарский отряд все-таки двинулся в русские пределы и был отбит на границе. Тогда турецкий

комендант Азова Реджиб-паша приказал своим янычарам собираться в поход против татар, как против нарушителей воли султана. Янычары, однако, отказались, заявив, что татары поделятся с ними добычей. На слова коменданта о нерушимости султанских указов, мятежники ответили весьма выразительной фразой: «На границе фирманы не исполняются». Узнав об этих событиях, султан сменил гарнизон Азова, казнил агу янычар, а Реджиба-пашу перевел на другое место службы — в Еникале.

В 1716 г. Ахмед III приказал Каплан-Гирею вести татар в Венгрию к Темешвару, но тот, получив вести о разгроме турок австрийцами, так и не двинулся в поход. Терпение султана лопнуло и в декабре 1717 г. он приказал вновь сменить хана. На этот раз выбор турецкого правительства пал некоего Кара-Девлет-Гирея, не принадлежавшего к семье Селим-Гирея. Но многие знатные крымцы и ногаи отказались повиноваться «худородному». Султан быстро переменял решение и отдал престол Саадат-Гирею, еще одному потомку Селима. Новый хан сразу же собрал большое войско, с которым принял участие в войне против Австрии. Ему также удалось подавить мятеж сына Девлет-Гирея Бахты-Гирея. Этот неуемный смутьян не повиновался ни одному из ханов, правивших после отставки его отца, разбойничал на российских границах и носил выразительное прозвище Дели-султан («отчаянный султан»).

Только после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мирного договора (1721 г.) Петр I смог вновь обратиться к восточным делам. Весной 1722 г. русская армия двинулась из Астрахани в Закавказье, принадлежавшее в то время Ирану. Каспийское море привлекало Петра Алексеевича не меньше Черного или Балтийского, а захват Шемахи лезгинским князем Хаджи-Даудом, во время которого были разграблены лавки русских купцов, послужил отличным поводом к войне. Показательно, что единомышленник и верный соратник императора, русский посол в Персии А. П. Волынский расценивал события в Шемахе именно, как долгожданный повод, и сообщал о них царю с нескрываемым удовольствием. «Мое слабое мнение доношу, — писал он, — по намерению вашему к начатию законне сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите за свое (т. е. за имущество российских подданных — А. М.), второе — не против персиян, но против неприятелей их и своих... и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину». Волынский также указывал на необходимость начать вторжение на берега Каспия раньше, нежели персидское правительство обратиться за помощью к Турции, и с крайним презрением отзывался о потенциальном противнике: «...не великих войск сия война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди — скоты воюют и разоряют».

Момент, в самом деле, был выбран успешно: Персию раздирали усобицы и смуты. В 1709 г. в Кандагаре вспыхнуло восстание афганского племени гильзаев, которое возглавил местный калантар (губернатор) Мир-Вейс. Афганцы вырезали персидские гарнизоны, убили шахского наместника и овладели областью. В январе 1722 г. сын Мир-Вейса, Мир-Махмуд начал вторжение в Иран. В марте его войска осадили столицу Исфахан и, после нескольких месяцев борьбы, захватили ее. Шах Султан-Хуссейн был низложен, а его сын Тахмасп бежал в прикаспийские области Ирана, где его признали законным государем. Вот на таком фоне Россия начала с персами войну. В августе 1722 г. ее войска взяли Дербент.

В Турции успехи русской армии вызвали смешанные чувства. С одной стороны, Ахмед III был доволен ослаблением Ирана, с которым у османов существовало давнее соперничество. С другой стороны, он прекрасно понимал всю опасность возобновления русской активности на Востоке. По свидетельству современника, султан говорил: «Петр не смог приехать к нам через Румелию, так теперь старается попасть с Анатолийской стороны. Возьмет Персию, Арзерум и потом, прибавляя силу, может приехать в Константинополь». Тем не менее, Порта решила воспользоваться случаем и захватить часть иранских владений. В Восточную Армению и Грузию вторглась большая турецкая армия.

Петр отлично понимал, что ему нужно спешить. Чтобы не допустить турок на южный берег Каспийского моря, он решил срочно направить экспедицию в Гилян. 4 ноября 1722 г. эскадра в составе 14 кораблей под командованием капитан-поручика Соймонова вышла из Астрахани и 5 декабря достигла бухты Энзели, на берегах которой высадила отряд пехоты во главе с полковником Шиповым.

Успешно подавив сопротивление местных князьков, Шипов занял Решт, и организовал его оборону. В мае 1723 г. в Гилян прибыл более крупный отряд генерала В. Я. Левашова.

Объединившись, отряды Левашова и Шипова образовали Гилянский корпус. Теперь насущной задачей русской армии стал поход на Баку, отделявший Гилян от Дербента. В июле под город прибыл из Астрахани отряд генерал-майора Матюшкина. После семидневной бомбардировки бакинский султан предпочел капитулировать, не дожидаясь штурма. Русские войска вступили в Баку «с распущенными знаменами и барабанным боем, и с музыкою».

Подвергшись нескольким нападениям сразу, шах Ирана Тахмасп II решил пойти на мир с Россией. В сентябре 1723 г. иранский посол Исмаил-бек подписал в Петербурге договор, по условиям которого к России переходили прикаспийские провинции Гилян, Мазандеран, Астрабад и города Дербент и Баку со всеми прилегающими к ним землями. Взамен Россия обещала послать шаху Тахмаспу «потребное число войск, конницы и пехоты» для борьбы с мятежными афганскими племенами.

Одновременно Россия начала стягивать войска к границе с Турцией, опасаясь вмешательства с ее стороны. Но Порты не была готова к новой войне. Летом 1724 г. страны подписали трактат о взаимном признании сделанных завоеваний. Россия соглашалась с правами Турции на Восточное Закавказье, Азербайджан и часть Западного Ирана. Турция в ответ признавала российскими Мазендаран, Гилян и Астрабад. В случае сопротивления Ирана разделу, предусматривались совместные действия России и Турции, и говорилось, что они «усмирят персидское смятение, восстановят на престол персидский достойнейшего из персиян, а по восстановлении законного шаха не будут мешаться в его дела или нарушать его спокойное владение».

Таким образом, Петр I обеспечил России надежные позиции на берегах Балтийского моря и положил начало продвижению на Каспийское побережье. Но Черноморская проблема решена не была и оставалась стержневым вопросом для российской дипломатии на протяжении всего XVIII столетия. Другим, чрезвычайно острым вопросом стал польский, связанный с конкуренцией раз личных европейских держав за влияние на Речь Посполитую, которая в силу своего географического положения и давних исторических традиций была очень важна для России. Наконец, большую роль в российской внешней политике играло стремление поддерживать международный престиж, играть определенную роль в сохранении «европейского баланса». При этом интересы, политические расчеты и интриги разных государств переплетались самым причудливым образом. События в персидских пустынях могли отозваться тревожным эхом в залах Версаля, а распри на польском сейме тревожили покой султанских визирей.

В конце царствования Петра Великого в Западной Европе сложились две противостоящие друг другу группировки государств. Франция, Англия и Пруссия осенью 1725 г. заключили Ганноверский договор, направленный против Австрии и Испании. Пруссия, правда, сразу же повела двойную игру и уже в 1726 г. подписала соглашение с Австрией, но союз Франции и Англии оказался более прочным. Англия, в свою очередь, была очень обеспокоена господством России над Прибалтикой. Весной 1726 г. она позволила себе попытку грубого давления на соперницу. В то время наметился конфликт между Данией и Голштинией, правитель которой герцог Карл-Фридрих никак не мог примириться с тем, что датчане отняли у его государства Шлезвиг. Так как герцог был женат на дочери Петра I Анне Петровне, он стал усиленно склонять свою тещу, императрицу Екатерину к войне с датчанами. Дания обратилась за помощью к Англии, и король Георг направил в Балтийское море эскадру из двадцати кораблей под командованием адмирала Уоджера, которые блокировали русский флот в Ревеле (Таллинне). Через несколько месяцев, после обмена резкими нотами, британцы ушли в свои гавани, не причинив русским никого вреда. Прецедент, однако, представлялся очень неприятным.

В таких условиях России была просто обречена на сближение с Австрией, которая к тому же могла стать естественной союзницей в борьбе с Турцией. В начале августа 1726 г. Россия и Австрия подписали оборонительный союз. Согласно ему, каждая из сторон дала обязательство в случае нападения какой-либо третьей державы послать на помощь союзнице не менее двадцати тысяч пехотинцев и десяти тысяч драгун. Австрия обещала также содействовать Голштинии в возвращении Шлезвига, но не военными способами.

Заключение этого договора встревожило, прежде всего, две державы: Францию и Турцию. Причина беспокойства Франции заключалась в том, что Австрия имела заключенный еще в 1725 г. военный союз с Испанией, а Испания в свою очередь быстро превращалась из союзника Франции в злейшего врага. Обострение франко-испанских отношений сопровождалось столь колоритными интригами, что не упомянуть о них

просто не возможно. Правивший Францией с 1715 по 1723 г. регент Филипп Орлеанский и его министр кардинал Дюбуа (увековеченный А. Дюма в романе «Дочь регента») являлись сторонниками сближения с испанцами и даже собирались женить юного Людовика XV на испанской инфанте. Однако, в 1723 г. и Дюбуа, и регент скончались, а Людовик достиг совершеннолетия. Вскоре выяснилось, что испанская королева Елизавета Пармская ведет интриги с целью ослабить французское влияние в Италии. Новый советник юного короля герцог Бурбон-Конде, не обладавший особыми политическими талантами, стал действовать с энергией, достойной лучшего применения. Бедную инфанту, жившую в Париже, отослали назад в Испанию, а короля женили на дочери Станислава Лещинского Марии. Вполне понятно, что этот брак вызвал сильнейшее неудовольствие в Петербурге, ведь Лещинский не скрывал желания вернуться на польский престол. Возврат невесты, в свою очередь, нанес страшное оскорбление испанскому королевскому дому. Неудивительно, что ловкий интриган испанский министр барон Рипперда с легкостью уговорил короля Филиппа V вступить в союз с австрийцами. Остается добавить, что Рипперда был некоторое время послом в Петербурге и давно хлопотал о создании союза Испании с Россией.

Вероятно, Людовик XV быстро осознал каких дров наломал его министр. В середине 1726 г. Бурбон-Конде был удален от дел, и руководство французской политикой перешло в руки Эркулю де Флери, епископа Фрэнжюсского, человека чрезвычайно проницательного и умного. Русский посол в Париже А. Б. Куракин видел в этом добрый знак и писал в Петербург: «Теперь французский двор не так поступает, как при герцогах Орлеанском и Бурбоне, не уступает всем требованиям двора английского, ибо епископ Фрэнжюс имеет в виду интерес французский и пенсии от Англии никакой не берет». Однако, и чисто французский «интерес» никак нельзя было примирить с интересом австрийским. Еще в начале 1726 г. государственный секретарь Франции Морвиль говорил Куракину: «Всему свету известно, в какой тесной дружбе находится теперь ваш двор с венским, и, может быть, в сию минуту союзный договор между ними уже и заключен, но какой бы союз ни был заключен вами с цесарем, он будет всегда предосудителен Франции».

На Востоке дела шли очень непросто. Подписанный в Петербурге договор России с Персией не прекратил военных действий, ибо шах упорно отказывался его ратифицировать. В апреле 1725 г. Сенат приказал руководившему русскими войсками в Прикаспии генерал-лейтенанту Матюшкину отложить завоевание Мазендарана и Астрабата и сосредоточить усилия на покорении Гиляни. В феврале 1726 г. А. И. Остерман с тревогой докладывал Верховному тайному совету о крайне неудовлетворительном ходе персидской кампании: русские фактически блокированы в нескольких крепостях, к Баку идет сильное персидское войско, горские народы встали на сторону шаха. Хуже всего, по словам дипломата, было то, что турки действовали более успешно и могли воспользоваться правом, предусмотренным Петербургским договором, — посадить своего «достойнейшего из персиян» на шахский престол.

Действительно ситуация в Закавказье была очень сложной, хотя и не безнадежной. К числу несомненных успехов относилась экспедиция, произведенная в октябре 1725 г. генерал-майорами Г. С. Кропотовым и П. Б. Шереметевым, в ходе которой русские войска razорили владения одного из наиболее упорных противников России тарковского шамхала Алди-Гирея и сожгли город Тарки. Беда в том, что турки достигли гораздо большего. За 1724-1725 гг. они овладели Тебризом, Хамаданом, Керманшахом. Русский посол в Константинополе А. И. Румянцев с тревогой писал в Петербург: «По силе Вашего величества указов будем всячески сами и чрез французского посла трудиться и пристойным образом отвращать турок от дальнейших действий, но не думаем, чтоб могли их удержать, а они постоянно упрекают нас, что в Гиляни и в других местах наши войска не действуют».

Упоминание французского посла не было случайным. Франция имела на Османскую империю очень сильное влияние, но, как полагал русский дипломат в Париже Б. И. Куракин, влияние это она использовала отнюдь не в пользу России. Еще до заключения союза с Австрией, он говорил о своих подозрениях Морвилю и получил такой ответ: «Со стороны нашего короля никогда не будет дано нашему послу в Константинополе указов действовать против интересов русской государыни и помогать в чем бы то ни было королю английскому; то же самое будет соблюдено и относительно французских министров при других дворах. Но король не может приказать своему послу при Порте продолжать медиацию в интересах русских; скажу прямо, что посол наш получил приказание отстать от медиации...». Медиация на дипломатическом языке того времени

означает «посредничество». Румянцев, таким образом, надеялся на посредничество Франции в русско-турецких переговорах, а Морвиль давал понять: «Мы можем оказать посредничество, но раз Россия сближается с Австрией, не будем».

Думается, однако, что Морвиль несколько покривил душой. Французские дипломаты в Турции вовсе не ограничивались отказом от «медиации», но вели против русских активные интриги. Румянцев неоднократно сообщал в Петербург, что французский посол встречается с английским для тайных совещаний.

В декабре 1725 г. турки заняли иранский город Ардевиль, который по договору вовсе не входил в их зону оккупации. Помощник Румянцева И. И. Неплюев встретился с великим визирем, и они имели обстоятельную беседу, во время которой русский резидент заявил, что дальнейшие захваты будут расценены Россией, как нарушение не только трактата, но и «вечно поставленной дружбы» и, что Россия не может допустить к Каспийскому морю никакой другой державы. В ответ визирь указал на немаловажное обстоятельство: значительной частью иранских земель владел не шах Тахмасп, с которым у России был подписан трактат, а узурпатор афганец Эшреф. «Порта, — говорил визирь, — берет города только для того, чтоб охранить их от похитителя Эшрефа и делает это по просьбе самих жителей и для собственной безопасности, чтоб не отдать их в руки узурпатору. То же самое надобно делать и России со своей стороны. Порта желает, чтобы персидские города были в русских руках, а не у Эшрефа: точно также и Россия должна быть довольна, что Порта забирает персидские города в свою протекцию...».

В апреле 1726 г. для руководства русскими войсками в Прикаспий был направлен опытный военачальник В. В. Долгорукий, который первым делом принялся за наведение порядка в войсковом хозяйстве. Многие из его рапортов, живописующие плохое снабжение и воровство поставщиков звучат актуально по сей день. «Здесь корпус генералитет, штаб- и обер-офицеры, — сообщал он, — без прибавки жалования пропитать себя не могут по здешней дороговизне; офицеры пришли в крайнюю нищету несносную, что уже один майор и три капитана с ума сбредли, уже многие знаки свои и шарфы закладывают». В другом письме Долгорукий говорит о нехватке медикаментов и смертности среди солдат: «О здешнем гиланском состоянии доношу о воздухе, какой зной язвительный нездоровый; к тому же солдаты пропитание имеют зело скудное: только хлеб и вода, к тому ж и жалованья солдаты не получали одиннадцать месяцев... Лекарств я застал ничего нет... Лучше людей жалеть, нежели денег на жалование дохтурам и лекарям».

Не дожидаясь распоряжений из Петербурга, Долгорукий велел выдать солдатам жалование из трофейных персидских денег, начал закупать уксус для госпиталей, повысил плату за службу казакам. К тому же он старался установить хорошие отношения с местными народами, особенно христианскими. В одном из писем военачальник с удовлетворением сообщал императрице: «Турецкие действия в Персии зело в слабость приходят; армяне неоднократно турок побиили и требуют с нашими войсками соединиться, слезно просят хотя бы некоторую часть к ним прислать; а мне за указом Вашего императорского величества того учинить нельзя для озлобления турок, и сколько могу армян обнадеживаю...».

Помимо волнений среди армян, турок постигли и другие беды: весной 1726 г. на пути к Исфахану их войска были разбиты Эшрефом, а в Крыму еще два года назад начала разгораться смута, которая теперь переросла в бурный мятеж. Дело было в следующем. В 1724 г. турки поставили ханом Менгли-Гирея, который собрал 10-тысячное войско для похода против персов. Одновременно новый правитель Крыма сделал попытку разобраться с внутренними врагами и подготовил покушение на влиятельного мурзу Джан-Тимура. К несчастью для хана, Джан-Тимур ускользнул от убийц, после чего с большим отрядом приверженцев бежал к Азову. Комендант города Мустафа-паша помог ему укрыться у черкесов. В октябре 1725 г. Менгли-Гирей подал султану жалобу на поступок Мустафы, требуя сурово наказать бунтовщиков. В угоду ему главнокомандующий турецкой армией в персидском походе Кепрелю-заде Абдул-паша отдал приказ о казни тех татар в своем войске, которые были известны, как друзья Джан-Тимура. Татары ответили повальным дезертирством. Эти раздоры способствовали тому, что в конце 1726 г. начался мятеж ногайцев, желавших возвратить ханский трон Каплан-Гирею. Поднял голову и «отчаянный султан» Бахты-Гирей, также нашедший себе сторонников среди ногайцев.

В январе 1727 г. В. В. Долгорукий предложил правительству начать с Турцией открытую войну. «Видя турецкую слабость, — писал он из Решта кабинет-секретарю А.

В. Макарову, — не надо пропускать благополучного времени и не дать в силу войти туркам; и в слабости турки вступают в наши провинции, а если бы они были в старой своей силе, то не посмотрели бы на трактат... Иной надежды не находится, что в нынешнее благополучное время, согласясь с кем надлежит, помянутых мнимых приятелей выгнать из Персии и самим в ней усилиться и утвердиться и тем государственный убыток исправить». Весной того же года Долгорукий во главе военного отряда совершил экспедицию по берегу Каспийского моря, во время которой провел разведку местности и основал несколько крепостей.

В Петербурге действия В. В. Долгорукого одобрили, но начать войну с турками не решились. Тем не менее, именно восточный вопрос стал основным при консультациях между австрийскими и российскими дипломатами. Это прекрасно поняли во Франции, представитель которой при султанском дворе маркиз Жак Луи Дюссон де Боннак начал действовать гораздо активнее. Доклады И. И. Неплюева из Константинополя, датируемые январем 1727 г., разительно отличаются от более ранних. Речь в них идет уже не о таинственных встречах английского и французского послов, а о вещах конкретных и очень опасных. По словам Неплюева, Бонак «всякими способами внушает муфтию и другим — в Персии мир учинить возможно скорее, а между тем могла бы Порта с Францией согласясь и с прочими Ганноверскими аллиртами (т. е. с Англией и Пруссией), Станислава Лещинского на польский престол произвести и через то Российскаго Империя с немецкими коммуникацию пресечь, дабы они друг другу помогать не могли. А ежели в Империи в покою останутся и Польшу себе в союз обяжут, а венециане им же последуют, в таком случае и Порте немалый вред приключиться может».

Речь Посполитая, впрочем, служила пунктом напряжения и сама по себе. Хотя Россия не хотела возведения на престол Станислава Лещинского, в отношениях с Августом II то же не все было гладко. Русских дипломатов крайне взволновала и возмутила предпринятая им в 1725 г., попытка установить свой контроль над Курляндией, а на русско-польской границе постоянно вспыхивали мелкие ссоры. В январе 1727 г. П. И. Ягужинский утверждал в письме к Макарову, что царскому правительству рано или поздно придется принять в отношении поляков самые жесткие меры, и приводил в пример Австрию: «Так поступает с ними цесарь: если поляки не дадут ему удовлетворения за пограничные обиды, то он пошлет полк или два в те места, где была сделана обида и сделает сам себе удовлетворение; не теперь, а со временем не миновать и с нашей стороны того же».

Весь 1727 г. прошел для России в постоянных спорах с Турцией по поводу «дел персидских». Сначала русские дипломаты боялись турецких успехов, а потом стали беспокоиться, что османы, потерпев ряд поражений от войск Эшрефа, заключат с ним мир и обратят оружие против России. Осенью Верховный совет с тревогой докладывал юному императору Петру II, что турки «ищут мира с уступкою всего». В начале октября опасения с лихвой оправдались: Эшреф-шах, желая собрать силы для борьбы с Тахмаспом, заключил с турками Хамаданский договор, признал султана халифом всех мусульман и обещал передать ему часть иранских земель. Тревожные вести пришли из Казани: калмыцкий князь Дундук-Омо заключил союз с башкирами и готовит поход на русские владения. Туда же приехал крымский мятежник Бахты-Гирей, известный своими разбоями на границе. Император Петр II на все это легкомысленно заявил, что «от Гиляни никакой прибыли нет», а Бахты-Гирей вполне могут поймать донские казаки.

Командующий русской армией в Персии князь В. В. Долгорукий был отозван в Россию вскоре после смерти Екатерины I. Его родственники вели тогда борьбу за влияние на нового императора и хотели иметь авторитетного военачальника под рукой. При отъезде Долгорукий дал своим помощникам генералам В. Я. Левашову и А. И. Румянцеву предписание скорее заключить с Эшрефом мир с одним лишь условием: не допускать турок на берега Каспийского моря.

Тем временем Франция все настойчивее, и настойчивее побуждала османов к конфликту с Россией. Вместо умершего Боннака в Стамбул прибыл маркиз Марк Луи Савьер де Вильнев, которого кардинал Флери считал одним из лучших своих дипломатов. Новый посол явился в сопровождении внушительного эскорта боевых кораблей, дабы продемонстрировать султану мощь французского государства, и, при первой же аудиенции у Ахмеда III, повел речь о враждебных для Турции планах Австрии и России. Неплюев засыпал Петербург докладами о «противных» действиях французов и о том, что султан стремится к миру с Персией, ибо «всему турецкому народу персидская война омерзела и кажется несносною».

В декабре 1727 г. Турция заключила мир с официальным правителем Персии шахом Тахмаспом. Реис-эфенди, сообщая об этом Неплюеву, сказал, что если Россия тоже захочет подписать с Персией мир, то турецкое правительство готово оказать посредничество. Однако в России прекрасно понимали, что «примириться» с персами лишь пол дела и, что гораздо труднее будет разграничить персидские земли с османами. Весь 1728 г. прошел в спорах и взаимных упреках. Турки жаловались, что калмыки в союзе с Бахты-Гиреем нападают на Крым. Неплюев жаловался, что турецкие паши в Прикаспии «вступают в принадлежащие России земли и народы». Русский посол сообщал своему императору: «Не думаю, чтоб турки легкомысленно провинции Вашего величества действительно беспокоить дерзнули... Если б они и получили что-нибудь от России со стороны Персии, то России от этого вреда не будет, а им может быть большой вред от войны с европейской стороны, где у них никаких приготовлений нет, а здесь они один Азов не променяют на все персидские провинции. Однако за такой варварский непостоянный двор ручаться нельзя: может случиться перемена министерству или другой какой случай, а в таких случаях у них принимают скорые и прямые меры...».

Улучшить дипломатическую ситуацию России помогли военные победы в Закавказье. Генерал В. Я. Левашов нанес целый ряд поражений и сторонникам Эшрефа, и войскам шаха Тахмаспа. В феврале 1729 г. он подписал с Эшрефом трактат, который предусматривал возвращение в руки персов Мазендерана и Астрабада, а Эшреф взамен обещал неприкосновенность российских владений на берегах Каспийского моря и на Кавказе (Ширванская область).

Между тем Тахмасп обрел могущественного сторонника. Это был Тахмас-Кули-хан, вождь клана кырклу из племени афшар. В начале 20-х годов XVIII века он прославился, как атаман разбойничьей шайки и наемник, служивший за деньги разным князькам и правителям. Поступив в 1725 г. на службу к Тахмаспу Кули-хан помог ему покорить могущественного хорасанского феодала Малек-Махмуда Кияни и в 1728 г. взял его столицу Мешхед. Затем Надиру удалось подчинить своему влиянию большую часть туркменских племен Хорасана, захватить Герат и Исфахан. В 1730 г. он наголову разгромил Эшрефа в битве у Заргана. Благодаря этим успехам, Кули-хан постепенно превращался в фактического правителя Персии, хотя титул шаха носил спасенный им от разгрома Тахмасп.

Сдерживая дипломатический натиск Турции и Франции, Россия с нетерпением ждала поддержки со стороны своей союзницы в Австрии. Когда в конце 1728 года начал работу международный конгресс в Суассоне, российский представитель Александр Головкин (сын Г. И. Головкина) получил от Остермана прямое указание помогать австрийским дипломатам во всем, что не противоречит российским интересам.

Основной задачей Головкина, впрочем, было решение не персидского, а европейских вопросов. Ему поручалось убедить Австрию активно выступить за передачу Шлезвига герцогу Голштейн-Готторпскому и против попыток Франции возвести на польский престол Станислава Лещинского. Австрия на конгрессе держалась очень уклончиво. Ее дипломаты не оказали непосредственного содействия не только России, но и другой союзнице — Испании.

В результате в 1729 г. испанцы заключили договор с Англией и Францией. Обида из-за отвергнутой инфанты отошла на второй план. Австрия осталась всего с одной союзницей Россией, против могущественной коалиции враждебных государств и отныне должна была очень дорожить своей дружбой с русскими.

Осенью 1730 г. в Турции произошел тот самый «случай», о котором предупреждал Неплюев. В Стамбуле вспыхнуло восстание янычар. Поводом для него послужили известия о новом наступлении персов на турецкие границы, но большую роль сыграло также недовольство воинов великим визирем Ибрагимом с его явным интересом к европейским обычаям и культуре. Ахмед III, совершенно утратив присутствие духа, выдал на расправу янычарам и визиря, и капудан-пашу, и еще нескольких приближенных. Вельможи были задушены, после чего мятежники заставили Ахмеда отречься от власти, и посадили на престол его племянника Махмуда I.

Неплюева сразу же насторожили действия нового султана в Крыму. Менгли-Гирею было приказано покинуть престол, который в третий раз отдали воинственному Каплан-Гирею. Крымский историк Сеид-Мухамед-риза описывал отставку прежнего хана с восточной пышностью: «Шум страшного ветра отрешения разметал листья его благополучной жизни. Немедленно для удаления из пределов Крыма он надел узду поспешания на ветробежного коня отправления». «Ветробежный конь» доставил Менгли-

Гирея в ссылку, на остров Родос, а Каплан-Гирей прибыл в Стамбул и стал участвовать во всех заседаниях дивана. Последнее представлялось Неплюеву особенно неприятным. «Чему верить не знаю, — писал он в Петербург, — за хана ручаться нельзя, понеже он того же ехиднина порождения сын; буду смотреть прилежно».

Резидента также очень беспокоили слухи, что Вильнев, через хана, склоняет Порту поддержать кандидатуру Станислава Лещинского на польский престол. В одном из докладов он даже позволил себе весьма резкие выражения по адресу Франции в целом: «По природному французов легкомыслию и склонности к интригам от сего рода кроме пакости и ожидать ничего невозможно». Впрочем, «пакостник» Вильнев едва ли нуждался в помощи «ехиднина сына» крымского хана. Визирем при Махмуде I стал убежденный сторонник сближения с Францией Топал Осман. Через несколько месяцев после переворота, Турция снизила пошлины на французские товары и предоставила французским католическим миссионерам исключительные права проповедовать свою веру.

Произошедшие события подтолкнули Россию к примирению с официальным правительством Персии. Еще в начале 1730 г. (до свержения султана Ахмеда) в Москве побывал посол шаха, который обещал, что в случае заключения военного союза, Персия отдаст Россия все провинции, обещанные в договоре с Петром I, но если союза не будет, то Россия должна вернуть шаху завоеванные земли. Посол говорил также, что «турки и афганцы очень непостоянны и потому русские не должны им ни в чем верить».

Коллегия Иностранных дел составила о персидских делах специальное «рассуждение», в котором рекомендовала стремиться к подписанию мирного договора с Ираном, но не давать пока ясных обязательств начать войну с Портой.

Однако уже весной 1731 г. В. Я. Левашов получил указание сообщить шаху о готовности России передать ему все земли до реки Куры. Земли за Курой также обещали вернуть, но лишь после того, как шах очистит свою страну от неприятеля. Правда, к этому распоряжению делалась существенная оговорка: провинции шаху следовало только обещать, но сразу не отдавать. Левашов неоднократно жаловался, что вести переговоры с персами очень трудно, ибо они «безмерно наполнены гордости и суеверия, ничего слышать не хотят, по беспутной амбиции признают себя умнее всего света и, по разногласию партий один боится другого».

В конце сентября В. Я. Левашов и вице-канцлер П. П. Шафиров были вынуждены сообщить А. И. Остерману о новых поражениях персидских войск в войне с турками. О своих дальнейших планах, они писали следующее: «Мы прикажем уверять шаха, что мы готовы заключить договор, только бы он нас уведомил, как он намерен действовать против турок; велим его ободрять, чтоб он, собравши войско и призвав Тахмас Кулы-хана, не допустил турок до расширения в своих наследных провинциях; однако, не увидя в его делах прямой надежды, не посмеем с ним договор заключить без указа,... Если б он не был так беспутен, имел хороших полководцев и сохранял порядок, то вследствие численного превосходства своих войск над турецкими вышел бы победителем из борьбы. Мы теперь находимся в крайней печали и опасаемся, что если турки покажут хотя малую склонность к миру, то он, не видя себе ниоткуда помощи, помирится с ними на каких бы то ни было условиях... В таких обстоятельствах мы решились послать тайно из здешнего народа верного и неглупого человека к Тахмас Кулы-хану побуждая его к действиям против турок и обнадеживать помощью с нашей стороны». В этом письме обращают на себя внимание две детали. Во-первых, Турция рассматривается, как безусловно враждебная держава. Во-вторых, российские дипломаты, не надеясь более на шаха, стали устанавливать контакты с более энергичным Надиром, нанесшим в то время османам целый ряд серьезных поражений.

Но не только возможность подписания турецко-иранского договора тревожила Россию. В конце августа 1731 г. командующий русскими войсками на Украине генерал от кавалерии И.-Б. фон Вейсбах сообщил, что крымский хан Каплан-Гирей совместно с запорожскими казаками собирается в набег, но не известно, пойдет ли он на Кабарду или на какие-то другие земли. Вейсбах немедленно приказал своим регулярным частям выступить к границе и отправил депешу украинскому гетману с распоряжением направить туда же казаков. Неплюев в Стамбуле подал визирю жалобу на хана «в самых крепких терминах». Визирь ответил, что он о походе ничего не знает, но уверен, что хан не станет нападать на русские пределы, так как имеет строгий приказ султана поддерживать с русскими дружбу. «Уповаем на Бога, — писал Неплюев, — что до ссоры не дойдет, потому что сама Порта ее не желает: визирь человек старый и увечный, и хотя не глуп, но

и не очень умен, человек откровенный и несамовластный, потому, что султанским умом до сих пор владеет кизляр-ага (главный евнух — А. М.)... Реис-эфенди, призвавши к себе нашего переводчика, сказал ему, что султан удивился и руками и ногами замахал, как хан крымский осмелится поступать против его воли и указов».

Нелишне еще раз вспомнить, что султан Махмуд I до своего вступления на престол в течение двадцати семи лет находился в дворцовой тюрьме, куда его заключил дядя Ахмед III. Дворцовой тюрьмой, размещавшейся в одном здании с гаремом, заведовал главный евнух и, конечно, он сохранял свое влияние на узников и после их освобождения. Сам же Махмуд I, по оценке большинства современников, не отличался ни сильной волей, ни особой прозорливостью.

Вскоре после разговора с визирем Неплюев узнал о вступлении войск хана в Кабарду. На его новые протесты, визирь заявил, что хан ходил в земли, подвластные Крыму и, никакой обиды для России в этом нет. Начался спор о Кабарде - какая ее часть, кому принадлежит. «Прошу снабдить меня указом, — писал Неплюев в Петербург, — как мне в кабардинских делах поступать, а именно как о Большой Кабарде объявить? И как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством? Как давно ее князья дают нам аманатов (заложников — А. М.) и где эти аманаты находятся?». Положение дипломата, действительно, было трудным: раньше, основываясь на старой грамоте Петра I, он официально признал Большую Кабарду «вольной», а теперь выяснилось, что русские генералы на Кавказе принимают кабардинских князей под свое покровительство. После долгих препирательств визирь и Неплюев решили: пограничные споры должны улаживать командиры пограничных же войск, «дворов своих не утруждая». Но наместник крымского хана на Кубани отказался вести переговоры с генерал-майором Д. Ф. Еропкиным, командовавшим Гребенским отрядом, да еще стал угрожать послать на русских татар и запорожцев и даже кричал, что может «всю Россию плетью заметать».

Подобные инциденты заставляли российских дипломатов идти на все более активное сближение с Персией. В январе 1732 г. в Реште был подписан договор, по которому Россия возвращала шаху прикаспийские провинции Гилян, Мазендеран и Астрабад, но без права их передачи другим державам (в том числе и Турции). Русские войска отводились за реку Куру. Иран в свою очередь предоставлял России право беспошлинной торговли, беспошлинного транзита товаров и некоторые Другие льготы. Рештский договор ценой территориальных потерь развязывал России руки относительно Турции и был очень своевременным, так как в самом Иране развернулись весьма бурные события. Шах Тахмасп, завидовавший успехам и авторитету Кули-хана, решил вести боевые действия против турок сам и потерпел страшное поражение в битве под Хамаданом. После этого, совершенно потерявший присутствие духа правитель подписал с Турцией договор, по которому уступал османам все земли к северу от Аракса. Кули-хан обвинил шаха в предательстве и сверг, а затем провозгласил правителем годовалого наследника престола Аббаса III, фактически сосредоточив всю власть в своих руках. В качестве правителя он принял имя Надир-шаха. Для турок эти события означали неизбежное продолжение войны с Персией и, по выражению Неплюева, «от того у них довольно было чаду в голове». Впрочем, в том же году турки приобрели союзника, с помощью которого могли наносить русским очень болезненные удары. Калмыцкий тайша Дундук-Омо «отложился» от России, принял покровительство крымского хана и увел своих подданных из Поволжья на Кубань. «Русскому правительству, опасавшемуся успехов Дундука в степи, — писал военный историк В. Потто, — еще неприятнее было его присутствие на Кубани, берега которой, исконно воинственные, могли поддержать его десятками тысяч крымских татар и черкесов».

Весной 1732 г. татарский военачальник Фети-Гирей с 25-тысячным войском отправился, по настоянию султана, в поход против персов. Татары выбрали путь через Дагестан, т. е. через земли, которые Россия считала своими. Когда генерал-майор Д. Ф. Еропкин потребовал прекратить поход, Фети-Гирей ответил, что выполняет волю султана и Россия, имея с Турцией мир, не должна ему мешать. Тем не менее, татары хотели избежать открытого столкновения и поэтому пошли горами, хотя и через русские владения. К месту событий прибыл принц Л.-В. Гессен-Гомбургский, сменивший в 1732 г. В. Я. Левашова на посту командующего Персидским корпусом. Он вновь приказал Фети-Гирею остановиться, а затем перекрыл его войскам путь двумя кордонами, 11 июня татары, спустившись с гор, напали у деревни Горячей на «малый» кордон, состоявший всего из 500 драгун. Русские кавалеристы спешили, построились в каре и отразили вражеский натиск. В разгар боя подошли сначала отряд Д. Ф. Еропкина, а затем основные

силы принца, которые обратили противника в бегство. В этой схватке полегло 55 русских солдат, многие были ранены. Среди последних оказался и Еропкин, получивший удар саблей в лицо. Потерпев поражение, татары отступили в чеченские земли, где стали призывать горцев к войне против России. Эта агитация достигла своей цели: восстал почти весь Южный Дагестан. Принц Гессен-Гомбургский был вынужден отвести войска в крепость Сулак, а татары разорили несколько поселений терских казаков и даже пытались захватить Дербент. Затем татарское войско отправилось на соединение с турками. Одновременно наследник ханского престола калга-салтан начал из Крыма новый набег на Кабарду. Принца Гессен-Гомбургского после этих событий отозвали в Петербург.

Таковы были, говоря языком XVIII века, «конъюнктуры восточные». Но и в Европе ситуация была не легче. Назревал еще один большой конфликт: между Испанией и Австрией из-за нежелания Вены предоставить испанским принцам Карлосу и Филиппу владения в Италии. Для России начало испано-австрийской войны означало бы вступление в силу договора 1726 года и, следовательно, необходимость послать на помощь австрийцам 30-тысячный корпус пехоты и кавалерии. Австрийский посланник Вратислав Дмитриевич старательно убеждал русских вельмож в необходимости выполнить договор, а представитель Испании Лириа интриговал против него. Граф Лириа, кстати сказать, вполне может считаться живым символом XVIII столетия с его заговорами и авантюрами. Англичанин с шотландскими корнями (Якоб Фитц Джеймс Стюарт, граф Тинмут, барон Босворт), он служил королю Франции, а в России представлял Испанию. Франция и Испания, впрочем, были тогда союзницами.

Противостояние посланников раскололо русский двор. А. И. Остерман являлся убежденным сторонником союза с Австрией и полагал, что договор надо выполнить полностью. К нему примкнул фаворит императрицы Бирон, соблазненный, правда, не дипломатическими расчетами, а подарками от австрийцев: диплом на графство Священной Римской империи, портрет императора Карла VI, украшенный бриллиантами, и двести тысяч таллеров. Против войны с Испанией решительно выступил П. И. Ягужинский. По свидетельству секретаря французского посольства Маньяна, Ягужинский, после встречи с Братиславой, говорил своим сторонникам: «Они считают нас дураками! Очень нам нужно вмешиваться в отдаленные распри, тогда как мы можем у себя наслаждаться покоем». Однако, стараниями Остермана Ягужинский был отправлен послом в Берлин и его влияние на русский двор постоянно слабело. В разгар «подковерной» борьбы французы оказали испанцам очень скверную услугу. Раньше, чем Россия сделала какое-либо официальное заявление, Маньян стал в резких тонах упрекать Остермана за самую позицию российского правительства в конфликте. Он и даже позволил себе сказать, что вопрос о «занятии крепостей Тосканы и Пармы гарнизонами или испанскими, или швейцарскими (швейцарцы состояли на службе у французского короля — А. М.) не имеет никакой важности для русского двора». На это взбешенный бестактностью, кабинет-министр громко ответил: «Моя государыня и ее союзники никогда не потерпят, чтобы какой-нибудь монарх предписывал им законы».

В поисках поддержки французы пытались привлечь на свою сторону графа Миниха. В середине 1732 г. Маньян имел с русским военачальником обстоятельную беседу, результаты которой затем изложил в докладе своему правительству. По словам Маньяна, Миних следующим образом сформулировал основные задачи России в международной политике: «Нам тяжело переносить, что Азов у турок; быть может, мы пойдем вырвать его у них с оружием в руках, если не удастся достигнуть этого мирным путем, если султан не согласится взять Дербент за Азов, Кроме Турции — Польша; поляки не дают нам удовлетворения: подле Киева находится пространство земли, которое по договорам должно оставаться пустым, но поляки его населяют и кем же? Беглыми из России, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются в Польшу! Далее, интерес России требует, чтоб Курляндия, отделяющая ее от Пруссии, была отдельным владением, чего поляки не хотят... Будет ли Франция во всех этих вопросах поступать согласно желаниям России?». Кардинал Флери на доклад Маньяна ответил, что ему следует обещать русским помощь Франции, не связывая себя конкретными обязательствами.

Русский посланник в Париже граф А. Г. Головкин в то же самое время вел консультации непосредственно с Флери и хранителем печати Шовеленом. Он доказывал, что русско-австрийский договор не направлен против Франции и заключен раньше Севильского договора между Францией и Испанией, предлагал заключить специальное

русско-французское соглашение. Флери, однако, ответил, что, хотя он сам противник войны, австрийцы своей неуступчивостью вынуждают Францию действовать решительно.

Итак, Россия вступила в конфронтацию с Францией, как союзница Австрии, и делала уступки Персии, как противница Турции. Однако ей предстояло решать еще один вопрос — польский. Пограничные споры, о которых говорил Миних Маньяну, являлись лишь одной стороной дела. Не менее сложным был династический аспект проблемы. Еще в конце XVII века Россия опробовала практику «проталкивания своего человека» на польский престол. В 1697 г., когда после смерти победителя турок Яна Собесского Польша была охвачена жестоким «бескорольем», и на корону претендовали курфюрст Саксонии Август и французский ставленник Ф.-Л. де Конде, Петр I, зная о тесных контактах Франции с Турцией, двинул в Польшу свою армию для поддержки саксонской партии. Август стал королем, но в годы Северной войны шведы заплатил русскому царю той же монетой, посадив на престол Станислава Лещинского. Петр сразу же стал подбирать ему соперника. Среди кандидатов числились и вождь венгерского восстания Ф. Ракоци, и выдающийся полководец принц Евгений Савойский, и его соратник по войне за испанское наследство герцог Мальборо, но шляхта присягнула Лещинскому. После Полтавской победы Петр Алексеевич вновь возвел Августа на престол. Впрочем, почти у каждого европейского правительства всегда имелся в запасе «свой» король для Речи Посполитой. Вот о таком оптимальном кандидате в короли предстояло подумать России в ближайшем будущем. Август II старел. В 1732 г., ему исполнилось 62 года (по тем временам возраст почтенный), а тот образ жизни, который король вел долгие годы, трудно назвать здоровым. Страсть Августа к женщинам и роскоши, его хвастовство грубой физической силой (король мог собственноручно приподнять полевую пушку) стали настоящей притчей при королевских дворах Европы. Теперь «обворожительный государь», как называли его современники, находился на пороге смерти, а европейские дипломаты готовились делить наследство.

Франция, как уже говорилось, хотела видеть королем Станислава Лещинского, на дочери которого был женат Людовик XV. «Его величество, — писал Д'Аржансон, — женился на простой девице, и было необходимо, чтобы королева стала дочерью короля». Разумеется, Россия и Австрия не могли допустить воцарения в Польше французского ставленника. Еще осенью 1730 г. Вена предложила своего кандидата — португальского принца Эммануила. Он даже посватался к Анне Иоанновне, но получил отказ: императрица не решалась выходить замуж, да и вообще особого интереса к Португалии в России не испытывали.

В 1732 г. А. И. Остерман поручил графу К.-Г. Левенвольде выяснить, каких взглядов держатся на польский вопрос в Пруссии, стране, без решения которой обойтись было невозможно. Пруссия в те годы еще не обрела того грозного могущества, которое наводило ужас на монархов Европы во второй половине XVIII в. Собственно говоря, она и королевством то стала именоваться недавно: с 1701 года, когда курфюрст Бранденбургский Фридрих III торжественно короновался в Берлине. Однако благодаря географической близости к Польше, голос Пруссии значил много. В описываемое время страной правил сын курфюрста, второй по счету король Фридрих-Вильгельм I. О грубости и скарденности этого монарха ходило не меньше анекдотов, чем о любвеобильности Августа II. Фридрих-Вильгельм всем напиткам предпочитал пиво, а всем развлечениям — военные маневры. Он лично отбирал у своего сына французские книги, следил, чтобы мальчик не носил длинных волос, и довел его до того, что в 1730 г. 18-летний принц бежал из страны. Король поступил просто: объявил сына дезертиром и приговорил к смертной казни. Мятежному принцу в будущем предстояло стать Фридрихом Великим, гениальным полководцем и политиком, приведшим Пруссию к славе.

В дипломатии Фридрих-Вильгельм был также по-солдатски прям и последователен, как в частной жизни. В 1728 г. между Пруссией и Австрией был подписан оборонительный союз и, хотя с тех пор между странами, было немало разногласий, прусский король заявил о готовности присоединиться к мнению австрийского императора. Левенвольде предложил королю подготовить план действий. В итоге было составлено соглашение, которое современники нарекли «союзом трех черных орлов» (черные орлы входили в гербы России, Австрии, Пруссии). Согласно его условиям все три державы должны были во время выборов короля двинуть к польским границам свои войска, как говорилось в договоре, «не для стеснения выборов, а для охранения польской вольности». Секретные «артикулы» разъясняли, что единым кандидатом должен стать принц Эммануил. Россия

также обещала, что после смерти герцога Курляндского Бирона, не будет возражать против передачи герцогской короны второму сыну прусского короля.

Левенвольде сразу же выразил готовность подписать основной текст соглашения, но заявил, что для уточнения «артикулов» и подготовки договора к ратификации императрицей ему следует съездить в Петербург. В конце переговоров он попросил у будущих союзников двести тысяч талеров для Бирона, заметив, что после уплаты денег договор будет ратифицирован немедленно. Король Польши Август II тоже побывал в Берлине. Он уговаривал Фридриха-Вильгельма содействовать установлению наследственного права саксонских курфюрстов на польскую корону, обещая вознаградить его пограничными землями. Слухи об этих переговорах взбудоражили польскую знать, которая готовилась дать отпор покушениям на «польскую вольность» во время сейма. Действительно, сейм начался с бурных споров. Но завершился он совсем неожиданно: 1 февраля 1733 г. король Август II умер.

После смерти короля власть над Польшей, по традиции, принял королевский местоблюститель, архиепископ гнезненский. В то время этот сан носил Тадеуш Потоцкий, ярый приверженец Лещинского. Он сразу же распорядился вывести из Польши саксонские войска Августа. Все немецкое население страны охватила паника. Вместе с солдатами, уезжали ремесленники и купцы, придворные покойного короля и чиновники. Остерман немедленно направил в Польшу грозную грамоту с требованием исключить Лещинского из числа кандидатов на престол. Франция и Австрия предпочли действовать подкупом: из Вены было прислано более ста тысяч золотых, из Парижа — миллион ливров.

В конце апреля открылся конвокационный сейм, который предшествовал избирательному и определял основные требования к кандидату. Он постановил, что королем может быть только «природный поляк», католик, женатый на католичке и не имеющий своего войска. Этим постановлением явно исключали Эммануила, равно, как и всякого другого иностранного принца.

В мае К.-Г. Левенвольде и австрийский посланник в Польше граф Вильчек заявили архиепископу протест против установленных ограничений, но в ответ получили резкую отповедь. При личной беседе дело дошло до угроз вооруженной силой. Левенвольде с тревогой сообщал в Петербург, что партия Лещинского «ищет помощи у турок и татар». Между тем король Португалии неожиданно заявил о намерении предложить полякам не Эммануила, а другого своего брата — Антонию. Вена и Петербург, крайне шокированные таким легкомыслием, стали искать нового кандидата. Очень скоро их выбор пал на сына Августа II, саксонского курфюрста Августа III.

Обе страны имели к нему определенные претензии, но Август не скупился на обещания. В угоду Австрии он признал Прагматическую санкцию. Этот документ, составленный императором Карлом VI еще в 1724 г., закреплял право на наследование австрийского престола за его дочерью Марией-Терезией. Однако многие европейские монархи (в том числе правители Баварии и Пфальца), имевшие с императорской фамилией родственные связи, сами рассчитывали занять трон и санкции не признавали.

Не признавал ее прежде и Август III, женатый на родной племяннице Карла VI, но теперь отказ от претензий на австрийский престол стал пропуском к престолу польскому. Август так же знал чем угодить России. В августе 1733 г. между Россией и Саксонией был подписан оборонительный союз, причем курфюрст обещал, что, став королем, постарается подписать такое же соглашение от имени Речи Посполитой. Иметь Польшу союзницей в преддверии войны с Турцией — против такого искушения устоять в Петербурге не могли.

Больше всего опасений австрийским и русским дипломатам внушала позиция Пруссии. Трудно было ожидать, чтобы Фридрих-Вильгельм пришел в восторг от усиления Саксонии, если ее курфюрсты даже не признавали его королевского титула. Левенвольде едва смог добиться от короля обещания сохранять нейтралитет.

25 августа 1733 г. в Варшаве открылся избирательный сейм. На нем сразу же разгорелась яростная полемика между сторонниками Августа III и Лещинского. Большинство выступило за французского кандидата, но нашлись у него и упорные противники. Так каштелян радомский Малаховский произнес пламенную речь: «Здесь грозят изрубить того, кто протестует против Станислава. Я протестую: кто посмеет изрубить меня в куски? Станислав на сеймах объявлен врагом отечества, где его заслуги? Разве то вменить в заслугу, что он со шведами опустошил наше королевство?». 11 сентября сторонники курфюрста уехали из Варшавы в ее пригород, Прагу, прервав, таким

образом, работу сейма. Лещинский, прибыл в Польшу тайно, под видом торговца и, прожив в столице совсем недолго, перебрался в Данциг, где намеревался ожидать помощи Франции. В польской столице начались уличные стычки между сторонниками враждующих партий. Дом саксонского посла разграбили, а сам он был вынужден бежать из Варшавы. У нескольких курьеров Левенвольде отняли бумаги. Страна стояла на пороге гражданской войны, когда в ночь на 20 сентября 1733 г. в предместья Варшавы вступило 20-тысячное русское войско под началом генерал-аншефа П. П. Ласси.

Подготовка к этому походу началась еще весной. В конце февраля 1733 г. по указу императрицы Анны Иоанновны состоялось «генеральное совещание» Кабинета министров, в котором участвовали канцлер Г. И. Головкин, генерал-фельдмаршал Б.-К. Миних, вице-канцлер А. И. Остерман, князь А. М. Черкасский, генерал А. И. Ушаков, вице-адмирал Н. Ф. Головин и другие сановники. На нем было решено, что «Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до короны Польской допустить никак нельзя». Чтобы воспрепятствовать нежелательному развитию событий, участники заседания решили вывести на границы 18 полков пехоты и 10 полков конницы и «расположить их в таком расстоянии, чтоб в случае нужды немедленно могли собраться и маршировать». К этой регулярной армии были присоединены донские, малороссийские, чугуевские, слободские казаки, и, по специальной рекомендации Д. М. Голицина, калмыки.

Постепенно войска собрались к месту дислокации. 30 июня лифляндский губернатор П. П. Ласси получил приказ вступить в командование Рижским корпусом, а еще один, Смоленский корпус, был поручен генералу-поручику А. Г. Загряжскому. Корпусам надлежало соединиться в Гродно. 31 июля Ласси пересек русскую границу в Лифляндии, а 25 августа, не доходя до Гродно, он получил письмо от Левенвольде с просьбой спешить к Варшаве. Русские войска двинулись вперед прямо-таки стремительным маршем. Несмотря на осеннюю распутицу, шли без привалов и менее чем за месяц достигли польской столицы. Под защитой русских штыков участники сейма, собравшиеся в Праге, 24 сентября избрали в короли курфюрста Саксонского.

Лещинский из Данцига отчаянно призывал на помощь своих покровителей. «Если король Людовик не овладеет Саксонией, — писал он дочери, — то я буду принужден покинуть Польшу и возвратиться во Францию». В январе 1734 г. русские войска взяли Торн и подошли к Данцигу, осада которого была поручена самому Миниху. Фельдмаршал отправился на театр военных действий инкогнито, под именем артиллерийского полковника Беренса. В апреле и мае русские войска под Данцигом подверглись атаке французской эскадры, попытавшейся высадить десант. Французов отбили, «Русские офицеры и солдаты, — рапортовал Миних, — в сей акции превеликий кураж, охоту и радость оказывали и ничего так не желали, как чтоб французы еще сильнее пришли и в другой раз бы отведали». В конце июня Данциг капитулировал, но Лещинский успел бежать, переодевшись крестьянином.

Одержав победу, Россия вновь приступила к консультациям с Австрией по поводу восточных дел. Однако, приехавший в Вену обер-шталмейстер К.-Г. Левенвольде вместо активной поддержки получил от австрийских дипломатов совет «в турецких делах диссимулировать» (т. е. притворяться, тянуть время). Австрия не хотела, чтобы Россия обостряла отношения с Портой, так как было совершенно ясно, что Франция не смирится с положением дел в Польше. Действительно, Лещинский не сложил оружия. Он сплотил своих сторонников, просил короля Франции прислать ему войско и содействовать, через своих дипломатов нападению Турции на Россию. Людовик XV в напоминаниях явно не нуждался. Хотя австрийские войска и не участвовали во вторжении в Польшу, Франция объявила Австрии войну. Ее примеру последовали Испания и Сардиния. Две французские армии направились в Германию, что послужило началом Рейнской кампании, продолжавшейся с апреля по сентябрь 1734 г. В этой кампании противостояли друг другу два именитых полководца своего времени: с австрийской стороны победитель турок принц Евгений Савойский, с французской — Джеймс Фитц Джеймс. Любопытно, что оба они не были уроженцами тех стран, под знаменами которых служили. Принц Евгений родился во Франции (его мать племянница знаменитого кардинала Мазарини), с детских лет хотел стать офицером. К несчастью, король Людовик XIV не принял принца на военную службу и тот уехал в Австрию. Фитц Джеймс, незаконный сын короля Англии Якова II и леди Арабеллы Черчилль, приходился племянником герцогу Мальборо, соратнику принца Евгения по войне за испанское наследство, но сам связал жизнь с французской армией. Подобные факты вообще были очень типичны для Европы XVIII

века и заставляют с изрядной иронией отнестись к жалобам некоторых русских историков на немецкое происхождение Миниха или Остермана.

Для России начало большой европейской войны никаких выгод не сулило. Активность Вильнева в Турции достигла своего пика. Французский дипломат даже предоставил султану подробный план кампании против России, но султан его рассматривать отказался из-за войны с Персией. Неплюев сообщал в Петербург: «Французский посол предложил свое посредничество в примирении с Персией, для чего французский консул Главани уже отправился к Тахмас Кулы-хану. В Константинополе Вильнев внушает, что бояться России нечего, против нее довольно и татар».

Когда русские войска осаждали Данциг, турецкие власти тайно отправили на Украину запорожского казака Орлика, сына Филиппа Орлика, генерального писаря казачьего войска, друга и соратника Мазепы. Орлик получил инструкции от самого Вильнева и должен был уговорить запорожских казаков идти вместе с крымскими татарами в набег. Впрочем, одновременно турки пытались поднять венгров против австрийцев с помощью Ф. Ракоци. Вскоре после сдачи поляками Данцига, Неплюев писал в Петербург: «Если Ваше Величество успеете в нынешнем году польские дела совершенно успокоить, то не лучше ли в будущем году турок остановить, не дожидаясь, когда персияне, утомясь склонятся к миру с ними... Если турки во время европейской войны от персиян освободятся, то все свои силы употребят против Вашего величества...». Далее русский дипломат жаловался, что к интригам Вильнева присоединил свои усилия английский посол, который в разговоре с визирем «Россию во всем обвинял, Порту во всем оправдывал». Еще более зловеще выглядели попытки турецкого правительства организовать регулярные воинские части, в чем ему помогал французский инструктор Бонневаль.

К счастью для России, правитель Ирана Надир-шах продолжал вести с турками войну и довольно успешно. Еще в 1733 г. к нему был направлен русский посланник Сергей Дмитриевич Голицын, который стал выполнять при персидском правителе, те же функции, которые Вильнев выполнял в Стамбуле. Когда в ноябре 1734 г. персидское войско осадило Гянджу, Голицын обратился к генералу Левашову, находившемуся в Баку, с просьбой прислать инженерного офицера и четырех бомбардиров в персидской одежде для «скорейшего отобрания турецких крепостей». Надир был этой помощью очень доволен и, по свидетельству Голицина, крикнул в сторону Гянджи: «Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если бог продолжит мою жизнь». Правда, Гянджи персы так и не взяли, но зато несколько месяцев спустя им удалось разбить турок под Карсом.

В марте 1735 г. Россия и правительство Надир-шаха заключили Гянджинский трактат, который предусматривал возврат Персии всех русских завоеваний на Кавказе. Русские войска очистили Баку, Дербент и даже крепость Святого Креста. Такова была цена за союз с Надир-шахом в борьбе против османов.

Неплюев в то время болел, и дела посольства в Стамбуле принял его помощник А. А. Вешняков. На одной из первых самостоятельных встреч с визирем он был вынужден выслушать суровый выговор. Потребовав, чтобы русские войска не занимали города Каменца, советник султана спросил: «Какая же эта польская воля, которая должна быть ненарушима, когда поляки силою принуждаются к тому, к чему явно не имеют склонности?». Дипломату пришлось отговариваться общими рассуждениями о том, что «воля должна быть не такая, как у диких зверей, но рассудительная». Так на давление в персидских делах Турция ответила демонстрацией своего недовольства ситуацией в Польше.

В середине мая султан принял решение направить против персов 70-тысячное войско крымских татар, путь которых должен был пройти через русские владения на Кавказе. Английский посол по этому поводу заявил, что Россия, будучи страной нейтральной, должна татар пропустить. «Не знаем уже, как с сим министром быть, — писал Вешняков, — ибо так явно и бесстыдно злодействует».

Кабинет министров на своем заседании решил татар в русские владения не пропускать, а султану объявить, что Россия расценит подобный поход, как агрессию. Ни у кого при дворе Анны Иоанновны не было сомнений, что уже осенью 1735 г. война с турками все-таки начнется. В конце июня 1735 г. Анна Иоанновна приказала Миниху оставить армию в Польше 40 тысяч солдат, а с прочими силами идти на Дон и начать подготовку к осаде Азова. Фельдмаршал встретил это поручение с искренней радостью. «Повеление об Азовской осаде принимаю, — писал он, — с тем большей радостью, что уже давно, как

Вашему Величеству известно, я усердно желал покорения этой крепости». Таким образом, впервые со времен неудачного Прутского похода Россия решилась вступить с Османской империей в открытую схватку.

Официально, однако, войну объявлять не стали. Напротив, российские дипломаты уверяли султана, что желают лишь наказать татар, а затем установить «вечный» мир. Соответственно план военных действий предусматривал нанесение ударов только по Азову и Крыму. Решение первой задачи, как сказано выше, возлагалось на 44-тысячный отряд Миниха. Вторжение в Крым должен был осуществить отряд генерала от кавалерии И.-Б. фон Вейсбаха, который насчитывал около 10 тысяч человек и стоял на Волыни.

Глава 4

ПОХОД НА АЗОВ И БАХЧИСАРАЙ

В середине августа Б.-К. Миних осмотрел Украинскую линию от Орлика до Изюма, после чего прибыл в Новопавловск, на Дону. Здесь 29 августа он получил указ, в котором ему было предоставлено право, решать самому: начать осаду Азова осенью или отложить ее до весны, продержав всю зиму крепость в блокаде. Понимая, что для осады нужно собрать много провианта и боеприпасов, Миних избрал второй вариант действий. Вместе с тем, он счел необходимым немедленно приступить к подготовке похода в Крым, тем более что татары уже перешли Кубань для нападения на персов.

Фельдмаршал даже решил использовать для этого значительную часть сил, первоначально предназначавшихся для действий на Азовском направлении. Поэтому был срочно сформирован корпус численностью около 40 тысяч человек, который возглавил генерал-лейтенант М. И. Леонтьев. Следует заметить, что значительную часть корпуса составляли донские, слободские и украинские казаки (21 тысяча человек) и ландмилиция (8 тысяч человек), тогда как регулярные части насчитывали только 34 эскадрона драгун (6500 человек) и 6 батальонов пехоты (3800 человек).

Разумеется, ни о каком завоевании Крыма с такими силами не могло быть и речи. Планировалось лишь карательная экспедиция против татар, причем именно в то время, когда основное войско противника находилось за пределами ханства. Миних не сомневался в успехе и в одном из писем заранее спрашивал императрицу, где следует расселять людей, освобожденных из татарского плена.

В течение сентября 1735 г. шла передислокация войск, которые были стянуты к Царичанке, городку на реке Ореле. 1 октября корпус Леонтьева выступил в поход и двинулся на юго-восток, в направлении реки Самары. После летней засухи вода в реках и озерах стояла очень низко, так что переправы затруднений не вызывали. Тем не менее, на случай разлива воды во время отступления солдаты строили мосты. Через неделю пути Леонтьев достиг реки Осаковки, за которой расстилалась выжженная татарами степь. К счастью для русских на пепелище уже пробивалась молодая трава, и лошади могли получить хоть какое-то пропитание. Поход продолжался.

От Осаковки Леонтьев повел корпус к реке Конские Воды, где напал на кочевья ногайских татар. В произошедших схватках русские убили свыше тысячи ногайцев и захватили большое количество скота. «При чем, — сообщал в Петербург Миних, — наше войско со всякою бодростью поступило и никому пощады не было». Этим эпизодом успехи и закончились. От Конских Вод Леонтьев направился вниз по Днепру. 13 октября он достиг урочища Горькие Воды, но здесь должен был остановиться из-за начавшихся холодов и снегопадов. Резкое изменение погоды принесло с собой болезни среди солдат и массовый падеж лошадей. 16 октября Леонтьев собрал «консилиум» для обсуждения дальнейших действий. После недолгого совещания генералы решили повернуть назад. До Перекопа оставалось еще десять дней пути, пленные татары сообщали, что далее идет только «голая степь», а число погибших лошадей уже перевалило за три тысячи. Однако отступление оказалось очень тяжелым. Из-за болезней и холодов умело гораздо больше казаков и солдат, чем погибло в схватках. В начале ноября корпус Леонтьева вернулся к Царичанке. За короткий поход он потерял 9 тысяч человек, почти четверть своего состава!

Причин тому были следующие: Во-первых, зима 1735 года действительно наступила слишком рано и выдалась небывало холодной. Во-вторых, Леонтьев имел неосторожность воспользоваться расчетами Вейсбаха, который на весь переход до Крыма отводил всего десять суток. Соответственно взятые им запасы продовольствия оказались недостаточны.

Миниха очень расстроило, что Леонтьев даже не дошел до Перекопа, но на турок даже такой, весьма скромный, демарш произвел сильнейшее впечатление. Вести о походе Леонтьева достигли Стамбула в конце октября, сразу же был собран диван, а от русских дипломатов потребовали объяснений. Вешняков попытался убедить султанских вельмож, что речь идет только о наказании татар за набеги, но драгоман Порты дальновидно заметил: «При едином отрезании дела (отношения России и Турции — А. М.) не огорчатся, но когда захотят всю Крымю завоевать и удержать, то войне быть необходимо». Турция стала принимать спешные меры для укрепления своих границ. В Очаков были отправлены три тысячи янычар с пушками. В Боснии под руководством Бонневалья создавалась сеть военных магазинов.

Успокаивая турок, Вешняков одновременно засыпал Петербург призывами поспешить с войной. Удар, по его мнению, следовало нанести по дунайским владениям Порты, где христианское население (молдаване и валахи) могли оказать русским серьезную поддержку. Спешил и Миних — нужно было сгладить неприятное впечатление от экспедиции Леонтьева. В ноябре фельдмаршал вызвал к себе в Царичанку кошевого атамана запорожских казаков Милашевича и стал расспрашивать о том, когда его воины смогут выступить в поход. Запорожец предложил начало апреля, и Миних согласился.

Велась также дипломатическая подготовка. В Петербурге А. И. Остерман в январе 1736 г. предъявил австрийскому послу К.-Г. Остейну требование, чтобы Австрия, исполняя договор 1726 г., приняла участие в войне с Турцией. Однако, не смотря на, то, что русская армия сражалась вместе с австрийской против французов во время Рейнской кампании, посол отвечал очень уклончиво, ссылаясь на «обессиленность» своей державы. Думается, что недалеко от истины был военный историк А. К. Байов, писавший: «Австрия рассчитывала, по-видимому, что ей не только никогда не придется фактически выполнять условия договора 1726 г., она, очевидно, надеялась, что союз ее с Россией заставит Турцию быть сговорчивее с последней и не доведет дела до войны».

Пожаревацкий мир 1718 г. принес Австрии большие приобретения на Дунае и Балканах, тогда как Прутский мир 1711 г. отбросил Россию от турецких владений. Крупные победы русских над турками могли сделать их новыми соперниками Австрии в регионе, едва ли не более опасными, чем Османская империя. Не оправдался и расчет А. Остермана на союз с Речью Посполитой. Заняв престол с помощью русских штыков, Август III стал опасаться чрезмерного вмешательства России в дела своей державы. К тому же довольно сильной оставалась «французская партия». Один из наиболее влиятельных ее представителей Потоцкий был воеводой киевским, а значит, управлял землями в непосредственной близости от российских пределов. Кули-хан, в отличие от европейских союзников, войну с турками продолжал, причем очень успешно. В 1735 г. его войска разбили османов в сражении на равнине Бачхаванд, близ Карса, взяли Эривань и Тифлис. Вместе с тем, иранский правитель предпринимал попытки «замириться» с Портой или, по крайней мере, шантажировал такими планами русских послов, требуя новых уступок в Закавказье. России предстояло вести борьбу с Турцией практически в одиночку.

Зимой 1735-1736 гг. Миних разместил штаб-квартиру в городе Изюме, и начал активную подготовку к военной кампании. Уже в конце ноября было принято решение большую часть полков находившихся в Польше перебросить на Украину. Командование этими частями принял принц Людвиг — Вильгельм Гессен-Гомбургский, а те, которые остались в Речи Посполитой, возглавил генерал-майор Р.-А. Бисмарк. Приказ присоединиться к действующей армии получил также Персидский корпус. Все они должны были подойти на квартиры в такие сроки, чтобы не позже марта «изготовиться» к наступлению. Однако полки из Польши шли очень медленно, что послужило причиной бурной перепалки между Минихом и принцем. На сделанные командующим замечания самолюбивый генерал ответил: «Я уже имею честь быть в службе Ее Величества четырнадцать лет, а еще того не чинил, чтоб Ее Величеству противно было, и того не надеялся чтоб от вашего графского сиятельства за то, что к лучшей пользе интересов Ее Величества чинил, мог реприманды получить и весьма чувствительные, и прошу меня оными обойти». Подобные столкновения амбиций, впрочем, вообще не были в русской армии редкостью. Командовавший войсками на Украине до Леонтьева И.-Б. фон Вейсбах вообще отказался выполнять приказы Миниха, так как тот был младше его по возрасту.

Особое внимание командование уделяло пополнению армии солдатами и офицерами. Фельдмаршал стремился довести численность всех полков до нормы, установленной штатами военного времени. В полках, прибывших из Польши, было очень много больных,

и Миних неоднократно издавал приказы с требованием тщательнее заботиться о содержании госпиталей и закупке медикаментов. Офицерам запретили отпуска, а всех командированных вернули в полки. Солдаты снабжались новыми ружьями, часть из которых изготовили в Туле, а часть закупили в Саксонии. В драгунских полках Миних лично осмотрел шпаги и, найдя их «к службе ненадежными», приказал заменить другими. К этому вопросу командующий проявил особое внимание, заметив, что «шпагами драгунские при нужном случае паче всего против неприятеля действуют». Старые, негодные шпаги было решено передать в ландмилицию.

В виду борьбы с татарской конницей Миних, основываясь на опыте Прутского похода, распорядился приобрести пикирные и рогаточные копыя, «кои при нынешних конъюнктурах зело не без нужды». Каждый пехотный полк был обязан иметь 288 пикирных копий и 1200 рогаточных. Для рогаточных копий каждому полку предписывалось изготовить 48 брусьев.

Жестяные фляги для воды были заменены деревянными баклагами, «ради будущего движения в степях». Снабжались также полки «исправной» одеждой, для чего в Белгороде, Переволочне и Царичанке начали действовать вещевые склады, в которые свозилось обмундирование из Петербурга, Москвы, Смоленска и Риги. С особой тщательностью Миних занимался подготовкой обозов. Уже в середине января 1736 г. он писал принцу Гессен-Гомбургскому: «Штаб- и обер-офицеры имеют у себя не мало излишняго багажу, отчего в нужных маршах, а особливо на переправах полкам чинится немалое замедление и остановка, а между тем, как от того, чтобы армия всегда без остановки и замедления марш свой продолжать могла, зависит высокий интерес Ея Императорского Величества». В виду «высокого интереса» фельдмаршал лично составил список того, что офицеры могли взять в поход. В него вошли: двухмесячный запас провианта, строевой мундир, ружье, палатка (одна на несколько человек), тюфяк с подушкой и одеяло. Уменьшая по возможности офицерский обоз, Миних приказал увеличить количество повозок, предназначенных для солдатского провианта.

Подготовка к походу артиллерии была поручена майору Фуксу. Помимо орудий и боеприпасов, ему надлежало обеспечить армию тридцатью понтонами. В начале апреля в Царичанку привезли пушки для редутов, которые войска должны были строить вдоль пути наступления. Целый пехотный полк отправился на реку Донец, чтобы делать фашины и туры для осадных работ под Азовом. Контроль за этой работой поручили генералу-квартирмейстеру А. Дебрины.

Для обеспечения армии продовольствием производилась скупка хлеба у местного населения. Большую его часть было решено хранить в виде сухарей, причем в каждом полку предписывалось иметь их не менее чем на два месяца похода. Наполнение продовольственных складов, однако, шло очень медленно, и еще в марте Миних сообщал императрице, что «провианта зело мало и... определенные для того заготовления персоны весьма слабо поступали». Так как вольная покупка и подряды не дали должного результата, правительство распорядилось обязать жителей отдельных районов поставлять хлеб в определенных количествах и по твердым ценам. Обыватели Воронежской и Белгородской провинций, например, должны были поставить с человека по два четверика муки, по четверику овса и по одной восьмой четверика круп, причем везти все это на специальные приемные пункты полагалось за свой счет.

Готовясь к наступлению, Миних одновременно принял целый ряд мер для укрепления российских границ. В первую очередь обновили и отремонтировали укрепления Украинской линии, которая тянулась между Северным Донцом и устьем Орели.

Эта линия представляла собой реданный вал, усиленный различными земляными укреплениями (люнетами, редутами) и пятнадцатью маленькими крепостями. Непосредственно за линией с внутренней стороны располагался ряд блокгаузов, служивших бараками для войск и дополнительными опорными пунктами. Крепости были земляные, составленные из бастионов. Артиллерийское вооружение линии состояло из 180 пушек и 30 мортир и гаубиц.

К началу похода, Украинская линия вполне еще могла называться «новой» — масштабные работы по ее сооружению начались в 1731 г. Но из-за большой протяженности обороны (более 280 км.), содержание укреплений в порядке стало делом непростым, и многие из них стали разрушаться, прежде чем были достроены. Миних распорядился срочно начать ремонтные работы. Однако закончить все до начала войны никакой надежды не было, хотя на стройку согнали свыше 15 тысяч человек. И строительство, и ремонт Украинской линии легли тяжким бременем на плечи местного

населения. Военный историк В. Потто, не склонный вообще то драматизировать события, писал: «Тягость работ, зной, изнурение, недостаток продовольствия и прочее уложили в землю целые тысячи работного люда. Спасаясь от непосильных трудов — «каторжных», как выражался о них народ, — украинцы толпами бежали на Дон, а на место бежавших от полков и деревень тотчас же требовались новые люди. ... Долго помнили украинцы это тяжелое время, и следы его поныне остались в народном сознании, в песне, которая говорит не без горькой иронии:

«Посіялы, пооралы,
Да некому жаты:
Пошли наши казаченьки
Линіи копаты...»

Напряженно готовился к войне и флот. В конце июля 1735 г. командир Донской флотилии вице-адмирал Змаевич спустил на воду 9 больших и 6 малых прамов, 15 галер и 30 мелких судов. Но в конце августа Змаевич умер, и на его место назначили вице-адмирала Петра Петровича Бредалья, который служил главным командиром Архангельского порта. Лишь в ноябре Бредаль смог добраться до Таврова из-за чего работы на верфях приостановились. Впрочем, новый командир быстро поправил дело, подтвердив свою репутацию очень энергичного моряка. Его стараниями к началу апреля 1736 г. было построено еще 20 галер.

Без сомнения, наиболее трудным вопросом стал для русского командования выбор направления главного удара. Князь Василий Голицын в конце XVII века и генерал Леонтьев в 1735 г. пытались пробиться в Крым и потерпели неудачу. Неудачей закончился предпринятый Петром I в 1711 г. Прутский поход. И Дунайские земли, и Крым в сознание русских военачальников и солдат были тесно связаны с поражениями. Овладение Азовом то же не было легким делом, но, ко всему прочему, оно не могло принести окончательной победы: на берегах Керченского пролива по-прежнему стояла грозная крепость Еникале, а в устье Кубани — другая, не менее мощная твердыня — Аджы. Поддержка со стороны Австрии выглядела весьма проблематичной, а от Польши можно было ожидать даже враждебных действий. В свете всего сказанного не может не поразить размахом и смелостью общий план кампании, начертанный Минихом в начале 1736 г. В одном из писем к Бирону он утверждал:

«На 1736 г.: Азов будет наш. Мы станем господами Дона, Донца, Перекопа, владений ногайских между Доном и Днепром по Черному морю, а может быть и сам Крым будет нам принадлежать.

На 1737 г.: подчиняется весь Крым, Кубань, приобретается Кабарда, Императрица — владычица на Азовском море и гирле между Крымом и Кубанью.

На 1738 г.: подчиняется, без малейшего риска, Белгородская и Буджакская орды по ту сторону Днепра, Молдавия и Валахия, которые стонут под игом турок. Спасаются и греки под крыльях Русского орла.

На 1739 г.: знамена и штандарты Ея Величества водружаются... где? В Константинополе».

Таким образом, задолго до Екатерины II Б.-К. Миних, составил свой «греческий проект», свой план создания огромной империи, поглотившей владения османов. Что же касается ближайшего будущего, фельдмаршал собирался начать наступление одновременно в двух направлениях: на Азов и на Крым. Второе многим казалось нереальным. Необходимость идти крымскими степями, подвергаясь постоянным нападениям татар, тяжелый штурм Перекопских укреплений, обход которых считался невозможным, все это пугало даже бывалых военачальников. Кабинет министров направил Миниху «рассуждение», содержащее анализ трудностей крымского похода, и жесткое распоряжение на случай, если такой поход все-таки состоится, не оставлять войско в Крыму, а только разорить его и идти назад. Фельдмаршал, напротив, упорно настаивал на двойном ударе, надеясь разделить силы неприятеля и не дать крымским татарам подойти на помощь турецкому гарнизону Азова. Для большей безопасности войск, блокирующих Азовскую крепость, он также планировал направить отряды донских казаков на Кубань против кубанских татар и калмыков Дундука-Омо. Чтобы застать турок и татар врасплох, Миних, по собственным словам, пытался «неприятелю всякую ласку оказывать» и даже запретил запорожским казакам ходить в набеги.

Для выполнения задуманного были сформированы две армии: одна — на Дону, для осады Азова, со сборным пунктом в крепости Св. Анны, а другая — на Днепре, для похода в Крым, со сборным пунктом в Царичанке. Общая численность Днепровской армии составляла около 85 тысяч человек. Из них солдаты и офицеры регулярных воинских частей насчитывали 44 тысячи человек (19,7 тысячи — драгуны, 24,4 тысячи — пехота); ландмилиция, гусары и слободские полки — 11 тысяч человек; донские, малороссийские, чугуевские и запорожские казаки - 30 тысяч человек. Следовательно, Днепровская армия почти на половину состояла из нерегулярных и полурегулярных воинских формирований. По роду оружия в ней, считая казаков, преобладала кавалерия, на которую приходилось до двух третей всего войска. Артиллерии было очень немного: всего 94 пушки разного калибра. Иными словами на каждые девятьсот воинов взяли всего одно артиллерийское орудие. Таким образом, при формировании Днепровской армии явно учитывался характер потенциального неприятеля — крымских татар. Подвижной татарской коннице противостояло также весьма мобильное соединение, которое к тому же в значительной степени состояло из людей, хорошо знавших специфику «степной войны». Командование Днепровской армией Миних принял на себя, а его заместителем стал принц Гессен-Гомбургский.

Донская армия насчитывала около 46 тысяч человек, в том числе: 6 тысяч драгун, 31 тысячу пехотинцев регулярных армейских полков и 8 тысяч донских казаков. Кроме того, в ее состав вошли 284 осадных орудия, при которых состояло более 600 человек артиллеристов и инженерная рота численностью в 200 человек. Бросается в глаза, что Донская армия была столь же хорошо приспособлена для решения своих, специфических задач, как и Днепровская. Многочисленный артиллерийский парк, который включал, среди прочих, 33 пушки, способные стрелять ядрами весом по 24 фунта (почти 10 кг.), вполне мог справиться с укреплениями Азова. Значительное количество регулярной пехоты диктовалось, как необходимостью вести правильную осаду, так и возможностью полевых сражений с турками, противником гораздо более организованным, чем татары. Пост командующего Донской армией занял генерал-аншеф П. П. Ласси, который должен был находиться «под Миниха главной дирекцией и поступать по его наставлению». При Ласси учреждался «полный генералитет» (штаб) в составе заместителя командующего генерал-ашефа В. Я. Левашова, генерал-вагенмейстера (ответственного за транспорт) Берга, генерал-провиантмейстера Палибина, начальника артиллерии майора Шульца, четырех обер-квартирмейстеров и генерал-гевальдигера (военного юриста).

По маршруту движения войск были созданы провиантские магазины, которые снабжались из центральных, украинских магазинов. Для их прикрытия строились «добрые шанцы, редуты и ретрашементы». Руководство снабжением осуществлял учрежденный марте 1736 г. «походный комиссариат», объединивший генерал— и обер-провиантмейстеров обеих армий.

В конце февраля 1736 г., пока в Петербурге еще спорили о плане кампании, Миних выехал из города Изюма и через неделю прибыл в крепость Св. Анны. Здесь он узнал от казаков, что гарнизон Азова не превышает двух тысяч человек, и турки не могут доставить в крепость подкрепления, так как стоит «верховая погода» т. е. ветер дует с верховьев Дона, не позволяя судам войти в реку. Казаки сообщили также, что земля уже оттаяла, а значит можно «строить апроши». Фельдмаршал принял решение срочно выслать вперед тысячу донских казаков и калмыков под началом старшины И. М. Краснощекова, чтобы они напали на татар, кочевавших под Азовом, и не дали им оказать поддержку турецкому гарнизону. В помощь донцам для этой операции решено было привлечь кабардинцев и терских казаков, которым направили соответствующие распоряжения.

После этого, Миних приказал имевшимся в крепости Св. Анны войскам готовиться к выступлению в поход. Отвергнув первоначальный план, он решил лично начать осаду с теми силами, что были у него под рукой: всего 18,5 тысяч человек. Сам Миних аргументировал это решение удобным стечением обстоятельств, но многие современники полагали, что честолюбивый полководец не захотел делиться славой с Ласси.

13 марта передовой отряд русских войск переправился на левый берег Дона. На следующий день инженер-прапорщик Малыгин доложил Миниху, что два городка защищающих подступы к Азову по обеим сторонам Дона (в русских источниках эти укрепления именовали каланчами) полуразрушены, а их гарнизоны невелики. Для нападения на «каланчи» Миних выделил специальный отряд под началом генерал-майора фон Спаррейтера (200 гренадер, 300 фузилеров, 100 минеров и артиллерия), а сам во главе

2,5 тысяч пехотинцев направился под Азов. По дороге к нему присоединились казаки И. М. Краснощекова и еще несколько отрядов пехоты. Так что, когда фельдмаршал 19 марта встал лагерем под Азовом, в его распоряжении находилось пять тысяч человек, т. е. менее трети тех сил, с которыми предполагалось вести осаду крепости.

Неожиданно начавшиеся снежные бури дважды заставляли фон Спаррейтера откладывать штурм каланчей. Только в ночь на 20 марта (вместо 18-го) его воины атаковали и захватили укрепления на левом берегу Дона. После этого гарнизон «правой каланчи» капитулировал без сопротивления. Следует заметить, что когда разворачивались эти события, война еще не была объявлена, и турецкий комендант Азова совершенно растерялся. Лишь потеряв передовые укрепления, он приказал открыть по осаждавшим артиллерийский огонь.

После детальной разведки, Миниху стало ясно, что гарнизон крепости гораздо больше, нежели он полагал, и предпринять что-нибудь, кроме пассивной осады, невозможно. Стремясь, хотя бы сделать осаду достаточно плотной, командующий приказал фон Спаррейтеру, овладеть маленькой крепостью Лютик, которая располагалась к северу от Азова и господствовала над устьем Мертвого Донца (одного из рукавов Дона). Гарнизон Лютика насчитывал всего сотню янычар, но припасов в нем хранилось очень много. Вечером 23 марта отряд фон Спаррейтера подошел к Лютику с востока. Одновременно донские казаки проникли на лодках в устье Мертвого Донца с моря и появились у западной стены крепости. Перепуганный гарнизон, не приняв боя, бросился бежать к Азову, но был взят в плен казаками. Сам Миних в своих мемуарах впоследствии писал: «Я послал генерал-майора Спаррейтера с двумястами пехотинцев на лодках атаковать Лютик. Застигнутые врасплох янычары без сопротивления оставили эту крепость, вследствие чего город Азов был окружен со всех сторон; я укрепил позиции занятые моей малочисленной пехотой, окопами и, отрыв тотчас траншею, начал бомбардировать город, чем и началась осада».

Правда, существовало одно обстоятельство, о котором Миних в своих мемуарах умолчал. Осадная артиллерия к Азову еще не прибыла, так что бомбардировать город пришлось из пушек, снятых со стен крепости Св. Анны. 24 марта в русский лагерь прибыл генерал-майор Левашов, которому Миних сдал командование. 26 марта фельдмаршал покинул лагерь под Азовом, чтобы ехать в Царичанку и возглавить поход в Крым. Надо отдать Миниху должное, при всей авантюристности замысла начинать осаду крепости со столь малыми силами, с задачей он справился блестяще. Практически без потерь были взяты передовые укрепления противника («каланчи» и Лютик), донские казаки отогнали от крепости татар, началось строительство осадных сооружений.

Покидая лагерь, командующий составил для Левашова подробную инструкцию о сосредоточении под Азовом необходимого количества войск, доставке осадных орудий, строительстве батарей в устье Дона, о защите самого лагеря ретрашементами и редутами. Инструкция точно устанавливала, где и каким образом должны быть расположены те или иные войска и какие задачи им предстоит выполнять. Многие в этом документе напоминает о том, что Миних был в первую очередь военным инженером, знатоком циркум- и контр-валационных линий, реданов, редутов, фашинов, габитов и прочих премудростей осадной науки. В дополнение к инструкции фельдмаршал написал также «Диспозицию, что должно наблюдать при неприятельском нападении и каким образом против Азова употреблять артиллерию». Однако, ни инструкция, ни «диспозиция» не содержали плана штурма крепости. Оба документа были рассчитаны лишь на планомерную осаду. Впрочем, для штурма у Левашова все равно не хватило бы сил. После отъезда Миниха он продолжал блокировать Азовскую крепость в ожидании подкреплений и вести интенсивные инженерные работы.

В начале апреля осаждавшие закончили сооружение Главного лагеря, который находился в полутора верстах к востоку от крепости, на берегу реки Азовки, левого притока Дона. Еще один лагерь построили к юго-западу от Азова, в долине реки Узяк. Оба лагеря были защищены ретрашементами, вооружены крепостными пушками и служили опорными пунктами на флангах линии осады. Между лагерями тянулись линии редутов, реданов и флешей, наглядная демонстрируя мысль выдающегося французского фортификатора Себастьяна Вобана: «Чем больше земли, тем меньше крови в сражении». Особенно важная роль отводилась четырем редутам на правом фланге осаждавших, в которых стояли три мортиры для стрельбы огромными бомбами весом по пять пудов (80 кг.), привезенные из крепости Св. Анны. 26 марта эти чудовищные орудия открыли огонь.

3 апреля турецкий гарнизон впервые решился на крупную вылазку. Из крепости вышло свыше шестисот пеших и конных воинов, которые напали на русский обоз, находившийся под защитой всего лишь сотни конвойных. Солдаты, однако, не растерялись и, выстроив из повозок вагенбург, отбивались в течение двух часов, пока к ним на помощь не подоспели казаки. Через два дня, 5 апреля турки вновь произвели вылазку. На этот раз в ней участвовало пять сотен пеших янычар и свыше тысячи конников. Главный удар противника был нацелен на правый фланг русской позиции, как раз на редуты с мортирами, наносившими крепости сильный ущерб. Но, несмотря на все усилия нападавших, взять редуты им не удалось. В этом бою погибло более 100 турок, а русские потеряли 17 человек. Наконец, 25 апреля на вылазку вышел крупный отряд крымских татар, но он попал в засаду, устроенную донскими казаками, и был вынужден спасаться бегством. После этих трех неудачных вылазок защитники крепости на некоторое время отказались от активных действий.

4 мая под Азов прибыл П. П. Ласси, который только что получил чин фельдмаршала и пережил по пути к месту назначения немало приключений. Еще 17 марта Ласси оставил свою армию под Веной и отправился в Царичанку на почтовых лошадях, преодолевая за день по 80 км. С невероятной для того времени быстротой он добрался до расположения Днепровской армии, где 16 апреля встретился с Минихом, получил от него инструкции и уже через два выехал к Азову в сопровождении конвоя из 40 солдат ландмилиции. В степи, между крепостями Бузовая и Изюм, на него напал большой отряд татар. В произошедшей схватке половина милиционеров погибла, а сам Ласси едва ускорил верхом. К 31 апреля он был уже в крепости Св. Анны, из которой и добрался до Азова. Остается добавить, что храброму воину в то время шел 58-й год.

Вообще Петр Петрович Ласси являлся личностью явно незаурядной. Ирландец по национальности, он еще в 1700 году поступил на русскую службу, участвовал в Северной войне, Прутском и Персидском походах. В 1727 г. он выполнил весьма деликатное поручение Меншикова, выдворив из Курляндии претендовавшего на герцогский престол Морица Саксонского, а в 1735 г. командовал армией, направленной русским правительством на помощь австрийцам. Многие современники сравнивали Ласси с Минихом и выводы чаще всего были не в пользу последнего. По их мнению, при несомненных воинских дарованиях Ласси отличался от Миниха полным равнодушием к придворным интригам и склокам.

Осмотрев войска, Ласси с огорчением признал, что они находились «весьма не в состоянии». В полках, особенно вернувшихся из Персии, было много больных воинов и совсем молодых рекрутов, «кои солдатской должности еще не заобвыкли». Не хватало обмундирования, провианта и даже ружей. Причина этих бед заключалась в крайней неповоротливости российской бюрократии. Все распоряжения по доставке в армию необходимых припасов исполнялись медленно, сопровождалась вечной волокитой утомительными «сношениями» и «сообщениями». Тем не менее, уже 8 мая Ласси перешел к активным действиям. По направлению к западному и восточному фасадам крепости стали копать апроши. Увидев это, турки сразу же сделали вылазку, но были отбиты.

На следующий день к Азову прибыл контр-адмирал П. П. Бредаль с двумя галерами и несколькими плоскодонными судами, на которых стояли крупнокалиберные орудия. Как показали еще походы Петра I, блокада города с моря являлась необходимым условием победы. 10 мая подошли еще четыре галеры. В целом на всех судах имелось свыше 200 орудий калибром в 18 и 24 фунта.

Получив осадную артиллерию, русские войска с 13 мая приступили к усиленным бомбардировкам противника. Через три дня после этого, янычары предприняли одну из самых массивных за все время осады вылазок. Из крепости вышло более двух тысяч пеших и конных воинов, которые напали на левый фланг позиции, и стали теснить русскую пехоту. Положение спас сам Ласси. Он лично повел в атаку пятьсот гренадер и сотню драгун, обошел нападавших с фланга и погнал их к крепости. Бой продолжался пять часов. С русской стороны были убиты 2 офицера и 19 солдат. Еще 191 чел. были ранены.

22 мая П. П. Бредаль выделил из состава флотилии 6 прамов под началом лейтенанта Костомарова и послал их к устью Дона, чтобы предотвратить попытку деблокады Азова с моря. Мера оказалась очень своевременной, так как вскоре появился флот самого капудан-паши. Однако из-за мелководья турки не смогли двигаться по реке на кораблях, а присутствие русских прамов не позволило им проникнуть в устье на шлюпках.

3 июня враг сделал вылазку на левый фланг и вновь был отбит. У русских погибло 33 человека, из которых пятеро офицеры, получили ранения 823 воина. Защитники крепости так и не смогли остановить осадных работ. К 4 июня русские апроши находились всего в сорока шагах от земляного форштадта, прикрывавшего подступы к крепости. Еще четыре дня спустя, одна из русских бомб попала прямо в пороховой погреб противника. Произошел сильнейший взрыв, в результате которого, в городе было разрушено пять мечетей, более ста домов и погибло 300 человек.

К 10 июня апроши достигли основания форштадта. Желая ускорить ход событий, П. П. Ласси приказал готовиться к открытому штурму вражеских укреплений. Исполнение этой задачи было возложено на специальный отряд в составе трехсот гренадер и семисот фузилеров под командованием полковника Ломана. В ночь с 17 на 18 июня, под прикрытием артиллерийского огня со всех батарей и стоявших на Дону прамов, штурмовая колонна двинулась вперед. Турки отчаянно защищались, но, как сообщал впоследствии Ласси, «с немалым трудом и с боем нашими людьми форштадтные при Азове ближние палисады взяты». Потери русских во время атаки были невелики: 5 солдат убитыми, 38 солдат и 2 офицера ранеными. Общая численность войск Ласси к тому времени достигла 25 тысяч человек.

После падения форштадта, комендант крепости Мустафа-ага направил в русский лагерь письмо с предложением, сдать город. 19 июня начались переговоры. Сначала Ласси настаивал на полной капитуляции, но турки решительно отказались. Комендант даже заявил, что предпочтет «погибнуть под развалинами крепости». В конце концов, защитникам Азова было разрешено проследовать под конвоем русских войск в турецкую крепость Ацука, причем до возвращения конвоя «лучших по паше три персоны» из турецкого командования оставались в заложниках. Город Азов считался перешедшим «в подданство Ея Императорского Величества».

По сообщению коменданта, перед началом осады гарнизон Азова насчитывал около шести тысяч человек (а не две тысячи, как полагал Миних). Потери турок составили 2487 воинов. Кроме того, было убито и умерло от болезней 1200 жителей города. Русские потеряли 295 человек убитыми и умершими от ран, 1343 человека ранеными, 22 — пропавшими без вести. Всего по Азову было выпущено свыше 17 тысяч пушечных ядер и около 5 тысяч бомб. Осада и взятие Азовской крепости стало настоящим гимном правильной осаде с возведением многочисленных инженерных сооружений и массированными обстрелами неприятеля.

Овладев Азовом, Ласси предоставил своей армии непродолжительный отдых. Но уже 4 июля он приказал генерал-лейтенанту Г.-О. Дугласу с Казанским и Нижегородским драгунскими полками идти, через город Изюм, к Перекопу на помощь Миниху. Затем туда же направился и он сам, с одним (Псковским) драгунским и восемью пехотными полками. Комендантом Азова был оставлен генерал-лейтенант А. Г. Загряжский. Общее командование в Азове и в крепости Св. Анны принял на себя Б. Я Левашов.

Б.-К. Миних, оставив позицию под Азовом 26 марта, к 7 апреля достиг Царицынки, где с огорчением обнаружил, что полки к походу еще не готовы. Впрочем, война тоже еще не была объявлена, и бои под Азовом формально начали не воюющие друг с другом державы. Даже когда в начале апреля до Стамбула дошли вести об осаде крепости на Дону, с русским резидентом Вешняковым продолжали обращаться вежливо и, вопреки обычаю, в Семибашенный замок не посадили. Причина такого «добродушия» заключалась в крайне неприятной для османов ситуации в Персии. В самом начале февраля 1736 г. Кули-хан окончательно отстранил от власти и Тахмаспа, и его малолетнего сына Аббаса, официально провозгласил себя правителем и стал править под именем Надир-шаха. Этот смелый и энергичный военачальник был убежденным сторонником войны с Турцией и неоднократно наносил ей жестокие поражения.

Вешняков, хорошо видя за сдержанностью турок их слабость, всемерно побуждал свое правительство действовать решительнее. «Дерзновенно и истинно донесу, — писал он в Петербург, — что в Турции нет ни начальников политических, ни руководителей военных... Все находится в страшном расстройстве и при малейшем бедствии будет находиться на краю бездны. Страх перед турками держится на одном предании, ибо теперь турки совершенно другие, чем были прежде: сколько прежде они были воодушевлены духом славы и свирепства, столько теперь малодушны и боязливы, все как будто предчувствуют конец своей незаконной власти... Татары, зная все это, теперь, как здесь говорят, в верности Порте начинают колебаться. Насчет христианских подданных турки опасаются, что все восстанут, как только русские войска приблизятся к границам.

Здесь константинопольские греки (фанариоты — А. М.) большею частью бездельники, ни веры, ни закона не имеющие, их главный интерес — деньги, и ненавидят нас больше самих турок, но греки областные и еще более болгары, волохи, молдаване и другие так сильно заботятся об избавлении своем от турецкого тиранства и так сильно преданы России, что при первом случае жизни не пожалеют для Вашего Императорского Величества, как уповаемой избавительницы. Все это турки знают».

В начале апреля Миних отправил из Царичанки к реке Самаре небольшой отряд пехоты во главе с подпоручиком Муромского полка Болотовым для разведки местности. Такое же поручение получил конный отряд полковника Лесевицкого, но ему следовало также установить «посты летучей почты» и постоянно сообщать в Царичанку о возможных передвижениях противника. Торопясь начать наступление, Миних решил вести войска к Самаре пятью колоннами, которые отправлялись бы в поход по мере готовности.

11 апреля из Царичанки выступила первая колонна под началом генерал-майора Шпигеля, включившая четыре пехотных и два драгунских полка. По иронии судьбы, на следующий день, 12 апреля 1736 г. А. И. Остерман направил турецкому визирю письмо, гласившее: «...желание России найти удовлетворение за оскорбление и урон, причиненные сей Портой миронарушительными предприятиями, и установить мир, на условиях могущих гарантировать более прочным образом безопасность государства и подданных, вынуждают двинуть против турок свои войска». Война, наконец, была объявлена.

Через день после выступления Шпигеля, 13 апреля за ним двинулся с одним пехотным и тремя драгунскими полками полковник Девиц. Дальнейшее движение осуществлялось в следующем порядке:

14 апреля в поход отправилась колонна генерал-лейтенанта М. И. Леонтьева (шесть регулярных полков и 10 тысяч человек ландмилиции);

17 апреля — колонна принца Л.-В. Гессен-Гомбургского (один пехотный полк, три драгунских полка, полевая артиллерия, чугуевские и малороссийские казаки);

19 апреля — колонна генерал-майора В. А. Репнина (четыре пехотных полка и один драгунский).

Все остальные полки Днепровской армии, располагавшиеся на квартирах на Украине, должны были постепенно стягиваться к Царичанке. На них возлагалось также конвоирование транспортов с провизией и амуницией. Полкам, стоявшим на Дону и Донце, предписывалось идти самостоятельно, «кратчайшими трактами» к реке Самаре. Назначенные в поход четыре тысячи донских казаков также шли с Дона отдельно от других войск, с которыми им надлежало встретиться уже у Каменного Затона. Колонны двигались таким образом, чтобы «одна команда от другой одного дни маршем в расстоянии имелась».

14 апреля авангардная колонна Шпигеля вышла к реке Самаре и навела через нее два деревянных и два понтонных моста. Форсировав реку, двумя днями позже, она остановилась, и солдаты начали строительство двух опорных пунктов. Один из них возводили у впадения Самары в Днепр, а другой — на самой Самаре, на месте старинной Богородицкой крепости.

Для строительства первого, Усть-Самарского укрепления Миних умело использовал находившуюся здесь более старую крепость, которую приказал обнести обширной земляной оградой, превратив, таким образом, в подобие редана. Под защитой ограды разместились казармы, офицерские квартиры и лазарет. Еще два укрепления были расположены на близ лежащей высоте к востоку от крепости. Вся эта система с открытой, «приступной» стороны от реки Самары до Днепра имела дополнительную защиту в виде линии рогаток и столбов. Комендантом Усть-Самарского укрепления назначили полковника Чичерина, а его гарнизон составили солдаты из Полтавы и Переволочны. Богородицкую крепость обнесли со всех сторон высоким земляным валом, а на старом, собственно крепостном валу, поставили ряды рогаток.

Впрочем, уже 19 апреля колонна Шпигеля отправилась дальше, а ей на смену, на Самару прибыли колонны М. И. Леонтьева и, днем позже, принца Гессен-Гомбургского. В день выступления принца от Самары 22 апреля к реке подошла колонна Репнина. Русская армия действовала подобно хорошо отлаженному механизму. Подкрепляя друг друга, колонны шли вперед, создавали по дороге укрепления и магазины. С переходом через Самару Днепровская армия вступила на неприятельскую территорию. Поэтому Миних стал требовать, чтобы каждый отряд «во время вражеского нападения один одного сикурсовать (поддерживать — А. М.) мог». На привалах колонны обязательно окружали свой лагерь рогатками или строили из повозок вагенбург. Однако никаких известий о

противнике не было. Главной трудностью для войск стали длительные переходы и строительство укреплений. Генерал-майор Шпигель доносил 20 апреля с берегов реки Волпянки: «И как в немалых маршах, так в работах и переправах очень людям трудно, ибо днем маршируют, а ночью работают и такой труд имеют, что уже пехотных полков люди едва ходить могут». Тем не менее, офицеры даже занимались «научными» изысканиями. Ради любопытства раскопали несколько курганов и «открыли в них сосуды с пеплом, а на дне несколько золотых или медных монет с полуистертыми арабскими надписями»

26 апреля 1736 г. Миних лично прибыл к авангардной колонке Шпигеля, достигшей к тому времени реки Бурчик, в трех днях пути от Каменного Затона, 28 апреля было днем коронации Анны Иоанновны, и командующий хотел устроить пышные торжества перед броском в Крым. Постепенно подтягивались и другие части. К 4 мая под началом Миниха на правом берегу реки Белозерки собралось 10 драгунских и 15 пехотных полков (всего 28238 человек), 10 тысяч человек ландмилиции, 3 тысячи запорожских казаков, 13 тысяч малороссийских казаков, гусары, слободские и чугуевские казаки. Всего свыше 58 тысяч человек.

В Каменном Затоне состоялся военный совет, который должен был решить, каким путем идти в Крым: прямо через степь или вдоль берега Днепра через Кызы-Кермен.

Выбрали второй вариант. Остановкой на Белозерке Миних воспользовался для того, чтобы написать в Петербург донесение насчет Украинской линии. По расчетам фельдмаршала для работ на ней требовалось не менее 53 тысяч человек, но управлявший Украиной князь Алексей Шаховской сообщил в столицу о невозможности собрать такое количество рабочих. Князь также полагал, что использование на строительстве казаков нежелательно, так как с них «податей брать будет нельзя». В ответ Миних заявил: «Я прошлую зиму по узкой и не прямой дороге, с опасностью для жизни объехал кругом всю линию и осмотрел все подробно; я нашел, что необходимо прикрыть новую линию Бахмутскую провинцию с ее соляными варницами и магазином в Изюме. ...Бахмутская провинция, лежащая открыто по той стороне близ турецкой границы, забыта. Какие следствия? Не только тамошние жители и приезжие за солью захватываются в плен татарами, но и генерал Леси (Ласси — А. М.) во время проезда через степь подвергся нападению и грабежу и едва успел спастись под защиту линии... Ваше Величество потеряли многие тысячи подданных своих, которые умножают число турецких рабов и отчасти против нас самих служат. Такие разбойничества утаиваются, об них не доносят, и никто лучше генерала Шаховского об них не знает, ибо ему ежегодно известна прибавка и убавка жителей во всей Украине... Ваше Величество, благоволите генерала Ушакова или другого какого-нибудь верного человека, хотя на один месяц, прислать в Бахмутскую провинцию и изюмские города: он на тамошнее разорение, так же как и я, без слез смотреть не будет, как не только дворы, но целые улицы и слободы давно впусте лежат, и тогда узнается, что разорение народноен происходит от чего-нибудь другого, а не от работы на линии».

Доводы Миниха были красноречивы, а его апелляция к авторитету главы Тайной канцелярии выглядела, более чем зловеще для противников строительства. Вскоре работы на линии возобновились. Однако обвинения в адрес Шаховского произвели немалое смятение при императорском дворе. Князь числился в друзьях (точнее клевретах) Бирона, слал ему доклады по делам, не имевшим к должности обер-камергера никакого отношения, и, пользуясь расположением фаворита, даже не поехал на Украину, а жил в Москве. По воспоминаниям племянника Алексея Шаховского Якова, Бирон, узнав о письме Миниха, стал порицать князя и говорил, что по его вине «малороссийское казацкое войско, к армии в Крым идти готовящееся, больше похоже на маркитантов, чем на военных людей». Младший Шаховской, заступаясь за дядю, ответил: «...Может быть, фельдмаршал граф Миних оного войска сам еще не видал, а кто ни есть из подчиненных, дяде моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовал». Тогда Бирон стал громко кричать и среди прочего заявил: «Вы, русские, часто так смело в самых винах себя защищать дерзаете». Яков Шаховской, тем временем, заметил, что за портьерой стоит императрица и внимательно их слушает. Так в перепалке, как бы между делом, компетентность Миниха была поставлена под сомнение, да еще в присутствии государыни. Для Алексея Шаховского притворный гнев фаворита никаких последствий не имел. Бирон все сильнее, и сильнее завидовал военной славе Миниха, боялся и ненавидел его.

4 мая авангард русской армии выступил от реки Белозерки в дальнейший поход. Командовал передовым отрядом по-прежнему генерал-майор Шпигель. На следующий

день двинулись вперед основные силы под командованием принца Гессен-Гомбургского. С ними ехал и Миних. Кроме того, для защиты тылов был выделен арьергардный отряд во главе с генерал-майором Гейном, а для доставки в армию припасов — обоз, защита которого поручалась крупному отряду подполковника Фринта.

7 мая авангард достиг Кызы-Кермена, где вновь началось устройство опорного пункта. Солдаты возвели мощный ретрашемент, усиленный со стороны степи шестью редутами, которые протянулись на 33 км. Еще десять редутов построили между Белозерским и Кызы-Керменским укрепленными пунктами. В каждом редуте разместился маленький гарнизон в 40-50 человек из заболевших солдат и казаков, «кои к походу не весьма способны». По пути к Кызы-Кермену казаки вблизи армии Минина стали появляться маленькие отряды (или, как тогда говорили, «партии») татар, но в бой они не вступали. Для разведки местности Шпигель выделил из состава своих сил рекогносцировочный кавалерийский отряд под началом полковника Кречетникова (400 драгун, 150 гусар, одна сотня казаков Изюмского слободского полка, 500 малороссийских и «все доброконные» запорожские казаки). Еще по отряду, полковников Виттена (1200 чел.) и Тютчева (1400 чел.), направили на разведку М. И. Леонтьев и принц Гессен-Гомбургский. Разведчики должны были держаться поближе друг к другу и «ежели увидят или услышат, которой партии стрельбу, то, как наискорее с поспешением сикурсовать». Для сообщения между рекогносцировочными отрядами назначались два отряда, меньшей численности, под общим командованием подполковника В. В. Фермора.

Выдвинувшись перед авангардом армии на восемь верст, разведчики Виттена обнаружили две сотни ногайских татар, напали на них, большую часть перебили, а двоих захватили в плен. Эти пленные сообщили, что в двадцати верстах, близ урочища Черная Долина, стоит 100-тысячная татарская армия во главе с самим ханом. Известив Миниха, Виттен соединил все разведывательные отряды вместе и, для проверки полученных сведений, продолжил движение вперед. Всего в его распоряжении имелось 3800 драгун и казаков.

Утром 8 мая, отряд Виттена подошел к большому татарскому лагерю. Как выяснилось позже, это была стоянка наследника ханского престола, калги-султана, который отделился от армии хана, с такими же целями, как и Виттен — от своей. Завидев неприятеля, татарская конница немедленно бросилась в атаку. Русские командиры стали быстро строить драгун в каре, а запорожским и малороссийским казакам приказали прикрыть фланги. Однако при первом же натиске татар, малороссы бежали, и вся мощь вражеского удара обрушилась на не достроившееся каре. Драгуны отбивались с исключительным мужеством, но приходилось им очень трудно: в спешке на задний фас каре поставили только одну шеренгу солдат. Спешивший на помощь Виттену с отрядом кавалерии Шпигель был остановлен 15-тысячным татарским войском и сам едва не попал в окружение.

Поняв, что началось большое сражение, Миних с малочисленным конвоем пробился к отряду Шпигеля, который встал в каре, и лично приказал ему удерживать позицию. Затем, внимательно рассмотрев с одного из холмов ход боя, он, в сопровождении всего восьмидесяти драгун и сотни казаков, поехал назад, к главным силам. По пути на конвой Миниха напало пятьсот татар. Произошла схватка, в которой командующий чудом избежал гибели. Битва длилась весь день. К семи часам вечера на помощь Виттену и Шпигелю подошел отряд Леонтьева численностью почти в три тысячи человек. По приказу Миниха, он прямо на ходу постоянно стрелял из пушек. Татары, услышав грохот канонады, сразу же отступили, оставив на поле боя более двухсот человек убитыми. Потери русских составили около 50 человек убитыми и ранеными, прием раны получили сам генерал Шпигель и полковник Вейсбах.

Первое крупное столкновение с татарами показало эффективность использования против татарской конницы спешенных драгун, выявило их стойкость и хорошую подготовку. Методично, не нарушая порядка, даже малочисленное каре успешно сдерживало натиск неприятеля. Нельзя не отметить также медлительность генерала М. И. Леонтьева: получив приказание около 11 часов утра, он только к 7 часам вечера добрался до поля сражения, лежавшего в 16 километрах от места расположения его отряда. Б.-К. Миних проявил незаурядное личное мужество, но в его поездке к отряду Шпигеля, в самостоятельном проведении рекогносцировки сказались, кроме храбрости, еще одна, менее привлекательная черта характера: фельдмаршал не доверял своим подчиненным и потому предпочитал все делать сам.

Бежавшие с поля боя малороссийские казаки были преданы суду. Миних писал по этому поводу: «Понеже при бывшей акции при Черной Долине некоторые Малороссийские казаки, как я сам мог видеть, от страху бежали... за оную их вину в страх другим упустить им никак не надлежит, а потому над ними содержат кригс-рехт».

Пленные татары рассказали Миниху, что главные силы хана стоят в восьмидесяти верстах от места битвы. 11 мая армия продолжила путь, причем, в виду близости татар, все отряды построились в одно общее каре. Стороны (фасы) гигантского прямоугольника образовали регулярные полки, вставшие в четыре шеренги. Драгуны шли в пешем строю, отдав коней малороссийским казакам, которые образовали пятую (внутреннюю) шеренгу. Артиллерия размещалась впереди и по углам каре, а иррегулярные войска — в центре. Движение каре требовало четкой согласованности действий всех воинских частей, и было очень утомительным для солдат и офицеров, но никакие трудности остановить Миниха не могли. К тому же, как сообщает в своих записках участник похода К.-Г. Манштейн, казаки захватили нескольких турецких гонцов и нашли у них письма, из которых стало ясно, что турки не вышлют армии на помощь хану.

14 мая войско Миниха подошел к реке Каланчик, где вновь был заложен редут. Здесь к армии присоединились донские казаки в числе четырех тысяч человек. Они прибыли без какого-либо провианта и регулярным полкам пришлось снабжать их из своих запасов. На следующий день русские подверглись крупному нападению татар. Каре встретило неприятеля шквальным огнем. Миних приказал завести повозки внутрь каре и разместить на них казаков, которые палили из ружей через головы стоявших в шеренгах солдат. Эта импровизированная двухъярусная оборона оказалась для врага совершенно неприступной. А. Байов писал: «Татары с дикими криками и обнаженными саблями атаковали армию со всех сторон. Едва они приблизились, как их встретили сильным ружейным и картечным огнем. Отбитая атака повторялась еще несколько раз в течение двух часов. Чтобы положить конец этим атакам, Миних двинул вперед свою армию, после чего татары отступили, оставив на месте значительное число убитых. У русских потерь не было».

Это была последняя попытка татар остановить продвижение русских, после которой все их отряды отошли за Перекопские укрепления. Сын фельдмаршала, Эрнст Миних следующим образом подводил итог первому этапу похода: «Как скоро..., российская армия от Днепра сюда (в Крым — А. М.) поворотила, то татары вышли уже к ней навстречу, отведать своего счастья многократными нападениями, но вскоре от полковых пушек отступили они на такое расстояние, что их стрелы мало или совсем ничего не действовали. Когда же они и тут долго мешкали, то начали бросать в них из мортир бомбы, от которых они, как прах от ветру, засеялись».

17 мая Миних подошел к Перекопу и встал лагерем на берегу Гнилого моря (Сиваша). Впервые со времен Василия Голицына русские полки подошли вплотную к воротам Крымского ханства. Преграждавшая им путь, Перекопская линия пересекала весь перешеек от Черного моря до Сиваша и представляла собой земляной вал высотой около двадцати метров. Перед валом располагался ров шириной почти 26 метров. Между рвом и валом, однако, оставалась довольно широкая площадка (берма), на которой могли сосредоточиться атакующие войска. По всему валу стояли семь каменных башен, служивших дополнительными узлами обороны и способных вести огонь вдоль рва (говоря, по-военному, фланкировать его). Единственный проход за линию защищали каменные ворота, находившиеся в трех километрах от Сиваша и в семи километрах от побережья Черного моря. Ворота эти были вооружены артиллерией, а сразу за ними стояла крепость Ор-Кап, гарнизон которой состоял из четырех тысяч янычар и сипахов. Перед воротами располагалось небольшое селение, прикрытое еще одним, невысоким валом. По линии были расставлены 84 пушки, сконцентрированные преимущественно в башнях и крепости.

Подойдя к Перекопу, Миних потребовал от хана капитулировать и признать владычество императрицы. Хан в ответ стал тянуть время, ссылаясь на мир с Россией и уверять, что все набеги делали не крымские, а ногайские татары. Не видя причин медлить, фельдмаршал стал готовиться к штурму. Уже в день прибытия армии напротив крепости Ор-Кап был возведен редут на пять пушек и одну мортиру, который на рассвете 18 мая открыл огонь по воротам и самой крепости. Штурм был назначен на 20 мая. Для его осуществления Миних разделил войска на три большие колонны (каждая из пяти плутонговых колонн) под командованием генералов Леонтьева, Шпигеля и Измайлова. Им следовало нанести удар в промежуток между крепостью Ор-Кап и Черным морем. Одновременно казаки должны были произвести демонстративную атаку на саму крепость.

Драгуны спешили и присоединялись к пехотным полкам. В каждой атакующей колонне солдаты третьего плутонга были обязаны нести с собой топоры и рогаточные копья. Всем атакующим выдали по 30 патронов, а гренадерам, сверх того, по две ручные гранаты. Миних распорядился также снабдить гранатами часть фузилеров (по одной гранате на человека). Артиллерия, как полковая, так и полевая, получила приказ следовать при колоннах, а пушки, установленные на редутах, — прикрывать атаку своим огнем. Всего для штурма выделялись 15 пехотных и 11 драгунских полков общей численностью приблизительно в 30 тысяч человек. Перед самым штурмом Миних объявил, что тот из офицеров, кто взойдет на вал первым, будет произведен в следующий чин.

Еще одно, любопытное, указание фельдмаршала звучало так: «...неприятельского крику не бояться, ибо, когда они закричат, то уже скоро побегут». Хорошо известно, что татарские (и вообще азиатские) воины всегда шли в бой с устрашающими воплями, которые, действительно, могли напугать и деморализовать противника. Через много лет после Миниха, служивший в Средней Азии М. Г. Черняев вспоминал о том, как ужасны были боевые кличи атаковавших хивинцев и кокандцев. Предусмотрительный командующий явно хорошо понимал, с кем он имеет дело. 19 мая генерал Штофельн, по приказу Миниха, произвел под сильным вражеским огнем рекогносцировку того участка укреплений, который предстояло штурмовать. Около 8 часов вечера того же дня русские войска стали выдвигаться на исходные позиции.

На рассвете 20 мая приступ начался. По данному сигналу полевая артиллерия открыла огонь. Затем передняя колонна дала ружейный залп и стремительно бросилась вперед, причем в первых рядах шел священник с высоко поднятым крестом в руках. Солдаты спустились в ров, а затем стали взбираться на вал. При этом им оченьгодились рогатки, которые многие современные историки почему-то считают своим долгом высмеивать, — пехотинцы втыкали рогатки в склон и по ним лезли наверх. В дело шли также приклады и штыки. Вскоре воины не только поднялись на гребень вала, но и втянули за собой на веревках несколько пушек. Татары, совершенно не ожидавшие появления русских на этом участке обороны, бежали. Уже через полчаса после начала штурма российский флаг развевался над Перекопом. Эрнст Миних писал в своих мемуарах: «... Пред рассветом посчастливилось ему (Б.-К. Миниху — А. М.) со всею армиею перейти чрез помянутый глубокий и крутой ров, чего татары совсем не воображали. Они не в дальности оттуда числом около восьмидесяти тысяч человек под предводительством их хана покоились в приятном сне и отнюдь не думали, чтобы так скоро и в темную ночь переправиться было можно».

Вал был очищен, но гарнизоны башен продолжали сопротивление. Одна из них, ближайшая к русской армии, открыла меткий артиллерийский огонь. Миних приказал команде из шестидесяти пехотинцев во главе с капитаном Петербургского пехотного полка Манштейном атаковать башню, что и было сделано. После упорного боя, вражеские пушкарки были частично перебиты, частично взяты в плен. После этого, защитники всех прочих башен поспешно капитулировали.

22 мая турецкий гарнизон крепости Ор-Кап, с разрешения Миниха, покинул линию, чтобы вернуться на родину, а его место заняли восемьсот гренадер под началом полковника Виттена. Еще 2,5 тысячи турок и татар сдались в плен. У стен вражеской крепости был возведен укрепленный лагерь. По официальному рапорту Миниха, за весь штурм Перекопа русская армия потеряла 6 человек убитыми и 177 ранеными. Манштейн в мемуарах пишет, что погибло 30 солдат и 1 офицер. Так или иначе, путь в Крым был открыт ценой ничтожных потерь. Тем офицером, который поднялся на вал первым, оказался подпоручик Владимирского пехотного полка Писарев. Среди захваченных русскими трофеев была подзорная труба Петра I, потерянная государем во время Прутского похода. По словам одного из биографов Миниха, немецкого историка XIX века Августа Германа, фельдмаршал впоследствии никогда с этой трубой не расставался. Эрнст Миних вспоминает также, что во время боев за Перекоп казаки отбили у татар коляску, принадлежавшую самому хану.

Для обсуждения дальнейших действий, 22 мая командующий собрал военный совет. Почти все генералы высказались за то, чтобы не предпринимать экспедиции вглубь Крыма, а, остановившись всей армией у Перекопа, посылать вперед только небольшие отряды для разорения татарских земель. Миних, однако, решил иначе и приказал авангарду под командованием Леонтьева выступить к Кинбурну, хотя в распоряжении командования оставалось всего 47 тысяч солдат. Сокращение армии произошло по двум причинам. Во-первых, приходилось оставлять гарнизоны в построенных и захваченных крепостях. Так в

Перекопе были размещены Рижский драгунский и Углицкий пехотный полки, 1200 малороссийских и запорожских казаков, значительное количество артиллерии под общим командованием полковника Девица. Во-вторых, среди солдат и казаков начались болезни. Все это не остановило полководца. «Миних, влекомый честолюбием и славолюбием, — писал А. К. Байов, — решается действовать вопреки мнению большинства... Надежда на дешевые лавры затемняет способность правильно оценить обстановку...».

24 мая отряд М. И. Леонтьева двинулся вперед. В его состав вошли два драгунских и два пехотных полка, 600 запорожских казаков и 14 орудий разного калибра под командованием капитана Алексея Савельева. На другой день сам Миних повел главные силы (около 35 тысяч человек) к городу Гезлеву, на западном побережье Крыма. Сейчас на месте Гезлева расположена Евпатория, прекрасный детский курорт с теплым морем и нежными песчаными пляжами. Задолго до времен Миниха там же стояла греческая колония Керкенетида: хороший климат и удобные бухты всегда привлекали сюда людей. Но в первой четверти XVIII века татарский Гезлев был также ведущим центром работорговли и одним из самых влиятельных, наряду с Ак-Мечетью и Бахчисараем, городов ханства. Не случайно главную мечеть Гезлева Джума Джуми строил сам Синан, великий архитектор-янычар, автор знаменитой мечети Сулеймание в Стамбуле. Захват Гезлева означал бы сильнейший удар по престижу крымского хана.

28 мая армия Миниха во время переправы через морской залив Балчик, подверглась нападению большого татарского войска. К счастью колонны солдат, разделенные большими интервалами по полторы тысячи шагов, успели сомкнуться и отразили натиск. Узнав, что произведшие нападение татары расположились лагерем в двенадцати верстах от русской армии, фельдмаршал решил отплатить им за налет. С этой целью был составлен отряд из grenадер, драгун, казаков и «всех полков старых и добрых солдат первых шеренг», общей численностью в 5,5 тысяч человек при 12 пушках. Им полагалось взять «кроме доброго ружья, патронов, гранат и хлеба с собой на пять дней в карманах или сумках и на каждую пушку по 50 выстрелов». Командование отрядом принял полковник Гейн, который тщательно построил солдат в каре и начал медленно наступать. Против такого образа действий решительно протестовали полковник Штокман и казачий старшина Фролов, убеждавшие командира, что надо действовать быстрее и, что главное условие их успеха — внезапность. Гейн, однако, настоял на своем. Между тем шедший впереди отряд казаков атаковал вражеский лагерь. Татары быстро сообразили, что численность нападавших не велика. Они ответили контрударом и стали казаков окружать, но с появлением на поле боя каре Гейна отступили. Более трехсот казаков к тому времени погибло. Гейна, за его медлительность, предали суду, лишили всех чинов и дворянства и приговорили к пожизненной службе рядовым.

Но был у русской армии враг гораздо более страшный, чем татары. Этот враг — жажда. На протяжении 150 верст, отделявших Гезлев от Перекопа, русским войскам встретились всего три речки с пресной водой. Прочие вытекали из соленых озер, и вода в них была соленая. Татары засыпали колодцы на пути русской армии или отравляли в них воду. По сообщению участника похода, военного врача Кондоиди, командиры приказали солдатам держать во рту свинцовую пулю, чтобы меньше чувствовать жажду. Эта мера, однако, не могла остановить распространения болезней. Многие солдаты страдали кровавым поносом, различными лихорадками, просто теряли силы от жары и непривычной пищи (провианта тоже не хватало, хлеб стали заменять пресными лепешками, мясную порцию сократили). Рост числа больных ослаблял и без того немногочисленную армию, замедлял ее движение.

4 июня армия Миниха подошла к Гезлеву, преодолев 150 верст за 11 дней (т. е. средняя скорость движения составляла 13 верст (14 км.) в день). Первое, что увидели, солдаты был огромный пожар, который охватил весь город. Как выяснилось потом, турецкий гарнизон отступил без боя, а татары подожгли дома жителей-христиан.

На следующий день авангардный отряд под командованием генерал-майора Магнуса Бирона без боя вступил в город. В Гезлеве армии Миниха досталась богатая добыча: запасы пшеницы и риса, более 10 тысяч баранов и несколько сотен волов. Свинца оказалось так много, что на пули взяли только часть, а часть утопили в море. А. Байов также рассказывает, что солдаты и казаки раскопали устроенные бежавшими жителями тайники и собрали множество драгоценностей, монет, парчи. «Ныне армия ни в чем недостатка не имеет, — писал Миних в Петербург, — и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит по пословице: Мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать».

Покинув Гезлев, татары сделали попытку перерезать русские коммуникации. 6 июня они всеми своими силами напали на 2-тысячный отряд генерала Лесли, который вел к Гезлеву с Украины обоз с продовольствием. Миних поспешно сформировал свой отряд во главе с князем Репниным и послал его навстречу обозу. Репнин шел очень быстрым маршем, постоянно стреляя из пушек, «давая тем сигнал команде вышеписанного генерал-майора Лесли, что наш сикурс идет, неприятелю же давать страх». Лесли, впрочем, отбилсЯ своими силами и 7 июня присоединился к армии.

Вскоре после взятия Гезлева, принц Гессен-Гомбургский подал Миниху записку, в которой доказывал опасность дальнейшего движения вглубь Крыма. Главным его доводом была усталость армии. Принц писал, что полки «уфатигованы», и многих солдат «яко сонных везут», что в будущем такому войску «и без неприятеля трудно будет» и следует отступить, «дабы и впредь, смотря на обороты турецкие или другие, армия в состоянии была храбро и бодро поступать и измучением и изнурением у людей куража бы не отнять». Миних с принцем не согласился и, питая к нему личную неприязнь, сурово заметил, что руководство экспедицией возложено на него, «а подкомандующему генералитету должно во всем производить и поступать по предложению».

10 июня русская армия выступила из Гезлева и двинулась к Бахчисараю. Так как первый отрезок пути пролегал между морем и большим озером, вражеского нападения с флангов можно было не опасаться. Армия шла единой колонной, имея полковые пушки впереди, а обозы сзади. На второй день похода, когда русские миновали озеро, Миних выделил для прикрытия левого фланга отряд в составе двух драгунских (Ингерманландского и Ростовского) и двух пехотных (Санкт-Петербургского и Владимирского) полков, при поддержке 800 малороссийских казаков. Командовали этими силами генерал-поручик Измайлов и генерал-майор Лесли. Они организовали несколько удачных рейдов по близь лежащим татарским селениям, захватили много скота и несколько пленных, от которых стало известно, что турки готовятся высадить десант в Кафской гавани.

13 июня татарская конница приблизилась к русской армии и обстреляла ее. Когда, по приказу Измайлова, артиллерия открыла ответный огонь, всадники быстро отступили. Тем не менее, Миних понимал неизбежность новых стычек и приказал «содержать артиллерию в пристойных местах и ружье во всякой исправности и готовности». 15 июня армия форсировала реку Альму, а на следующий день подошла к Бахчисараю.

Сбылась мечта многих поколений военных и политиков: столица Крымского ханства лежала перед русскими войсками. Однако взять ее было очень непросто. Расположенный в долине Бахчисарай со всех сторон окружен горами, и татары этим блестяще воспользовались, заняв все удобные проходы. Миних хорошо понимал, что лобовая атака будет очень тяжела, а потому принял решение «устрашить» неприятеля, демонстративно отрезав ему пути отступления. Ночью русские совершили обходной маневр и появились в тылу у стоявших под городом татар. Вопреки ожиданиям, татары, увидев русских, не отступили, но, напротив, бросились вперед с такой яростью, что смяли стоявший в авангарде Владимирский пехотный полк. Положение спас генерал-майор Лесли, который с пятью полками пехоты решительно контратаковал противника и обратил его в бегство. Татары даже не успели увезти пушку, отбитую у владимирцев. И все же русские понесли очень значительные потери: 284 человека убитыми и пленными.

После боя полки Миниха беспрепятственно вступили в Бахчисарай. Татары отступили в горы, а турецкий отряд эвакуировался в Кафу (нынешняя Феодосия). «Мы полную викторию получили, — писал фельдмаршал, — но в то время наши люди в таком были сердце, что никак невозможно было их удержать, чтоб в Бакчисарае и в ханских палатах огня не положили, отчего четверть города и ханские палаты, кроме кладбищ и бань, сгорели». Впрочем, Миних поручил капитану Манштейну составить описание сгоревшего дворца, а сам в письме к императрице скупно заметил, что «палаты строены по китайскому обыкновению, и чище этого строения мало видано».

После занятия Минихом Бахчисарая, отступившие из города татары напали на обоз армии, который стоял лагерем на месте последней ночевки. Первыми под удар попали запорожские казаки, вышедшие из лагеря для фуражировки. 200 человек из них было убито и столько же попало в плен. На этом успехи татар закончились. Руководивший обозом, генерал Шпигель построил повозки в вагенбург и мужественно оборонялся. ПонесЯ большие потери, неприятель отступил.

Следующим пунктом, на который Миних нацелил удар, стала Кафа, богатый торговый порт с удобной гаванью. Ее захват лишил бы турецкий флот стоянки в Крыму и очень

затруднил бы для Порты вмешательство в татарские дела. Готовясь к походу, Миних выслал вперед отряд под началом генералов Л. В. Измайлова и М. Бирона, который без боя захватил и сжег Акмечеть (ныне Симферополь). При возвращении он был атакован татарами, но смог отбить нападение. После этой неудачи татарские «партии» уже не рисковали нападать на русских, но они опустошили всю местность, по которой предстояло идти армии Миниха, отравили воду в колодцах, сожгли и разорили населенные пункты. Отсутствие провианта и фуража (Гезлевские запасы уже истратили), сильная летняя жара, недостаток воды окончательно изнурили армию. Почти треть солдат была больна, многие от изнеможения теряли сознание прямо в строю. В такой ситуации Миниху пришлось, 25 июня дать приказ о возвращении к Перекопу.

Обратный марш получился очень трудным. Идти пришлось по безводной местности, отражая наскоки татар, и везя с собой множество больных и ослабленных. Татарский хронист с нескрываемым злорадством сообщал, что «гяуры так стали умирать, что невозможно было успевать хоронить их трупов».

К 4 июля армия достигла Соляного озера, где встала на отдых, а 6 июля подошла к Перекопу. За все время Крымского похода Миних потерял убитыми 480 солдат и офицеров регулярной армии и 1311 — нерегулярной. Потери от болезней были гораздо больше и достигали 30 тысяч человек. И все же этой страшной ценой были достигнуты существенные результаты: прорваны Перекопские укрепления, разгромлены Гезлев, Акмечеть и Бахчисарай, выиграно несколько полевых сражений.

Достаточно успешно действовал и направленный против Кинбурна М. И. Леонтьев. Его войска подошли к городу 4 июня и уже через два дня разбили янычар, попытавшихся сделать вылазку. 7 июня к Леонтьеву прибыла депутация осажденных с предложением сдать город на том условии, чтобы турецкому гарнизону разрешили уйти в крепость Очаков с оружием и пушками. Леонтьев выполнить последнее требование отказался. После недолгих споров стороны поладили на том, что янычары уйдут «с ружьем и с пожитками», но без орудий, о июня русские вступили в город. В Кинбурн был введен русский гарнизон под начальством полковника Конни. Основные силы Леонтьева встали лагерем неподалеку и занялись уничтожением тех осадных сооружений, которые сами строили для взятия крепости.

Вскоре М. И. Леонтьев получил очень тревожные известия о появлении под Очаковом 10-тысячного войска белгородских татар. Не имея возможности предпринять с имеющимися силами большой поход, генерал решил установить за противником наблюдение с помощью запорожских казаков. Из Сечи были вызваны «охочие люди», чтобы под видом торговцев и рыбаков «по лиману безпрестанно ездить» и следить за перемещением противника. Иногда предпринимались и более решительные действия. Так 21 июня отряд из трехсот драгун и двухсот запорожских казаков во главе с подполковником Ревельского драгунского полка Кропотовым переправился по морю на остров Тендра и напал на татар, пасших там скот. Перебив охрану, драгуны и казаки угнали восемьдесят коров, которых доставили их к Кинбурну. Пройдет 54 года, и недалеко от места этой скромной победы, у берегов Тендры контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков отправит на дно турецкий флот. Впрочем, у Леонтьева тоже была своя «морская» победа: 1 июля посланная им под Очаков «партия» из восьмидесяти запорожцев на трех лодках-дубах захватила судно с семью янычарами. Пленные рассказали, что в Очакове стоит четыре тысячи янычар, да еще из Адрианополя прибыло триста сипахов, но настроение у всех подавленное, так как ходят слухи о взятии русскими Каменца-Подольского. Янычары сказали также, что Очаковскую крепость срочно ремонтируют. Эти сведения означали отсутствие у противника наступательных планов. Поэтому Леонтьев мог сосредоточиться на строительстве новых укреплений. По его инициативе было возведено несколько редутов между Кинбурном и Кази-Керманом.

Надежды Миниха, что у Перекопа армия наберется новых сил, не оправдались. Летняя жара высушила степную траву, и лошадям стало не хватать корма. Недостаток провианта (главным образом хлеба) и жара способствовали тому, что заболеваемость солдат продолжала неуклонно расти. 26 июля военный совет принял решение о дальнейшем отступлении. Леонтьев покинул Кинбурн, а Миних начал отход по Днепру. 11 августа их силы соединились на речке Дуричке, 19 августа прибыли к Белозерке. В начале сентября русская армия уже переправилась через Самару.

В Петербурге были очень недовольны возвращением Миниха и полагали, что в августе и сентябре натиск нужно возобновить. Миних возлагал вину за отступление на П. П. Ласси, который, по его словам, слишком долго не присылал провианта, а о себе писал: «В

порученной мне экспедиции поныне исполнено столько, сколько в человеческой возможности было. Теперь моя цель — привести в доброе состояние, укрепить перекопскую линию, усилить крепость и держать татар в Крыму, через что они сами себя принуждены будут разорить...». Одной из наиболее печальных особенностей Крымского похода 1736 года стала очень большая смертность людей от болезней. Многие мемуаристы связывали ее с переутомлением войск, причиной которого являлась торопливость командующего. Манштейн, например, вспоминал, что иногда истощенные воины падали «мертвые на ходу», так как фельдмаршал почти всегда назначал марши на самое жаркое время. Интересно, что другой участник похода, носивший звание гораздо более низкое, чем Манштейн, сержант Савва Пархомов в своих записках о подобных случаях ничего не сообщает, но постоянно жалуется на недостаток продовольствия.

Отступление русских войск из Крыма совпало с застоєм на дипломатическом фронте. И персидский правитель Надир-шах, и австрийский император Карл VI заверяли представителей России в своей дружбе, но ничего конкретного, чтобы помочь ей не делали. Как сообщал русский посланник в Вене Ланчинский, австрийские генералы считали возможным начать кампанию не ранее весны 1737 года, так как полки, сражавшиеся с французами в Италии, были очень утомлены. В октябре 1736 г. дипломат заявил имперскому канцлеру Синцендорфу, что Австрия не должна более откладывать формальное объявление войны, ибо турки уже готовы подписать мир с персами.

Но в ответ он услышал рассуждение о необходимости прежде «начертать основательный план военных действий с обеих сторон». К тому же Синцендорф с явным неудовольствием заметил, что Австрия ближе к турецким владениям, чем Россия и основной груз войны ляжет на нее.

Надир-шах на просьбы русского резидента Калушкина скорее вступить в войну ответил почти теми же словами, что и австрийский канцлер: «Нечего войною спешить, не постоновя между собой твердого соглашения; надобно прежде обдумать, чтоб войну начать и кончить с честью...». Он подчеркнул, что события в Крыму его интересуют мало: «Осада русскими Азова, взятие трех крепостей турецких, посылка войска в Крым и на Кубань — все это дело ничтожное; Персии в Азове никакой нужды нет, точно так, как России в Багдаде». Впрочем, положение самого Надира было тогда нелегким. В Азербайджане вспыхнул мятеж, восставшие грузины нанесли персам крупное поражение недалеко от Тифлиса, афганцы готовились к новому набегу.

Утешением для русского правительства могли служить доклады Вешнякова из Стамбула. По его уверениям, османы пребывали в полнейшей растерянности. «В правительстве и народе сильный страх, — сообщал дипломат в июне 1736 года, — с ужасом начинают произносить русское имя, и до сих не только я, но и последний из моих слуг бранного слова не слышали. Еще удивительнее, что когда я ходил по Пере, то многие турки на улице место уступали, чего прежде никогда не бывало...». Лишь в конце октября, Вешняков был официально выслан из Турецкой империи.

Кроме пассивности союзников, Анну Иоанновну очень угнетали постоянные ссоры и разногласия между полководцами. Миних жаловался на Ласси, принц Гессен-Гомбургский критиковал действия Миниха. В конце сентября П. П. Ласси было поручено собрать сведения о состоянии армии Миниха. Честолюбивого фельдмаршала это прямо-таки взорвало.

9 октября он подал императрице прошение об отставке. Анна Иоанновна не замедлила с ответом. «Господин генерал-фельдмаршал, — писала она, — в сих днях получили мы вашу челобитную, в которой вы об отпуске своем из службы нашей просите. Мы не можем вам утаить, что сей ваш поступок весьма нам оскорбителен и толь наипаче к великому нашему удивлению служить имеет, понеже мы надеемся, что в каком другом государстве слыхано было, чтоб главный командир, которому главная команда всей армии поручена, во время самой войны, и когда наивышшая служба от него ожидается, к государю своему так поступить похотел...». В заключении императрица запретила Миниху покидать свой пост.

Однако государыне предстояло узнать еще много такого, чего в другом государстве «неслыханно». В ответ на ее письмо, фельдмаршал разразился обширным посланием, в котором, опираясь на многочисленные исторические примеры, доказывал всю невозможность своего пребывания на посту главнокомандующего. Он упоминал и древнегреческого полководца Аристида, и французского стратега Монтекукули, и своего бывшего начальника саксонца графа Шуленбурга, лишь потому, что они все когда-либо отказывались от командования. Миних отчаянно жаловался на здоровье и на «разделение

в генералитете», а в конце просил поставить во главе армии своего главного соперника — графа П. П. Ласси.

Ласси, в свою очередь, «бил на жалость». В письме на имя императрицы от 8 октября 1736 г. он просил: «Понеже я с начала отбытия моего в Польшу уже четвертый год в домишке моем не бывал и бедной фамилии моей не только не видал, но за отдалением и мало писем получал, паче же дети мои одни без всякой науки, а другие без призрения находятся, того ради, Ваше Императорское Величество, приемлю дерзновение утруждать, чтоб в нынешнее зимнее время соизволили от команды меня уволить в Ригу».

Неудивительно, что Анны Иоанновны с раздражением писала Остерману: «Андрей Иванович, из посланных вчерашних к вам рапортов и челобитной... довольно усмотришь, какое несогласие в нашем генералитете имеется; чрез это не можно иначе быть, как великий вред в наших интересах при таких нынешних великих конъюнктурах. Я вам объявляю, что война турецкая и сила их меня николи не покорит, только такие кондувиты, как ныне главные командиры имеют, мне уже много печали делают, потому надобно и впредь того же ждать, как бездушно и нерезонабельно они поступают...». В конце письма императрица просила своего кабинет-министра предпринять шаги для скорейшего завершения войны. «Не лучше ли войну прекратить, — вопрошала государыня, — только, как в том деле зачинать, то мы на ваше искусство и верность надеемся». Впрочем, необходимым условием мира Анна Иоанновна считала ликвидацию Прутского договора, на что Турция без борьбы явно бы не согласилась. Военную кампанию нужно пришлось продолжать, и продолжать с теми генералами, которые, У императрицы были, как бы «бездушно и нерезонабельно» они себя не вели.

В конце августа Миних приступил к работе по усилению южных границ. Одной из первых мер стала отправка в Запорожскую Сеть дополнительных сил из состава регулярной армии. Для «сбережения жилищ запорожцев» был выделен отряд в 400 пехотинцев Углицкого полка под командованием подполковника Фридрици. Его сопровождал военный инженер граф Зевальд, которому поручалось руководство работами по ремонту укреплений Сечи. В случае нападения татар Фридрици надлежало «оборону чинить до последнего человека, не щадя живота своего, так как то верному и храброму штаб-офицеру надлежит».

Для непосредственной обороны границы из состава армии Миниха были выделены четыре драгунских полка (Ингерманландский, Тверской, Тобольский и Архангелогородский), гусарский корпус и 200 малороссийских казаков. К ним присоединились: Пермский драгунский полк, который стоял в редутах на реке Воронковой, один кирасирский и два пехотных полка, прибывшие из Польши, два драгунских полка, подошедшие с Дона. Все эти части заняли позиции вдоль Днепра. Основными базами служили: Царичанка, Орлик, Переволочна, Кременчуг, Переяславль. Общее руководство пограничными силами поручили генерал-лейтенанту, графу Густаву-Отто Дугласу, но до его приезда командовал генерал-майор Магнус фон Бирон.

«Закрытие» границы от Переяславля до Киева вменялось в обязанность генерал-лейтенанту Якову Кейту, а участок Украинской линии, от крепости Бузовой до реки Миус был подчинен генерал-лейтенанту князю Урусову. Как Дуглас, так и Кейт с Урусовым получили от Миниха строгий наказ учредить «крепкие посты и неприятеля предостерегать недреманным оком».

Глава 5

ПОХОД НА ОЧАКОВ И В МОЛДАВИЮ

Главным результатом кампании 1736 года стало взятие русскими войсками Азова и разорение татарских крепостей в Крыму. План Миниха на этот год, следовательно, реализовался лишь частично. Россия еще не стала «госпожой» Крыма, как надеялся главнокомандующий, да и завоевание «владений ногайских между Доном и Днепром» было далеко от завершения.

Впрочем, сам факт проникновения русских за Перекоп произвел на турецкое правительство очень сильное впечатление. Хан Каплан-Гирей в конце лета 1736 г. получил распоряжение султана оставить престол. Татарский хронист Сеид-Мухамед-Риза в свойственном ему пышном стиле писал: «Когда гнусно-нравное дитя мятежа и волнений, носимое в утробе блудной матери, родилось на свет во время тяжелой

беременности управления Каплан-Гирей-хана, то это было приписано его плохому повивальному искусству».

Надо заметить, что хан был в то время уже весьма пожилым человеком и страдал параличом, а потому он при всем желании не мог лично возглавлять войска или участвовать в битвах. Тем не менее, султан приказал сослать несчастного Каплан-Гирея на остров Хиос, где тот и умер в 1738 г. По иронии судьбы, похоронили экс-хана на материке, за проливом, в местечке Чесма. Через 42 года его могилу озарили сполохи от пылающего турецкого флота, разгромленного адмиралом Г. А. Спиридовым в знаменитой Чесменской битве.

Новый правитель Крыма Фети-Гирей в свое время отличился при обороне Гянджи. Когда осаждавшие крепость персы прислали парламентариев с требованием выдать перебежчика Казим-хана турецкий комендант Али-паша хотел было согласиться. Однако Фети-Гирей решительно заявил: «Казим-хан пришел к нам, а мы его выдадим, чтобы спасти себя! Уж лучше с честью умереть, чем жить бесчестно...».

Будучи храбрым и опытным военачальником, Фети-Гирей прекрасно понимал, что главной задачей для него является восстановление грозной славы татарских воинов, а для этого нужен набег. В конце октября 1736 года крупный татарский отряд проник за Украинскую линию между крепостями Св. Михаила и Слободской, рассыпался на мелкие «партии» и начал грабить окрестные селения. Руководивший данным участком границы генерал-лейтенант князь Урусов, узнав о набеге, немедленно направил в крепость Св. Алексея к генерал-майору Радингу полковника Штокмана с приказом «с тем неприятелем беззастенчиво поступать и сколько можно ему препятствовать и изнутри линии выбивать». Сам Урусов начал сбор ландмилиции, что оказалось делом очень непростым. Большая часть милиционеров в полках отсутствовала: кто-то послал солдат за хлебом, кто-то на рубку леса и т. д. Опасаясь упустить неприятеля, Урусов вечером 29 декабря выступил из крепости Св. Параскевы лишь с теми силами, которые имелись в его распоряжении: 197 конных и 390 пеших милиционеров, 55 малороссийских казаков.

Между тем, генерал-майор Радинг еще утром 29 декабря сформировал отряд под началом полковника Штокмана (444 чел.) и послал его к месту, где татары прорвали линию, чтобы перехватить их на обратном пути. Для поддержки Штокмана из крепости Св. Михаила вышел совсем маленький (142 чел.) отряд полковника Мельгунова. Соединившись, они атаковали отягощенных добычей татар и не позволили им уйти за линию, но из-за малочисленности сами «через крепкий отпор едва спаслись». Основные силы татар прошли вдоль линии и прорвались за нее между крепостями Бузовая и Кисельская, после чего устремились к Перекопу. В ходе этого набег крымцы угнали много пленных и скота. Преследовать противника Урусов и Радинг не решились «за неимением довольно числа людей конных». Турецкий историк Субхи с торжеством писал, что «добыча, награбленная в этот набег, была так велика, что ни языком пересказать, ни пером описать нельзя».

При разборе обстоятельств набег выяснилось, что татары смогли беспрепятственно «раскопать» и «разломать» вал на линии. Урусов был из-за этого обвинен в небрежности и предан суду, а на его место назначили генерал-лейтенанта Леонтьева. Для более успешного отражения нападений, Миних приказал сформировать два конных «кор-де-резерва», выделив для этого необходимое число людей из драгунских полков. Первый «кор-де-резерв» в составе двух тысяч кавалеристов под командованием генерал-майора В. С. Аракчеева встал между крепостями св. Иоанна и св. Параскевы, а второй, в три тысячи человек, генерал-майора князя Трубецкого, — в местечке Домонтове, между Царицынкой и Киевом. «Кор-де-резервы» предназначались для «знатного над неприятелем поиску» и получили право действовать, не дожидаясь распоряжений свыше.

В середине февраля набег повторился. Татары перебрались через Днепр выше Переволочны, причем по пути они напали на маленький отряд генерала Лесли и перебили его. Сам генерал погиб, а его сын попал в плен. Затем нападавшие попытались атаковать Спесаловский завод, но были отбиты. При отходе они сами подверглись удару русской кавалерии, после чего поспешно бежали, бросив добычу и пленных. Миних был очень смущен набегами татар за линию, на устройство которой потратили столько сил. Оправдываясь, он писал императрице: «Бесчисленные примеры в истории военного искусства показывают, что еще не сыскано никакой возможности границы, растянутые от двух и трехсот миль, как от Киева и от Днепра до Азова и Дона, охватить так, чтоб легкий неприятель в какое-нибудь место не прорвался, потому что если везде войско иметь, то на

таким протяжением надобно его сильно раздробить». Миних также жаловался на запорожцев, которые слишком поздно дали знать о подходе неприятеля.

В конце января 1737 г. фельдмаршал выехал из Петербурга на Украину. По дороге он встретился в Глухове с П. П. Ласси и вручил ему план предстоявшей кампании. В армию шел спешный набор новых рекрутов, общее число которых достигало сорока тысяч. Тем не менее, достичь штатов военного времени оказалось очень непросто. Командиры многих полков жаловались на то, что «волею Божию в людях великий упадок, мерли непрестанно». Приходилось даже принимать рекрутов меньше «табельного» роста, но направляли их все-таки в обозные.

Нелегко шел и сбор лошадей. Летом 1736 г., когда армия только вернулась из Крыма, на Украину и в «Низовые города» выехал шталмейстер полевой артиллерии Апочинин для приобретения «к будущей зиме» лошадей для артиллерии. Вскоре, однако, Апочинину было разрешено «в виду нынешней нужды» платить «более первой цены» и брать лошадей ниже указанного роста, лишь бы они были «молодые и плотные». Драгунских лошадей собирали по всему государству, кроме Сибири, по одной лошади с 253 душ. Животных доставляли на специальные пункты, оттуда гнали в Белгород, а уже из Белгорода распределяли по полкам. Помимо реквизиций, было решено купить часть верховых лошадей у калмыков, для чего формировались специальные команды «из Саратовских и Царицынских дворян, казаков и других вольных обывателей, которые калмыцкий язык и обыкновения знают, да к тому же и в лошадях искусство имеют». К 1 апреля 1736 г. в армию доставили свыше шестнадцати тысяч лошадей, но этого, по мнению командиров, было недостаточно.

Кроме лошадей, армия нуждалась в большом количестве волов для перевозки обозов. В декабре 1736 г. князь Барятинский получил распоряжение закупить свыше сорока тысяч волов, причем все они должны были приобретаться на Украине, но не в «Польской стороне», чтобы «польским обывателям при нынешних военных обращениях, какого противного разсуждения не подать».

При снабжении полков оружием особое внимание уделялось тому, чтобы все солдаты каждого полка получали совершенно одинаковые фузеи, даже с одинаковым прибором, либо медным, либо железным. Часть ружей была закуплена в Саксонии, но большую часть изготовили на Тульском и Сестрорецком оружейном заводах. Миних приказал снять с вооружения солдат пехотных полков шпаги, справедливо замечая, что пехотинец, «имея фузею со штыком, шпагой никогда не обороняется», а между тем, «ежели солдат при своем ружье, епанче, патронной суме и ранце, вкупе с оною шпагою штык в португее имеет, то в марше (шпага — А. М.) будет не без тягости и без помешательства, а паче тем, которые люди не рослые».

Любопытно, что на желательность такой меры косвенно указывал англичанин Фрэнсис Дэшвуд. Он посетил Петербург летом 1733 г. и, описывая русскую пехоту, заметил: «У них очень большие палаши, которые, без сомнения, очень обременительны и не являются необходимыми».

Миних по-прежнему верил в эффективность пикинерных копий, и число их в каждом полку было увеличено вдвое. Снабжение порохом «в полки» производилось из расчета по пятьдесят выстрелов на ружье. Остальное его количество надлежало возить в походных магазинах. Для «лутчаго от неприятеля во время нужного случая опоры» приказано было обучить стрельбе всех погонщиков при обозах. Уже перед самым выступлением в поход Миних получил из Петербурга указание, чтобы «солдаты, во время какой баталии или акции, вместо прикладывания ружья к щекам, приставя оное к правому плечу, палили». Не отрицая, что подобный способ ведения стрельбы лучше, Миних вполне обоснованно ответил, что переучивать воинов времени нет, и от подобных нововведений могут быть только «помешательства».

С особым вниманием командующий подошел к снабжению Днепровской армии артиллерией. Количество пушек в полках, по его приказу, увеличивалось вдвое. На отливку новых орудий были пущены почти все трофейные турецкие и испорченные свои. В Переволочне, Изюме и Брянске собирались многочисленные орудийные парки. Заведовали работами в них соответственно майор Шульц, полковник Фукс и майор Чирков. Общий сбор назначили в Переволочне, в марте 1737 г. При этом, Фукс должен был доставить туда свои пушки зимой, санным путем, а Чирков — весной, по Днепру. Тяжелее всех пришлось Чиркову. Прибыв в Брянск к 15 октября, он нашел там только восемь пушек (три 24-фунтовых и пять 18-фунтовых), тогда как предполагалось собрать около 40 различных орудий. Чирков немедленно взялся за отливку стволов, изготовление

лафетов, но ему не хватало квалифицированных мастеров. Медленно шла и приемка орудий, доставляемых из Москвы. В итоге к установленному сроку из Брянска в Переволочну отправили всего 14 пушек и мортир. Всего перед началом похода удалось собрать следующие артиллерийские силы:

18-фунтовых пушек — 27 единиц.
12-фунтовых — 3.
8-фунтовых — 8.
6-фунтовых — 2.
3-фунтовых — 6.
5-пудовых мортир — 10.
2-пудовых — 1.
1-пудовых — 2.
6-фунтовых мортир — 12.
«малых мортирцев» — 200.
1-пудовых гаубиц — 4.
Полупудовых гаубиц — 2.

Все прочие орудия планировали отправить позже, вслед за армией по Днепру. В Донской армии значительную часть артиллерии составили орудия вывезенные из Азова в крепость Св. Анны. В течение зимы они были подготовлены к походу, без каких-либо задержек.

Для каждого типа орудий установили определенную норму прислуги. При 12-фунтовой и 8-фунтовой пушке, например, полагалось иметь по 11 канониров и фузилеров. К 3-фунтовой пушке приписывалось 5 чел., к большой мортире — 9 чел. Перевозку и ремонт артиллерии должны были осуществлять два «фурштадта». В Днепровской армии его численность определили в 2874 чел., а в Донской — в 3117 чел. Однако на практике укомплектовать столь обширные штаты не удалось. Даже к середине мая 1737 г. численность фурштадта Днепровской армии составляла 1060 чел., т. е. менее половины запланированного. В фурштадте Донской армии служило только 1934 чел. Такое положение дел крайне неблагоприятно сказалось на доставке артиллерии и повлекло сокращение численности взятых в поход орудий.

Одновременно с подготовкой артиллерии, в Таврове, на Дону, велось строительство новых кораблей. П. П. Бредаль старательно искал оптимальную конструкцию для судов, которым предстояло действовать и на море, и на реке. В начале 1736 г. он предложил Адмиралтейств-коллегии строить шхерботы и «большие лодки казачьи», так как «... галеры и шмаки, за мелкостью в Азовском море фарватера, неспособны и пройти не могут». Против этого предложения решительно выступил вице-адмирал Сенявин. Он полагал, что строить нужно все-таки галеры, но выводить их в устье Дона без груза и загружать затем с помощью мелких судов. После долгих препирательств Миних отдал дело «на благоусмотрение» Бредалю, и лодки начали сооружать. Всего было решено построить к марту 1737 г. пятьсот 24-весельных лодок. Часть из них предполагалось использовать только для перевозки грузов, а часть вооружить трехфунтовыми пушками (по две на лодку). К несчастью, организаторы работ сразу же столкнулись с нехваткой мастеров и денежных средств. В силу этих причин провалился план создания второй, дополнительной верфи, ниже Таврова, хотя лейтенант Кривцов даже нашел для нее место.

Еще труднее, чем на Дону, шло строительство кораблей на Днепре. В предыдущую кампанию здесь ничего сделано не было. Предпринятые летом 1736 г. попытки хоть как-то приспособить суда, строительство которых начиналось при Петре I, провалились. Не хватало рабочих, материалов и опять-таки денег. А ведь при конструкции кораблей нужно было учесть специфические условия Днепра с его порогами. Только в апреле 1737 г., благодаря усилиям специально приглашенного на верфь контр-адмирала Б. Л. Дмитриева-Мамонова, из Брянска в Переволочну пошли суда; всего с 22 апреля по 4 июня было отправлено 350 галер, прамов, дубель-шлюпок. Для их переправы через пороги были собраны специальные команды солдат и запорожских казаков.

Для обеспечения войск продовольствием, малороссийские и слободские казаки были обложены дополнительным, хлебным налогом. Чтобы зерно не уходило «на сторону», Кабинет министров запретил заниматься винокурением жителям Украины и «городов, ближайших к Малой России, а именно: в Севске, Рыльске, Путивле, Трубчевске, Орле, Кромах, Курске и др.». Более того, по инициативе генерал-лейтенанта князя Барятинского,

временно запретили продажу хлеба за границу. Собранный провиант размещался в специальных магазинах, расположенных преимущественно по Днепру. Однако далеко не всегда условия хранения в них соответствовали требованиям. Из-за недостатка зданий, некоторые магазины устроили в старых и ветхих амбарах, зерно лежало прямо на полу, без кулей, гнило под дождями, расхищалось злоумышленниками.

Во время похода довольствие каждого полка должно было производиться из своего магазина. Миних распорядился также сформировать на правом берегу Днепра, у Мишурина Рога, «запасной» магазин с двухмесячным запасом продовольствия на всю армию. За его пополнение отвечал генерал-провиантмейстер-лейтенант Рославлев, которому надлежало собрать хлеб из Лубенского, Полтавского, Харьковского, Неженского, Миргородского и Переяславского магазинов. Выполнить свою задачу Рославлев смог лишь частично, так как сами перечисленные магазины не были заполнены. Обозам из «запасного» магазина пришлось, так же как части артиллерии, догонять армию уже на марше. Сама же армия при выступлении взяла с собой 46000 пудов (736 тонн) муки и 78000 пудов (1248 тонн) сухарей, запас вина, соли, уксуса, перца и чеснока.

О том насколько большое значение придавал Миних обеспечению армии провиантом, свидетельствует следующий факт. Командирам полков было приказано ежедневно подавать генерал-провиантмейстеру Философову ведомости о состоянии запасов продовольствия. В первый же день после этого приказа 12 командиров полков, не подавших ведомостей, были отданы под суд.

Русское командование не могло игнорировать того факта, что во время похода 1736 г. основной урон русской армии нанесли болезни. Миних обратился с особым запросом к главному врачу армии Кондоиди и просил его подготовить предложения по предотвращению эпидемии. В ответ медик указал, что основой здоровья является, прежде всего, «доброе содержание в пище». Поэтому нужно не только исправно кормить здоровых, но и давать усиленный рацион заболевшим. В первую очередь солдаты должны получать достаточное количество мяса. Здесь Кондоиди писал, что иногда можно пойти на «честный обман», и, в случае нехватки говядины, выдавать лошадиное мясо, не извещая о том солдат (русские брезговали кониной). Кондоиди также советовал варить квас и печь хлеб для больных в госпиталях, запретить выдачу казенных продуктов маркитантам, так как они готовят еду в грязи, очень плохо и небрежно. Перед походом все полки пополнили свои аптеки, выделили специальные фуры для перевозки медикаментов.

При определении главной цели новой кампании, Миних находился перед очень непростым выбором: возобновить завоевание Крыма или развернуть наступление в Молдавии и Валахии. В пользу последнего варианта имелось два очень серьезных резона: во-первых, на Дунае русская армия могла непосредственно взаимодействовать с австрийской армией; во-вторых, здесь можно было рассчитывать на поддержку местного населения. Признавая эти несомненные достоинства Дунайского театра военных действий, Миних видел и очень существенные его недостатки. Во-первых, Австрия до сих пор не исполнила своего союзнического долга, и было неясно, насколько активно она намеревается действовать в дальнейшем. Во-вторых, даже в случае активного вступления Австрии в войну для соединения армий двух стран требовалось значительное время. В-третьих, Дунайский театр военных действий был удален от российских баз, что обещало трудности со снабжением армии. В-четвертых, турки имели в данном регионе очень сильные крепости: Браилов, Хотин, Очаков и другие. В-пятых, наступая в Молдавии, русская армия оставляла у себя в тылу враждебно настроенных буджакских татар. Взвесив все эти обстоятельства, Миних решил, что следует нанести главный удар по Очакову, и вспомогательный — по Крыму.

По замыслу командующего, войска, квартировавшие на Украине, должны были собраться около устья реки Самары, оттуда двигаться к реке Волпянке и далее к Каменному Затону, где их ожидали запорожские казаки. От Каменного Затона войскам надлежало идти к Кази-Керману и объединиться там с донскими казаками и калмыками. Из этого пункта вся пехота отправлялась на Очаков, а вся конница — в Крым. Необходимые для армии грузы доставлялись до Волпянки сухим путем, далее — водой. Армия, направленная к Очакову, должна попытаться овладеть городом сходу. В случае неудачи ей следовало перейти к осаде и, одновременно, выделить отряд для нападения на татар в устье Днестра и захват. Крымской армии предписывалось, преодолев Перекоп, развернуть наступление на Карасу-Базар, Керчь и Кафу (Феодосию), затем идти, через Бахчисарай, к Балаклаве и в горные районы Крыма.

Данный план был представлен Минихом императрице еще в ноябре 1736 г. Однако в декабре, благодаря стараниям Остермана, император Карл VI крайне неохотно объявил Турции войну и попросил Анну Иоанновну прислать в Вену офицера для выработки плана кампании. При этом австрийские дипломаты продолжали тянуть время — лишь в декабре 1736 г. страны подписали конвенцию о совместных действиях. Предложения Миниха были переданы в Вену, откуда особо уполномоченный полковник Беренклау привез затем замечания императора. Карл VI предлагал российским войскам прибыть в Валахию для соединения с австрийцами. Узнав об этом мнении, Миних решительно заметил, что, если австрийцы хотят действовать совместно, то им самим нужно идти на соединение с русскими. В итоге решили, что в 1737 г. армии будут сражаться самостоятельно, но согласовывать наиболее крупные операции.

Тем не менее, российский план боевых действий пришлось несколько изменить. Наступление должно было производиться не одной, как задумывалось в начале, а двумя армиями: в Крым из Азова — армией Ласси и к Очакову — армией Миниха. Решение как бы разделить кампанию на два фронта основывалось на уверенности, что турки из-за войны с Австрией не перейдут за Дунай. В состав армии Миниха вошли 3 батальона пешей гвардии, 30 пехотных полков, 21 драгунский полк, 9 полков конной ландмилиции, семь тысяч донских казаков, шесть тысяч запорожцев и шесть тысяч гетманских казаков, гусары, чугуевские казаки и калмыки. Всего под началом фельдмаршала находились около 89 тысяч человек регулярных войск и 20 тысяч нерегулярных. Армия Ласси насчитывала около 40 тысяч человек регулярных и 15 тысяч человек нерегулярных войск. Еще 9 тысяч выделялись для охраны Азова и Бахмута.

К числу мер по подготовке кампании 1737 года следует также отнести организованный в ноябре-декабре 1736 г. набег калмыков на кубанских татар. Опасаясь, что последние будут нападать на окрестности Азова, русские власти уговорили тайшу Дундука-Омо совместно с донскими казаками совершить поход на Кубань. Калмыцко-казацкое войско в течение двух недель (с 19 ноября по 3 декабря 1736 г.) разоряло земли от Кубани до берегов Азовского моря и даже взяло приступом городок Копыл, ставку местного властителя Бахти-Гирея. Было перебито свыше тридцати тысяч кубанских татар и захвачено в плен около десяти тысяч женщин и детей. Дундук-Омо получил, сверх добычи, награды от русского правительства. Впоследствии его потомки положили начало российскому дворянскому роду Дундуковых.

В апреле Миних начал стягивать войска к Переволочне, где была размещена его штаб-квартира. Для похода армия была разделена на три дивизии. Первой, состоявшей из девяти драгунских и одиннадцати пехотных полков, командовал принц Людвиг-Вильгельм Гессен-Гомбургский. Вторая дивизия, включавшая восемь драгунских и пятнадцать пехотных полков, находилась под началом генерал-лейтенанта А. И. Румянцева. Третью дивизию возглавил генерал-лейтенант М. И. Леонтьев.

Таким образом, двумя помощниками Миниха стали военачальники, участвовавшие в кампании 1736 года, а третьим — новый, ранее здесь не служивший человек. Александр Иванович Румянцев при Петре I помогал П. А. Толстому заманить в Россию царевича Алексея, затем в 1724-1726 гг. ездил в Турцию для решения вопроса о разделе персидских владений, командовал русскими войсками в Прикаспии, но в начале царствования Анны Иоанновны попал в опалу. Поссорившись с братом Э.-И. Бирона, боевой генерал жестоко избил несчастного курляндца, а затем еще нагрубил самой императрице, ответив на предложение возглавить одну из финансовых коллегий, что не умеет искать деньги для оплаты вошедшей в моду при дворе роскоши. Анна Иоанновна отдала Румянцева за «неповиновение» под суд, который приговорил его к смерти. Императрица, однако, заменила казнь ссылкой в отдаленное имение. В 1735 г. Александра Ивановича освободили из ссылки, вернули ему Александровскую ленту, назначили Казанским губернатором и командиром войск, направленных против бунтовавших башкир. При подавлении мятежа Румянцев проявил незаурядную энергию и решительность, о чем Миних, конечно, знал.

Выступление в поход задерживала необычайно холодная погода. До конца первой трети апреля на Украине стояла такая стужа, что в полях лежал снег по колена из-за чего, как писал Миних, «людям в кампанентах стоять невозможно, а лошадям и скоту в полях никакого корму не имеется, и пропитаться нечем». Тем не менее, 18 апреля армия начала переправляться через Днепр по плавучему мосту у Мишурина Рога в шести верстах выше Переволочны. Когда переправа была в самом разгаре, пришло известие, что «бужацкая орда» собирается в набег. Миних стал торопиться и объявил офицерам, что в поход надо

выступить не позже 10 мая. Но лишь к 21 мая ему удалось собрать все войска в лагере на реке Омельнике. Здесь командующему сообщили, что буджакские татары стоят под Бендерами и хотят идти за Буг, а сам турецкий визирь привел 20-тысячную армию к Исакче и наводит переправы через Дунай, чтобы тоже идти на соединение с татарами. Разведчики рассказывали также о сборе турками крупных гарнизонов в Хотине, Бендерах, Очакове и отправке большой армии на Перекоп.

21 мая русская армия выступила из лагеря на Омельнике к Бугу. К тому времени она включала: три батальона пешей гвардии, один эскадрон конной гвардии, 29 пехотных и 20 драгунских полков, эскадрон кирасирского графа Миниха полка, 9 ландмилицейских полков, 3 тысячи чел. артиллерийского и инженерного корпуса, 13 тысяч казаков и около полутора тысяч гусар. Все эти силы по-прежнему разделялись на три дивизии, а общая их численность составляла 70 тысяч человек. Остальные части остались для прикрытия тылов.

Общее командование Миних сохранил за собой. Его ближайшими помощниками были дивизионные командиры принц Гессен-Гомбургский, генерал-лейтенанты Румянцев и Леонтьев. Кроме этих, уже упоминавшихся лиц, к армии прибыли генерал-лейтенанты Густав Бирон (брат фаворита), Кейт и Левендаль. Генерал-квартирмейстером (то есть ответственным за передвижение армии) стал шотландец на русской службе полковник Вилим Вилимович Фермор, в будущем главнокомандующий российской армии в Семилетнюю войну. Генерал провиантмейстером был назначен генерал-майор Рославлев, генерал-вагенмейстером — Бэр. При главнокомандующем находился также штаб-доктор Ацарити, имевший в подчинении трех дивизионных докторов: Кондоиди, Фриза и Шиллинга. Запорожскими казаками командовал кошевой атаман Милашевич. Малороссийских казаков разделили на три отряда по 2 тысячи человек, и каждый такой отряд приписали к дивизии. Возглавляли отряды полковники Капнист, Лизогуб и Танский.

Каждая из трех дивизий двигалась самостоятельной колонной, со своей артиллерией и обозами. Нерегулярные войска прикрывали фланги армии, запорожцы шли впереди, разведывая обстановку.

Для лучшей организации марша Миних приказал назначить на каждую обозную фуру солдата или драгуна «из таких, кои малорослы и в строю не весьма способны». Кроме того, от каждого полка была выделена команда в 30 рядовых с одним офицером, предназначением которой было защищать обозы от возможного нападения. С той же целью ежедневно наряжались особые «арьергарды» из регулярных и нерегулярных частей, «как для прикрытия, так и за тем прилежно смотрение иметь и вспомогать, чтобы все было забирано и ничего позади в азарде неприятелю не оставалось». Подобное внимание к обозам станет понятным, если учесть, что в армии Миниха шло более 40 тысяч повозок.

Вслед за армией по Днепру должна была отправиться флотилия князя Трубецкого с тяжелой артиллерией. Но, несмотря на самые строгие приказы Миниха, построить необходимое количество судов не успели. Поэтому в начале похода пришлось ограничиться отправкой небольшого отряда вооруженных лодок под началом Дмитриева-Мамонова. Для сплава провианта и амуниции использовали самые разнообразные суда, реквизируемые у местных жителей.

24 мая, после тяжелого марша по степи, армия достигла истоков реки Малой Каменки, на которой были устроены два понтонных моста, и переправилась через нее «без всякого препятствия от противника». Еще четыре дня спустя, русские прибыли к реке Ингулец, и форсировали ее, также не встречая сопротивления. Наконец, 2 июня, пройдя полпути до Очакова, они вышли на реку Ингулу, за которой уже начинались кочевья татар, неприятельская земля. В тот же день Миних отправил назад к Днепру всех больных и арестантов под конвоем «неспособных к службе» драгун и казаков.

Весь день 3 июня армия «разными понтонными и прочими мостами» переправлялась через Ингул. Затем, после однодневного отдыха, она возобновила движение и 5 июня вышла на реку Сугаклею. Здесь Миних получил первые известия о столкновении передовых казачьих разъездов с татарами. Отряд из 40 запорожцев у переправы через Буг обнаружил большое татарское войско. Татары напали на казаков и гнались за ними до самой армии. После этого, Миних выделил авангардный отряд под началом генерал-лейтенанта Кейта, состоявший из восьми драгунских, семи пехотных, двух ландмилицейских полков и всех запорожских казаков. Отныне нужно было идти «с сугубой осторожностью», по всем законам военного времени.

Во время марша к Бугу начались сильные дожди, очень затруднявшие поход. Миних лично контролировал уход за больными солдатами, приказал выдавать им чеснок, добавлять в питьевую воду уксус и вино (последнее, конечно, солдатам нравилось больше), следил, чтобы в лагерях на ночевках поддерживалась чистота. 9 июня армия достигла левого притока Буга, реки Мертвые Воды и после короткой передышки двинулась вниз по ней. Здесь к силам Миниха присоединились четыре тысячи донских казаков.

16 июня русские форсировали Буг. Были наведены три моста: один на понтонах — для артиллерии, два на бочках — для кавалерии и пехоты. Авангард переправился сразу, а основные силы — на следующий день, 17 июня. Как позднее признавался Миних, переправа прошла быстро и безболезненно лишь потому, что враг не оказывал сопротивления, а «ежели бы неприятель препятствовать похотел, по здешней зело крепкой ситуации не мало времени было потребно и не без азарду войску».

За Бугом армия перестроилась в три дивизионные каре. Переход до Очакова, по воспоминаниям его участника гвардейского офицера В. А. Нащокина, тоже был «зело трудный, потому, что шли безводными местами, сженой степью, и от великих жаров чрезвычайно армия в трудах находилась, и скот в слабости был». Сам Миних писал своему сыну: «Зной, ветер, пыль невыносимые: нельзя открыть ни рта, ни глаз; пишешь с трудом; потому и тебе придется разбирать только эти немногие строки».

Через две одинадцать дней пути передовые русские отряды столкнулись с противником. 29 июня в 12 верстах от Очакова казаки атаковали вышедшую из крепости вражескую конницу, но, встретив упорное сопротивление, едва сами не попали в окружение. На помощь казакам бросились гусары Стоянова, а за ними и драгуны одного из полков, заставившие неприятеля отступить. Несколько вражеских воинов попали в плен. Они сообщили, что гарнизон Очакова насчитывает двадцать тысяч человек и состоит, главным образом, из босняков и арнаутов. Бой 29 июня продолжался около четырех часов. В нем погибло шесть русских воинов, было убито или пленено свыше сотни вражеских кавалеристов.

Очаков представлял собой чрезвычайно сильную крепость. Один из участников осады впоследствии даже вспоминал, что многим «мнилось тогда, что фельдмаршал осаду сию только для одного вида предпринял, которую скоро и оставит». Но события развивались иначе.

Еще в мае Миних послал под Очаков разведчика кондуктора Инженерного корпуса Прокофия Окулова, который должен был представиться унтер-офицером, везущим письмо для австрийского посла в Стамбуле Тальмана, и снять план крепости. Во время переправы через Буг Окулов вернулся с данными, что Очаков невелик по площади, представляет в плане шестиугольник и имеет «новоманирные» куртины. Как оказалось впоследствии турки, хотя и не решились задержать Окулова (они все еще надеялись на мир с Австрией), но благоразумно продержали его под замком, не позволяя ходить по крепости. Так что план он рисовал на основе мимолетных впечатлений.

Очаков, действительно, не был обширен, но отличался надежной защитой. Его укрепления состояли из трех линий. Внешние укрепления представляли собой земляные, выложенные камнем, валы и, в общем плане, имели очертания продолговатого прямоугольника составленного из отдельных, ломаных линий (малых бастионов и длинных куртин). Вторая линия или внутренняя ограда состояла из каменной стены с башнями и своими оконечностями опиралась на третью линию или собственно замок, также имевший каменные стены с башнями. Сверх того, на мысу у впадения Днепра в море стояла открытая батарея, защищавшая своим огнем турецкую флотилию. Крепость окружали форштадты, имевшие невысокие земляные ограды. Комендантом Очакова состоял двухбунчужный паша Мустафа, в распоряжении которого, кроме большого гарнизона, имелись девяносто пушек и семь мортир.

Решив немедленно приступить к осаде, Миних рано утром 30 июня блокировал крепость с суши, и примкнул фланги своей армии к берегам Черного моря и Днепровского лимана. Его войска расположились в одну линию, причем перед пехотными полками установили рогатки, а перед драгунскими — вагенбурги. Позади всех полков тоже устроили вагенбурги. Войска еще не успели занять отведенные им места, как противник начал вылазку. Наступая двумя колоннами, полторы тысячи защитников Очакова обрушились на фланги осаждавших. Сражение продолжалось более двух часов и стоило русским около двухсот убитых.

После этого боя Миних решил возвести перед своими позициями пять редутов и четыре эполемента, для чего уже вечером 30 июня выделил пять тысяч вооруженных рабочих и столько же солдат для прикрытия. Фельдмаршал рассчитывал все построить за одну ночь, пока вражеская артиллерия молчит,

Однако летние ночи коротки, а грунт, как назло, оказался очень твердым. Только на правом фланге удалось, воспользовавшись окрестными садами, кое-как возвести два редута. Эти недостроенные укрепления немедленно заняли войска под началом бригадира Ливена и полковника Еропкина. В двух средних редутах к рассвету земля была вынута лишь на два фута, и от огня они не прикрывали. Правофланговый, ближний к лиману, редут даже не был начат. Полковник Бракке, которому поручили строительство, не нашел назначенного места и, хуже того, вывел рабочих и солдат прямо к гласису крепости. Только крайняя беспечность турок спасла отряд от неминуемой гибели.

Утром 1 июля крупные силы турок вышли из крепости и заняли форштадты, с которых открыли меткий ружейный огонь по русским постам. Миних срочно поднял армию в ружье. Половина всех полков под началом самого командующего бросилась вперед и выбила врага с позиций. Вторая половина во главе с принцем Гессен-Гомбургским составляла резерв. Заняв форштадты, русские подошли к самому рву перед внешним валом и до наступления темноты вели с турками жаркую перестрелку. За ночь к крепости были подтянуты мортиры, которое на рассвете 2 июля начали бомбардировку города. Вскоре в центре Очакова запылал большой пожар, и все русские пушки перенесли свой огонь туда, чтобы не дать защитникам его потушить. Пехота и кавалерия построилась в три отряда. В центре командовал генерал-лейтенант Кейт, на правом фланге находились Румянцев, Бирон и сам Миних, на левом фланге — Левендаль.

Под прикрытием артиллерийского огня русские двинулись вперед и сразу же наткнулись на ров, который оказался слишком широк и глубок, чтобы его можно было преодолеть без специальных приспособлений. Остановившись на совершенно открытой местности, они подвергались убийственному огню, но не отступали, и сами вели стрельбу. Перестрелка была настолько яростной, что у обеих сторон кончились патроны. По свидетельству очевидца, солдаты бросали в турок камни, землю и даже лопаты и топоры, которые нашлись в форштадтах. Наконец, видя, что перебраться через ров нельзя, они стали отходить назад.

Таким образом, штурм совершенно провалился. Миних впал в отчаяние. По свидетельству Манштейна, он повторял, что «все пропало», а другой очевидец добавляет: фельдмаршал даже «выронил шпагу». Находившийся при армии Миниха австрийский офицер Беренклау описывает приступ следующим образом: «фельдмаршал, видя, что дело идет худо, схватил знамя и подошел к самому рву. Ни один человек не следовал за ним кроме принца Вольфенбюттельского (Антон-Ульриха Брауншвейг-Беверн-Вольфенбюттельского, отца Иоанна VI, избранного Анной Иоанновной в наследники — А. М.) и его свиты. Мне кажется, Миних хотел, чтобы его застрелили, — в таком отчаянии был он. Все распоряжение штурма состояло в словах «ступай и пали». Россияне производили страшный огонь, но все вверх, так что со стороны неприятелей не было убито и десяти человек. Там скрывались гренадеры во рве, там офицеры; все было в беспорядке. Могу уверить, что эта армия не смеет явиться перед турками на открытом поле. Солдаты весьма хороши, но все стреляют в воздух. Между ними нет никакого порядка. Кто идет вперед, тот отличен перед другими. Не видя за собой следующих, он имеет право отступать назад. Индейцы не делали никогда приступа с большим замешательством, как это случилось тут».

Упомянутый в этом отзыве Антон-Ульрих Брауншвейгский действительно проявил незаурядную отвагу: «один из пажей его убит, другой ранен рядом с ним... одежда самого принца была прострелена и конь под ним ранен». Другой источник отдает должное А. И. Румянцеву, который смог упорядочить отступление солдат от стен крепости. И все же храбрость отдельных командиров не могла спасти ситуации. Однако тут русским неожиданно улыбнулась удача.

Занятые отбитием штурма, турки не смогли потушить пожара. Огонь достиг пороховых погребов, и в 9 часов утра 2 июля крепость потряс страшный взрыв, убивший сразу шесть тысяч человек. Эта катастрофа произвела на турок такое впечатление, что они подняли белый флаг. Комендант отправил к Миниху своего адъютанта с просьбой о перемирии на сутки, но тот потребовал немедленной капитуляции. Пока шли переговоры, часть гарнизона попытался бежать к галерам. Казаки кинулись за ними в погоню и обезумевшие от ужаса турки стали бросаться в море в надежде добраться до кораблей вплавь. Но

галеры, увидев, что город взят, ушли в море. Множество турецких солдат утонуло. Тем временем Мустафа-паша капитулировал.

В тот же день генерал-майор Бахметьев был назначен комендантом крепости. Гарнизон Очакова составили Суздальский пехотный и Новгородский драгунский полки. В плен попали 90 турецких офицеров и свыше трех тысяч солдат.

Только под развалинами и в окрестностях города русские собрали и погребли 16 тысяч турецких трупов. Затем работы прекратились, так как в крепости от множества мертвых было, говоря языком документа, «не без духу». Русская армия тоже понесла заметные потери: 47 офицеров и 957 солдат и казаков убитыми, 82 офицера и 2750 «нижних чинов» ранеными. Ранения получили даже пятеро генералов: Кейт, Левендаль, Бахметьев, Аракчеев и Хрущов. Под Минихом убило лошадь, а его шляпа и Кафтан были прострелены.

Пленных турок приписали к полкам и поставили на довольствие по той же норме, что и солдат. Фельдмаршал, кроме того, отобрал «молодых ребят и девок» и послал их ко двору в подарок императрице. Так поражение обернулось для русской армии победой.

Интересно, что один из участников событий адъютант Миниха граф Сольмс пытался доказать впоследствии, что и первый штурм не был неудачей, а отступление планировалось заранее, чтобы войска не пострадали при ожидаемом взрыве пороха.

Все офицеры и солдаты получили в награду за Очаков месячное жалование. «Очаковская крепость, — писал Миних в Петербург, — будучи сильна сама собою и окрестностями, имея многочисленный гарнизон, 86 медных пушек и 7 мортир, снабженная провиантом и военными запасами с излишеством, имея также свободное сообщение с моря, где находилось 18 галер и немалое число прочих судов с пушками, ожидая помощь из Бендер тридцать тысяч войска, а в августе самого визиря с двумястами, могла бы обороняться три или четыре месяца долее, чем Азов, и, однако, взята на третий день. Богу единому слава! Я считаю Очаков наиважнейшим местом, какое Россия когда-либо завоевать могла и которое водою защищать должно: Очаков пресекает всякое сухопутное сообщение между турками и татарами крымскими и буджакскими и притом держит в узде диких запорожцев; из Очакова можно в два дня добрым ветром в Константинополь поспеть, а из Азова нельзя. Поэтому слава и интерес Ее Величества требуют не медлить ни часу, чтоб такое важное место утвердить за собою». Далее Миних просил прислать к Очакову плотников и каменщиков для восстановления крепости, а в заключении обещал: «...и я в будущем году пойду прямо в устье Днестра, Дуная и далее в Константинополь».

Поход на Константинополь, однако, был делом нескорым, а пока, из-за понесенных потерь, Миних отказался даже от похода на Бендеры. 4 июля по поводу одержанной победы отслужили «торжественное молебствие», во время которого, священник Архангельского драгунского полка о. Афанасий Кляпцев с особым чувством говорил о Петре I, как об основателе нынешней «виктории». «Застал он в Росси свою силу слабую, — сказал священник, — и соделал по имени своему каменную, адамантовую, застал воинство в дому вредное, в поле некрепкое, от супостат ругаемое, а ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду грозное...». Проповедь так понравилась Миниху, что он велел ее переписать и отправил в Петербург императрице.

5 июля русская армия двинулась к Бугу и пошла вверх по правому берегу этой реки, выполняя первоначальный замысел о походе вглубь неприятельской территории. Обремененные почти восемью тысячами больных и раненых, русские двигались очень медленно, построившись в несколько каре, с большими обозами. Рано утром 12 июля генерал-квартирмейстер полковник Фермор и подполковник Ливен выехали с тремястами квартирьерами и фурьерами для поиска удобного места под лагерь. Не ожидая встречи с противником, они не взяли выделенного для них прикрытия из двух драгунских полков, но вскоре встретили казачий пикет, от которого узнали, что навстречу идет большой неприятельский отряд. Вскоре В. В. Фермор и его квартирьеры подверглись нападению пяти тысяч турок и татар. Построившись в каре, солдаты храбро отбивали атаку за атакой. Наконец, нападавшие, убедившись, что имеют дело отнюдь не с легкой добычей, ушли прочь. В тот же день татары атаковали обоз самого фельдмаршала, но были отбиты кирасирами.

К 18 июля измученное войско достигло места слияния Буга и реки Чигаклеи. Миних узнал, что для переправы здесь «место способное» и, что на левом берегу Буга есть прекрасные луга для выгона лошадей. Инженеры сразу же приступили к сооружению двух мостов (один понтонный, один — на бочках), по которым 21 июля первые полки перешли

Буг. Но переправа еще не закончилась, когда из Петербурга прибыла депеша с приказом наступать на Бендеры. Для решения этого вопроса был собран военный совет. Все его участники единодушно решили продолжить отход, ибо «по тому позднему времени и по великим авантажам для сбережения войска, в неприятельские земли в такую дальность вступить весьма не без опасности».

26 июля армия праздновала день коронавания императрицы, и Миних устроил для офицеров бал, на который пригласили пленного турецкого сераскера. При разговоре с командующим турок признался: «Я поражен превосходным видом российских войск. В Константинополе не верят в то, что я вижу собственными глазами». Когда же сераскеру заметили, что качество войск не уступает их внешнему виду, он с изысканной вежливостью ответил: «Если бы эти войска не были бы столь доблестными, то сераскер не находился бы здесь в русском лагере».

К несчастью, многие командиры утратили бдительность и были уверены, что враг далеко, на правом берегу Буга. 31 июля большая «партия» татар неожиданно форсировала реку, напала на русских фуражиров и отбила у них больше тысячи быков. Казаки бросились на врага, опрокинули его и гнали сорок верст. В бою погибло около сотни татар, но отбить быков так и не удалось.

2 августа войска начали движение вниз по Бугу, к устью реки Куцые Еланы, навстречу с флотилией князя Борятинского, В это время Миних получил письмо от молдавского боярина Лупула с призывом развернуть наступление на Бендеры и ярким описанием паники, якобы охватившей турок. Однако фельдмаршал не изменил своего решения, тем более что в армии начались «заразительные» болезни. 8 августа русские войска достигли реки, перешли ее и, пройдя по степи 23 версты, встала лагерем на Буге. В тот же день пушечная пальба известила о подходе флотилии. Барятинский привел 48 двойных шлюпок, 4 канчебаса и 57 больших ладей, груженных продовольствием. Еще через два дня подошли 6 двойных шлюпок и 24 байдака подполковника Долгорукого.

Миних был чрезвычайно доволен приходом флотилии и справедливо полагал, что теперь турки будут находиться в постоянном напряжении, не зная, «куда будут наши обороты». Он сразу же отправил часть судов к припасам в Очаков, а сам повел армию на восток, к реке Ингул.

17 августа русские перешли Ингул и вскоре встали лагерем в сорока верстах от Очакова, у самого впадения Буга в лиман. Отсюда Миних сообщал в столицу, что из-за усталости армии предпринимать какие-либо действия на Днестре невозможно, что стоит засуха, вода в Буге позеленела и стала негодной для питья. Это были не пустые слова. Запорожец Филипп Орлик в письме к Лупулу дает весьма выразительное описание того состояния, в котором находились русские воины: «Драгонія (драгуны — А. М.) мало не вся пеша стала, возы с провиантом не мают, чим проводить. Все хлопцы так мизернии, же кости тілько да шкура на них застают». Несмотря на все усилия медиков, в армии вспыхнула настоящая эпидемия желудочных заболеваний.

Еще 17 августа донским казакам было разрешено уходить на Самару, 22 августа отпустили генерала Бирона с драгунами, и при фельдмаршале осталось 27 пехотных полков. Еще неделю спустя, Миних, отправив под Очаковом два полка, повел остальные в обратный путь. К середине сентября он достиг устья реки Саксагани, а оттуда направился к Переволочне на зимние квартиры. Этим закончился тяжелый Очаковский поход, в котором русская армия потеряла 11 тысяч солдат и офицеров, 5 тысяч казаков и 1 тысячу крестьян, служивших погонщиками в обозе. Стоит упомянуть, что среди его участников был прадед А. С. Пушкина по материнской линии, 19-летний прапорщик А. Ф. Пушкин, «раненный в обе руки и в ногу пулями и картечами».

В отсутствие фельдмаршала, строительные работы в Очакове возглавил генерал-майор Ф. Штофельн, «яко человек добрый, попечительный и инженерству искусный». Первым делом он решил вынести линию обороны вперед. В полукилометре от северного фаса крепости началось возведение вала с шестью редутами. Эта линия должна была опираться флангами на берега Черного моря и Днепровского Лимана, надежно прикрывая подступы к крепости. Планировалось также усилить с помощью насыпных валов и барбетов внутреннюю крепость. Но работы шли медленно, и главной бедой была нехватка материалов. Только в конце июля к Очакову прибыла часть Днепровской флотилии под командованием полковника Хрипунова, которая привезла семь тысяч кулей провианта, гранаты для пушек, порох, туры и строевой лес. 4 августа на лиман пришли 57 больших судов («байдаков») бригадира князя Барятинского с различными припасами. В итоге к октябрю крепость была обеспечена самым необходимым, но строительные работы

завершить не удалось. Особенно в плохом состоянии находились жилые помещения. Поэтому, когда наступила осень, солдаты стали болеть. Погребение под стенами крепости убитых турок, конечно, не улучшало гигиеническую ситуацию. В конце сентября гарнизон насчитывал всего 5 тысяч человек, из которых не менее тысячи больных.

Между тем, турки узнали об уходе основной армии и решили действовать. 5 октября перед Очаковым появилась неприятельская флотилия, но, убедившись в присутствии неподалеку русских судов, ушла в море. 8 октября, в полночь, к редуту, построенному близ Днепровского Лимана, подошел конный отряд «спагов» (т. е. сипахи).

Неприятельские воины спешили и попытались напасть врасплох на гарнизон редута. Однако солдаты, вовремя заметили врага и отогнали его метким ружейным огнем.

Еще через семь дней большой неприятельский конный отряд напал сразу на два русских лагеря, расположенных по сторонам от крепости. Атаку вновь удалось отбить, но теперь противник далеко уходить не стал, расположившись лагерем на берегу Лимана. Как сообщили захваченные казаками «языки», под крепостью собралось сорок тысяч турок и татар под предводительством турецкого военачальника Али-паши и крымского хана Менгли-Гирея. 16 октября турки стали возводить напротив русских укреплений свои. Для прикрытия осадных работ они отбили три правофланговых редута, после чего Штофельн отвел все войска в саму крепость. В ночь на 17 октября турки начали бомбардировку Очакова и смогли занять недостроенный редут на берегу Лимана. Утром они атаковали левый фланг позиции. Отряды численностью по 1500 и 4500 человек двинулись на казармы Смоленского полка и на Преображенские ворота. Осажденные ответили вылазкой. 250 солдат с двумя пушками смогли не только оттеснить меньший отряд, но и ударили во фланг большому. Турки поспешно отступили, оставив на поле боя 400 убитых.

На рассвете 18 ноября враг вновь открыл огонь со всех батарей и обстреливал крепость весь день. Русские отвечали, как крепостной артиллерией, так и со шлюпок, стоявших на Лимане. Около 6 часов вечера одна из шлюпок села на мель. Турки немедленно бросились к ней, но под сильным огнем вновь укрылись в траншеях. Не удался противнику и штурм редута на левом фланге.

В 2 часа дня 20 ноября одна из вражеских бомб попала в небольшой (6 бочек) склад пороха у Семеновских ворот в центре позиции осажденных. Увидев это, турки выбрались из траншей и с криком бросились на штурм, и опять меткий огонь отбросил их назад. Вечером того же дня небольшой отряд под началом майора Анциферова сделал вылазку, отбил у противника редут на берегу Лимана. Однако через два часа турки контратаковали его большими силами. Отряд был вынужден отступить, но предварительно русские заклепали пушки. Новая попытка осажденных захватить редут успеха не имела. В этой бою турки потеряли 500 чел., а русские — около 100, причем среди убитых был и Анциферов.

В течение нескольких последующих дней противники обстреливали друг друга из пушек, сооружали осадные и оборонительные укрепления, копали рвы и траншеи. 28 октября, за час до рассвета, турки взорвали мины между Измайловскими воротами и сооруженным для их защиты Левенвольдовским бастионом. Турки рассчитывали этим взрывом не только разрушить укрепления, но и засыпать выброшенной землей ров. Но из-за того, что подкоп был неглубоким, взрыв не принес желаемого результата. Тем не менее, 5000 спешенных сипахов пошли на штурм. В самый разгар боя защитники крепости подорвали свои мины, чем обратили врага в бегство. Штурм унес жизни 4000 турок и татар, тогда как у русских погибло 5 офицеров и 66 нижних чинов.

Днем 29 октября турецкое войско стало готовиться к новому штурму, но тут Али-паша узнал, что к русским по Днепру идут подкрепления. Он сразу же распорядился прекратить огонь и готовиться к отходу. На следующий день турки ушли к Бендерам. Осада Очакова, таким образом, продолжалась около двух недель (с 15 по 30 октября). Из пятитысячного гарнизона крепости погибло более двух тысяч человек, но турки потеряли почти в десять раз больше, причем не менее десяти тысяч умерло от начавшейся эпидемии. Не в силах сломить упорство защитников, турецкое войско прервало осаду. «Я сомневаюсь, — писал Манштейн, — чтобы на свете было другое войско, которое, подобно русскому, в состоянии было или решилось бы терпеливо выносить такие непомерные труды, какие перенесены русскими в Очакове». Весь гарнизон за проявленное мужество получил денежные награды. Генерал-майор Штофельн был произведен в генерал-поручики и пожалован землями на Украине, а его ближайший помощник бригадир Брадке стал генерал-майором.

Но не только под Очаковым развернулись в 1737 году драматические события. Настало время обратиться к рассказу о действиях Крымской армии П. П. Ласси. Согласно плану, она должна была насчитывать около 40 тысяч человек регулярных войск и 15 тысяч — нерегулярных. Для поддержки сухопутных сил с моря выделялось 500 судов вице-адмирала Бредалья.

4 мая авангард Крымской армии численностью в 25 тысяч человек вышел из Азова и направился к Павловской крепости на реке Миус. Около нее, 15 мая, Ласси разделил свои войска на колонны, а затем продолжил движение к реке Калмиус. Там он остановился в ожидании флотилии. 23 мая в устье действительно вошли 320 кораблей, на которых находилось свыше 10 тысяч солдат и офицеров во главе с генералом Левашовым, самим Бредалем и его помощниками капитанами флота Петром Дорремереем и Виллимом Кензи. На Калмиус прямо из Бахмута были подтянуты также драгунские полки генерала Дугласа.

Желая избежать повторного штурма Перекопских укреплений, Ласси решился на смелый эксперимент: переправиться по наплавному мосту через Сиваш, между Арабатской косой и материком и идти далее по косе. К 18 июня его армия собралась у Генчи, где к ней присоединились четыре тысячи калмыков, а уже 25 июня завершила переправу. Большинству генералов движение войск по узкой косе представлялось очень опасным, и они стали требовать от Ласси, вернуться к границе. Однако упорный ирландец настоял на своем, предложив всем оппонентам уехать на Украину. Если сослуживцы Ласси считали подобный маневр делом трудным, то крымский хан Фети-Гирей вообще не допускал мысли, что русские могут попытаться пройти в Крым, где-то кроме Перекопа. Поэтому он стоял там с 60-тысячной армией и ждал появления противника.

Когда весть о появлении русских достигла Фети-Гирея, он решил сделать именно то, чего так боялись генералы Ласси: запереть наступавших на косе. Небольшую часть своей армии хан послал к Генче уничтожить мост, а основные силы (около 7 тысяч воинов) расположил в укрепленном лагере за селением Арабат. К счастью, Ласси вовремя узнал о перемещениях татар и составил свой контрплан. Он выдвинул к Арабату отряд под началом майора Храпова для имитации атаки, а сам еще раз переправился через Сиваш у впадения в него реки Салгир и стремительно двинулся к Карасу-Базару, разоряя села по рекам Салгир и Индаки. «Проклятые московцы, - писал Сеид-Мухамед-Риза, — опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма». Хан поспешил на встречу русским и 12 июля атаковал на Салгире их авангард. Произошло очень упорное сражение, и только прибытие на поле боя самого Ласси с тремя драгунскими и шестью пехотными полками заставило татар отступить. В сражении татары потеряли убитыми около 600 чел.

14 июля армия двинулась дальше. В авангарде шел отряд генерал-майора Дугласа, численностью в 6 тысяч человек, а за ним основные силы под началом самого Ласси. Все обозы оставили в укрепленном лагере под прикрытием 5-тысячного отряда бригадира Колокольцева. В тот же день русские достигли города Карасу-Базара, без боя захватили его и полностью сожгли. После этого, казаки и калмыки рассыпались по всему Крыму для грабежа и захвата пленных, а регулярная армия тем временем отступила в лагерь, к своим обозам. 15 июля перед русским лагерем появилась 70-тысячная татарская армия. Хан горел желанием отомстить за разрушенный город и собирался атаковать, но Ласси его опередил. Он выслал вперед отряд Дугласа, который перешел реку Карасу четырьмя верстами выше татар и напал на них. После очень упорного боя, войска хана отступили.

Потери русских во всех этих столкновениях были невелики, но недостаток воды и летняя жара вновь грозили развитием эпидемии. Это заставило Ласси собрать 16 июля военный совет для решения вопроса о дальнейших действиях. После непродолжительного обсуждения, генералы пришли к выводу, что нужно отходить. Чтобы не идти вновь по опасной Арабатской косе, Ласси предложил направиться к урочищу Шунгуры, лежащему между Перекопом и Генчи, у самого узкого места Сиваша.

17 июля армия выступила в поход от реки Салгир и за пять дней достигла Шунгуры. На протяжении всего перехода нерегулярные войска грабили и разоряли окрестности, их добычей стали почти 30 тысяч волов и 100 тысяч баранов. 22 июля началась переправа через Сиваш по понтонному мосту. Едва часть войск добралась до противоположного берега, как на оставшихся напал сильный отряд татар, подкрепленный турками, прибывшими из Кафы. Однако меткий огонь русской артиллерии заставил преследователей отступить. 24 июля армия Ласси сосредоточилась у Генчи, а затем отошла на реку Молочные воды.

В то время как сухопутные силы сражались с татарами, флотилии Бредалья пришлось выдержать несколько стычек с турецким флотом. Сопровождая армию, он утром 28 июня

прибыл к берегам урочища Сальен-Дилис, которое лежало в шести верстах от русского лагеря. В два часа дня вперёдсмотрящие заметили парусные корабли. Не прошло и часа, как они приблизились, и стало ясно, что это — неприятель. Бредаль быстро отвел флотилию на мелководье, высадил команды на берег и приказал построить редут. Принимать бой на море было немыслимо: турецкая эскадра включала 64-пушечный линейный корабль под флагом самого капудан-паши, еще один корабль с 60 пушками, фрегат с 32 пушками, 15 галер и 70 полугалер. Бредаль располагал только ботами лодками и различными легкими судами. Турки не решились сходу атаковать русские позиции. Они выслали две галеры, которые произвели рекогносцировку, лавируя перед русскими судами на расстоянии выстрела.

Тем временем ветер стал усиливаться. К 8 часам вечера начался шторм. Волны срывали легкие русские лодки с якорей, выбрасывали их на берег, разбивали о камни. Лишь к полудню 29 июня буря утихла. Из всей флотилии Бределя уцелело всего 47 лодок, да и те получили сильные течи. 170 лодок затонуло. Солдаты и матросы смогли спастись, но большое количество амуниции и провианта погибло.

30 июня турецкий флот приблизился к остаткам флотилии на четыре версты и выслал канчebas для промера глубин. В полдень 1 июля все турецкие корабли снялись с якоря и двинулись вперед. За две версты от берега они построились полумесяцем, имея на левом фланге оба корабля и фрегат. К тому времени Бредель успел возвести две батареи, левую на 23 пушки и фальконета и правую — на 27. Линейные корабли обрушили на правую батарею настоящий дождь ядер.

Под прикрытием огня, турецкие галеры быстро двигались вперед, чтобы высадить десант. Русские артиллеристы хладнокровно ждали их приближения, не отвечая на вражескую пальбу. В 3 часа дня, когда враг подошел поближе, пушки Бределя заговорили. Галеры немедленно повернули назад, а в 4 часа дня ушел и весь флот. Остаток дня 1-го июля солдаты и экипажи лодок провели на батареях, опасаясь нового нападения. Затем Бредаль посадил часть людей на те лодки, которые находились в более или менее исправном состоянии (31 лодка) и отправил их к Генчи. Большинство солдат и сам вице-адмирал двинулись туда же сушей.

В конце июля силы Ласси были стянуты на реку Молочные Воды, а оттуда в сентябре они ушли на Украину. «А чтоб больше в Крыму быть и для разорения перекопской линии иттить, — писал командующий императрице, — оного за вышеписанными препятствии (жара и нехватка конских кормов — А. М.) ни по которым мерам без великого армии разорения миновать было нельзя...»

Отход русской армии полностью порвал ее связь с флотилией Бределя, в состав которой к тому времени вошло много новых судов. 28 июля вице-адмирал повел свои корабли из Генчи к Азову. На следующий день, утром ему пришлось выдержать сражение с турецким флотом, подкараулившим русских у Виссарионовой косы. Бредаль вновь приказал высадить на берег большую часть людей и выгрузить пушки, из которых составили береговую батарею. Всего в распоряжении русского флотоводца имелось 5 вооруженных ботов и 284 лодки. Им противостояли 2 линейных корабля, 13 галер и 47 гребных судов. Турецкий флот, следовательно, был гораздо сильнее, ведь многочисленные лодки Бределя нельзя даже назвать боевыми кораблями в полном смысле этого слова. Тем не менее, весь день 29 июля и утро 30 июля русские и турки вели яростную артиллерийскую дуэль. Во второй день русским удалось повредить один из линейных кораблей, и турецкий флот немедленно вышел из зоны огня. До 8 августа турки блокировали суда Бределя, но затем ушли в Кафу. Хотя после этой схватки только четыре бота и десять лодок могли продолжать путь, ее исход следует признать очень удачным для русских: никаким количеством разбитых лодок нельзя возместить повреждение линейного корабля. Целые суда Бредаль поручил вести в Азов лейтенанту Брамсу, а поврежденные к Бердянской косе — капитану Лунину. Сам он поехал в Азов сухим путем.

К сожалению, далеко не всегда столкновение кончались для русских столь благополучно. Еще 6 июля Бредаль отправил от Генчи к Азову один бот, груженный мортирой, под командованием капитана Дефремери. 10 июля у Федотовой Косы на него напали боевые корабли турок. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи и отважный капитан, высадив команду на берег, взорвал бот вместе с собой.

Присутствие армии Ласси на реке Молочные Воды удержало крымских татар от ответного набега. Однако ситуацией воспользовались кубанские татары. Зная, что большая часть донских казаков ушла на войну, они 30 июля 1737 г. перешли на правый берег Дона и напали на станицу Быстрянскую. Немногочисленные жители станицы

оказали отчаянное сопротивление, причем в обороне активно участвовали женщины. Но силы были неравны. Татары разорили Быстрианскую, а также станицы Нижне-Каргальскую, Цимлянскую и Камышниковскую. Они угнали в плен 968 человек, сожгли более 700 казачьих домов. Ласси, получив известие о набеге, послал на Дон около 3 тысяч казаков с атаманом И. М. Краснощековым. Они немедленно бросились в погоню, но настичь врага не смогли.

В качестве ответной меры, донские казаки совершили в ноябре набег на Кубань. В нем участвовали 9500 конных казаков и 1500 пеших под началом наказного атамана Степана Фролова. 1 ноября они перешли Дон и тотчас дали об этом знать калмыкам Дундука-Омо, приглашая их присоединиться к походу. Так как ответа не последовало, казаки отправились на реку Ея, рассчитывая найти там калмыков. 1 декабря Фролов и Дундук-Омо наконец встретились, но калмыцкий предводитель продолжал действовать очень пассивно. Тем не менее, 7 декабря передовой отряд казаков и калмыков смог разгромить татарские кочевья на острове Мултянский. К 21 декабря казаки вернулись на Ею. Их трофеями стали свыше тысячи пленных, 2 тысячи лошадей, 5 тысяч волов и коров. В целом этот набег оказался все же менее успешным, чем набег 1736 г. Вина за это во многом лежит на Дундуке-Омо, которому почему-то изменила его обычная энергия.

Не мало огорчений причиняли русскому правительству и его европейские союзники. Австрия, объявив Турции войну, по-прежнему не начинала боевых действий. Русский посол Ланчинский с горечью писал в мае 1737 г., что медленность австрийцев его «сокрушает». Наконец, в самом конце июня австрийская армия генерала Фридриха фон Секкендорфа двинулась из Белграда к Нишу и 3 июля перешла границу у Парачина. Еще одна армия, графа Валиса, должна была идти из Трансильвании в Валахию, а третья, принца Гильдбурггаузена — из Хорватия в Боснию. Секкендорфу сопутствовал успех. Слабые гарнизоны пограничных турецких крепостей сдавались без боя и 17 июля австрийцы вступили в Ниш. Легко отступая на левом фланге, турки стягивали силы к Видину, который готовились защищать до конца, и откуда угрожали австрийским магазинам на Дунае. Поэтому австрийское командование оставило в Нише небольшой отряд под началом генерала Доксата, а большую часть своих сил во главе с Кевенгюллером направило долиной реки Тимок к Видину. Дойдя до Брегова, Кевенгюллер отправил коменданту предложение сдаться, но получив отказ, не решился осадить крепость имевшимися у него силами и остановился на Тимоке.

Армия графа Валиса в ночь с 1 на 2 июля вторглась в Турецкую Валахию, а затем, разбившись на отдельные отряды, заняла Тырговиште, Питешты и даже, 24 июля, Бухарест. Однако затем турки бросили в Валахию боснийское войско под началом князя Маврокордато, которое заставило австрийцев отставить Бухарест и отойти к Тырговиште. Между этими двумя сражениями происходили мелкие, но чрезвычайно кровопролитные стычки австрийских гусаров с босняками. В начале августа Валис отступил в Австрийскую Валахию к Ватовсилу.

Хуже всего шли дела в Боснии. Армия принца Гильдбурггаузена 1 июля перешла реку Саву и осадила Банью-Луку.

Но из Травника подоспело 20-тысячное турецкое войско, которое наголову разгромило австрийцев.

В июле начал работу мирный конгресс в Немирове (Польская часть Украины), на который прибыли представители Турции, Австрии и России. Русские уполномоченные (П. П. Шафиров, А. П. Вольнский и И. И. Неплюев) заявили, что Крым и земли по Кубани должны войти в состав Российской империи, а Валахия и Молдавия получить независимость и пользоваться российским покровительством. Австрийцы требовали Боснию и Сербию. Разумеется, турецкие представители не могли на это согласиться.

Начались долгие споры и препирательства, во время которых русские и австрийцы постоянно интриговали друг против друга. В конце июля стало известно, что султан назначил нового визиря Муса-Оглу-пашу, человека решительно и явно не расположенного раздавать земли противникам. Важнее же всего, было то, что против расчленения Турции выступала Франция. По мнению кардинала Флери, Османская империя должна была сохраняться, даже независимо от тех выгод, которые приносила Франции левантская торговля. Османская империя была нужна, как важнейший элемент европейского равновесия.

В начале октября турки прервали конгресс, хотя австрийцы уже соглашались удовлетвориться частью Сербии, а русские — Азовом, Очаковым и Кинбурном. В ноябре турецкая армия вторглась в Малую Валахию, разгромила австрийцев и в декабре взяла

Крайово. Анна Иоанновна, срочно вызвав Миниха и Ласси в Петербург, приказала им готовиться к походу.

Уже в январе 1738 г. план новой кампании был составлен и утвержден императрицей, а в конце марта Россия и Австрия подписали конвенцию о совместных действиях. В качестве главного направления удара на этот раз избрали Молдавию. Формировались две армии: Днепровская — под командованием Миниха, и Донская — Ласси. В состав более многочисленной, Днепровской армии вошло свыше 108 тысяч человек, из которых почти 95 тысяч регулярных войск.

Артиллерия насчитывала: 200 полковых пушек, 62 пушки крупного калибра, 16 гаубиц, 11 мортир и 444 «кугорновские мортирцы», калибром в 6 фунтов. При артиллерии имелись также 36 понтонов со всеми необходимыми принадлежностями.

К 15 апреля войскам Миниха надлежало сосредоточиться на общем сборном пункте, на реке Омельнике, и оттуда идти на Буг «наискорейше и таким образом, чтобы еще, ежели возможно, до половины мая мосты на Буге сделать». После переправы через Буг, они должны были «марш продолжать и елико скоро точию человеку возможно с армиею Днестра достигнуть стараться». Боевые действия предписывалось тщательно согласовывать с действиями противника, который, по мнению Миниха, мог сам перейти Днестр, а мог попытаться остановить продвижение русских за рекой.

Донская армия Ласси насчитывала около 65 тысяч человек (в том числе 40 тысяч солдат и офицеров регулярных войск). Ее целью было новое вторжение в Крым. Австрия, в соответствии с конвенцией, давала обязательство выставить на Дунае армию численностью в 127 тысяч человек при 100 пушках и осадить Видин.

В конце марта Миних сообщал императрице, что «наши приготовления с великим предуспехом происходят». На деле, русскую армию мучили прежние проблемы: медленное прибытие рекрутов, нехватка лошадей, раскисшие от весенних дождей дороги. Лишь с 15 апреля стали прибывать в Переволочну полки, назначенные в состав Днепровской армии. Сбор же на Омельнике запоздал на целый месяц. Наконец 22 мая войска Миниха отправились в поход.

Выступив от Омельника, русские войска шли «разными тремя дивизионными колоннами, причем обозы, чтобы не растягиваться, следовали широким фронтом. Впереди армии двигался авангард из пяти-семи полков. 4 июня авангард вышел к реке Ингулу, а на следующий день подтянулась и вся армия. Разведка сообщила Миниху, что навстречу ему идут большое татарское войско и турецкая армия из Бендер. Все это вполне устраивало фельдмаршала, который и сам хотел поскорее дать «генеральную баталию». 19 июня высланный вперед отряд квартирмейстеров во главе с В. В. Фермором достиг Буга, 21 июня туда же подошли основные силы и приступили к наводке мостов. Для прикрытия мостов сооружали одновременно редуты.

Дальнейший маршрут армии Миних составил, опираясь на данные казаков-разведчиков. Идти следовало вверх по Бугу до устья Саврани и далее вверх по этой реке до верховьев Молокиша, а затем вниз по Молокишу до его впадения в Днестр. Путь этот избрали потому, что на нем «кормов, лесов и воды было довольно». 29 июня войско выступило дальше, вверх по Бугу. Вечером того же дня, когда солдаты уже начали устраивать лагерь на реке Кодиме, пришло сообщение, что на противоположном берегу появился неприятель.

Действительно, утром 30 июня 10-тысячный конный отряд противника атаковал полевые караулы 2-й дивизии, но был отбит. Зато в центре туркам удалось окружить отряд бригадира Шилова, который слишком выдвинулся вперед. Атакованный отряд состоял из двухсот человек при двух пушках, но защищался с исключительным мужеством. На помощь ему бросился сам фельдмаршал Миних с отрядом кирасир, гусар и запорожских казаков. С левого фланга подошел также Густав Бирон с конной и пешей гвардией. В конце концов, враг отступил. В битве на реке Кодима русские потеряли 38 солдат убитыми и 44 ранеными. Потери турок достигали 200 человек.

В то время, когда на левом берегу Кодимы шло сражение русской армии с турками, небольшой вражеский отряд попытался напасть на обоз, шедший к армии с Украины. Благодаря открытой местности, командир обоза полковник Данилов издали увидел нападавших, быстро построил вагенбург и отбивался до тех пор, пока не пришел на выручку генерал-лейтенант Карл Бирон с четырьмя полками. Турки сразу же отступили, и обоз прибыл в лагерь, не потеряв ни одной повозки.

К 6 июля войско добралось до Саврани и начало готовиться к переправе. Первой по понтонным мостам на противоположный берег вышла дивизия Карла Бирона. Две другие

дивизии перешли реку на следующий день. После этого, армия разбила лагерь. 8 июля перед русскими неожиданно появилось турецко-татарское войско. Солдаты были подняты по тревоге, но все же они явно не успевали построиться в боевой порядок до подхода врага. Ситуацию спасли запорожские казаки, которые заняли возвышенность перед правым флангом армии, укрылись за телегами и метким огнем отбили несколько атак подряд. Поняв, что на фактор неожиданности рассчитывать более не приходится, турки и татары ретировались в соседний лес.

Желая продолжить борьбу, Миних вывел большую часть армии «в поле». Он построил ее в линию, таким образом, правый фланг упирался в лагерь запорожцев, а левый — в глубокую балку. Полевая артиллерия под началом генерал-поручика Левендаля встала на высоте, на правом фланге. Вражеские атаки не заставили себя ждать, но все они были отбиты. Около 5 часов вечера, получив в очередной раз отпор, противник отступил, оставив на поле боя свыше тысячи убитых. Оценивая результаты сражения на Саврани, Миних, в первую очередь, подчеркивал, что она подняла дух воинов.

9 июля армия продолжила путь, направляясь к Днестру, верх по Саврани. При таком маршруте правый фланг был надежно прикрыт рекой. Защиту левого фланга поручили всем нерегулярным войскам. Тем не менее, татары и турки постоянно тревожили русских мелкими стычками. Из-за этого шли очень медленно, делая по 9-10 верст в сутки. Летняя жара вновь стала оказывать свое пагубное действие. Для предотвращения эпидемии, Миних приказал офицерам следить, чтобы солдаты не пили воды из сомнительных водоемов, и устраивать, где только можно, бани. Больным выдавали вино и дополнительные порции хлеба.

По мере приближения армии к Днестру, в нее стали прибывать беженцы из разоренных турками земель: молдаване, венгры, волохи. Они сообщали, что население с нетерпением ждет русских и хочет «в высочайшую протекцию отдаться». Без сомнения, такие вести окрыляли Миниха: ему уже виделась Валахия, присягающая на верность императрице. 19 июля русские достигли верховьев Саврани, у Поповой Гребли. Теперь им предстояло преодолеть самый трудный участок пути, где, как писал Миних, «два перехода без воды иметь будем». Фельдмаршал постоянно готовился к встрече с неприятелем, но тот не появлялся. Армия шла по гористой, покрытой лесом местности со всеми мерами предосторожности, имея впереди сильный авангард и сблизив обозы. 23 июля, когда до Днестра оставалось около 20 верст, разведка сообщила, что неприятель находится в 2 верстах от армии, на урочище Гура Билоцки. Миних быстро построил войска в боевой порядок и очень вовремя — турки пошли в атаку. В произошедшем сражении особенно отличилась русская артиллерия, от огня которой, как сообщал фельдмаршал, «гордый неприятель вскоре с великой конфузней врознь разбит и так, яко мякина от ветра рассеян».

Потерпев очередную неудачу, турки и татары перешли к тактике мелких налетов. Они также сжигали на пути армии траву, угоняли скот. По свидетельству участника событий, «жары были великие и часто утруднение от неприятеля, отчего немалая слабость в армии стала показываться, а паче скот весьма ослабел». К этим проблемам добавилась еще одна, быть может, самая главная. Б.-К. Миних долгое время полагал, что противник сам перейдет через Днестр и даст ему генеральное сражение. Но вышло не так. Турки укрепили свой берег мощными ретраншементами и приготовились к обороне. Значительная ширина реки, глубина, не позволяющая перейти ее вброд, и крутые берега делали переправу крайне сложной. 25 июля Миних собрал военный совет, который постановил «в марш выступить», чтобы «берега оной речки (Днестра — А. М.) и от неприятеля сделанные шанцы и батареи и его лагерь осмотреть и способ отыскать оной переправой овладеть и турецкую армию прочь отогнать».

В ночь на 26 июля движение армии возобновилось. Войска шли двумя колоннами, а между ними укрылись все обозы. В 10 часов утра неприятель сделал попытку атаковать арьергард русских, но неудачно. Было также совершено нападение на отряд генерал-лейтенанта Философова, который включал всего 4 полка и прикрывал повозки провиантского магазина. Однако Миних вовремя послал Философovu подмогу, и он смог отбиться. Вечером 26 июля армия встала лагерем между реками Молокиш и Билочь, всего в одном пушечном выстреле от Днестра.

В ту же ночь 6 тысяч солдат и рабочих покинули лагерь, и подошли к Днестру для строительства на его берегу обширного ретраншемента. Но так как «берег был зело крепкий», им удалось соорудить только батареи для пушек и мортир. С утра 27 июля турки открыли огонь по берегу, занятому русскими, стреляя «по каждому казаку, который

покажется». К вечеру следующего дня начали действовать и русские батареи. Но очень скоро Миних понял, что одним лишь обстрелом турок выбить не удастся. Форсировать реку измученная длительным переходом армия тоже не могла.

Миних был вынужден, скрепя сердце, оставить заветные берега Днестра. В первых числах августа, войска пошли обратно. «Здесьние места, — писал Миних императрице, — для воинской операции такой большой армии очень трудны и неспособны, потому что в малых речках, впадающих в Днестр, для всей армии воды недовольно... Хотя неприятель сильно и часто нас окружал и нападал, однако, в армии в продолжение всей кампании не более 700 человек побито и 250 ранено; напротив того, неприятель всякий день от нас немалый урон терпел и, конечно, был бы разбит, если б перешел на сю сторону Днестра; переход же нашей армии на ту сторону этой реки при нынешнем состоянии припряжки решительно невозможен. Генералитет весь в добром здравии, а рядовые чрезмерно бодры и всякий желает сражения, дабы железо, свинец и порох в честь Вашего Величества употребить, а везти все это назад с собою будет не без труда».

Кампания явно не удалась, и фельдмаршал утешал императрицу. Когда в Петербурге стали настойчиво требовать, чтобы войско шло хотя бы к Хотину, военачальнику пришлось говорить откровеннее. В начале сентября он сообщал: «Люди прошлою зимою покоя не имели и в продолжение всей кампании маршировали беспрестанно, а рекруты к армии приведены, когда уже полки из зимних квартир выступили и многие померли, а другие больны, остальные очень истомлены; в лошадях в скоте немалый урон; мундирные вещи по причине дурного прошлогоднего зимнего пути не все к армии привезены... Бомбы мы принуждены были зарыть и потопить, а тяжелые лафеты близ Днестра, где скот воды не имел и немалый упадок был, разбить... Драгуны и солдаты бегут, и удержать их от побега можно только надеждою возвращения в отечество и покоя». Печальный результат экспедиции усугублялся тем, что начавшаяся эпидемия заставила русских покинуть Очаков и Кинбурн.

Крымская армия П. П. Ласси тоже столкнулась с большими трудностями. Местом ее сосредоточения, как и в 1737 году, была избрана река Калмиус. Пока Ласси собирал силы, калмыки Дундука-Омо произвели «немалую диверсию» на Кубань, дотла разорив кочевья местных татар. Затем калмыки присоединились к русским войскам. К 25 мая русские войска вышли на Среднюю Берду. Туда же, несколькими днями раньше, подошла флотилия П. П. Бределя. Здесь Ласси получил известие, что на реке Молочные Воды стоит около тысячи татарских воинов под предводительством Амазат-Гирея. На разведку немедленно отправились 2 тысячи казаков во главе с полковником Малышкиным. Они не только обнаружили неприятеля, но атаковали его и полностью разгромили. 27 мая Малышкин вернулся с большой добычей к армии.

Пленные татары сообщили, что хан с 30-тысячным войском стоит за Перекопом, укрепления которого полностью восстановлены. Тут надо заметить, что поход Ласси 1737 г. привел к низложению Фети-Гирея, и теперь в Крыму правил Менгли-Гирей, который ранее занимал престол в 1724-1730 гг. Он слыл за весьма искусного и хитрого правителя, несомненно, обладал немалым военным опытом. Взвесив все обстоятельства, Ласси вновь решил обойти перекопские укрепления и выйти неприятелю в тыл. 24 июня его армия расположилась на урочище Одип, где находилась переправа через Сиваш.

Между тем, Бредель, флотилия которого оставалась у Бердянской Косы, 25 мая получил сведения, что к Виссарионовой Косе подходит турецкий флот. На разведку были направлены три шлюпки под командованием капитана Герценберга. Как выяснилось, флот там действительно был, причем немалый: три линейных корабля в сопровождении мелких судов. Турки потопили шлюпки Герценберга, и ему пришлось добираться к Бределю сухим путем. Утешением могло, впрочем, служить то, что, совершив этот «подвиг», вражеские корабли ушли на запад.

2 июня флотилия Бределя направилась к Генчи, для встречи с армией. Через два дня вице-адмирал получил известие о приближении турецкого флота. К вечеру корабли противника стали окружать лодки и прижимать их к Федотовой Косе. Бредель прибег к испытанной тактике. Он высадил солдат на берег и принялся сооружать батареи. Однако специфика ситуации на этот раз заключалась в том, что нельзя было ограничиться одной обороной: Ласси ждал флотилию у Генчи. Установив на берегу 28-орудийную батарею, Бредель распорядился под прикрытием ее огня вырыть канал через Косу и по нему перевести лодки на противоположную ее сторону. Вся эта операция производилась под непрерывной бомбардировкой с вражеских галер и была успешно завершена 15 июня.

Тогда турки направили свой флот к Гянчи, на перехват Бределя. 16 июня вечером они настигли флотилию. 119 русским лодкам противостояли 7 линейных кораблей и фрегатов, 3 большие галеры и 109 мелких судов. Как и прежде, Бредель не мог принять морской бой. Ситуация развивалась по привычной схеме. Русские высадились на берег, построили батареи и отразили все атаки турок, включая ночную атаку.

Заняв Генчи, Бредель установил связь с Ласси, который, за это время возвел около урочища Одип, укрепления для хранения припасов. 26 июня командующий приказал начать переправу через Сиваш вброд. Для отвлечения внимания противника к Перекопу были направлены казаки и калмыки. Они встали лагерем у урочища Чепрак, и тревожили татар мелкими стычками. Узнав о переправе русских, Менгли-Гирей отступил от Перекопа, оставив сильные гарнизоны в двух крепостях: старой — Ор-Кап и новой — Чиваскула. Надо заметить, что после похода 1737 года, татары значительно усилили Ор-Кап. Они обнесли ее двойной каменной оградой, соорудили на оконечности линии, примыкающей к Сивашу, двойной ретрашемент. Тогда же была построена неподалеку от Ор-Кап крепость Чиваскула.

Сразу после переправы, войска Ласси атаковали Чиваскулу и взяли ее. Затем командующий обратился к коменданту Ор-Кап с предложением капитулировать. Комендант отказался, заявив, что хан поручил ему охранять крепость, а не сдавать. 27 июня Ласси приступил к осаде. У старой ограды, возведенной русскими еще в 1736 г., была построена траншея с батареей, на которой установили две 5-пудовые мортиры. В ночь с 28 на 29 июня удалось соорудить вторую батарею. На ней разместились три 12-фунтовые пушки, две гаубицы и двадцать «кугорновых мортир». Вскоре русские орудия начали массированную бомбардировку крепости. За двое суток (27-28 июня) было выпущено: 5-пудовых бомб — 135, 18-фунтовых ядер — 98, 12-фунтовых ядер — 90, 6-фунтовых гранат — 160, брандкугелей — 56. Не выдержав этого смертоносного града, гарнизон сложил оружие. 29 июня крепость была занята русским гарнизоном.

Дальнейший план Ласси заключался в наступлении вглубь Крыма, но от этого замысла пришлось отказаться. В разоренном войной ханстве не было никакого продовольствия, а везти припасы по Днепру боялись из-за эпидемии, охватившей район Очакова и Кинбурна. Медики убедительно доказывали Ласси, что с Нижнего Днепра заразу можно легко занести и в Крым, и на Украину. Флотилия с продовольствием, шедшая из Азова, погибла во время шторма. Не желая рисковать, командующий решил вернуться к Перекопу, а затем, по тракту, к Днепру. Собранный 6 июля военный совет изъявил полное согласие с его мнением.

При отступлении армии к Перекопу татары развернули активное преследование. 9 июля 20-тысячное войско неприятеля напало на арьергард, состоявший из малороссийских казаков. Татары не только смяли казаков, но отбросили их прямо на Азовский драгунский полк, который спешил на выручку. Произошла страшная сумятица. Паника от казаков передалась драгунам. Ласси немедленно послал к арьергарду 4 драгунских полка под командованием генерал-поручика Шпигеля, но и они не смогли переломить ситуацию. Тогда на врага двинулась пехота из состава основных сил. Наконец, после жаркого боя, татары отступили. Потери русской армии были в тот день очень велики: убитыми 562 человека и ранеными 483. Татары оставили на поле сражения более тысячи трупов.

До конца августа Ласси оставался у Перекопа. В сентябре он приказал взорвать укрепления и двигаться на Украину зимовать. Поход, таким образом, оказался не особенно удачным. Кроме разорения пограничных крепостей, каких-либо результатов достичь не удалось. Лесли прекрасно понимал, что его действиями будут не довольны в столице, а потому сам подал прошение об отставке. Но императрица ответила отказом и просила продолжать службу. Гораздо менее благосклонны к русскому генералитету были австрийцы: они обрушились на Анну Иоанновну с претензиями, заявляя, что русская армия ничего не сделала.

Ответ фельдмаршала Б.-К. Миних звучал, в пересказе С. М. Соловьева, следующим образом: «Жалобы австрийского двора на возвращение русской армии, на безуспешность обеих кампаний, вследствие чего будто бы все турецкие силы обратятся против Австрии, эти жалобы несостоятельны: обоими нашими походами, и прошлогодними и нынешними, отвлечено было от австрийских границ сильное турецкое войско и все татары... Что в воинских действиях против сильного неприятеля не всегда можно положенное в операционных планах исполнить, это цесарцы сами испытали, ибо, имея сильное войско, в две кампании не только Виддина взять не смогли, но и свои крепости потеряли».

Подробное описание походов 1738 г. составил для своего правительства капитан австрийской армии Парадис. Несмотря на отдельные преувеличения, в этом документе содержится немало фактов, позволяющих лучше понять те ошибки в организации войска, которые допустило российское командование. Так, Парадис отмечает, что русские в походе двигались очень медленно из-за огромных и плохо организованных обозов. «При беспорядке обоза, — пишет он, — возы так между собой перепутываются и сцепляются, что армия принуждена иногда по два-три часа в одном месте стоять, тогда, как воздух наполнен криками множества извозчиков... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на какой другая армия употребляет четыре часа. Всякая телега хочет обогнать идущую впереди, отчего сцепляются и перепутываются; скот, находящийся в тесноте, без пищи, беспрестанно погоняемый, падает мертвым...». Несмотря на все ограничения, многие офицеры из знатных родов, по свидетельству Парадиса, имели огромные обозы, совершенно не соответствующие их реальным потребностям. У отдельных сержантов гвардии было, например, по 16 возов.

Австриец отмечал также слабость русской кавалерии. «Правда, есть драгуны, — говорится в донесении, — но их лошади так дурны, что драгунов и за кавалерию почитать нельзя; оружием своим и багажом они так покрывают и отягощают лошадей, что те едва могут двигаться, и часто случалось видеть, как драгуны, сходя с лошадей, валяли их на землю». Интересно, что англичанин Фрэнсис Дэшвуд, напротив, отзывался о драгунских лошадях с похвалой. В его путевом дневнике есть такая запись: «Что касается драгун, то все они на маленьких русских лошадях высотой примерно 13 ладоней 1 дюйм. Они гораздо более выносливы и неприхотливы, чем большие, что абсолютно необходимо в столь обширной стране, как эта, для перевозки войск на дальние расстояния». Однако Дэшвуд видел столичные полки в мирное время, а Парадис — действующую армию в походе. Из русских делопроизводственных документов хорошо известно, с какими трудностями шел сбор лошадей даже в первый год войны, а в последующие годы, когда множество животных погибло, ситуация только ухудшалась. Из-за недостатка кавалерии прикрытие фуражиров часто поручали пехоте, что также замедляло движение.

Вообще, фуражировка, по мнению Парадиса, была поставлена очень плохо. «Хотя русские, — замечает он, — имеют больше других народов нужду беречь фураж, однако я не заметил, чтоб они малейшее попечение прилагали о том во время походов, напротив мнут его телегами и лошадьми и выбивают, когда из одного лагеря переходят в другой, то кругом лежащие места все вытолочены... Если на другой день там же дневать станут, то всякий по своей воле фуражирует, где может, и выходят из лагеря без всякого порядка...».

Парадис указывал также на недостаток дисциплины в целом, на «некоторое застарелое нерадение в русских офицерах». Он писал, что Миних «может заставить себя бояться, но такой рабский страх заставляет трудиться только в его присутствии». Подводя итог своим рассуждениям, австрийский капитан утверждал: «...Пока состояние русской армии не изменится, ей нельзя предпринимать долговременную осаду».

Скромные результаты кампании 1738 года заставили Россию усилить активность на дипломатическом поприще. Ситуация в Европе оставалась весьма сложной и запутанной. В начале июля австрийцы нанесли туркам крупное поражение в Меади: в Вену привезли более 30 трофейных знамен. Однако после этого успеха они решили вести исключительно оборонительную войну и ждать нового русского наступления. При этом «цесарские» дипломаты постоянно торопили русских, жаловались на трудные условия ведения войны, утверждали, что турки скоро бросят на Австрию все свои силы. В этих преувеличенных сетованиях было и зерно правды. Сильная эпидемия охватила район Темешвара, в гарнизоне которого ежедневно умирало по 20-30 человек. В середине августа пришло известие, что турки отбили важную крепость Оршова. «У нас все злосчастно, — жаловался Цициендорф русскому посланнику в Вене Ланчинскому, — турки с огромною силою вторглись в нашу сторону, и подтверждается известие, что ваша армия идет назад от Днестра».

В конце ноября Ланчинский сообщал, что австрийцы настойчиво просят послать вспомогательный корпус в Трансильванию и даже рассуждают о возможности, в случае отказа, полного поражения и уступки туркам Белграда и Темешвара.

Тем временем, в отношениях России и Франции наметилось некоторое потепление. В сентябре 1738 г. русский дипломат А. Д. Кантемир приехал в Париж, где «весьма ласково и учтиво» был принят кардиналом Флери и министром Амело. Они сообщили Кантемиру о готовности Франции выступить посредницей в мирных переговорах между Россией и Турцией. Амело также заметил, что уже направил французскому послу в

Константинополе Вильневу распоряжение «склонять» османов к «резонабельному» миру. Однако условия мира, по мнению французов, не должны были оказаться слишком тяжкими для турок. Амело даже сожалел, что русские разрушили укрепления Очакова и Кинбурна и видел в этом препятствие для передачи России Азова.

В декабре 1738 г. было подписано мирное соглашение между Францией и Австрией — война за польское наследство получила свое официальное завершение. Франция признала королем Августа III (короновался еще в 1734 г.), а Станиславу Лещинскому отдали во владение Лотарингию, которая после его смерти должна была отойти к французской короне. Герцог лотарингский, Франц Стефан, зять австрийского императора Карла VI, взамен своего наследственного владения получал Парму, Пьяченцу и в будущем (после смерти последнего герцога) — Тоскану. Неаполь и Сицилию Карл VI уступил испанскому принцу Карлосу. Не сумев посадить Лещинского на польский трон, Франция готовилась к новому этапу борьбы за влияние в Европе. И одной из первых ее задач было разрушение Русско-австрийского союза.

Азиатский союзник России Надир-шах в то время вел изнурительную войну с афганскими и индийскими властителями. В сентябре 1738 г. его войска овладели Кабулом, а затем повернули на Пенджаб для борьбы с Мохаммед-шахом (правителем из династии Великих Моголов). 50-тысячная персидская армия обошла отряды противника, стоявшие на Хайберском перевале, по соседнему перевалу Цацоби, после чего обрушилась на них с тыла. В произошедшей битве силы Мохаммед-шаха потерпели сокрушительное поражение, и Надир-шах развернул наступление к Инду и, дальше, на Лахор. Для России все эти события означали, что на помощь персов в войне с турками надеяться пока нечего.

Глава 6

ПОХОД НА ХОТИН И ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

1 марта 1739 г. А. П. Волынский, князь А. М. Черкасский, А. И. Остерман, Б.-К. Миних подали императрице план будущей военной кампании. В нем содержался довольно подробный анализ международной обстановки. Авторы проекта указывали, что отправка на помощь австрийцам вспомогательного корпуса — дело непростое. Войскам придется идти через Польшу, а такой поход почти наверняка спровоцирует выступление «неприятельных поляков». С другой стороны, если корпуса не послать, Австрия может выйти из войны. Это тем более вероятно, что «Франция желает теперь окончания войны для Австрии, с которую находится теперь в дружбе». Серьезной угрозой является также Швеция, в которой вновь возобладала антироссийская партия. Если Россия останется одна против Турции, рассуждали вельможи, то весьма вероятно, что «Франция... вместо того, чтобы препятствовать Швеции сблизиться с Портою, будет ей в том помогать и как шведов, так, и поляков станет возбуждать против нас по старой злобе за польские дела...» Далее в проекте говорилось, что, хотя «король польский нам доброжелателен», многие его подданные, «...несмотря на великое с нашей стороны к ним снисхождение, беспрепятственно пропускают нашего неприятеля через свои земли, беспрестанно уведомляют его о состоянии нашего войска, снабжают его провиантом и другими потребностями». В итоге составители проекта рекомендовали царице двинуть большую армию через Польшу на турецкую крепость Хотин. Они поясняли, что, если одному корпусу идти через Польшу опасно, то «сильной армии поляки побоятся и удержатся от конфедерации». Потеря Хотина, став тяжким уроном для Порты, облегчит положение Австрии. Вспомогательные удары планировалось нанести по Крыму и Кубани.

Анна Иоанновна с проектом согласилась, и Миних сразу же отправился на Украину готовиться к походу. Незадолго до этого крымские татары совершили на украинские земли очередной набег, но были отбиты. Миргородский полковник Капнист даже уверял Миниха, что в схватках погибло 4 тысячи татарских воинов, в том числе 30 мурз, но достоверность этих цифр вызывала сомнение уже у современников.

Еще одним противником русских на Украине являлся Филипп Орлик, который постоянно пытался сманить запорожцев на сторону турок. Однако подавляющее большинство казаков относилось к его агитации с полным равнодушием. На Днепре еще не забыли времена Дорошенко и оказаться под властью султана запорожцы не жаждали. Миних, не без злорадства, доносил в Петербург, что Орлик «находится у Порты и хана в худом кредите и живет в одном монастыре близ Ясс». Фельдмаршал также с

уверенностью сообщал о верности запорожцев, которым «к татарам пристать не для чего», ибо «татары сами голодны», а казаки получают жалование. На деле не все обстояло столь уж благополучно. Запорожцы, если и не верили Орлику, все же оставались народом буйным и непредсказуемым. Так при выдаче денежного жалования кошевой атаман Тукала из 6150 рублей роздал «лыцарям» всего 4000, а остальное разделил со старшиной.

Прознав о том, казаки напали на атамана, избili его до смерти и забрали все деньги, включая те, которые он получал ранее. Затем, они избрали нового кошевого атамана, Ивана Фоминича. «Хотя таковых их, запорожских казаков, — писал Миних, — поступки весьма непристойные и воле Ее Величества противны, однако при нынешних обстоятельствах ничем огорчать их нельзя, тем более, что новый атаман человек добрый и к службе ревностный».

Для похода на Хотин Миних планировал собрать армию в 90 тысяч человек и придать ей 227 полевых орудий. Однако ему удалось сосредоточить в предместьях Киева только 60 тысяч человек, 174 осадные и полевые орудия, да понтонный парк на 36 понтонов. Не рассчитывая на постоянные базы снабжения, командующий решил везти все припасы в одном обозе, дав ему сильное прикрытие.

Поход на Хотин явился апофеозом полководческой карьеры Миниха, поэтому он гораздо лучше, чем иные его кампании, рассмотрен в научной и научно-популярной литературе.

В предлагаемом издании рассказ о нем будет довольно кратким. Русская армия переправилась через Днепр в районе Киева (основные силы) и у местечка Триполье (колонна А. И. Румянцева), 25 мая войска подошли к городу Василькову, располагавшемуся на границе с Польшей, и в течение двух дней ожидали, пока подтянутся обозы и отставшие части.

28 мая Миних пересек границу и направился к Днестру. 3 июня в лагере на реке Каменке он получил рескрипт государыни, с требованием «скорейшего марша и всевозможного поспешения произведением неприятелю чувственных каких действий». Однако «поспешению» очень мешали большие обозы.

Армия была разделена на четыре дивизии, которые шли разными трактами, но поддерживали друг с другом постоянную связь. 27 июня русские переправились через Буг в двух местах: у Константинова и у Межибожа. Воспользовавшись тем, что турки стянули все силы к Хотину, Миних направил казачьи отряды на Сороки и Могилев на Днестре.

Оба городка были захвачены и сожжены, а казаки вернулись к армии с большой добычей. Рапортуя об этом успехе императрице, командующий подчеркнул, что победа в самом начале кампании подняла боевой дух воинов, вселила в них уверенность в собственных силах.

Пока русские двигались вперед, турки успели собрать у Хотина очень крупные силы. Чтобы ввести противника в заблуждение, Миних разделил армию на две части. Одна, под командованием А. И. Румянцева, должна была демонстративно продвигаться к Хотину, а другая, во главе с самим Минихом, — обойти горы и выйти к городу с юга. 18 июля — на месяц позже срока, предусмотренного планом, армия вышла к Днестру, и на следующий день форсировала его, на виду у неприятеля.

Осуществив переправу, войска для короткой передышки встали лагерем перед деревней Синковцы. 22 июля они были атакованы крупными силами неприятеля, но успешно отбили натиск.

По словам фельдмаршала, «люди наши несказанную охоту к бою оказывали». В бою погибло 39 солдат и офицеров, получили ранения — 112. Из Синковиц Миних повел свои силы на Черновцы и далее к Хотинским горам. Чтобы выполнить задачу, ему нужно было пройти по так называемым «Перекопским узинам» — дефиле в южной части Хотинских гор. На марше русские неоднократно подвергались атакам татарской конницы, но отразили все нападения.

Перед входом в «узины» Миних оставил весь обоз, прикрыв его 20-тысячным отрядом. Затем он форсировал дефиле и 9 августа вышел на равнину. Здесь армия перестроилась в три каре. Турки не препятствовали движению русских через Хотинские горы, так как намеревались окружить их и уничтожить превосходящими силами, в выгодных для себя условиях. Вслед за пехотой и конницей, «узины» преодолел обоз. 16 августа силы Миниха подошли к селению Ставучаны, которое находилось примерно в 13 верстах юго-западнее Хотика. К тому времени в распоряжении фельдмаршала было около 58 тысяч человек и 150 орудий.

В Ставучанах стояла 80-тысячная армия турок и татар под командованием сераскера Вели-паши. Турецкий военачальник распределил свои силы следующим образом. Около 20 тысяч воинов (в основном пехота) заняли укрепленный лагерь на высотах между селениями Недобоевцы и Ставучаны, перекрыв дорогу на Хотин. Лагерь был окружен тройным ретраншементом с многочисленными батареями, на которых стояло около 70 пушек. Отряды турецкой кавалерии под началом Колчак-паши и Генч-Али-паши (10 тысяч чел.) должны были действовать на флангах русской армии, а 50-тысячное войско татар во главе с Ислам-Гиреем получило приказ выйти в ее тыл.

План Миниха заключался в том, чтобы демонстративной атакой на правый фланг отвлечь внимание противника, нанести мощный удар по левому, менее укрепленному флангу и прорваться к Хотину. Утром 17 августа отряд под командованием Г. Бирона (до 9 тысяч человек при 50 орудиях) предпринял демонстративную атаку. Переправившись через реку Шуланец, он направился к главным силам турок, а потом повернул назад, и стал снова переправляться через реку. Отход отряда Бирона турки расценили, как бегство всей русской армии.

Вели-паша послал в Хотин известие о разгроме «презренных гяуров» и перебросил значительную часть войск с левого фланга на правый, чтобы развить успех. Узнав об этом, Миних двинул вперед главные силы, которые перешли Шуланец по 27 мостам. Вслед за главными силами на левый берег реки снова переправился отряд Бирона. Так как на переправу ушло около 4 часов, турки успели стянуть силы к лагерю и выкопать дополнительные окопы. К 5 часам вечера русские построились в боевой порядок и двинулись на левый фланг неприятеля. Попытки турецких артиллеристов, занимавших господствующие высоты, остановить русскую атаку огнем успеха не имели. Тогда турецкий командующий бросил вперед конницу Генч-Али-паши. Русская пехота остановилась, выставила рогатки и отразила натиск кавалерии. Эта неудача окончательно подорвала боевой дух турок, и они в беспорядке отступили к реке Прут и за Дунай. Русские заняли лагерь, захватили весь неприятельский обоз и много артиллерии. В бою погибло около тысячи турецких воинов. Потери русской армии составили 13 убитых и 53 раненых.

Извещая императрицу о победе, Миних писал: «Всемогущий Господь, который милостию своею нам предводителем был, всевышнею своею десницею защитил, что мы через неприятельский непрерывный огонь и в такой сильной баталии убитых и раненых менее 100 человек имеем; все рядовые полученной виктории до полуночи радовались и кричали «Виват, великая государыня!». И означенная виктория дает нам надежду к великому успеху (успеху — А. М.), понеже армия совсем в добром состоянии и имеет чрезвычайный кураж».

18 августа русские войска подошли к Хотину, гарнизон которого бежал к Бендерам. На следующий день город был взят без единого выстрела. Из Хотина армия Миниха направилась к реке Прут, 28-29 августа сформировала его и вступила в пределы Молдавии. Местное население восторженно встречало русских, видя в них освободителей от турецкого гнета. 1 сентября русский авангард занял Яссы, где командующий принял официальную депутацию молдаван, просивших принять страну под «высокую руку» императрицы Анны Иоанновны. В одном из своих донесений в Петербург Миних писал: «Понеже здешняя Молдавская земля весьма преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди сей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию с слезною радостью, поэтому весьма потребно эту землю удержать в руках Вашего Величества; я ее со всех сторон так укреплю, что неприятель никак нас из нее выжить не будет в состоянии; будущее весною можем Бендерами без труда овладеть, выгнать неприятеля из страны между Днестром и Дунаем и занять Валахию». К сожалению, всем этим прекрасным планам фельдмаршала было суждено остаться только планами. Дело в том, что если российская армия действовала довольно успешно, то для австрийцев 1739 год оказался воистину черным. Армия графа Георга фон Валлиса потерпела сокрушительное поражение у деревни Гроцки. В этом сражении австрийцы, стремившиеся вернуть себе Орсову, самым грубым образом недооценили противника. После неудачного маневра в горном дефиле, они были отброшены назад с огромными потерями и укрылись в Белграде, который турки немедленно осадили. Хотя Белград считался очень сильной крепостью, австрийцы совершенно пали духом. Русский посланник Ланчинский сообщал в Петербург, что канцлер Цинциендорф отозвался о ходе войны следующим образом: «Принужден я о тяжких прегрешениях здешних генералов говорить и об ужасных последствиях злосчастного при Гродске бою. Прибавить имею, что

на фельдмаршала Валлиса была великая надежда, как на искусного генерала, а на деле оказал себя во всем так плохо, что и говорить о том мерзко. После той акции, в которых против всякого резона в тесных местах употребил кавалерию, делал все поперек».

В турецкий лагерь под Белград был направлен генерал Нейперг, которому император Карл VI приказал немедленно начать переговоры о сепаратном мире. Прибыв в лагерь османов, Нейперг сразу дал понять, что Австрия готова пойти на некоторые территориальные уступки. Турки тогда потребовали передать им Белград. Австрийский эмиссар согласился и на это, но лишь в том случае, если укрепления города будут скрыты. Однако османы уже вошли во вкус приобретений и заявили о намерении получить Белград со всеми его укреплениями.

Подобная «жадность» очень обеспокоила французских дипломатов, боявшихся, что перемирие может рухнуть и тогда союз России и Австрии сохранится. В лагерь под Белград немедленно отправился Вильнев. Он успел вовремя: турки уже начали готовиться к штурму. С истинно галльским блеском Вильнев предложил компромиссное решение: пусть австрийцы разрушат те укрепления, которые они сами возводили (после захвата крепости принцем Евгением Савойским), а старые, турецкие стены оставят в неприкосновенности. Так и решили. Помимо Белграда, Порта получала обратно все, что она потеряла в Сербии, Боснии и Валахии по условиям Пожаревацкого договора. Граница между Сербией и Турцией вновь пролегла по Дунаю, Саве и гористой провинции Темешвар. Когда представитель России при австрийской армии полковник Броун спросил Нейперга, есть ли в договоре, какие-нибудь статьи, отражающие интересы России, тот довольно резко ответил, что Австрия и так сделала слишком много, вступив ради русских в войну. «Обычная увертка министерства австрийского двора», — заметил по этому поводу Б.-К. Миних.

У российских военных заключение турецко-австрийского мира вызвало настоящий шок. Миних назвал договор «стыдным и весьма предосудительным». С нескрываемой горечью он писал императрице: «Бог судья римско-цесарскому двору за таковой учиненный к стороне Вашего Величества нечаянный и злой проступок и за стыд, который из того всему христианскому оружию последует, и я о том ныне в такой печали нахожусь, что не могу понять, как тесный союзник таковым образом поступить мог». Полководец призывал царицу продолжить войну. Он с уверенностью говорил о грядущих победах и о том, что «здесь» народы готовы оказать армии поддержку.

Дипломаты, однако, держались иной точки зрения. Война обходилась России очень дорого. Огромные человеческие потери, расход денежных средств уже не на шутку тревожили правительство. Особенно сильному разорению подверглась Украина. По подсчетам историков, у ее жителей было реквизировано 47 тысяч лошадей, а общий ущерб, нанесенный украинским землям, составил 12 млн. рублей. Постоянно росло дезертирство из действующей армии. Был даже случай, когда в Польшу бежал без малого целый пехотный полк: 1394 человека. Новые походы в степь представлялись измученным солдатам верной гибелью, и они предпочитали рискнуть жизнью, пустившись «в бега», нежели отправляться на войну.

Вся империя постоянно страдала от неурожаев, эпидемий, от бродяжничества и преступности, порожденных дезертирством и массовой нищетой. Для борьбы с разбойниками приходилось посылать целые воинские команды, но далеко не всегда столкновение заканчивалось в пользу сил правопорядка. Официальные бумаги того времени прямо-таки пестрят сообщениям о «воровских людях», которые чинили «великие разорения и смертные убийства».

В январе 1738 г. в селе Ярославце, под Киевом, объявился некий человек, который называл себя царевичем Алексеем Петровичем (сыном Петра I). Призывая местных солдат «постоять» за него, самозванец говорил: «...Я вашу нужду знаю, будет скоро радость: с турками заключу мир вечный, а вас в мае месяце все полки и казаков пошлю в Польшу и велю все земли огнем жечь и мечом рубить». У солдат подобная агитация вызвала самый благодарный отклик. Они даже отстояли «царевича», когда начальство прислало казаков его схватить. Через некоторое время, самозванца все-таки удалось арестовать. На допросе он назвал польским шляхтичем Иваном Миницким и заявил, что принять имя царевича Алексея ему повелел сам Христос. На вопрос, отчего он не служит и не работает, смутьян заявил: «Что мне работать! Я человек не простой, явился мне Михаил архангел!». Участь Миницкого была ужасной: его посадили на кол. Некоторых солдат обезглавили, а иных четвертовали. Казнили даже священника, который отслужил в честь самозванца молебен. Но самые жестокие казни не могли уничтожить всех смут.

Все сильнее и сильнее разгорались мятежи на окраинах империи. Еще в 1735 г. вспыхнуло крупное восстание башкир. Толчком к нему послужили жестокость и грубость некоего полковника Тевкелева, который ведал сбором башкир для военной службы. Мятежники даже напали на драгун Вологодского полка, сопровождавших обер-секретаря Ивана Кириллова в его поездке по Уралу, убили 60 солдат и полковника Чирикова, разграбили обоз. «Усмирение» башкир поручили А. И. Румянцеву. Весной 1736 г. он сжег более 200 деревень, стоявших по рекам Белой, Уршаку, Кегушу, Деме, казнил 185 бунтовщиков, да еще 700 человек «побил» во время столкновений. Одновременно с Румянцевым, карательные экспедиции проводили полковники Мартаков и Тевкелев, команды, присланные В. Н. Татищевым из Сибири.

Тем не менее, в 1737 г. башкиры еще продолжали борьбу, хотя и в меньших масштабах, а в 1738 г. они обратились за помощью к киргизскому хану Абул-Хаиру. Тот помочь согласился и в конце апреля ограбил в окрестностях Оренбурга тех башкир, которые были лояльны к российскому правительству. Когда представлявший местную власть майор Останков стал укорять Абул-Хаира за бесчинства, хан выхватил саблю и, указав на Оренбург, заявил: «Город мой и для меня построен, а кто не послушает, тому голову отрублю». Встревоженная императрица писала В. Н. Татищеву: «Сим нашим указом вам накрепчайше подтверждаем, что всемерно надлежит вам со всею командою к Оренбургу поспешать без всякого отлагательства, а ежели над оным городом учинится гибель или людям урон, то особливо вы в том пред нами дадите ответ, ибо мы оною крепость потеряем не хотим».

Очень тревожные известия приходили из Стокгольма. На протяжении всей кампании 1735-1739 гг. в шведском правительстве ожесточенно боролись две группировки. Одна, выступавшая за войну с Россией, именовалась «партией шляп», другая, более миролюбивая, — «партией ночных колпаков». В противостояние втянулись далее придворные дамы. Графини Делагарди и Ливен выступали за партию войны, а графиня Бонде была сторонницей партии мира. Почти каждая пирушка заканчивалась дуэлями между молодыми дворянами из числа поклонников этих политизированных красавиц. В моду даже вошли табакерки и игольницы в виде шляп и колпаков.

В июне 1738 г. русский резидент М. П. Бестужев-Рюмин был вынужден сообщить Остерману о несомненном успехе «военной» партии. Особая секретная комиссия приняла решение направить туркам, в счет долгов Карла XII, 72-пушечный линейный корабль (он по пути затонул) и 30 тысяч мушкетов. В Турцию выехал шведский агент майор Синклер, при котором имелись депеши к великому визирю и Бонневалю с предложением начать переговоры о военном союзе. Бестужев в своем послании, назвав Синклера «великим злодеем и поносителем всей российской нации», с абсолютно неприкрытым цинизмом рекомендовал «...его аннелировать, а потом пустить слух, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой».

В июне 1739 г. пожелание резидента исполнилось. Два русских офицера, капитан Кутлер и полковник Левицкий, «переняли» Синклера в Силезии, на обратном пути из Турции, убили его и забрали все бумаги. Смерть агента вызвала в Швеции настоящий взрыв негодования. В Финляндию был срочно переброшен 10-тысячный корпус, в Карлскруне вооружались корабли. Обстановка накалилась до такой степени, что гарнизон Кронштадта однажды был поднят по ложной тревоге: кто-то принял свои корабли за наступавший шведский флот. Только победа Миниха при Ставучанах несколько остудила горячие головы в Стокгольме. И все же угроза шведского вторжения явилась одной из важнейших причин того, что русские дипломаты спешили подписать мир с турками.

Еще в начале 1739 г. А. И. Остерман в одном из своих посланий к Флери благодарил кардинала за то, что Франция взяла на себя роль посредника, и обещал, что Россия, получив Азов, даст обязательство не строить на Азовском море военного флота. В апреле русское правительство пошло на новые уступки. Было дано согласие вообще уничтожить Азовские укрепления и ограничиться строительством около устья Дона «батареи или шанцев».

Конечно, действия Австрии вызвали в Петербурге раздражение. Не была для русских дипломатов секретом и двуличная политика Франции. Антиох Кантемир писал в Петербург из Парижа: «Разделение двух союзнических дворов было всегда их (французов — А. М.) главной целью. Кажется, главное намерение кардинала (Флери — А. М.) состоит в том, чтобы всю Европу держать в постоянном смущении и тем удобнее усиливать свою власть при всех дворах и в мутной воде рыбу ловить».

И все же воевать с турками в одиночку не решились. В сентябре 1739 г., в Белграде, Россия и Турция заключили мирный договор. Согласно его условиям, Россия получала Азов, без права держать в нем гарнизон и возводить укрепления. При этом России разрешалось построить крепость на Дону, на острове Черкасе, а Турции — на Кубани. Россия не могла также держать флот на Черном и Азовском морях. Торговля с Турцией могла осуществляться только на турецких кораблях. Молдавия и Хотин оставались за турками, а Малая и Большая Кабарда на Северном Кавказе были объявлены нейтральными, превращались в своего рода барьер между двумя державами.

Результаты войны, таким образом, выглядели очень скромно. Они свелись к приобретению Азова (без права его укреплять) и к расширению границ на несколько верст в степи. Гораздо более значительными выглядят результаты военные. Во-первых, кампания 1735-1739 гг. сгладила тяжкое впечатление от провала Прутского похода и показала, что турок и татар можно побеждать на их территории. Во-вторых, она очень ясно выявила главные трудности такой борьбы. Эти трудности заключались в огромных расстояниях и непривычных природных условиях. Бесспорно то, что Россия понесла в войне очень большие потери. По подсчетам С. М. Соловьева, погибло около 100 тысяч человек. Современный историк Н. Петрухинцев называет еще более крупную цифру: не менее 120 тысяч, то есть половина всей российской армии. Однако, лишь небольшая часть (8-9%) погибших были убиты в бою. Главный урон русской армии нанесли утомительные переходы, жажда, эпидемии. Война 1735-1739 гг. стала подлинной войной со степью, войной с огромными пространствами, и в недалеком будущем России предстояло научиться такие войны выигрывать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В манифесте Анны Иоанновны о заключении мирного договора провозглашалось: «Война прекращена в благополучный мир... Через оный мир границы наши таким образом распространены, что они уже претерпенным до ныне самовольным набегам и разорениям более подвержены не будут, но в потребную безопасность приведены; прежнего несчастливого Прутского трактата кондиции вовсе уничтожены, и государство наше от таких весьма обидных, предосудительных и бесславных обязательств освобождено».

14 февраля 1740 г. в Петербурге состоялся пышный праздник по поводу завершения кампании. Перед Зимним дворцом было выстроено 20 тысяч солдат и офицеров под командованием Густава Бирона. Императрица, в роскошном платье и с бриллиантовой короной на голове, прошествовала в дворцовую церковь. Там секретарь Бакунин торжественно зачитал манифест, после чего войска дали ружейный салют, а на бастионах Петропавловской крепости загрохотали пушки.

Когда пальба закончилась, епископ Вологодский Амвросий произнес торжественную проповедь. Затем императрица провела смотр войскам, а за смотром начались поздравления.

Князь А. П. Черкасский, фельдмаршалы Б.-К. Миних и П. П. Ласси, А. П. Волынский «от всех чинов Всероссийской империи яко депутаты», произносили торжественные речи и всячески превозносили императрицу. Тем временем по городу ездили, под звуки труб и литавр, герольды. Они непрерывно читали манифест и бросали в толпу народа золотые и серебряные жетоны. Вечером устроена была иллюминация с фейерверком. Все, даже самые бедные, горожане получили от полиции приказ поставить на окнах горящие свечи и масляные плошки.

15 февраля во дворце состоялся маскарад, а 17 февраля власти устроили праздник для народа. На площадях выставили столы с угощением и соорудили специальные фонтаны, которые били красным вином. Во дворце вновь состоялись бал и ужин. Особым развлечением для «высоких особ» стало созерцание толпы, рвущейся за золотыми жетонами, которые герольды вновь разбрасывали на площади.

«И понеже, — писали газета «Ведомости» в примечаниях, — сие в волнующемся народе производило весьма веселое движение, то Ее Императорское Величество и прочие высокие особы через довольно время смотрением из окон веселиться изволили». Вечером был зажжен большой фейерверк. В небе над Невой появились пылающие огнем слова: «Безопасность империи возвращена».

Однако колесо истории уже совершало новый поворот, и многих участников торжества ждали страшные перемены в судьбе. Несмотря на оптимистический тон манифеста, дипломаты уже знали, что Турция заключила союз со Швецией, а Швеция грозит России

войной. Новые интриги замышляла Франция. В качестве посланника в Петербург прибыл ловкий политик маркиз Иоахим-Жак де ла Шетарди, известный тем, что в дни войны настраивал против России прусского короля.

Кардинал Флери снабдил Шетарди инструкцией, в которой, между прочим, говорилось: «Состояние России еще не обеспечено настолько, чтобы нельзя было ожидать внутренних переворотов. Иноземное правительство (т. е. правительство Анны Иоанновны — А. М.) для своего утверждения ничем не пренебрегало в притеснении и разогнании старинных русских фамилий, но все еще остались недовольные гнетом иностранцев: они, вероятно, прервут молчание и бездействие, когда увидят возможность сделать это безопасно и с успехом... Очень важно, чтобы маркиз Шетарди, употребляя всевозможные предосторожности, узнал, как можно вернее, о состоянии умов, о положении русских фамилий, о значении друзей принцессы Елизаветы, о приверженцах дома голштинского, которые остались в России, о духе в разных отделах войска и командиров его, наконец, обо всем, что может дать понятие о вероятности переворота».

На празднике в честь победы Шетарди открывал бал, и танцевал он, конечно, в паре с Елизаветой Петровкой. Выполнить поставленную задачу, однако, было очень трудно. Эрнст Бирон зорко охранял власть Анны Иоанновны и собственное благополучие. В июне 1740 г. был казнен А. П. Волынский, пытавшийся бороться с всеильным фаворитом.

В начале октября 1740 г. императрица занемогла. После недолгих переговоров с приверженцами, она официально назначила наследником своего внучатого племянника Иоанна Антоновича (сына ее племянницы Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха Брауншвейгского), которому в ту пору было всего два месяца от роду. Регентом до 17-летия младенца должен был стать Бирон. 17 октября государыня скончалась.

Превращение фаворита в некоронованного монарха, однако, оскорбило не только старую русскую знать, но и Миниха с Остерманом. К тому же заносчивый и самовлюбленный Бирон стал всячески притеснять и унижать родственников малолетнего императора. Не пользовался Бирон и любовью в гвардии.

Названными обстоятельствами воспользовались Миних и Остерман, которые организовали военный переворот.

В ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. группа солдат Преображенского полка, командиром которого состоял сам Миних, под началом адъютанта фельдмаршала Манштейна, ворвалась во дворец регента и арестовала его. При этом заговорщики избили бывшего фаворита и довольно грубо обошлись с его супругой. «В то время, когда солдаты боролись с герцогом, — вспоминал Манштейн, — герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Манштейна (автор писал о себе в третьем лице — А. М.), что с нею делать. Он приказал отвести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее на землю в снег и ушел. Командир караула нашел ее в этом жалком положении...».

Одновременно с Эрнстом Бироном в Петербурге были арестованы: его брат Густав Бирон и А. М. Бестужев-Рюмин. В Москве арестовали Карла Бирона, занимавшего пост московского генерал-губернатора. Регентство перешло к Анне Леопольдовне, которая немедленно принялась щедро раздавать награды своим сторонникам. Б.-К. Миних стал первым министром, получил сто тысяч рублей и богатое поместье, прежде принадлежавшее Бирону. А. И. Остерману дали чин генерал-адмирала (о флоте он действительно заботился), А. М. Черкасскому — чин канцлера. А. И. Ушаков, М. Г. Головкин и А. Б. Куракин были награждены орденом св. Андрея Первозванного.

Своего мужа, Антона-Ульриха Брауншвейгского правительница произвела в генералиссимусы. Надо заметить, что Миних сам хотел получить этот чин, но спорить с отцом наследника не решился. Что же касается свергнутого регента, то его ожидал острог в далеком Пельме.

Борьба за власть на этом, впрочем, не закончилась. В январе 1741 г. А. И. Остерман спровоцировал Миниха на спор по дипломатическому вопросу. Отстаивая свое мнение и желая оказать давление на Анну Леопольдовну, полководец попросил отставки.

Он был совершенно уверен, что без него не обойдутся и отставки не дадут. Но совершенно неожиданно для фельдмаршала 3 марта 1741 г. его просьбу удовлетворили. Активное участие в этой интриге принял Антон-Ульрих Брауншвейгский, который, хотя и получил от Миниха высший в русской армии чин, продолжать завидовать его военной славе.

Однако дни «Брауншвейгской фамилии» были сочтены. Многие гвардейские офицеры проявляли недовольство тем, что Анна Леопольдовна, подобно Анне Иоанновне,

раздавала высокие посты и награды преимущественно выходцам из-за границы. Симпатии гвардейцев все более склонялись на сторону Елизаветы Петровны, которая стала для них символом национальной государственности. Известно, что еще в 1737 г. правительство Анны Иоанновны казнило прапорщика Преображенского полка А. Барятинского за намерение поднять «человек с триста друзей» за Елизавету. В 1740 г. многие из гвардейцев, арестовавших Бирона, надеялись, что власть перейдет именно к Елизавете Петровне. Наконец, царевну поддерживали французские и шведские дипломаты. Дополнительным ударом по правительству Анны Леопольдовны стал новый внешнеполитический конфликт. В Швеции окончательно взяла верх партия войны. В феврале 1741 г. сотрудничавший с М. П. Бестужевым секретарь шведской иностранной коллегии Гильденштерн был арестован прямо при выходе из дома русского посла. В июле Швеция объявила России войну. Наряду с военными операциями, шведы активно развернули дипломатическую борьбу.

Дипломат Э.-М. Нолькен тайно встречался с Елизаветой Петровной и убеждал ее, что шведская армия готова помочь «законной наследнице» Петра Великого вступить на отеческий престол. За это нужно лишь дать письменное обязательство вернуть земли, отторгнутые у шведской короны по Ништадтскому договору. Дела у Нолькена, однако, шли неважно. Елизавета хитрила, благодарила дипломата за заботу, но обязательств не давала. 23 августа 1741 г. шведская армия была наголову разгромлена войсками П. П. Ласси у Вильианстранда.

И все же дружная поддержка гвардии и иностранных агентов заставила Елизавету поторопиться. В ночь с 24 на 25 ноября царевна в сопровождении своих сторонников (М. И. Воронцова, Х.-Я. Шварца, Г. Лестока) отправилась в казармы Преображенского полка, где, по сообщению Шетарди, обратилась к гренадерам со следующим призывом: «Проснитесь, мои дети, и слушайте меня. Хотите ли вы следовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престол мне принадлежит. Несправедливость, причиненная мне, отзывается на всем нашем бедном народе, и он изнывает под игом немцев. Освободимся от наших гонителей!». Большая часть солдат присягнула Елизавете, после чего они двинулись на Зимний Дворец. Вскоре Анна Леопольдовна, вся ее семья, а также Остерман и Миних были арестованы.

Командование всеми войсками в Петербурге новая императрица поручила Людовику-Вильгельму Гессен-Гомбургскому. Она превосходно знала о неприязни принца к Миниху и решила использовать это чувство в своих интересах. На верность государыне присягнули также генерал-фельдмаршалы П. П. Ласси и И. Ю. Трубецкой, генерал-адмирал Н. Ф. Головин. Должность президента Военной коллегии занял возвращенный из ссылки генерал-фельдмаршал В. В. Долгорукий.

Захватив власть, Елизавета отказалась делать какие-либо уступки шведам. Свою позицию она вполне резонно объяснила Шетарди: «...Что скажет народ, что иностранная принцесса (Анна Леопольдовна — А. М.), мало заботившаяся о пользах России и сделавшаяся случайно правительницею, предпочла, однако, войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра для прекращения той же самой войны соглашается на условия, противные благу России...». В 1742-1743 гг. русская армия нанесла шведам еще ряд поражений, после чего страны заключили мир.

Фельдмаршалу Миниху в этой компании участвовать уже не пришлось. После ареста он, вместе с другими сторонниками Анны Леопольдовны, подвергся суду, который приговорил заслуженного военачальника к смертной казни через четвертование. 19 февраля 1742 г. он взшел на эшафот, причем держался чрезвычайно мужественно.

Британский посол Э. Финч писал своему правительству: «Четверо из осужденных стояли с длинными бородами, но фельдмаршал был обрит, хорошо одет, держался с видом прямым, неустрашимым, бодрым, будто во главе армии или на параде. И с самого начала до конца процесса он всегда также держал себя перед судьями, не изменил себе и на пути от крепости к эшафоту и обратно. Он все время как бы шутил с приставленными к нему стражами я не раз повторял им, что в походах перед лицом неприятеля, где он имел честь командовать ими, они, конечно, всегда видели его храбрым. Таким же будут видеть его идо конца».

В последний момент смертную казнь Миниху заменили ссылкой. Он был отправлен в Пелым, где прожил до 1762 г., когда император Петр III вернул его в столицу. По воспоминаниям очевидца, в ссылке фельдмаршал переносил постигшие его несчастье стоически и не терял бодрости духа. Он «не любил никаких сообществ, ни народных увеселений, и по большей части был задумчив. Иногда приходил он с удкою на берег

реки, ловил с крестьянами рыбу, косил с ними траву или разводил молодые кедры. Говорят, прежде он был строг — а мы видели только его доброту». На склоне жизни Миниху пришлось пережить еще одну «дворцовую революцию». В 1762 г. Петра III отстранила от власти собственная супруга, будущая императрица Екатерина II.

В день переворота 83-летний фельдмаршал находился при императоре и проявил большую твердость, чем многие молодые придворные. Он призывал Петра III пробиваться на имевшейся яхте в Ревель, а оттуда ехать в Пруссию, где стояла русская армия. Малодушный император к совету не прислушался, что стоило ему не только короны, но и жизни. Екатерина II не стала подвергать Миниха ссылке, но назначила его заведовать строительством Рогервикской гавани, удалив, таким образом, от двора. Скончался Миних в 1765 г., в возрасте 85 лет. Он погребен в Эстонии, в местечке Лунья, недалеко от современного Тарту.

Андрей Иванович Остерман, также как Миних, был сначала приговорен Елизаветой к смерти, затем помилован и сослан. В то время он уже давно и на этот раз неприятно болел. Э. Финч сообщал, что на эшафот Остермана подняли на носилках, но приговор он выслушал «внимательно и спокойно». Из ссылки бывшему первому кабинет-министру вернуться было не суждено. Он умер в 1747 году в Березове. Фельдмаршал Петр Петрович Ласси, по окончании войны со Швецией, занял пост генерал-губернатора Лифляндии. Он дожил до 74 лет и скончался в Риге 19 апреля 1751 года. Его сын, Франц Мауриций Ласси, перешел на австрийскую службу и достиг там чина фельдмаршала.

Правитель Персии Надир-шах продолжал вести долгие и утомительные войны со своими соседями. Его войска захватили значительную часть Индии, Бухарское и Хивинское ханство, пытались покорить горцев Аварии и Дагестана. В результате Надир-шах создал огромную империю. В ее состав, кроме Персии, входили земли Армении, Грузии, Азербайджана, Дагестана, Хивинского и Бухарского ханств, Афганистана, Белуджистана.

Но в этих обширных владениях постоянно бушевали мятежи и смуты. Летом 1746 года вспыхнуло крупное восстание в Систане. Племянник Надира, Али-Кули-хан, которому было поручено подавить бунт, присоединился к его участникам. Тогда шах сам двинулся в Систан. Его путь был отмечен страшными расправами. «Направляясь из одной местности в другую, — писал персидский историк, — он повсюду убивал виновных и невинных, знатных и бедных, везде сооружал пирамиды из человеческих голов; не было ни одной деревни, жители которой не испытали бы на себе гнева Надир-шаха».

На следующий год шах узнал, что восстали курды Кучана (Хабушана), которые совершали набеги даже на шахский лагерь и угоняли лошадей. Он решил перебить афганских и узбекских наемников, но на этот раз заговорщики опередили сурового правителя. Ночью группа воинов ворвалась в палатку Надира в лагере под Кучаном и убила его. Отрезанную голову Надира правители послали его мятежному племяннику Али-Кули-хану. В том же году один из афганских военачальников, Ахмед-хан, захватив часть артиллерии и сокровища Надира, ушел в Кандагар, где создал независимое афганское государство. Огромная, созданная в ходе кровавых войн, держава Надир-шаха вступила в период развала.

По-разному сложились и судьбы противников России. Крымский хан Менгли-Гирей скончался еще до окончания войны, в декабре 1739 года, в Бахчисарае. Султан Махмуд I правил Турцией до 1754 г. и умер собственной смертью, находясь на престоле, — большая редкость для повелителя Ближневосточной Порты. Все свое правление он вел политику нейтралитета, не позволяя втянуть государство в новую войну. В Багдаде власть находилась в руках правителей, которые лишь номинально признавали власть султана, в Египте бунтовали янычары, ширилось освободительное движение на Балканах. Проводить столь нужные стране реформы Махмуд I не решался, напротив он награждал янычар все новыми и новыми привилегиями. Государственный аппарат и экономика страны продолжали ветшать и распадаться.

БИТВА С ПУСТЫНЕЙ

Глава 1

РОССИЯ – ДВУЛИКИЙ ЯНУС: ЛИЦОМ К ЗАПАДУ И К ВОСТОКУ

Россия вступила в XIX век могущественной державой, которая обладала огромной территорией и многочисленным населением. Даже без учета Польши и Финляндии в ней, по данным 1812 г., проживало примерно 42 миллиона человек, а к середине столетия — около 60 миллионов. Весьма впечатляюще выглядела и армия: около 600 тысяч человек — в 1812 г. и около 1,5 миллионов — в 1850-е. Победа в войне с Наполеоном очень высоко подняла авторитет Российской империи. И все же в государстве наметились крайне неблагоприятные тенденции, которые были связаны, прежде всего, с архаичными крепостными порядками.

Крепостное право тормозило развитие буквально во всех сферах экономической, государственной и общественной жизни. Недостаток свободных рабочих рук пагубно сказывался на промышленности и торговле. В сельском хозяйстве подневольные, крепостные работники абсолютно не чувствовали заинтересованности в результатах собственного труда. «Взглянем на барщинскую работу, — писал в 1847 г. известный публицист А. И. Кошелев. — Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, ему не дело делать, а день убить».

Чтобы поднять производительность своих имений помещики увеличивали число барщинных дней (то есть дней, в которые крестьянин должен был трудиться на господском поле), устанавливали определенные нормы выработки («уроки»), захватывали крестьянские надель. Лишь немногие дворяне в поисках доходов прибегали к новым методам хозяйствования. Покупать сельскохозяйственные машины и новые сорта семян, выписывать из-за рубежа специалистов-агротехников, все это было по карману лишь богатым землевладельцам, тогда как среди российских дворян резко преобладали мелкопоместные. Впрочем, рационализаторские опыты в условиях крепостного права тоже далеко не всегда приносили успех. Даже прославленное своими достижениями калужское имение помещика Полторацкого Авчурино, куда другие помещики ездили, знакомиться с новыми способами ведения хозяйства, не окупало себя и могло существовать лишь потому, что у его владельца были другие имения, работавшие на «опытное».

Рост притеснений со стороны помещиков приводил к постоянным крестьянским мятежам и восстаниям. Если за первую четверть XIX века произошло 651 волнение (в среднем 26 волнений в год), то за вторую четверть — 1089 (43 волнения в год). Любое крупное событие внутри — или внешнеполитического характера порождало у крестьян слухи и толки о «воле». «Простой народ нынче не тот, что был за 25 лет перед сим, — говорилось в отчете III Отделения за 1839 год, — Вообще весь дух народа направлен к одной цели — освобождению».

С крепостным правом была тесно связана система комплектования вооруженных сил солдатами и матросами. Вплоть до 1874 года она базировалась на так называемых «рекрутских наборах», установленных еще Петром I. В 1810 г. правительство приняло новый «Рекрутский устав», который заменил «Генеральное учреждение» 1766 года. Согласно ему, все крестьянские семьи, проживавшие в пределах того или иного рекрутского участка, вносились в очередные списки по числу работников. В первую очередь новобранцев выставляли те семьи, в которых работников было больше. Каждые три года «очереды» обновлялись, а за их соблюдением в каждой губернии надзирала Казенная палата.

Общие размеры набора зависели от потребностей армии. Так в 1808 г. был произведен всего один набор из расчета 5 рекрутов с 500 душ, а в 1812 г., во время войны с Францией, три набора: сначала 2 рекрута с 500 душ, а потом два раза по 8 рекрутов с 500 душ. В результате за один год страна должна была выставить почти 420 тысяч новобранцев. Зато, в 1816 и 1817 годах общиеборы вообще не проводились. Вместо них, был объявлен так называемый «уравнительный набор», давший 75 615 человек. Впоследствии правительство вернулось к практике ежегодных наборов, а во время войн по-прежнему прибегало к усиленным.

Служба солдата продолжалась 25 лет, а дисциплина в русской армии первой половины XIX века отличалась большой суровостью. Неудивительно поэтому, что большинство крестьян видело в «рекрутчине» страшную беду и наказание. «Надо вести приватную жизнь, — писал видный военачальник генерал-майор И. А. Тутолмин, — чтобы быть очевидцем отчаяния семейств, стенания народа, тягости издержек и конечного в продолжение набора прерывания хозяйства и всякой промышленности. Время набора рекрут по нынешнему установлению есть периодический кризис народной скорби, а

нечаянность рекрутских наборов производит в народе жестокие потрясения». Сходное суждение высказывал декабрист П. И. Пестель: «Срок службы, определенный в 25 лет, до такой степени чрез всякую меру продолжителен, что мало солдат оный проходят и выдерживают и потому с самого младенчества привыкают они взирать на военную службу, как на жесточайшее несчастье и почти как на решительный приговор к смерти».

Однако рекрутская система не только была тяжела для крестьян, но и имела целый ряд недостатков с собственно военной точки зрения. Во-первых, при ней государство постоянно содержало крупную армию, что отягощало бюджет страны. Во-вторых, рекрутские наборы не позволяли иметь хорошо обученный резерв. Как не велика была армия в мирное время, для войны она всегда оказывалась мала. Приходилось производить дополнительные наборы и ставить под ружье совершенно необученный контингент. В-третьих, из-за длительных сроков службы в частях накапливались старые солдаты. Они, конечно, отличались большим военным опытом, но с точки зрения здоровья и выносливости оставляли желать много лучшего. Наконец, большой проблемой являлись многочисленные «изъятия» из рекрутской повинности. Прежде всего, от обязательной службы были освобождены дворяне (многие из них, впрочем, становились офицерами), которых правительство могло призвать лишь в случае опасности для страны. Манифестом 1807 года от поставки рекрутов было освобождено купечество. Не распространялась повинность и на духовенство. Кроме сословных ограничений, существовали территориальные и национальные. В целом, к середине века численность лиц, освобожденных от обязательной военной службы, составляла от 5 до 6 миллионов человек. Не будет преувеличением сказать, что вся тяжесть рекрутской повинности ложилась на крестьянство и низы городского общества, то есть, на группы населения в массе своей безграмотные.

Все перечисленные недостатки отчетливо проявились уже в начале XIX века. Многие военные деятели выдвигали различные проекты реорганизации сложившейся системы комплектования армии, но правительство предпочитало действовать очень осторожно. Новшества касались в основном сроков службы, тогда как суть «рекрутчины» оставалась неизменной. Еще в 1817 году барон И. И. Дибич предложил сократить срок службы до 15 лет, но реализован этот план не был. В 1818 году было решено сократить на три года срок службы в гвардии, сохранив прежний срок в армейских частях. После этого, на протяжении почти пятнадцати лет крупных изменений в рекрутской системе не происходило. Правда, в 1831 г. специальная комиссия разработала проект нового рекрутского устава, но он сохранил множество «изъятий», характерных для прежнего времени. От повинности освобождались даже почетные граждане и государственные крестьяне, прослужившие не менее трех лет в судах. Устав сохранил крайне порочную практику замены, когда потенциальный призывник мог быть замещен добровольцем. В такие «заместители» часто нанимались совершенно обнищавшие крестьяне, бродяги, «Иваны, родства не помнящие» — контингент для армии, мягко говоря, сомнительный.

В 1834 г., с целью формирования обученного запаса, действительную службу сократили с 25 по 20 лет. При этом, солдаты, «беспорочно» прослужившие в кадровых частях 15 лет, на последние 5 лет переводились в резервные батальоны. По прошествии полного срока службы, они еще 5 лет числились в бессрочном отпуске и могли быть в любое время мобилизованы. Но это была только полумера. В резервных частях, при такой системе, накапливались исключительно пожилые солдаты, что никак не способствовало их боеспособности.

Следует учесть еще одно обстоятельство: крестьянин или горожанин, призванный в армию на два десятка лет, оказывался полностью оторванным от своей прежней социальной среды. Демобилизованным воинам было очень трудно найти место в мирной жизни.

Конечно, для отставных солдат создавались приюты, богадельни, лазареты, но мест для всех в них просто не хватало. А ведь ветераны или, как их называли в то время, «инвалиды» были в основном людьми решительными, много повидавшими. Неудивительно, что зачинщиками беспорядков нередко бывали именно старые солдаты.

Одной из попыток облегчить связанное с содержанием армии финансовое бремя стало создание в первой четверти XIX в. военных поселений, в которых солдаты жили вместе с крестьянами и помогали им в сельскохозяйственных работах. Учреждая поселения, император Александр I декларировал, что они призваны «отвратить тягость, сопряженную с ныне существующею рекрутской повинностью, по коей поступившие на службу должны находиться в отдалении от своей родины, в разлуке со своими семействами...».

Однако, на деле, военные поселения, с их мелочной регламентацией всех сторон жизни и суровой дисциплиной, оказались, для солдат и крестьян, чуть ли не страшнее обычной «рекрутчины». Е. Ф. фон Брадке, сам служивший по ведомству поселений, в записках с горькой иронией замечал, что «доброжелательной душе (Александра I — А. М.) рисовались в будущем идиллии Геснера, садики и овечки», но в действительности «множество злоупотреблений, проистекавших от неумения и деспотического произвола, возбудило среди солдат неудовольствие и отчаяние, еще усугубленные бесцельною жестокостью обращения».

Вот какую картину жизни в Старорусском военном поселении рисует в своих мемуарах генерал С. И. Маевский: «Представьте огромный дом с мезонином, в котором мерзнут люди и пища; представьте сжатое помещение — смешение полов, без разделения; представьте, что корова содержится как ружье, а корм в поле получается за 12 верст; что капитальные леса сожжены, а на строение покупаются новые из Порхова с тягостнейшую доставку; что для сохранения одного деревца употреблена сажень дров для обстановки его клеткою — и тогда вы получите представление о государственной экономии».

В военных поселениях очень часто вспыхивали бунты. Тем не менее, ни Александр I, ни его преемник на престоле Николай I не пожелали отказаться от этой формы организации вооруженных сил. Николай даже заявил после одного из восстаний, что ради сохранения поселений готов уложить трупами дорогу от Новгорода до Чудова (100 верст).

Конечно, положение солдата не было совсем беспросветным. Правительство заботилось о хорошем довольствии и хотя бы элементарном образовании «нижних чинов», им платили небольшое жалование. Солдатам предоставлялись довольно продолжительные отпуска, и всячески поощрялось обзаведение семьей. Дело в том, что сыны солдат также сизмальства находились на службе. С 1827 г. всех их, по достижении 10 лет, стали зачислять в батальоны и полубатальоны кантонистов, при которых действовали школы. До 15 лет мальчики могли жить в своих семьях и посещать учебные занятия. Более взрослые в обязательном порядке зачислялись в интернат — оставление их в семье приравнивалось к укрывательству дезертира. В школах кантонистов обучали грамоте, арифметике, Закону Божьему, ремеслам, а также, в зависимости от способностей, черчению, игре на барабане или трубе, делопроизводству. Те, кто оканчивал курс успешно, становились писарями, военными музыкантами, чертежниками, артиллерийскими кондукторами. Прочие поступали «в строй» солдатами. Режим в кантонистских заведениях был чрезвычайно суров и, даже, жесток. За малейшую провинность детей подвергали телесным наказаниям, много времени уделялось строевой подготовке. Но все же нельзя не согласиться с военным историком и педагогом М. С. Лалаевым, который отмечал, что без этих школ солдатские дети остались бы «не только без воспитания, но в большинстве случаев, и без всякого призрения».

Командный состав русской армии пополнялся преимущественно дворянами. Хотя со времен Петра III и Екатерины II, военная служба не была для дворян обязательной, она считалась почетной, составляла своего рода «нравственную обязанность». Такому взгляду способствовали, как старинные сословные традиции, так и рост авторитета русской армии после победы в Отечественной войне 1812 года. При Николае I преклонение перед военной службой достигло своего апогея. Известно, что сам император смотрел на штатских свысока и любил щегольнуть фразой вроде: «Я философов в чахотку вгоню». Соответственно в сознании дворян военная служба стояла гораздо выше гражданской. Особенно престижной считалась служба в гвардейских полках: Семеновском, Преображенском, Измайловском, Кавалергардском и др. Однако поддержание статуса гвардейца требовало немалых средств и, как правило, в эти прославленные воинские части поступали люди состоятельные.

Небогатым дворянам приходилось выбирать простые армейские полки. Офицерское жалование было небольшим, так что те офицеры, которые не имели «своих средств», нередко испытывали материальные затруднения. Яркую картину мучений юного прапорщика дает в своих мемуарах Е. И. Топчиев, поступивший в полк в 1819 году: «Под опасением дурной отметки по кондуиту и далее, быть может, исключением из службы за неряшество, по прибытии в полк предстояла необходимость шить новую мундирную пару из лучшего сукна, купить или выписать шарф, вытишкеты (так в тексте — А. М.), эполеты и темляк — по крайней мере мишурные, кивер и шпагу — одной формы с прочими офицерами своего полка. Без сюртука тоже нельзя обойтись офицеру и теплой шинели (на вате) для зимы. Нужна кое-какая столовая посуда, постелишка, прибавить рубах, нельзя обойтись без полотенцу, носовых платков... На все это требовалось денег, больше

годового прапорщичьего жалования, которого в то время он получал 450 рублей ассигнациями... Многие бедняки долго, по несколько лет, не могли выйти из долгу — или по займу у своего полкового командира, или выпрашивая свое жалование у полкового казначея вперед за треть года, чтобы рассчитаться с одним, крайне докучливым кредитором. «На брюхе шелк, а в брюхе — щелк» — никому более не приходится так истину, как пехотному субалтерн-офицеру, который содержит себя одним жалованием».

Основным типом военно-учебного заведения для подготовки офицеров в первой половине XIX века являлся кадетский корпус, то есть закрытое учебное заведение, дававшее и общую, и специальную, военную подготовку. Принимали в корпуса почти исключительно детей дворян, причем особое предпочтение отдавалось тем, чьи отцы погибли на войне. По инициативе Николая I, началось создание широкой сети губернских кадетских корпусов (раньше почти все они располагались в Петербурге и Москве). Были открыты: Новгородский кадетский корпус (1834), Полоцкий (1835), Полтавский (1840), Брестский (1842), Орловский (1843), Воронежский (1845) и др.

Внутренние порядки в корпусах отличались большой строгостью. Восстание декабристов потрясло Николая Павловича, и значительную долю ответственности за него император возлагал именно на систему образования. «Праздность ума, недостаток твердых познаний, — гласил манифест от 13 июля 1826 г., — должно приписать сие своеволие мыслей... сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель». Пост Главного директора Пажеского и Сухопутных кадетских корпусов занял генерал Н. И. Демидов. О его убеждениях красноречиво свидетельствует собственноручно составленная инструкция, которая требовала подвергать каждого воспитанника надзору «во всех правилах его нравственности, а как главнейшее составляющее оное суть: покорность, послушание и учтивость, то сии добродетели иметь во всегдашнем предмете и на таковых основывать все правила воспитания каждого из благородных юношей».

Воспитанники (кадеты) в корпусах делились на роты, подчинялись строжайшей дисциплине, носили форму. На должности воспитателей принимали строевых офицеров из гвардейских и армейских полков. Такие «отцы-командиры», «фрунтовые профессора» отлично знали военную службу, но в педагогике, говоря словами современника, «наделены были голубиной невинностью». Отсутствие специальных знаний они возмещали суровостью и обращались с кадетами, как со взрослыми солдатами. Воспоминания современников буквально переполнены рассказами о свирепых секунах и производимых ими порках.

Конечно, служили в корпусах и талантливые, гуманные педагоги. В 1820 г. пост директора Первого кадетского корпуса занял М. С. Перский, прежде состоявший в нем инспектором классов. Он являлся убежденным противником телесных наказаний и настолько ревностно относился к службе, что, по свидетельству одного из воспитанников, «никогда не ездил из корпуса никуда, ни в театр, ни в собрание, ни в гости...». А. Ф. Петрушевский, обучавшийся в Новгородском кадетском корпусе, вспоминал, что его учителя отличались «ретивостью, бодростью и умением приохотить кадет к знаниям».

Очень существенным недостатком кадетских корпусов было зачисление детей в довольно раннем возрасте (обычно с 10 лет), когда их склонности определились недостаточно четко. Из-за этого в корпуса попадало очень много мальчиков, не имевших к военной службе ни склонности, ни способности. Неслучайно выдающийся педагог Н. И. Пирогов сравнивал кадет с девушкой, обрученной с нелюбимым и неизвестным ей женихом. Но отказаться от такого порядка правительство считало невозможным, так как корпуса выполняли, кроме учебной функции, благотворительную. Они обеспечивали воспитанием и образованием за казенный счет детей офицеров, которые, как уже говорилось, в массе своей были небогаты.

Очень важным событием стало учреждение в 1830 г. Военной академии. Ее задачей провозглашалось «образование офицеров Генерального штаба» и «в्याщее распространение знаний в армии». Академия стала первым в России высшим военно-учебным заведением, и в ее работе с самого начала принимали участие многие видные теоретики военного дела: Н. В. Медем, Л. И. Зедделер, Ф. И. Горемыкин. В 1845 г. должность профессора на кафедре статистики занял Д. А. Милютин, в будущем военный министр и автор коренных реформ русской армии. Основным родом войск оставалась пехота. К началу царствования Николая I она включала: 10 гвардейских полков, 15 гренадерских, 8 карабинерных, 96 пехотных, 50 егерских — всего 179 полков общей численностью 526 512 человек. На протяжении последующих двадцати лет численность пехоты менялась мало и лишь в

1840-е годы, в связи с обострением международной обстановки, она начинает возрастать. В 1853 году, перед Крымской войной, в русской пехоте служило около 893 тысяч человек. В ее состав к тому времени входило 110 полков (10 гвардейских, 12 гренадерских, 4 карабинерных, 42 пехотных и 42 егерских), 9 стрелковых батальонов и 84 линейных батальона. Последним предстояло принять в событиях, описанных в книге, особенно активное участие, и на их организации стоит остановиться немного подробнее.

Название линейных батальонов происходит от слова «линия» т. е. система укрепленных пунктов на границе освоенных и враждебных территорий. К середине века существовало всего 84 линейных батальона: 18 грузинских, 16 черноморских, 13 кавказских, 10 оренбургских, 15 сибирских и 12 финских. Оренбургские и сибирские линейные батальоны сводились в две дивизии, а все прочие, кроме черноморских, в бригады. По штату 1833 года в линейном батальоне состояло 920 солдат, 20 унтер-офицеров и 4 офицера. Для сравнения надо отметить, что в батальоне, входившем в состав «обычного» пехотного полка, тогда числились те же 920 солдат при 96 унтер-офицерах и 16 офицерах. Следовательно, обеспеченность командирами в линейных батальонах была гораздо ниже. Среди офицеров служба на отдаленных границах считалась трудной и (за исключением, пожалуй, Кавказа) не слишком престижной.

Зачисление в солдаты линейного батальона вообще служило одной из форм уголовного наказания. Так в 1833 г. подпоручик Лейб-гвардии Семеновского полка Рихард фон-ден Бринкен, замешанный в воровстве, был по приказу Николая I, отослан к «...командиру Отдельного Оренбургского корпуса для определения на службу в один из тамошних линейных батальонов рядовым без выслуги, под именем Рихарда Егорова, с воспрещением навсегда именоваться фамилией фон-ден Бринкен». Попадали в линейные батальоны, на окраины империи, и лица, наказанные по политическим мотивам: декабристы, поляки-участники восстания 1830-1831 годов и др. Тем не менее, несмотря на все тяготы пограничной службы и на специфический контингент солдат, многие линейные батальоны имели славную боевую историю.

Русская кавалерия к 20-м годам XIX века насчитывала около 107 тысяч человек и состояла из 77 полков: 10 гвардейских, 9 кирасирских, 18 драгунских, 12 гусарских, 20 уланских и 8 конно-егерских. В 1831-1833 годах, когда производилось переформирование армии по новым штатам, численность кавалерии сократилась до 103 тысяч человек. Вместо 67 армейских полков осталось только 52 (8 — кирасирских, 8 — драгунских, 14 — гусарских, 22 — уланских). Затем, однако, правительство вновь увеличило численность кавалерии, в особенности тяжелой. К началу Крымской войны на службе в армии состояло 110 тысяч кавалеристов, сведенных в 59 полков (12 — кирасирских, 11 — драгунских, 16 — гусарских, 20 — уланских). И все же, как показали войны с Ираном (1826-1828) и Турцией (1828-1829), а также Крымская война (1853-1856), численность кавалерии была слишком мала, чтобы обеспечить решение крупных стратегических задач. Однако нехватка средств не позволяла быстро увеличить численность кирасир или драгун, и заставляла делать ставку, в основном, на легкую конницу и иррегулярные казачьи части.

Иррегулярные войска вообще составляли очень заметную часть вооруженных сил России. В первую очередь к ним относились казаки. К началу второй четверти XIX в. существовали Донское, Черноморское, Дунайское, Азовское, Астраханское, Забайкальское, Сибирское, Уральское, Оренбургское и Кавказское казачьи войска, из которых четырем последним предстояло принять самое непосредственное участие в боевых действиях в Средней Азии. Кроме того, создавались и национальные иррегулярные формирования, причем количество их росло по мере расширения территории страны. Так в 1842 г. был сформирован Дагестанский конный полк, которому предстояло сыграть заметную роль в походе на Хиву (1873 г.). В него могли записываться добровольцами грузины, армяне, лачинцы, авары и другие народы Дагестана.

В сфере обеспечения армии вооружением Россия к середине XIX в. начала заметно отставать от западноевропейских стран. В 1839 г. Военное министерство утвердило для пехотных частей гладкоствольное ружье с кремневым замком. Дальность стрельбы из него составляла 300 шагов, а эффективность огня была довольно низкой. Как показали опыты, при ведении огня со 100 шагов в мишень 1,26 на 0,85 м. попадало в среднем 75% всех пуль, а с 300 шагов — всего 25%. С 1844 г. производство кремневых ружей было прекращено и армия стала переходить на ударно-капсюльные. Принятое в 1845 г. пехотное ударно-капсюльное ружье имело калибр в 18,03 мм. и было гладкоствольным. Оно позволяло вести довольно меткий огонь, но лишь на небольшое расстояние. Действительный выстрел у него не превышал 300 шагов. Наряду с пехотным ружьем были

приняты драгунское ружье (1847 г.), казачье ружье (1847 г.), кавалерийский карабин (1849 г.).

Ведя поиск в области повышения дальности, российские конструкторы разрабатывали различные типы нарезного огнестрельного оружия (винтовок), исследовали иностранные модели. В 1848 г. был принят на вооружение нарезной штуцер, разработанный полковником Гартунгом. Одновременно продолжались опыты с бельгийским штуцером Бернера, который по месту расположения завода стали называть литтихским штуцером. Недостаток средств не позволял, однако, быстро заменить устаревшие ружья более новыми. Даже в годы Крымской войны (1853-1855 гг.) значительная часть русской армии была оснащена старыми гладкоствольными ружьями.

Русская артиллерия вплоть до середины XIX в. оставалась гладкоствольной и бронзовой. Принятые на вооружение в 1838 г. системы орудий очень напоминали прежние орудия образца 1805-1806 гг., и долгое время старые и новые пушки соседствовали друг с другом. По калибру в полевой артиллерии преобладали: 12-фунтовые пушки «средней и малой пропорции» (вторые были короче), 6-фунтовые и 3-фунтовые пушки, полупудовые и четвертьпудовые единороги. Основным типом снаряда для них служили чугунные ядра, применялись разрывные гранаты и картечь.

Брандскугели постепенно сняли с вооружения и вместо них ввели зажигательные гранаты. В 1840 г. были введены картечные гранаты, которые вытеснили обычную, «ближнюю» картечь. Качество орудий считалось отличным, если при стрельбе ядром в мишень высотой 9 футов и длиной 25 шагов, с расстояния в 200-300 сажень (427-640 метров), попадания составляли 70% выстрелов для 12-фунтовой пушки и 66% — для 6-фунтовой.

К началу 1825 года русская артиллерия состояла из 143 пеших и 30 конных батареинных рот. Три роты составляли артиллерийскую бригаду, а две-три бригады — дивизию. Однако артиллерийские дивизии действовали только в мирное время, в военное время бригады включались в состав пехотных дивизий. К середине 30-х годов XIX века вся полевая артиллерия состояла из 165 батарей (108 пеших, 30 конных и 27 резервных горных), которые были сведены в 21 пешую и 7 конно-артиллерийских бригад. Всего в них, в мирное время, состояло 1140 орудий, а в случае войны полагалось иметь 1446 орудий.

Осадная артиллерия, по Положению 1848 года, состояла из двух осадных парков, делившихся на четыре отделения каждый, Кавказского осадного отделения и двух запасных отделений (при Санкт-Петербургском и Киевском арсеналах). На ее вооружении находились тяжелые 24-фунтовые и 18-фунтовые пушки, пудовые единороги, пятипудовые, двухпудовые и полупудовые мортиры. Всего во всех 11 отделениях, включая запасные, полагалось иметь 270 орудий разного калибра (в том числе 50 самых больших пятипудовых мортир).

Как и в большинстве европейских стран, в России первой половины XIX века, орудия изготавливались из меди. Медь, как материал для пушек, обладала лучшими качествами, чем чугун, но она имела и свои недостатки. Главным из них была мягкость металла. Уже в самом начале столетия предпринимались попытки изготовления стальных орудий, но широкого распространения этот опыт не получил. Лафеты вплоть до 1845 года оставались деревянными, а затем стали делать железные лафеты с деревянными станинами.

Больших успехов добилось российское военное ведомство в освоении ракетного оружия. В Петербурге было учреждено специальное Ракетное заведение, которое с 1842 г. возглавлял К. И. Константинов. Он разработал фугасные, картечные, световые и зажигательные ракеты, усовершенствовал станок для их запуска. Дальность стрельбы ракетами значительно превосходила дальность стрельбы из ствольной артиллерии. Так 4,5-дюймовая ракета весом до 32 кг могла пролететь до 4260 м., тогда как четвертьпудовый (то есть стрелявший снарядами в 4 кг. весом) единорог бил примерно на 1200 метров. Ракеты Константинова очень активно использовали в тех случаях, когда нужно было поражать противника, укрепившегося на сложных для обстрела позициях. Большую роль сыграли они и в среднеазиатских кампаниях. Особенно широкое распространение получили 2-дюймовые ракеты весом от 3 до 5 кг.

И все же, несмотря на отдельные успехи, отставание России от передовых европейских держав в области вооружения (особенно стрелкового) было несомненным. Отставание это, впрочем, было частью более широкого общеэкономического отставания. Наглядным проявлением этого было то, что России все труднее было бороться с европейскими странами за рынки сбыта и источники сырья. С 1830-х годов резко сократился вывоз из России холста, льняной пряжи, полотна, металлических изделий. Именно это заставляло

российских предпринимателей с особым интересом относиться к Средней Азии, где уровень технологий был гораздо ниже, чем в России.

Известный экономист того времени А. А. Семенов писал: «Несомненно, товары наши до сих пор не могут соперничать с изящными иностранными изделиями, но мы имеем в отечестве нашем при населении 60 млн. жителей и в Средней Азии обширный рынок для сбыта наших льняных, бумажных, шелковых, металлических и других изделий». Если на европейских рынках Россия выступала как поставщик сырья, то в Средней Азии она была экспортером промышленных изделий. Однако отстаивать этот рынок пришлось в жестокой конкурентной борьбе с европейскими державами.

Вся первая половина XIX столетия прошла для России под знаком «Восточного вопроса», который стал самым острым и напряженным вопросом европейской политики. Османская империя все больше и больше слабела и приходила в упадок. Император Николай I довольно метко назвал Турцию того времени «смертельно больным человеком». Но у постели этого «больного» уже сидели ожидающие наследства родственники — сильные европейские державы: Англия, Франция, Австрия. Конечно, рассчитывала на свою долю богатств и Россия. В первую очередь, она стремилась установить наиболее выгодный режим в Черноморских проливах, укрепить свое влияние в Дунайских княжествах и на Балканах. Бухарестский мирный договор, завершивший войну 1806-1812 годов, не принес крупных территориальных приобретений, но практически сразу после завершения борьбы с Наполеоном (1815) Россия начала попытки наверстать упущенное.

Обострение русско-турецкого противостояния в начале XIX века диктовалось двумя чрезвычайно существенными факторами. Во-первых, расширение Российской Империи на Запад практически достигло предела. После Русско-шведской войны 1808-1809 годов под власть императора перешла Финляндия, в 1815 году, актом Венского конгресса, ему была отдана большая часть Польши. Единственными, доступными землями в западном направлении оставались Молдавия и Валахия, которыми владела Турция. Во-вторых, «турецкие дела» были тесно связаны с делами кавказскими. По Бухарестскому договору, султан признал вхождение в состав Российского государства Имеретии, Мегрелии, Гурии и Абхазии, русские войска заняли Анапу, Ахалкалаки, Поты. В 1813 г. завершилась долгая война с Ираном. По Гюлистанскому договору, к России отходили Западное побережье Каспийского моря и Восточное Закавказье. Но вновь приобретенные территории были отделены от России землями Чечни, Горного Дагестана, Северо-Западного Кавказа. Эти земли населяли воинственные горские народности и племена, многие из которых не испытывали ни малейшего желания попасть под власть «Белого Царя». Горцы совершали набеги на укрепленные Кавказские линии, мешали сношениям России с Закавказьем.

В 1817 году Россия развернула на Кавказе систематические военные действия. Командующим кавказскими войсками был назначен герой Отечественной войны 1812 года А. П. Ермолов. По его инициативе, левый фланг укреплений перенесли с Терека на Сунжу, в среднем течении которой в октябре 1817 года появилась крепость Преградный Стан. В следующем 1818 году, восточнее Преградного Стана, на расстоянии всего одного перехода вглубь Чечни, возникла еще одна крепость — Грозная. От нее началось планомерное движение по Тереку, к самому подножью гор. Одно за другим возводились укрепления с весьма выразительными названиями; Внезапная, Бурная. Другая линия укреплений создавалась вдоль южных (левых) притоков Кубани. Продвижение русских войск вызвало отчаянное сопротивление горцев. Но Ермолов был полон решимости «замирить» Кавказ и действовал жестко, а под час и жестоко. В декабре 1818 г. он писал своему сослуживцу А. П. Меллеру-Закомельскому: «Я терпеть не могу беспорядков, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя».

В 1819 г. сильный русский отряд взял штурмом высокогорное селение Акуши — центр Акушинского (Даргинского) союза, расположенного в самом сердце Среднего Дагестана. Никому прежде не удавалось покорить гордых акушинцев, известных тем, что в XVIII веке они нанесли поражение самому Надир-шаху, воинственному правителю Персии. Но победа над акушинцами не означала конца войны. В 1825 году вспыхнул сильный мятеж в Чечне, причем горцам даже удалось убить генерал-майора Грекова. Ермолов немедленно бросил на повстанцев свои войска.

Сражаясь с горцами, боевой генерал никогда не упускал из виду дальнюю цель борьбы. В одном из своих писем он довольно откровенно заявлял: «В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам». Смысл русского натиска на Кавказе

великолепно понимали также в Персии и Турции, но с 1821 по 1823 год эти страны были заняты борьбой друг с другом. Однако, вскоре после того, как между ними воцарился мир, Персия перешла к решительным действиям против России. Летом 1826 года иранский полководец Аббас-Мирза без объявления войны вторгся в Карабах. Но ни внезапность, ни значительное численное превосходство персам не помогли. В сентябре 15-тысячная русская армия наголову разгромила 30-тысячное персидское войско под Гянджой. В октябре следующего 1827 года генерал И. Ф. Паскевич, назначенный главнокомандующим, выбил противника из Эривани. Затем, русские войска овладели Нахичеванью, Аббасабадом, Мерендом, Тебризом, Ардебилем. Шахское правительство запросило мира. В результате, 10 февраля 1828 года в селе Туркманчай (близ Тебриза) стороны заключили договор, по которому к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства. Еще один шаг к «богатствам Азии» был сделан.

Казалось бы, грустный пример Персии, мог удержать Турцию от необдуманных поступков. На деле получилось иначе. Впрочем, султан Махмуд II (1808-1839) был весьма проницательным и энергичным правителем. Он также, несомненно, являлся храбрым и волевым человеком. Летом 1826 года султан покончил с архаичным янычарским корпусом, который давно уже превратился в толпу смутьянов и тяжкую обузу для государства. Подобно одному из своих предшественников, Селиму III, Махмуд издал указ, в котором объявил о создании нового войска. Как и ожидал султан, янычары подняли бунт. По старинному обычаю, они перевернули свои походные котлы и толпой двинулись к дворцу. Но, в отличие от несчастного Селима, которого янычары убили, Махмуд хорошо подготовился к подобному развитию событий. Верные ему отряды регулярных войск встретили мятежников картечью. Получив отпор, янычары отступили в свои казармы, где забаррикадировались, ожидая штурма. Однако никакого штурма не последовало. Вместо этого артиллерия обрушила на казармы град снарядов. Под руинами погибли 4 тысячи янычар. В тот же день султан издал указ о полном уничтожении янычарского корпуса. Само наименование «янычар» было запрещено, а их знамена сожжены. Так в один день погибло войско в течение пяти веков, наводившее ужас на полмира, включая и саму Турцию. Вместо янычар, Махмуд II активно создавал новую, по-европейски вооруженную и обученную, армию, которая называлась «Победоносное исламское войско Мухаммеда».

Не менее энергично, боролся султан с различными национальными движениями. Но тут он постоянно сталкивался с грубым вмешательством европейских держав. В 1821 году вспыхнуло мощное восстание в Греции. В самом его начале мятежники почти полностью перебили турецкой гарнизон в Триполисе. Султан, в ответ, приказал повесить греческого патриарха — уроженца Мореи — на воротах собственного дворца в первый день Пасхи. В дальнейшем обе стороны обменивались невероятными по жестокости ударами. Когда мятежники смогли уничтожить турецкий боевой корабль, недалеко от Хиоса, султан приказал разрушить почти все селения этого прекрасного острова, а свыше ста тысяч жителей изгнать или продать в рабство. Это событие послужило сюжетом для известной картины Э. Делакруа «Резня на Хиосе».

Многие греки очень надеялись на помощь из-за границы, в том числе на Россию. В российском обществе также были очень сильны симпатии к грекам. Известно, что А. С. Пушкин мечтал, подобно Байрону, поехать сражаться на стороне повстанцев. В начале 1821 г. он писал одному из своих друзей: «Греция восстала и провозгласила свою свободу... Важный вопрос: что станет делать Россия... Перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?». Но Александр I не пожелал поддерживать бунтовщиков — даже, если речь шла об освобождении единоверцев от чужеземного господства. Зато на события очень быстро среагировала Англия. В марте 1823 г. статс-секретарь по иностранным делам Джордж Каннинг заявил, что его государство признает греков и турок воюющими сторонами. Эта мера значительно усилило среди вождей восстания проанглийскую группировку, что обещало Британии хорошие шансы при разделе имущества «больного человека».

Россия не могла оставаться в стороне. В апреле 1826 года был подписан Русско-английский протокол, согласно которому обе державы гарантировали Греции свою защиту. Между тем, султан призвал на помощь своего вассала пашу Египта Мехмеда-Али, албанца по происхождению. В 1827 г. регулярная турецкая армия и египетский флот нанесли повстанцам целый ряд поражений. Англия, Россия и примкнувшая к ним Франция направили к берегам Мореи свои эскадры, которые наголову разгромили

турецко-египетский флот в Наваринской битве. После этого, западные державы приостановили военные действия, ограничившись блокадой Море́йского побережья.

Русско-турецкие отношения, напротив, продолжали ухудшаться. Порта категорически не желала вести любые переговоры по греческому вопросу и закрыла проливы для русских кораблей. Тогда в апреле 1828 года Россия объявила Турции войну. 95-тысячная русская армия под началом фельдмаршала П. Х. Витгенштейна вступила в Дунайские княжества, форсировала Дунай и, в сентябре, комбинированным ударом с суши и с моря взяла Варну. Одновременно на Кавказе развернул наступление 25-тысячный корпус И. Ф. Паскевича. В июле-августе он овладел крепостями Ардаган, Ахалцих, Поты, Баязед. В 1829 г. русские войска под командованием генерала И. И. Дибича разбили вдвое превосходящие силы турок под Кулевчей и овладели Силистрией на Дунае. Паскевич смог взять Эрзерум и вышел к Трапезунду. Под угрозой полного разгрома Турция пошла на подписание мирного договора. По его условиям, к России отошли острова в дельте Дуная и Восточное побережье Черного моря от устья Кубани до бухты св. Николая. За Россией также закреплялись города Поты, Ахалцих, Ахалкалаки. Султанское правительство окончательно признавало присоединение к России Грузии и Восточной Армении. Так был сделан еще один шаг к «богатствам Азии», и какой шаг! Перед подписанием мира русские войска стояли у Адрианополя (Эдирнэ), совсем недалеко от Стамбула.

Однако, заключив мир, Турция продолжала поддерживать кавказских горцев. На Черноморское побережье контрабандой доставлялось оружие, боеприпасы, медикаменты. Между тем борьба принимала все более ожесточенный характер. В 1828 г. мулла Гази-Магомед выдвинул идею объединения народов Чечни и Дагестана. Объединив вокруг себя единомышленников, он повел войну, как против царских войск, так и против внутренних противников — аварских ханов, не желавших признавать власть проповедника. Гази-Магомед смог положить начало религиозному государству — имамату, но погиб в бою с русскими (1832 г.). После него, титул имама принял Гамзат-Бек, который, впрочем, властвовал недолго. Он смог разделаться с правителями Аварии и пал жертвой кровной мести. Третьим имамом Чечни и Дагестана стал в 1834 году знаменитый Шамиль.

При Шамиле боевые действия приобрели особенно большой размах. Он сформировал боеспособную и многочисленную армию, сосредоточил в своих руках высшую административную и военную власть, повсеместно заменил обычное право («адат») мусульманским законодательством («шариатом»). Борьба с Шамилем затянулась до 1859 года.

Эта борьба существенно отличалась от войны с обычным регулярным противником. Неожиданные набеги и засады были излюбленными приемами горцев. От русского офицера на Кавказе, соответственно, требовались личная храбрость, способность к импровизации, решительность. Успеха здесь добивался тот, кто не следовал установленным шаблонам, но мог перенять образ действия горцев, погрузиться в местную жизнь и до известной степени сродниться с нею. Так в русской армии появился совершенно особый тип офицера — «кавказский».

М. Ю. Лермонтов, сам служивший на Кавказе и хорошо знавший его реалии, писал о таком офицере следующее: «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет в нем перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России... Чуждый утонченности светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семей».

Истинным «кавказцем» был, например, Г. Х. Засс, который участвовал в Русско-турецкой войне 1828-1829 годов, служил в 1833-1840 годах на Кубанской линии, а затем командовал всем правым флангом Кавказской линии. Он отлично организовал разведку и предпочитал нападать на горцев в то самое время, когда они собирались в набег. Отряды Засса безжалостно разоряли аулы, угоняли скот, уничтожали посевы и, даже, брали заложников.

А. Розен отмечал в своих «Записках декабриста»: «Никого из предводителей русской армии не боялись так черкесы, и ни один из них не пользовался такой известностью у горцев, как этот оригинальный курляндец. Его военная хитрость была столь же замечательна и достойна удивления, как его неустранимость, и при этом он обнаруживал

еще необыкновенную способность изучать характер кавказских народов». Другой очевидец событий, Г. Атаршиков писал: «Многие, не знавшие близко Засса считали его человеком жестоким, чуть ли не варваром, забывая, что он имел дело с полудикими, воинственными горцами, которые уважают одну лишь силу, храбрость, крутые меры, и некоторые, принятые у них самих обычаи, немислимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять на шести, что делал и барон Засс в первый год прибытия своего на Кубанскую линию, подчиняясь пословице «с волками жить по-волчьи выть».

Под статью Зассу, был его ученик казачий генерал Я. П. Бакланов. Сам Шамиль, признавая заслуги противника, говорил своим наibaм: «Если бы вы боялись Аллаха, также как Бакланова, давно были бы святыми». Бакланов любил ходить в бой одетым в ярко-красную рубаху, а впереди его отряда всегда развевался черный флаг с черепом и скрещенными костями, с цитатой из «Символа веры» вокруг них: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Полученный на Кавказе опыт «нерегулярной войны» очень пригодился русским офицерам при организации походов в Среднюю Азию. Вместе с тем, «кавказских» и «туркестанских» генералов явно роднила искренняя уверенность в том, что они имеют дело с «дикими» народами и, следовательно, против них позволительны «дикие» средства. Другая, не менее «бесспорная» аксиома гласила, что земли на Востоке «ничьи», и присоединение их к Российскому государству абсолютно закономерно и неизбежно.

После окончания войны 1828-1829 годов Россия продолжала оказывать на Турцию сильное дипломатическое давление, эффективность которого усиливалась конфликтами в самой Османской империи. В 1832 г. самовольный паша Египта Мехмед-Али начал против султана открытую борьбу. Заняв Сирию, египетское войско, обученное и вооруженное лучше турецкого, двинулось к северу, и 21 декабря 1832 года в битве при Копии, сын Мехмеда-Али, Ибрагим, совершенно разгромил турок. Султан Махмуд оказался в совершенно отчаянном положении: у него не было ни денег, ни времени, чтобы собрать новую армию. Все что ему оставалось так это обратиться за помощью к «великим державам». Однако, ни Франция, ни Англия, ни Австрия помощи султану не предложили. Откликнулась только Россия, но, разумеется, небескорыстно. Эмиссары царя обещали султану помощь в обмен на установления выгодного для Российского государства «режима Черноморских проливов». После некоторых колебаний, султан согласился.

В феврале 1833 года в водах Босфора появилась русская эскадра, затем к ней присоединились еще две. Они высадили на берег, без малого, 14 тысяч солдат и офицеров. Этот демарш невероятно перепугал английских и британских дипломатов. Но на возмущенный вопрос «Как султан додумался попросить помощи у русских?», один из членов Дивана повторил слова, сказанные Махмудом: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее ухватится лишь бы не утонуть». Понимая, что Россия вполне может стать единоличной «спасительницей» Турции, Парижский и Лондонский кабинеты тоже начали давление на Мехмеда-Али, который счел за благо отступить.

Тем не менее, в июле 1833 г. Россия и Турция подписали в местечке Ункяр-Искелессии оборонительное соглашение. Страны обязывались помогать друг другу в случае войны с третьей державой, как флотом, так и армиями. Они обязывались также помогать друг другу в случае внутренних волнений. Турция обещала также открыть для русских военных судов Дарданеллы. Ункяр-Искелессийский договор стал большим успехом в укреплении русских позиций в Черноморских проливах, но он же стал одной из важнейших причин обострения англо-русских противоречий.

Руководивший внешней политикой Британии лорд Пальмерстон считал, что влияние России на Турцию стало чрезмерным. Поэтому он выработал план уничтожения Ункяр-Искелессийского договора путем его поглощения, другим более широким соглашением. В июле 1841 года Пальмерстон смог организовать подписание конвенции между Турцией и пятью европейскими державами: Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией. Эти документом было установлено, что, пока Турция не ведет войны, проливы будут закрыты для военных кораблей всех держав, а во время войны Турция может открывать проливы по своему усмотрению. Николай I не воспринял Лондонскую конвенцию, как серьезную неудачу, полагая, что Россия всегда сможет договориться и с Англией, и с Турцией.

Султан Махмуд II после египетских событий удесятерил свои усилия по созданию сильной армии. Позиция Англии и Франции горько его разочаровала, а активность России, несмотря на все заверения в дружбе пугала. Поэтому «повелитель правоверных» обратился за помощью к Пруссии. В 1836 году в Турцию прибыл в качестве военного

советника молодой офицер Гельмут-Карл фон Мольтке (в будущем один из создателей армии Германской империи), который весьма энергично принялся за развитие турецких вооруженных сил и, особенно, военного министерства. Заключение Лондонской конвенции Махмуду видеть не довелось: он скончался в 1839 году. Так что с турецкой стороны этот документ ратифицировал новый султан, Абдул-Меджид.

В 1844 г. Николай I совершил визит в Англию, во время которого без обиняков заявил лорду Эбердину, сменившему Пальмерстона на посту статс-секретаря по иностранным делам: «Турция должна умереть, и она умрет. Это будет моментом критическим. Я предвижу, что мне придется заставить маршировать мои армии. Тогда и Австрия должна будет это сделать. Я никого при этом не боюсь, кроме Франции. Чего она хочет? Боюсь, что многого и в Африке, и на Средиземном море и на самом Востоке». Пугая Эбердина возможностью французских притязаний в Египте и Сирии, то есть именно там, где у англичан были с французами острые противоречия, Николай продолжал: «Не должна ли в подобных случаях Англия быть на месте действия со всеми своими силами? Итак, русская армия, австрийская армия, большой английский флот в тех странах! Так много бочек с порохом поблизости от огня! Кто уберезет, чтобы искры его не зажгли?».

Вывод был ясен: Николай предлагал Англии заблаговременно договориться о разделе турецких владений. В беседе с премьер-министром Робертом Пилем император решительно произнес: «Турция должна пасть. Я не хочу и вершка Турции, но не позволю, чтоб другой получил хоть ее вершок». Пиль в ответ дал понять, что Англия не претендует на собственно турецкую территорию, но хотела бы получить Египет. Николай выразил полное согласие и покинул Англию очень довольный переговорами. Однако, в июне 1846 г. кабинет Пили ушел в отставку. Внешнеполитическое ведомство Британии вновь оказалось в руках Пальмерстона, который был очень обеспокоен ростом влияния России на Востоке. Еще в 1837 г. он заявлял прямо в лицо русскому послу К. О. Поццо-ди-Борго: «Европа слишком долго спала, она теперь пробуждается, чтобы положить конец системе нападений, которые царь хочет подготовить на разных концах своего обширного государства». Попытаться продолжать с Пальмерстоном переговоры, начатые с Пилем и Эбердином, было совершенно бессмысленно.

В 1848 году по Европе прокатилась волна революционного движения. Запылали Франция, Германия, Италия, Австро-Венгрия. Реакция Николая была мгновенной и вполне предсказуемой. Узнав о свержении французского короля Луи-Филиппа, император, обращаясь к офицерам, воскликнул: «На коней, господа! Во Франции республика!». Впрочем, реально помогать Луи-Филиппу Николай Павлович не собирался, ибо видел в нем самом чуть ли не революционера (Луи-Филипп пришел к власти в ходе свержения Бурбонов в 1830 г.), считал, что события 1848 года — заслуженное возмездие. Иное дело — Австрия, которая была давней (хоть и не всегда верной) союзницей и имела с Россией общую границу. В июне 1849 г. по просьбе австрийского правительства русская армия под началом И. Ф. Паскевича вторглась в Венгрию для подавления там национального восстания. В августе венгерская армия капитулировала под ударами превосходящих сил русских и австрийцев.

Этот «демарш силы» произвел на современников очень сильное впечатление. Один из них, барон Штокмар, писал: «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона занял русский император, и, что, по крайней мере в течение нескольких лет, он с иными намерениями и иными средствами, будет диктовать законы континенту». И, действительно, пользуясь ситуацией, Николай I продолжил давление на Турцию. В августе 1849 г. он приказал канцлеру Н. В. Нессельроде направить султану ноту с требованием выдачи четырех поляков (Бема, Дембинского, Высоцкого и Замойского), которые участвовали в свое время в восстании 1830-1831 гг., а в 1849 г. служили в революционной венгерской армии. Нота была составлена в очень резком, повелительном тоне. Русский посланник Титов должен был не только потребовать четкого ответа, но и предупредить Порту о последствиях отказа. Аналогичную ноту, хотя и в менее резких выражениях, послала султану Австрия относительно венгерских революционеров. Султан Абдул-Меджид обратился за советом к британским и французским дипломатам, которые, как и следовало ожидать, убедили его отказать России и Австрии в их незаконных требованиях. Одновременно посол Англии в Петербурге сделал «дружественное представление» о желательности прекратить нажим на Турцию в деле об эмигрантах, а к Дарданеллам подошла британская эскадра адмирала Паркера. Намек был понят. Николай I быстро свернул «дело эмигрантов», но практически сразу начал обостряться новый конфликт из-за «святых мест».

Спор о «святых местах» послужил прологом к Крымской войне. В июле 1853 г. Николай I приказал своим войскам вступить в Дунайские княжества и занять их в качестве залога выполнения Турцией требований России. Но русский император допустил страшную ошибку. На стороне турок выступили Англия и Франция, и Россия оказалась перед лицом войны с мощнейшими европейскими державами. Австрия, хотя в войне и не участвовала, также заняла антироссийскую позицию. Исход Крымской кампании был предрешен. Согласно подписанному в 1856 г. Парижскому мирному договору, Россия лишалась права держать флот на Черном море, передавала Турции южную часть Бессарабии и крепость Каре. О Черноморских проливах теперь не приходилось и мечтать. Однако неудача в борьбе за Дунайские земли и проливы, заставила русских политиков еще пристальнее посмотреть в сторону Средней Азии. Этот регион становился привлекателен не только, как источник сырья и рынок сбыта для российских товаров, но и как отправная точка для давления на Англию. За бухарскими и хивинскими землями простиралась территория Ирана и Афганистана, давно облюбованные британцами, так что укрепление здесь русских позиций давало в будущем возможность (хотя бы призрачную) поквитаться за Парижское унижение.

Крымская кампания явилась также мощнейшим толчком для реформ во всех сферах жизни. Наряду с отменой крепостного права (1861 г.) преобразовывалась судебная система, создавались органы земского и городского самоуправления и, что очень важно, глубоко реформировались вооруженные силы.

Важнейшей частью военных реформ стал переход от рекрутских наборов к всеобщей воинской повинности, произошедший в 1874 г. т. е. на завершающем этапе борьбы со среднеазиатскими государствами. Напротив, реорганизация военного образования практически совпала со всем периодом военных походов. В 1863 г. кадетские корпуса были преобразованы в заведения двух типов: общеобразовательные военные гимназии и дающие исключительно специальную, военную подготовку военные училища. В гимназии принимали преимущественно детей офицеров и те из них, кто заканчивал курс успешно, переводились в училища без экзаменов. Вместе с тем в военные училища могли поступать и выпускники гражданских школ. Кроме военных училищ были созданы юнкерские училища, которые принимали состоявших в частях вольноопределяющихся (лиц с гражданским образованием определенного уровня, проходящих действительную службу). Некоторые военно-учебные заведения с первых дней своего существования были тесно связаны с историей среднеазиатских походов. Достаточно сказать, что военные училища в 1860-е годы имелись всего в трех городах: Петербурге, Москве и Оренбурге, из которого координировались экспедиции в Среднюю Азию. К тому же в Оренбурге имелось еще и юнкерское училище.

Важной составной частью военных реформ стало перевооружение армии. Уже в 1856 г. на вооружение поступила пехотная 6-линейная винтовка. При калибре 15,24 мм, она имела скорость стрельбы 1 выстрел в минуту, дальность выстрела 1500 шагов, прицельную дальность 1200 шагов, заряжалась с дула. Среди прочих воинских частей такие винтовки с 1858 г. стали поступать в оренбургские и сибирские линейные батальоны, солдаты которых сражались в Средней Азии. Перевооружение войск нарезными ударными винтовками затянулось, более чем на 10 лет. К этому времени у армии возникли новые проблемы, вызванные переходом европейских войск на казнозарядное оружие. В 1866 г. специальная комиссия решила принять на вооружение капсюльную скорострельную винтовку Терри, усовершенствованную тульским оружейником Н. Норманом. Однако, вскоре выяснилось, что у нее слишком много недостатков. Новый выбор специалистов пал на игольчатую винтовку системы Карле, которая заряжалась бумажным патроном и имела скорострельность 7-8 выстрелов в минуту при прицельной дальности 853 м. В 1868 г., значительно переработав, эту винтовку утвердили, а год спустя решили вооружать пехоту винтовкой Крнка. Одновременно русскими оружейниками была произведена глубокая переработка винтовки Хирама Бердана образца 1867 г., которую тоже поставили на вооружение. Винтовка Бердана имела дальность выстрела 3500 шагов в минуту, скорострельность 9 выстрелов в минуту. Понятно, что при таких частых переменах очень трудно было достичь единообразия вооружения крупного воинского подразделения. В удаленных же от центра туркестанских войсках это сказывалось особенно заметно.

Весьма интересен в этом отношении следующий факт, который сообщает генерал М. А. Терентьев. Во время Хивинской экспедиции 1873 года на вооружении в Оренбургском отряде находились: у всех пехотинцев линейных батальонов (9 рот) — винтовки системы

Карле, у двух сотен уральских казаков — «6-линейные бельгийские ружья» (т. е., видимо, винтовки образца 1856 г. заказанные в Бельгии), у шести оренбургских и одной уральской сотни — «старые 7-линейные драгунские ружья со штыками» (ружья образца 1839 г.).

Впрочем, вооружение казаков всегда было очень специфическим. Особенно отличались в этом отношении кавказские казаки, которые до 1881 г. даже не имели единого образца пашки. Как и воины Дагестанского конного полка, они пользовались местными, «горскими» вариантами пашек, часто очень богато украшенными.

В 1867 г. с образованием Туркестанского генерал-губернаторства 9 оренбургских и 3 сибирских линейных батальона стали именоваться туркестанскими. Как правило, линейные батальоны имели 5-ротный состав, но в 1882 г. все туркестанские были переформированы в 4-ротные, а из освободившихся пятых рот создали еще три туркестанских батальона. К 1884 г. количество туркестанских линейных батальонов достигло 18, и они были сведены в 4 бригады.

Глава 2

ДРЯХЛЕЮЩИЕ ТИТАНЫ

К середине XIX в. наиболее сильными государствами в Средней Азии являлись Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. Наряду с ними существовало множество племен, городов, мелких государств, которые были или полностью самостоятельны, или подчинялись кому-либо из ханов формально.

Бухарское ханство располагалось в бассейне реки Зеравшан. Его столица, Бухара возникла не позже I в. н. э. и на протяжении своей долгой истории пережила множество драматических и ярких событий, побывала в руках арабов, правителей династии Саманидов, монгольских воинов Чингиз-хана. В XIV в. ее захватили войска прославленного полководца, правителя Самарканда Тамерлана, а в XVI в. — кочевники-узбеки, которые изгнали тимуридов из всего Мавераннахра (земель между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей) и сделали Бухару своей столицей. В 1583 г. бухарский престол занял хан Абдулла, весьма деятельный и энергичный полководец. Еще будучи наследником престола, он подчинил себе всю Ферганскую долину и взял Балх, овладел Ташкентом и Самаркандом. В 1584 г. Абдулла завоевал Бадахшан, затем распространил свою власть на Мерв, Герат и Мешхед. Он искал союза с Турцией и Великими Моголами в Индии, пытался превратить в своих вассалов казахских султанов. Однако, после смерти Абдуллы (1599) его династия прервалась.

В 1600 г. на престол взошел Дин-Мухаммед, сын астраханского хана Джани, бежавшего в Бухару после захвата Астрахани войсками Ивана Грозного и женившегося на сестре Абдуллы Потомки Джани правили Бухарским ханством до середины XVIII столетия. При двух последних властителях этой династии Абул-Фейзе (1703-1747 гг.) и Абул-Мулине (1747-1751 гг.) большого влияния добился знатный узбек из рода Мангит Мухаммед-Рахим. После смерти или, возможно, убийства последнего из джанидов Мухаммед-Рахим был провозглашен ханом. Его преемником стал Даниил-би (1758-1786 гг.), сын которого, Шах-Мурад (1786-1801 гг.) женился на дочери Абул-Фейза, примирив таким образом две династии, и принял титул эмира.

Ближайшими преемниками Шах-Мурада на бухарском престоле были: его сын Мир-Хайдар (1801-1826 гг.), внуки Мир-Хуссейн (1826 г.), Омер-хан (1826 г.), Насрулла (1827-1860 г.) и, наконец, сын Насруллы Музаффар (1860-1885 г.). Очень часто смена эмиров сопровождалась яростной борьбой его родственников и приближенных за власть, распрями между отдельными частями государства, заговорами. Так в 1826 г., когда умер эмир Хайдар, и трон перешел к его сыну Хуссейну, другой сын, правитель города Карши Батур-хан выступил на Бухару с войском, желая захватить власть. Однако когда ему на встречу двинулись правительственные войска, он вернулся назад, ограбив по пути караван, следовавший из Герата в Бухару. Вскоре Хуссейн скончался то ли от болезни, то ли от яда. Батур-хан, как следующий по старшинству, теперь действительно имел право на престол, но бухарские вельможи передали власть третьему сыну Хайдара Омару, до того являвшемуся наместником города Кермине. Стерпеть этого Батур-хан, конечно, не мог. Собрав в Карши войско, он двинулся к Самарканду захватил этот древний город и провозгласил себя ханом. Затем его армия подошла к Бухаре и осадила ее. Батур-хан смог установить контакт с бухарскими военачальниками и те, соблазненные щедрыми посулами, открыли ворота. Бухара подверглась страшному разграблению. Омар-хан бежал

в туркменские земли, а оттуда — в Герат. Впоследствии он нашел приют у злейшего врага Бухары хана Коканда. Батур-хан, став эмиром, принял имя Насрулла. Все его долгое правление прошло в изнурительных войнах с кокандцами, подавлении мятежей и заговоров в собственных владениях.

К началу XIX в. в Бухарском ханстве проживало около 3 миллионов человек, преимущественно узбеков, таджиков и туркмен. В городах, кроме того, жили персы, евреи и др. По сообщению русского исследователя и дипломата П. И. Демезона, в административном плане ханство делилось на 9 провинций. Крупнейшим городом, наряду со столицей, был Самарканд. Кроме того, к числу заметных центров принадлежали Карши, Меймене, Каракуль, Катта-Курган. Важную роль играла также крепость Джизак, в северо-восточной части ханства, опираясь на которую, бухарцы собирали дань с кочевников-казахов.

Власть эмира была абсолютной и практически ничем не ограниченной. Среди сановников очень видную роль играл кушбеги. Первоначально это звание принадлежало начальнику ханской охоты, но в XIX в. кушбеги превратился в своего рода канцлера. Он замещал эмира во время его отлучек из Бухары, управлял канцелярией и постоянно жил в бухарском Арке (дворце эмира). Другим очень важным лицом был шейх-уль-ислам, который считался главой бухарского духовенства и, одновременно, верховным судьей. На эту должность назначались люди, получившие хорошее образование, разумеется, в местном понимании. Так в 1830-е годы ее занимал Султан-хан-ходжа, который страстно любил поэзию и увлекался алхимией. Большим влиянием пользовались также наместники эмира в отдельных населенных пунктах и районах страны.

Во многих бухарских городах были хорошо развиты ремесла. Сама Бухара и Кермине славилась шелковыми и хлопковыми тканями. В Катта-Кургане лили чугун и медь. На полях выращивались хлопок, рис, пшеница, кунжут и др. культуры. Особенно процветали садоводство и огородничество. При этом технологии зачастую были очень архаичными, а полный произвол власть имущих заставлял скрывать богатство даже тех, у кого оно было. Тем не менее, Бухара активнее прочих среднеазиатских государств вела торговлю с Россией, как вывозя свои товары, так и закупая русские и являясь транзитным пунктом на пути в Персию и Индию.

Большой бедой среднеазиатских государств были постоянные войны друг с другом. Войска в них имели преимущественно иррегулярный и полuirрегулярный характер. Как свидетельствует П. И. Демезон в начале 1830-х годов «в Бухарии» насчитывалось 19 тыс. постоянно находившихся на службе воинов, а по данным И. В. Виткевича — 12 тыс. Этих «постоянных» воинов русские авторы называли сипаями, алманами и сарабазами. Подобно русским стрельцам XVII в. они должны были нести военную и караульную службу, периодически собираться на смотры и по приказу эмира участвовать в боевых действиях. В свободное от службы время они могли заниматься любыми приработками. Жалование выплачивалось деньгами и зерном. Другим, быть может самым важным, источником доходов служила для «сипаев» военная добыча. Посетивший Бухару в первой половине XIX в. Виткевич писал: «Сипаи... это большею частью узбеки и праздошатающиеся всякого звания и племени, они записаны на службе, проживают, где хотят и являются по воззванию, они получают ежегодно по 4 тилла (примерно 60 российских рублей того времени) и по 4 батмана (32 пуда, 512 кг. — А. М.) пшеницы. Кроме того хан иногда раздает тому, кто первый навернется, отбитых и взятых у кайсаков (казахов — А. М.) лошадей.»

Сходную картину рисует и Демезон: «Солдат-алман, состоящий на жалованье правительства, получает в год около 150 руб., часть которых выплачивают деньгами, а часть натурой — такой, как джугра, солома, пшеница и т. д. На эту скудную сумму он должен жить, снаряжаться и питаться во время военных кампаний... Получая приказ о начале похода, он нанимает лошадей на время кампании.» Сипаи и алманы были преимущественно кавалеристами. Пехота в бухарском войске составляла меньшинство и вниманием властей не пользовалась.

В случае большой войны свои вооруженные отряды выставляли отдельные города и племена. Среди последних наиболее боеспособным являлось туркменское ополчение. Однако, привлечь ополченцев на службу было очень непросто. Если кампания затягивалась или полководец не пользовался авторитетом, войска начинали разбегаться. «Ополчение из кайсаков, — отмечает Виткевич, — из кочующих узбеков и другой сволочи (т. е. сброда — А. М.) могло бы составить до 50 тыс. менее чем полувооруженных ратников; но собрать их действительно дело весьма трудное, а заставить их драться и

содержать в целом составе своем сколько-нибудь продолжительное время — еще труднее, даже невозможно. У кого продовольствие вышло, тот едет домой; и все войско нередко исчезает в несколько дней, может быть в самую роковую минуту, которая должна решить участь похода и целого ханства!»

Воины делились на отряды по 10, 50, 100, 500 и 1000 человек. Командовали ими, соответственно, десятники (дахбаши), пятидесятники (пинджбаши), сотники (юзбаши), пятисотенные (пансадбаши) и тысячники (минбаши). Главнокомандующим считался эмир, но обычно он поручал ведение войны кому-либо из своих приближенных. Один раз в год в крупных городах проводились военные смотры. В Бухаре такой смотр длился более недели. «Они (воины — А. М.), — пишет Демезон, — не осмеливаются предстать перед ханом или кушбеги в лохмотьях, в каких ходят весь год. В день смотра они берут напрокат на несколько часов у старьевщика красивое платье и гордо идут, немного напоминая павлинов, ответить на переключке «хазер» — присутствию.»

Вооружено большинство воинов было саблями, копьями, ножами, кинжалами и прочим холодным оружием. «Некоторые, — говорится в записках Демезона, — носят кольчугу и очень редко железный шлем или маленький щит.» Участник многих боевых действий военный инженер Е. Саранчев добавляет, что туркмены любили сражаться боевыми топориками. Ручное огнестрельное оружие было представлено в основном фитильными ружьями.

Демезон вспоминал, что когда он подарил кушбеги капсюльное ружье, тот очень удивился и стал спрашивать, как можно стрелять из ружья, у которого нет полки для пороха. При этом обеспеченность даже таким чрезвычайно устаревшим оружием была низка и неодинакова в разных частях войска. «Узбекские воины, — писал Демезон, — воюют недисциплинированно и всегда на лошадях (полученных от правительства — А. М.). Туркмены почти все имеют собственных лошадей, но зато у них гораздо меньше ружей, чем у узбеков.»

Кроме ружей, по данным Демезона, в Бухаре имелось «восемь или десять старых пушек, из которых всего четыре с лафетами.» Виткевич писал о 18 орудиях, среди которых были «одна пушка с именем императрицы Елизаветы Петровны и две русские мортиры», привезенные персами. Он также указывает, что в полевом бою бухарцы «привязывают орудие к арбе и так стреляют.» Наряду с более или менее крупными пушками у бухарской армии имелись совсем мелкокалиберные орудия, своего рода крепостные ружья, которые русские авторы называли, по аналогии со средневековой европейской артиллерией, фальконетами. Иногда несколько таких фальконетов ставили на один лафет, превращая в многоствольную и, следовательно, скорострельную систему. Виткевич указывал, что прикрепляли их к седлам верблюдов. Интересно, что подобная «верблюжья» артиллерия была очень популярна у арабов.

Правители Бухары прекрасно понимали, что их артиллерия слишком малочисленна, и неоднократно предпринимали попытки ее пополнить. Еще в 1795 г. эмир направил российской императрице Екатерине II в подарок слона и попросил дать ему 600 пудов меди для отливки пушек. На протяжении первой половины XIX в. и во время войны с Россией бухарцы постоянно приглашали к себе персидских и индийских литейщиков. Наглядное представление о бухарской артиллерии дают пять бронзовых пушек, которые были захвачены русской армией в качестве трофеев, переданы в Артиллерийский музей в Петербурге и подробно описаны военным историком Н. Е. Бранденбургом. На двух из них поставлены годы отливки: 1853 и 1864 соответственно. Кроме того, на одном указано имя мастера — Пир-Назар. Это же имя стоит на одном орудии, не имеющем указания на год отливки. Следовательно, оно было изготовлено примерно в то же время, что и первые два. Во время войны Бухары с Россией эти пушки были только что изготовлены, представляли собой, так сказать, последнее слово бухарской техники. Все они гладкоствольные, заряжавшиеся с дула. Воспламенение заряда производилось через отверстие в казенной части ствола с помощью раскаленного металлического стержня или горящего фитиля. Метрический калибр равняется 169 мм, 125 мм, и 81 мм. Значит, если ядра к ним были чугунными, то самая крупнокалиберная пушка была снарядами весом около 16 кг, а самая малокалиберная — 1,5 кг. Длина орудий, соответственно, составляет 102,8 см, 250,3 см и 167,5 см. На пушках имеются прицельные приспособления: пластинки с прорезью у казенной части и мушки у жерла. Качество литья плохое, канал ствола очень изношен, зато орудия богато украшены. Жерло одного, например, изготовлено в виде головы дракона. Словом, это типичные средневековые пушки, достаточно мощные, но с низкой скорострельностью.

Бухарские крепости были в основном глинобитными. Своими очертаниями они либо повторяли очертания города, либо представляли простые фигуры (четырёхугольник, овал). Стены отличались большой толщиной, да еще перед крепостью обычно сооружали ров. Очень часто внутри крепости имелась укрепленная цитадель, в которой размещался дворец правителя. Ничего подобного европейским крепостям с их сложной системой сходящихся под разными углами рavelинов, рассчитанных на противостояние массивному артиллерийскому огню, в ханстве не строили. К бухарским крепостям вполне можно применить оценку, которую Е. Саранчев дал крепостям хивинским: «Если сравнить крепостные ограды, употреблявшиеся в Хиве с общеевропейскими, то по цели они скорее всего могут быть отнесены к средневековым постройкам, употреблявшимся до конца XV столетия.»

Хивинское ханство было основано узбекским ханом Ильбарсом в начале XVI в. на территории Древнего Хорезма, в низовьях Аму-Дарьи. Первоначально столицей этого государства был г. Вазир, но с XVII в. на ведущие позиции вышла Хива. Хивинские ханы, хотя и приходились дальними родственниками ханам бухарским, вели абсолютно независимую, а иногда и враждебную Бухаре политику. Постепенно они распространили свою власть на туркменские земли Мангишлака, территории по старому руслу Аму-Дарьи Узбою и северную часть Хорасана. В XVIII в. ханы в Хиве избирались старейшинами родов, но с начала XIX столетия на престоле прочно укрепилась одна династия узбекского происхождения. Первым ее представителем являлся хан Ильтезер, правивший в самом начале века. Затем властвовал его брат Мухаммед-Рахим (до 1825 г.), который передал престол своему сыну Алла-кулю (1825-1842 гг.). После Алла-куля во главе ханства находились: Рахим-куль (1842-1845 гг.), Мухаммед-Эмин (1845-1855 гг.), Сеид-Мухаммед (1856-1864 гг.) и, наконец, Сеид-Мухаммед-Рахим, последний хан независимой Хивы.

К началу XIX в. население Хивинского ханства составляло около 0,5 млн. чел. В нем жили узбеки, туркмены, казахи, каракалпаки. Власть хана распространялась на все сферы государственной жизни, но очень большим влиянием при этом пользовались беки и предводители отдельных племен. Побывавший в Хиве в 1819-1820 гг. русский путешественник И. Муравьев писал, что ханское правительство «слишком угнетательно, чтобы извлечь из щедрой природы те сокровища, которые она доставить может.» Почти через 40 лет М. Г. Черняев так описывал положение одного из народов ханства: «Положение каракалпаков весьма бедственно, о чем можно заключить по их одежде, состоящей буквально из одних рубищ... Дети почти все нагие... Определенной подати у них нет... Хивинцы берут с них все, что только могут.» Впрочем, не меньшим поборам подвергались и казахи, и туркмены, и узбеки.

Очень большое распространение получила в Хиве работорговля. В силу географического положения ханства его воины имели возможность нападать на торговые караваны, в т. ч. русские, следовавшие в Бухару. Эти налеты очень часто приводили к конфликтам между Россией и Хивой. Сопоставляя отношение к России бухарского и хивинского правительств, П. Демезон в 1830-е годы писал: «Хивинцы относятся к России враждебно и даже не пытаются скрыть это. Они прилагают все усилия, чтобы вредить нашему правительству, настраивая против него некоторые киргизские (казахские — А. М.) племена, на какие имеют хоть малейшее влияние. С русскими пленными, попавшими к ним или купленными ими у киргизов и татар, в Хиве обращаются с жестокостью, какую даже трудно себе представить. Бухарцы, хотя и питают в глубине не меньшую, чем хивинцы, неприязнь к России, пытаются все же в своих интересах скрыть ее, чтобы это не отразилось на отношениях наших правительств. Бухарское правительство, теснимое со всех сторон Кокандом, Хивой и киргизами, препятствующими ее торговле, было бы радо, если бы Россия придвинулась к берегам Сыр-Дарьи и построила здесь для острастки хивинцев и киргизов укрепление, которое обеспечило бы прямое движение бухарских караванов в Орск.

Регулярной армии в Хиве, как и в Бухарском ханстве, не имелось. Русский офицер М. Г. Черняев описывает то хивинское войско, которое видел в 1858 г. у Кунграда, следующим образом: «В составе этого скопища было около 200 чел. пехоты, вооруженной ружьями и саблями. Полурегулярная кавалерия в числе около 2 тыс. вооружена пиками, шашками и ружьями. Иррегулярные скопища на половину только имели ружья с шашками, остальные вооружены, кто пикой и шашкой, а кто — одной пикой.»

В другой части записок Черняев специально остановился на боевых качествах казахского ополчения. «Огнестрельное оружие их состоит, — поясняет он, — состоит из длинного ружья с приделанными к нему сошками. Огонь сообщается заряду посредством

фитиля. Хотя киргизы (имеются в виду киргиз-кайсаки, т. е. казахи — А. М.) и действуют из мушкетов своих на значительное расстояние и довольно метко, но они так мало распространены между ними, что существенного вреда огнестрельным действием нанести не могут.»

Именно такое, как описывает Черняев, хивинское ружье находится в коллекции Артиллерийского музея. Оно нарезное, с фитильным замком и откидной подпоркой-сошкой. На ружье имеется надпись, сообщающая имя мастера — Джаид-Барди сын Сагарджим-Барди из Хорезма и дату изготовления — 1866 г. Указано на ружье и имя владельца. Им был сотник Адель-Кадер.

В конце 18 в. в Ферганской долине возникло третье, Кокандское ханство. Его правители возводили свой род к выдающемуся полководцу, государственному деятелю и поэту, властителю Самарканда Бабурю. По преданию в 1512 г., когда Бабур потерпел поражение в борьбе с узбекским ханом Убайдуллою и бежал через Фергану в Индию, на полпути от Ходжента до Канибадама его жена родила сына. В спешке отступления ребенка бросили. Младенца подобрала узбеки из рода Минг, которые дали ему имя Алтун-бишик, что означает золотая колыбель. Впоследствии, когда мальчик вырос, а тайна его происхождения раскрылась, он стал именоваться Худояром.

Потомки Худояра долгое время правили городом Исфар в Фергане. Один из них, весьма энергичный полководец Абдул-Рахман в 1732 г. переехал в Коканд и завоевал Ходжент, правителем которого сделал своего брата. Он также начал войну с Бухарой, отобрал у нее Самарканд, Катта-Курган и Шахрисабз. Однако, в 1740 г. Абдул-Рахман погиб в результате дворцового переворота, а напавшие на Бухарское ханство персы захватили также и Самарканд. Брат Абдул-Рахмана Абдул-Керим вновь стал завоевывать окрестные земли, но лишь правивший на рубеже XVIII-XIX вв. Нарбут-би смог подчинить себе практически всю Фергану. Он вступил в брак с племянницей правителя Андижана, приобретя таким образом очень сильного союзника, вел постоянные войны с городом Ура-Тюбе.

В 1808 г. сын Нарбута-би Алим вступил на кокандский престол и принял титул хана. Сразу же после этого он приказал убить тех из своих родственников, кто мог претендовать на верховную власть. Во внешней политике Алим-хан действовал столь же решительно. Он захватил Ташкент, Кураму, Чимкент, Сайрам, неоднократно воевал с Ура-Тюбе. Неслучайно этот правитель носил титул Шир-гаран — лютый тигр. Для достижения побед Алим-хан пользовался довольно оригинальными приемами. Так он насильно вербовал в свою армию бродяг и нищих. Во время одной из кампаний отсутствием Алим-хана в столице воспользовались заговорщики. В результате нового переворота хан-тигр погиб, а престол занял его брат Омар, который также начал с поголовного истребления своих родственников. Омар властвовал с 1816 по 1821 г. За это время он успел захватить г. Туркестан, находившийся прежде под властью Бухары, и совершить несколько неудачных походов на Ура-Тюбе и Джизак. По распоряжению Омара была сооружена целая линия крепостей по правому берегу Сыр-Дарьи (Джулек, Курмыш-Курган, Ак-Мечеть, Кош-Курган, Чим-Курган и др.), что вызвало большую обеспокоенность России.

После смерти Омара престол перешел к его 12-летнему сыну Мадали-хану. Многие видные сподвижники отца были тотчас удалены и в первые ряды выдвинулись новые люди. В 1826 г., воспользовавшись смутой в Бухаре, кокандцы наконец смогли захватить Ура-Тюбе. Именно в Коканд, как уже говорилось, бежал свергнутый братом бухарский эмир Омар. В начале 1830-х годов Мадали-хан заключил помолвку с дочерью правителя Шахрисабза, крупного города, завоевавшего за несколько лет до этого независимость от Бухары. Вообще, кокандский хан всячески старался сколотить широкую антибухарскую коалицию, включавшую Хивинское ханство, Шахрисабз и пограничное Кундузское ханство. Он распространил свое влияние даже на Кашгар, где вел борьбу с китайцами, и территории современного горного Таджикистана: Каратегин, Куляб, Рошан и др. Будучи деятельным политиком и полководцем, Мадали-хан увлекался поэзией. При его дворе жило более 70 поэтов, да и сам он писал стихи.

К несчастью для себя Мадали совершил один очень недальновидный поступок: он вступил в брак с собственной мачехой, которая, кстати, была очень талантливой поэтессой. Узнав об этом, бухарский эмир Насрулла объявил кокандского хана нечестивцем и отправился в поход, якобы ради избавления страны от страшного грешника. Часть кокандских вельмож переметнулась на сторону эмира. В 1840 г. бухарская армия захватила Ура-Тюбе и еще несколько городов. Мадали-хан был вынужден признать себя вассалом эмира, но тут же поднял восстание. В 1842 г. бухарцы

совершили новый поход. Мадали потерпел поражение в битве на урочище Танги и армия эмира вступила в Коканд. Свергнутый хан бежал, но был схвачен и выдан эмиру собственными приближенными. Насрулла распорядился зарезать самого Мадали-хана, его старшую жену и мать. Власть над Кокандом принял бухарский наместник Ибрагим-хан из узбекского рода Мангит. Но правил он недолго.

В том же 1842 г. против бухарского владычества поднялся двоюродный брат Омар-хана и Алим-хана Шир-Али, чудом уцелевший после проводившейся всеми ханами «чистки» семьи. Собрав на реке Кара-Су большое войско кочевников-казахов, он двинулся к Коканду. Ибрагим-хан бежал. В городе началось зверское избиение бухарцев, а заодно и узбеков-мангитов. Покончив с врагами, Шир-Али торжественно принял ханскую власть. В ответ Насрулла снова двинулся в поход, подошел к Коканду, осаждал его 40 дней, но взять так и не смог.

Шир-Али правил до 1845 г., причем проявил нетипичную для своих предшественников мягкость. Он далее не устроил традиционной резни родственников, за что удостоился от своих подданных прозвища «шавля», что значит размазня. При этом хане в государстве чрезвычайно усилилась борьба между оседлым, земледельческим и кочевым населением. Земледельцы по национальной принадлежности были преимущественно узбеками и таджиками и назывались сартами. Кочевники именовались кипчаками и включали, как казахов, так и часть узбеков. Главой кипчакской партии при дворе стал видный полководец Мусульманкул, который самолично раздавал должности и земли, разумеется, обирая сартов в пользу кипчаков. Когда Шир-Али попытался привлечь временщика к ответу, тот развязал междоусобную войну. В 1845 г. войска хана были разбиты. Кипчаки оставили Шир-Али на престоле, но заставили его дать Мусульманкулу должность минбаши т. е. тысячника, а на деле главнокомандующего армией. Вскоре после этого Мусульманкул отправился воевать с киргизами. Воспользовавшись его отсутствием, власть в Коканде захватил сын Алим-хана Мурад, живший в Ура-Тюбе. Шир-Али зарезали прямо в дворцовом зале совета. Через 11 дней после этих событий в Коканд вернулась армия Мусульманкула. Мурад и его сторонники были убиты, а кипчаки устроили настоящее избиение всех сартов, не взирая на их политические позиции. Ханом провозгласили малолетнего сына Шир-Али Худояра, но реальная власть сосредоточилась в руках Мусульманкула. Худояру предстояло стать последним кокандским ханом.

К началу XIX в. население ханства насчитывало около 1,5 млн. чел.: узбеков, таджиков, казахов и киргизов. Как и в других ханствах, хан здесь обладал совершенно неограниченной властью, а потому мог по малейшему капризу казнить своих подданных, лишая их имущества или земли.

«Дурному управлению в Коканде не предвидится конца», — писал по этому поводу русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов в 1850-е годы. Сходную оценку дал кокандским порядкам и проживший там более месяца Д. Долгорукий. «Прежде в Кокане, — пишет он, — как и в Бухаре, достаточно было прослыть богачом, чтобы подвергнуться смертной казни, причем имущество казненного отбиралось без всяких разговоров в пользу хана или эмира...» Понятно, что в таких условиях люди прятали деньги, что имело самые негативные последствия для торговли и ремесла.

Кокандская армия находилась примерно на том же уровне развития, что бухарская или хивинская. «Регулярной армией в Кокане не существует, — писал Вельяминов-Зернов, — Артиллерия у коканцев есть; но она так дурна, что едва ли ее можно назвать этим именем.» Большая часть кокандских воинов имела только фитильные ружья и холодное оружие.

Наряду с тремя ханствами в Средней Азии существовало, как уже говорилось, множество независимых территорий. Весьма влиятельными среди них были так называемые туркменские оазисы. Они располагались на окраинах пустыни Кара-Кум, у реки Аму-Дарья и ее многочисленных протоков и являлись племенными центрами туркмен. Одним из древнейших является Мервский оазис на р. Мургабе, который в XVI в. был завоеван кочевниками-узбеками, но неоднократно переходил из рук в руки. В 1740 г. персидский шах Надир покорил Мерв и переселил туда более 20 тыс. семей из Персии. Однако, уже в 1784 г. бухарский эмир Шах-Мурад разорил оазис, разрушил плотину на р. Мургабе и переселил местных жителей за Аму-Дарью к озеру Каракуль. В конце XVIII в. окрестности Мерва заняли туркмены племени эрсари, которых в 1830-е годы подчинил себе хан Хивы. Еще четверть века спустя, в 1855 г. туркмены-текинцы разбили хивинцев и заняли оазис, изгнав из него эрсари. В 1860 г. персы попытались вновь овладеть оазисом, но были наголову разгромлены текинцами.

Независимость сохранила также та часть туркмен-текинцев, которая населяла оазис Ахал-Теке, представлявший собой небольшую полосу плодородной земли длиной примерно в 250 км и шириной в 20 км у подножья Копетдага. Среди них были как земледельцы, именовавшиеся чомур, так и кочевники-чорва. Кроме того, туркмены Ахал-Текинского оазиса часто совершали военные набеги на пограничные провинции Хивинского и Бухарского ханств и даже на Персию. Помимо добычи, они захватывали пленных, которых потом продавали в рабство.

Туркмены племени-йомудов попали в зависимость от Хивы. Они занимались земледелием и скотоводством в Хивинском оазисе, но кочевали и на очень большие расстояния, вплоть до плато Устюрт. Некоторых, не желавших подчиниться йомудов хивинцы переселили в окрестности города Кунграда, а некоторые в 1860-е годы сами ушли на остров (ныне полуостров Челекен). Еще одна ветвь йомудов кочевала в междуречье Атрека и Гюргена и считалась подвластной персидскому шаху. Там же обитало меньшее по численности племя гекленов. На берегах Аму-Дарьи находились также кочевья племени эрсари, которое считалось подвластными Бухаре. Все туркменские племена вели борьбу друг с другом за пастбища и источники воды, совершали взаимные набеги с целью захвата рабов, угона коней и скота. Неслучайно даже один из сюжетов национального туркменского эпоса «Героглы» повествует о похищении у главного героя любимого скакуна и его мести похитителям.

Постоянные и кровопролитные войны между государствами и племенами Средней Азии очень сильно тормозили ее развитие. Воевали друг с другом Бухара и Хива, а также, особенно часто, Бухара и Коканд. Бухарские эмиры упорно пытались восстановить былое влияние на левобережье Аму-Дарьи и силой подавить сепаратистские тенденции правителей Шахрисабзского оазиса. Ура-Тюбе и Ташкент стремились к полной самостоятельности. Никому не желали подчиняться и горные бекства Памира (Каратинген, Рошан, Шунган и др.). Не меньшую роль играли внутренние распри: борьба туркменской и узбекской знати в Хивинском ханстве или узбекской, казахской и киргизской в Коканде. Тяжкие последствия сложившейся ситуации осознавали многие среднеазиатские мыслители, поэты и ученые. Выдающийся туркменский поэт Махтум Кули (1731-1780 гг.) призывал своих соплеменников к объединению, мечтал о том времени, когда «йомуд, геклен, текинец, эрсари» составят единый народ. Почти веком позже бухарский историк Ахмад Дониш (1827-1897 гг.) с негодованием описывал действия эмира Музаффара, который вместо помощи Кокандскому ханству, боровшемуся против российских войск в середине 60-х годов XIX в., сама нанес удар по Коканду. «Эмир и его войско, — писал Дониш, — совершили столько насилий, что жители этих областей возненавидели его.» Однако голос сторонников мира не был услышан властителями. Междоусобные войны, заговоры, мятежи ослабляли экономику региона, замедляли развитие и без того патриархальных отношений в обществе, резко снижали возможность успешного сопротивления внешнему противнику.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ПРЫЖКИ НА ВОСТОК

Взаимоотношения России и Средней Азии имеют многовековую историю. Еще Киевская Русь вела с Востоком оживленную торговлю и являлась посредником в проникновении восточных товаров на рынки Западной Европы. Арабский ученый IX в. Ибн Хордадбех писал, что купцы-руссы часто появлялись в Гургене (т. е. на территории современного Узбекистана), откуда везли свои товары в Багдад. Кстати, как отмечает русский историк С. М. Соловьев, супруга прославленного багдадского халифа Гаруна-аль-Рашида Зобейда питала особое пристрастие к меху русских соболей и горностаев. На территории многих древнерусских городов археологами были обнаружены клады, включавшие как арабские, доставленные через Среднюю Азию транзитом, так и собственно среднеазиатские предметы.

Монгольское нашествие XIII в. нанесло торговле тяжелый удар, но вовсе ее не прекратила. Более того, после окончания активных боевых действий монгольские ханы покровительствовали купцам, взимая с них, разумеется, немалые подати. «Утверждение татарского владычества в Средней Азии, — писал С. М. Соловьев, — и вступление России в число зависящих от Орды владений очень много способствовало развитию восточной торговли; время от Калиты до Дмитрия Донского должно считать самым благоприятным

для восточной торговли, ибо... татары, успокаиваемые покорностью князей, их данью и дарами, не пустошили русских владений, не загоразивали путей».

Конечно, отношения между Русью и Средней Азией не исчерпывались одной лишь торговлей и далеко не всегда были мирными. В 1395 г. самаркандский правитель Тамерлан вторгся в русские земли, которые как расценивал как владения враждебной ему Золотой Орды. После свержения монгольского ига (1480 г.) стремительно развивавшееся Московское государство по-прежнему считало Восток одним из главных направлений в своей политике и торговле. Именно стремление Москвы обезопасить торговые пути в восточные страны послужило одной из важнейших причин покорения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств. Стоит заметить, что уже тогда подобные действия воспринимались правителями среднеазиатских государств с явной опаской. В 1567 г. московский посол в Крымском ханстве Афанасий Нагой сообщал царю Ивану Грозному: «прислал турецкий (турецкий султан — А. М.) весной к хану с грамотою: были у турецкого из Хивы послы, да из Бухар, которые шли к Меке на Астрахань, и били челом турецкому, что государь московский побрал юрты басурманские, взял Казань да Астрахань, разорил бусурманство, а учинил христианство, воюет и другие бусурманские юрты». Вслед за Казанью и Астраханью Московская Русь подчинила себе Ногайскую орду и часть Башкирия. Всякого рода «гулевые» и «вольные» люди уходили все дальше за «Каменный пояс» (Урал), осваивали Сибирь, вторгались в земли казахов, приближаясь, таким образом, к Средней Азии с севера и северо-запада.

В грамоте царя Ивана IV, разрешавшей купцам Строгановым возводить укрепления на Тоболе, особо подчеркивалось: «станут в те новые места приходить торговые люди бухарцы и киргизы и из других земель с лошадьми и со всякими товарами, в Москву, которые не ходят, то торговать им у них всякими товарами вольно, беспошлинно». Впрочем, шедшие в новые земли русские казаки занимались не только торговлей, но и откровенным разбоем, причем не редко в разных ролях выступали одни и те же лица. Известный покоритель Сибири Ермак Тимофеев начал свою карьеру именно с того, что ограбил на Волге бухарских купцов. В 1584 году тот же Ермак, будучи уже на царской службе, отправился в поход против сибирских татар из-за того, что они «чинили обиды» приехавшим для торговли бухарцам.

К концу XVI в. Россия стала считать среднеазиатскую торговлю едва ли не своим исконным правом. Так, в 1588 г., когда английский посол Флетчер попросил царя Федора Иоанновича предоставить англичанам исключительное право на проезд в Бухару, исполнявшие волю государя бояре согласились, заметив, что «и государевы люди в те земли будут также ходить, как тому может статься, чтоб государевым людям туда не ходить?»

Летом 1605 г. крупный отряд русских казаков, живших на реке Яик (Урал), совершили набег на владения хивинского хана. Среднеазиатский писатель XVII в. Абул-Гази сообщает, что русские взяли штурмом город Ургенч, где захватили много пленных, и «нагрузили тысячу повозок самыми дорогими вещами, а остальные вещи, как ткани, шубы, одежды, ковры, одеяла, тюфяки и подушки сожгли».

На обратном пути казаков, настигло подоспевшее из Хивы войско Араб-Магомед-хана. Для уничтожения противника хивинцы избрали довольно оригинальную тактику: они сооружали на пути казаков окопы, принуждая их раз за разом идти на штурм, и одновременно атаковали с флангов и с тыла. На пятый день отступления казаки прибегли к своему излюбленному приему: они расположили свои телеги кругом и укрылись за ними, как в укрепленном лагере. Еще два дня спустя хивинцы смогли ворваться за телеги, но, как пишет Абул-Гази, пока воины хана занимались грабежом, «сотня русских успела бежать, достигла берега Аму-Дарьи, где устроила из дерева небольшое укрепление». Получив неограниченные запасы воды, казаки сопротивлялись еще целых пятнадцать дней, но в конце концов все-таки были перебиты.

Исследователь фольклора П. И. Рычков записал несколько казачьих преданий о походе некоего Нечая, который якобы разграбил саму Хиву, добился, как и положено фольклорному герою, любви ханской жены и погиб в неравной схватке с «бусурманами».

Официальные власти России в течение XVII в. направили в Среднюю Азию целый ряд посольств. В 1620 г. дворянин Иван Хохлов «ходил» с царской грамотой через Хиву и Бухару в Самарканд. В 1646 г. был послан в «Бухарию» купец Анисий Грибов, не достигший впрочем цели своего путешествия из-за происшедшей «в степи» междоусобной войны.

В 1669 г. в Хиве побывал астраханских дворянин Иван Федотов, а весной 1671 г. туда отправился небольшой отряд под началом Бориса Андреевича Пазухина. Выйдя из Астрахани, Пазухин достиг Хивы и прожил там две недели, пытаясь уговорить хана отпустить на волю русских рабов, которых хивинцы купили у калмыков. Из Хивы он отправился в город Хазарасп, расположенный на юге Хорезмского оазиса, переправился через Аму-Дарью, прошел безводной пустыней Кызыл-Кум до города Каракуль и, двигаясь на северо-восток, прибыл в Бухару. Там Пазухин задержался более чем на год, так как бухарский хан в то время воевал с Балхом (ныне на территории Афганистана). Только осенью 1672 русский отряд смог выехать в Чарджоу (Восточная Туркмения), из которого перебрался в персидский город Мешхед, а оттуда по южному берегу Каспийского моря — в Баку. Из Баку Пазухин на корабле вернулся в Астрахань.

Через три года после этой одиссеи в Бухару отправился еще один отряд в составе астраханца Махмеда Исуп-Касимова, толмача Посольского приказа Василия Даудова и подьячих Никифора Венюкова и Ивана Шапкина. Следует заметить, что Даудов был человеком явно незаурядным. Перс по рождению, он в 1654 г. перешел на русскую службу, принял православие и женился на русской боярышне. В 1667, 1669 и 1672 гг. Даудов выполнял поручения царя Алексея Михайловича при дворе турецкого султана, а после возвращения из поездки в Среднюю Азию служил воеводой в разных городах и даже участвовал в Азовских походах Петра I (1695-96). Отправившись из Астрахани на корабле, отряд Даудова по Каспийскому морю добрался до Мангишлака, а потом сухим путем проследовал в Хиву и Бухару. Из Бухары два путешественника — Касимов и Шапкин — направились в Кабул и даже попытались проникнуть в Индию, но из-за противодействия местных властей вернулись назад. В 1677 г. Даудов был отозван в Москву.

Стремление Русского государства установить прочные контакты со среднеазиатским регионом на протяжении всего XVII столетия тормозилось постоянными неурядицами на собственных границах: набегами крымских татар, мятежами в землях бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, столкновениями с башкирами, ногаями, калмыками. Весьма энергичная попытка решить среднеазиатский вопрос была предпринята в начале XVIII в. Петром Великим. Как отмечал С. М. Соловьев, первый российский император «прорубая окно в Европу на морях Балтийском и Черном, в то же время искал ключ и врата ко всем азиатским странам через Киргизские и Туркменские степи».

В 1714 г. в Петербург прибыл из Астрахани туркменский купец Ходжа-Нефес, сообщивший Петру Алексеевичу, что в реке Аму-Дарья есть золотой песок, и что прежде Аму-Дарья впадала в Каспийское море, но хивинцы, построив плотину, направили ее в море Аральское. По словам купца, плотину можно было перекопать и повернуть реку в старое русло — Узбой, приблизив таким образом к русским владениям. Одновременно пришло известие от сибирского генерал-губернатора Гагарина о существовании золотых приисков на реке Сырдарье. В том же 1714 г. отряд под началом полковника И. Д. Бухгольца попытался с Иртыша выйти к Аральскому морю, но после ряда ожесточенных столкновений с калмыками в 1716 г. вернулся обратно. Не решив поставленной задачи, данная экспедиция тем не менее способствовала укреплению российских границ: при впадении Оби в Иртыш была построена крепость Омск (1716 г.), а в верховьях Иртыша — Семипалатная (1718 г.).

Почти одновременно с Бухгольцем в Среднюю Азию направилась другая экспедиция во главе с полковником Александром Бековичем-Черкасским. Ему, по замыслу Петра I, надлежало ехать непосредственно к хивинскому хану, чтобы «склонить его к верности и подданству, обещая наследственное владение, для чего предложить ему гвардию». Следует вспомнить, что в XVIII столетии ханы Хивы избирались старейшинами родов, и Петр I не без основания надеялся соблазнить правителя помощью в борьбе со своевольной знатью. Впрочем, не надеясь на одни посулы император предписывал Бековичу-Черкасскому осмотреть устье Аму-Дарьи, выяснить возможно ли направить ее воды в Каспийское море и «где удобно на настоящей Аму-Дарье реке для строения крепости тайным образом». Русские послы должны были также «разведать» обстановку в Бухарских землях и даже на путях «в Индею». Трудно не согласиться с современным историком Е. В. Анисимовым, который пишет: «Дух захватывает от идей царя, мечтавшего с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда».

Осенью 1716 г. А. Бекович-Черкасский выступил из Астрахани во главе целой армии численностью свыше 6 тыс. человек, включавшей три пехотных и драгунский полки. Речь,

таким образом, шла о настоящем и довольно крупном военном походе. Добравшись морем до Тюб-Кургана, люди Бековича-Черкасского основали там крепость св. Петра, после чего отплыли в Балханский залив, на берегу которого возвели Красноводскую крепость. В основанных укреплениях разместились русские гарнизоны, причем в главном — Красноводском — осталось сразу два пехотных полка (Астраханский и Азовский) под командованием опытного офицера фон-дер-Видена. Бекович вернулся в Астрахань, но уже летом 1717 г. вновь отправился в Хиву, на этот раз по суше, с трехтысячным отрядом.

В 120 верстах от Хивы на урочище Карагач русские столкнулись с большим войском хивинского хана Шир-Гази, не желавшего пропускать чужеземцев в свои владения. В произошедшем сражении хивинцы получили жестокий отпор, после чего пошли на хитрость. Хан заверил Бековича-Черкасского, что хочет заключить с ним «вечный мир» и убедил разделить русский отряд на части, якобы для более успешного размещения в хивинских городах. Весьма показателен следующий факт: командир драгунского полка фон Франкенберг четыре раза отказывался выполнить подозрительную просьбу хана и согласился распустить своих кавалеристов только после того, как Бекович-Черкасский пригрозил ему трибуналом за неповиновение. Сразу же после рассредоточения отряда наступила кровавая развязка. Бекович и большая часть экспедиции были убиты, а немногие оставшиеся в живых обращены в рабство. Один из участников похода, калмык Бакша, сообщал впоследствии русскому правительству, что хан приказал отсечь Бековичу голову и выставить ее на воротах Хивы.

В 1721 г. в Петербург прибыл официальный хивинский посол, попытавшийся оправдать действия своего господина. На приеме в Иностранной коллегии он сказал, что хан очень обеспокоен сокращением торговли с Россией, хочет, «чтоб прежняя любовь установилась», а Бековича убили только потому, что «он приезжал не как посол, но как неприятель, построил город и в нем оставил войско». Русские власти напротив настаивали на дипломатическом статусе экспедиции. Посла посадили в Петропавловскую крепость, где тот вскоре умер от простуды.

Гарнизон русских укреплений на восточном берегу Каспийского моря не только не принимал никакого участия в Хивинской экспедиции, но и сам находился в очень трудном положении. В 1717 г. в результате непривычных климатических условий и болезней в Тюб-Кургане умерло 500 солдат, а гарнизон Красноводской крепости вымер почти на четверть. Коменданты крепостей, видя ослабление своих войск и опасаясь нападения туркмен, решили возвратиться в Россию. 3 октября 1717 г. солдаты из Красноводска во главе с полковником фон-дер-Виденом отплыли на тринадцати судах в Астрахань, но попали в бурю, в которой погибло 400 человек.

После неудачного похода Бековича-Черкасского Петр I не отказался от попыток проникновения в пределы соседних восточных государств, но несколько изменил маршрут движения. В 1722 г. русские войска заняли на берегу Каспийского моря г. Дербент, а в 1723 г. был подписан русско-персидский договор, по которому к России отошли прикаспийские владения Персии. Среди прочих выгод данного предприятия император называл возможность наладить с помощью каспийского флота, который еще не был построен, постоянную связь с Красноводской крепостью.

В 1725 г. в Астрахань приехал русский дипломат Флорио Беневени, еще в 1718 г. отправленный в Персию и задержанный в Тегеране в связи с войной. Беневени побывал также в Бухаре, а его слуга, Николай Миньер, ездил в Балх, Герат, Мазендеран и выяснил, что туда могут добраться и военные отряды. Вскоре после Беневени, в 1727-1730 гг. Василий Ватаци, грек на русской службе, составил карту земель у Аральского моря. Однако, в 1732 г. Россия вернула Персии ее прикаспийские земли в обмен на помощь в предстоящей войне с Турцией.

В течение второй половины XVIII в. в среднеазиатские государства постоянно направлялись посольства и научные экспедиции, но крупный военных операций, подобных походу Бековича-Черкасского не предпринималось. В 1738 г. В. Татищев отправил в Ташкент торговый караван, с которым поехал и офицер-геодезист Кушелев. Но под самым Ташкентом караван разграбили хивинцы. В 1740 г. геодезисты Гладышев и Муравьев не только добрались до Хивы, но встретились с самим ханом Абулхайром, казахом по национальности и добились его благорасположения. К сожалению, вскоре Хива была захвачена персидскими войсками, Абулхайр бежал из города, а Гладышев и Муравьев вернулись в Россию.

Важным шагом в продвижении на Восток стало завершившиеся к 1740-м гг. подчинение российской власти казахов Младшего и Среднего жузов. Основанный на

Южном Урале Оренбург на многие годы вперед стал главной базой для среднеазиатских походов. Именно из Оренбурга в 1753 г. торговый караван купца Рукавкина, с которым ехали и русские дипломаты, достиг Хивы. Послы просили у хана гарантий безопасности для торговцев, но вместо этого попали в тюрьму по обвинению в шпионаже. В 1793 г. в Хиве побывал военный медик майор Бланкеннагель, а в 1794 г. чиновник горного ведомства Бурнашев совершил поездку в Бухару. Еще несколько лет спустя, в 1800 г., тот же Бурнашев совершил экспедицию в Ташкент. В 1803 г. в Бухару отправилось большое посольство, но узнав о появлении на Сыр-Дарье враждебно настроенных кочевников, оно вернулось в Орскую крепость. В гораздо худшую ситуацию попал еще один русский путешественник — капитан Генерального штаба Н. Н. Муравьев. В 1819 г. он по приказу кавказского начальства высадился на берегу Каспийского моря и двинулся через туркменские земли в Хиву. По дороге Муравьев производил маршрутную съемку, послужившую впоследствии основой для подробного атласа местности. В Хиве, однако, Муравьева арестовали, обвинили в шпионаже и посадили в тюрьму. Хан распорядился закопать русского офицера в землю, но затем, испугавшись большого конфликта с Россией, просто выслал его из страны. Возвратившись на родину, Муравьев сообщил, что в Хиве находится очень много русских пленных, захваченных и проданных в рабство различными кочевниками.

Через год из Оренбурга в Бухару отправилось русское посольство, в состав которого вошли статский советник Негри, офицеры Генерального штаба Мейендорф, Вальховский и Тимофеев, переводчик Яковлев, ученые-натуралисты Пандер и Эверсман. Для охраны миссии был выделен внушительный конвой в 530 человек под командованием капитана гвардии Циолковского, а обязанности проводника взял на себя один из казахских правителей Арунгази Абдулгазиев. Путешествие сопровождалось многочисленными научными наблюдениями, маршрутной съемкой и определением астрономических пунктов. Послам удалось также добиться от бухарского эмира обещания свободно пропускать торговые караваны в свой земля. К несчастью, руководители экспедиции поверили местным бекам, обвинившим Абдулгазиева в каких-то запутанных отношениях с хивинским ханом. Смелый проводник был отправлен в Петербург, где его приговорили к ссылке в Калугу. После его ареста среди казахов немедленно начались волнения.

Между тем в 1724 г. в Оренбурге сформировали большой торговый караван, направившийся под охраной пятисот солдат в Бухару. Во время одного из переходов в январе 1825 недалеко от горы Беш-Тюбе (на полпути от реки Сыр-Дарьи до Бухары) на караван напала четырехтысячное войско хивинцев, туркмен и казахов, в т. ч. родственников Абдулгазиева. Две недели караван отбивался от противника, но затем, бросив товары, отступил. Убыток от разграбления имущества составил 550 тысяч рублей — сумма по тем временам просто колоссальная. В ответ на это нападение на плато Устюрт был выдвинут крупный отряд полковника Ф. Ф. Берга (в будущем — фельдмаршала). Интересно, что значительную часть этой экспедиции составили 270 солдат Лейб-гвардии Семеновского полка, сосланных на границу за выступления против командира. Недалеко от реки Эмбы русский отряд атаковал и разгромил крупную группу казахов. После этого Берг отослал большую часть пехоты назад, а сам с казаками повернул на восток, дошел до Аральского моря и по его берегу двинулся на юг. Эта демонстрация вызвала большое беспокойство у хивинского хана, который немедленно отправил своего посла к русским со слоном в качестве подарка и заверениями в вечной дружбе. Берг не мог начать больших военных действий, не имея достаточных запасов провианта и фуража, а потому вернулся в Оренбург. Вскоре он представил командованию проект большого похода на Хиву через плато Устюрт (по территории современной Караколпакии).

В 1833 г. пост оренбургского военного губернатора занял генерал-лейтенант Василий Алексеевич Перовский, отважный и энергичный офицер, убежденный сторонник экспансии в Среднюю Азию. До своего назначения Перовский участвовал в Отечественной войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1828-1829 гг., неоднократно получал ранения. Будучи внебрачным сыном графа А. К. Разумовского, он с молодости привык надеяться лишь на собственную отвагу и старательность. При этом Перовский неплохо разбирался в литературе и искусстве, поддерживал дружеские контакты с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским и В. И. Далем. Уже в сентябре 1833 г. новый губернатор обратился к директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. К. Родофиникину с письмом, в котором настаивал на необходимости начать более решительные действия в Средней Азии. Перовский особо отмечал роль среднеазиатских

государств, как рынка сбыта российских товаров и сетовал на активное проникновение в регион англичан.

Тревога Перовского действительно имела под собой основания. В 1632 г. в Бухару прибыл из Кабула английский офицер А. Бернс, выдававший себя за армянского купца и пытавшийся добиться от эмира разрешения открыть торговый дом Ост-Индской компании. Одновременно Бернс занялся разведкой местности по правому берегу Аму-Дарьи. Учитывая возрастающее влияние Англии на Турцию и Иран, подобная деятельность была для российских властей очень неприятной и заставляла спешить с контрмерами. По инициативе Перовского с разведывательными целями в Бухаре побывали ученый-ориенталист П. И. Демезон (1834 г.) и прапорщик И. В. Виткевич (1835-36 гг.). Оба они помимо подробных сведений о политическом устройстве, экономике и военной организации Бухарского ханства сообщали данные о большом притоке в Среднюю Азию английских товаров и подчеркивали, что главным препятствием для русской торговли является Хивинское ханство, воины которого беспрестанно грабят караваны.

В феврале 1839 г. Перовский добился утверждения своего плана большого похода на Хиву. Пехотную часть его войска составили солдаты 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Оренбургских линейных батальонов под общим командованием генерал-лейтенанта Толмачева. Кавалерия под командованием генерал-майора Циолковского включала уральских и оренбургских казаков, а также иррегулярные отряды башкиров. Экспедиция была хорошо обеспечена артиллерией: 16 пушек весовым калибром от 6 до 12 фунтов, 6 мортир и 4 ракетных станка. Для переправ через реки в обозе имелось шесть холщовых понтонов, а для плавания по Аральскому морю разборные лодки. Общая численность отряда составляла 5325 человек.

Весьма впечатляюще выглядели и запасы провианта. 11653 четверти сухарей, 8286 ведер водки, 13963 пуда мяса, крупа, сушеные овощи, чай и проч. Вести грузы должен был караван из 10500 верблюдов. По маршруту следования отряда создали опорные пункты.

Перовский принял решение идти через степи зимой, полагая, что холод менее опасен, чем изнурительная летняя жара. Отряд выступил из Оренбурга в конце ноября 1839 г. Данное решение командующего оказалось роковым. Зима выдалась очень холодная и снежная. Почти сразу начался падеж верблюдов, а затем и болезни среди людей. Оказалось, что, несмотря на масштабные закупки, многих важных продуктов в обозе не хватает, а иные расхищены или отвратительного качества. Плохо соответствовало степным условиям и обмундирование солдат-пехотинцев. Специально изготовленные для них кителя с подкладкой из валяной овечьей шерсти оказались плохо прошитыми. Теплая подкладка отрывалась, съезжала вниз, и солдаты страшно мерзли, оставшись практически в летних мундирах и суконных шинелях.

Свойственное временам Николая I соблюдение всех формальных требований устава нередко оборачивалось прямо-таки трагическими ситуациями. М. А. Терентьев приводит следующий факт: «6 декабря 1839 г. отряд дневал на Биш-Тамаке и торжественно отпраздновал тезоименитство императора... По тогдашней военной форме, люди должны были явиться на парад чисто выбритыми, с выкрашенными или, вернее, намазанными черной мазью из сала и сажи волосами и усами. Люди переносили немало страданий, бреясь на морозе и потом отмывая свою помаду». С большими трудностями основные силы отряда к 19 декабря добрались до заранее подготовленного укрепления на р. Эмбе. Примерно в то же время передовое подразделение (210 солдат и казаков под началом штабс-капитана Ерофеева), находившееся в укреплении Ак-Булак в 60 верстах от Эмбы, подверглись нападению хивинцев. Оборону укрепления возглавил военный инженер, капитан Ковалевский, который еще до начала похода выехал в бухарские земли для поиска месторождений золота, но на него напали хивинцы, и Ковалевский, проскакав за двое суток триста верст, укрылся в Ак-Булаке. Под его руководством немногочисленная русская артиллерия встретила врага картечью и заставила отступить. Нападавшие предприняли еще несколько попыток захватить укрепления, но неудачно. Тем не менее, известие об этом столкновении испугало следовавших с отрядом Перовского проводников-казахов. Двое из них даже попытались поднять мятеж, но были арестованы и расстреляны. В укреплении на р. Эмбе войска Перовского пробыли почти месяц. Только к середине января 1840 г. все силы русских скопились в Ак-Булаке. Здесь выяснилось, что в распоряжении экспедиции осталось лишь половина верблюдов, а подходы к плато Устюрт занесены глубочайшим снегом. К тому же суда с провиантом, направленные из Астрахани

в Ново-Александровск были затерты льдом и разграблены каким-то из непокорных казахских родов. Продолжать поход не представлялось возможным. Войско прошло за 2,5 месяца только половину пути до Хивы, а оставшиеся верблюды и лошади могли нести не более чем месячный запас пропитания. Экспедиция достигла бы своей цели лишь при условии увеличения скорости движения вдвое и израсходовании всех припасов. А ведь под Хивой предстояло еще и сражаться. 3 февраля войска двинулись от Ак-Булака назад, к Эмбинскому укреплению. Правда, один отряд был направлен на Каспийское побережье отомстить казахам, ограбившим русские суда. Отступление войск Перовского оказалось не менее трудным, чем наступление. Солдат прямо-таки косили цинга, обморожение, упадок сил. Всего за время похода умерло 1054 рядовых воина, причем более всего солдат, а менее всего уральских казаков. Многие современники считали виновником неуспеха самого В. Л. Перовского, обвиняя его в опрометчивом выборе зимнего времени для похода. Другие возлагали ответственность за все на помощника командующего С. Циолковского, которого, как поляка, подозревали и в сознательном вредительстве, и даже в попытке отравить одного из своих сослуживцев.

Главное, по-видимому, заключалось в другом. Большая часть отряда совершенно не умела действовать в условиях зимней полупустыни. «Пехота, — писал по этому поводу генерал М. А. Терентьев, — отличалась неумением ни за что приняться: надобно было учить, как ставятся котелки в ряд на таганах, как отгребаются зола, как топить кизяком и камышом, как зарезать корову или барана, как надобно одеться, как застегнуться и проч.»

Неудивительно, что заболеваемость и смертность среди солдат были особенно велики и очень сомнительно, что в жаркое летнее время поход удался бы лучше. России еще только предстояло научиться вести боевые действия в весьма специфических природных условиях и с весьма специфическим противником.

Несмотря на неудачный исход, экспедиция В. Л. Перовского имела колоссальный международный резонанс. Именно в 1830-40-е годы государства Средней Азии превращаются в один из узлов русско-английских противоречий. Основным яблоком раздора между двумя могучими державами являлся так называемый «восточный вопрос», т. е. вопрос об обладании землями Турецкой империи, которую император Николай I называл «больным человеком». Еще в 1833 Россия заключила с Турцией Ункяр-Искелесийский мирный договор. Согласно ему султан давал обязательство в случае войны закрыть пролив Дарданеллы для военных кораблей всех стран. Подобное ограничение, естественно, вызвало раздражение «владычицы морей» Великобритании. Английский министр иностранных дел Пальмерстон заявил, что следует ограничивать русские интересы везде, где только возможно. Британские агенты интриговали против России в Турции и Персии, проникали даже на Северный Кавказ, где в то время шла война с горцами Шамиля.

Петербургские оппоненты не оставались в долгу. В 1837 г. русский дипломат Симонич смог подтолкнуть персидского шаха Мухаммеда к походу на Герат, являвшийся важным пунктом на Пути из Бухары в Персию и Индию. Однако, раньше чем персидские войска смогли захватить этот город, к шаху явился английский полковник Стоддарт и, пригрозив вмешательством британских войск, заставил его снять осаду. В том же году другой русский дипломат Виткевич (тот самый, который совершил в 1835-36 гг. поездку в Бухару) встретился с эмиром Афганистана Дост-Мухаммедом и обещал ему денежную субсидию, если афганцы нападут на Пешавар, занятый индийцами-сикхами и давно привлекавший внимание англичан. Дост-Мухаммед дал понять Виткевичу, что предпочел бы не денежные субсидии, а непосредственную помощь войсками.

Не имея права давать подобные обещания, Виткевич в 1839 г. отправился в Россию за инструкциями. Но в августе того же года английские войска, пройдя Белуджистаном, захватили столицу Афганистана Кабул. Дост-Мухаммед был арестован, а в городе разместился оккупационный отряд. В то время, когда В. Л. Перовский вел своих солдат на Хиву в Бухару прибыл Стоддарт. Он намеревался заставить эмира заключить союз с Англией, причем вел себя также гордо и решительно, как в персидском лагере под Гератом. Политическая ситуация, однако, менялась с головокружительной быстротой. Поход русских в Хиву не удался, но и у англичан в Афганистане тоже не складывалось. В начале зимы 1841 г. старший сын Дост-Мухаммеда Абхар-хан поднял восстание и перерезал сообщение между Кабулом и Индией. В ноябре мятеж охватил сам Кабул. Восставшие убивали европейцев, и англичане укрылись в той части города, где размещался оккупационный отряд. Среди лиц, погибших в самом начале этих событий, оказался и бывший британский агент в Бухаре Бернс. Большая часть англичан добилась от

афганцев обещания пропустить их в Индию. В январе 1842 г. 4500 британских солдат и 12000 гражданских лиц двинулись в путь, но по дороге были почти полностью перебиты нарушившими договор повстанцами.

Когда известие об этих событиях достигло Бухары, эмир вызвал к себе Стоддарта и объявил ему, что англичане разбиты в Кабуле. «Это ложь, — ответил Стоддарт, — войска моей государыни никогда не терпят поражений.» В ответ эмир приказал посадить дерзкого британца в тюрьму, а когда известие о победе афганцев подтвердилось, казнил его.

В сентябре 1842 г. английская армия Георга Поллока вторично захватила Кабул, но затем покинула город, и неутомимый Дост-Мухаммед возобновил борьбу. Российские власти очень быстро опомнились от провала Хивинского похода и, подобно англичанам, развили бурную деятельность. Еще в мае 1841 г. из Оренбурга выехало два посольства: одно под началом майора Бутенева — в Бухару, а другое, капитана Никифорова — в Хиву. Бутенев выделил самостоятельный отряд (ученые Ханьков и Леман, горный инженер Богословский, топограф Яковлев), который от Бухары пошел на восток к Самарканду, а оттуда двинулся вверх по Зеравшанской долине в направлении современного Таджикистана. Результатом экспедиции стала подробная карта Бухарских земель. Кстати, Бутенев пытался спасти Стоддарта, уговаривал его уехать с русскими послами, но безуспешно.

В то же время Никифоров провел картографическое исследование Хивинского ханства. Этот молодой офицер прошел очень сложный жизненный путь и судя по всему был человеком весьма неоднозначным. Начав службу в Вологодском пехотном полку, Никифоров в 1833 г. поступил в Военную Академию, но вскоре по неизвестным причинам был отчислен и направлен на службу в удаленный 2-й Оренбургский линейный батальон. Генерал-лейтенант М. А. Терентьев в своей работе по истории Средней Азии дает ему следующую характеристику: «Неудачи и оскорбления, испытанные на службе, сильно действовали на его болезненную натуру, развили в характере его желчность и особого рода раздражительность, доходившую иногда до исступления. К этому надо прибавить еще неумеренность в употреблении спиртных напитков.»

По прибытии в Хиву Никифоров решительно заявил местным вельможам: «Вы, хивинцы, должны прилипнуть к России, как рубаха к телу, потому что Россия такая большая держава, что если наступит на вас, то раздавит, как козявок.»

В дальнейшем, ведя переговоры об освобождении находившихся в Хиве русских рабов, о торговых пошлинах или о хивинских крепостях на Сыр-Дарье, он держался всегда одного и того же «повелительного» и дерзкого тона.

«Многие удивляются, — писал по этому поводу один из современников, — как могло Никифорову сходить с рук столько вещей, в Хиве еще не виданных и не слыханных. Ответ краток: Хива боялась.» Договора с хивинцами заключить не удалось, но Никифоров очень четко определил русские интересы. Во-первых, он заявил, что Россия не позволит хивинцам по-прежнему собирать дань с казахов к северу от реки Эмбы, так как считает их своими подданными. Во-вторых, потребовал признания за Россией прав на весь восточный берег Каспийского моря, присовокупив, что хану он не нужен, ибо «Хива никакого флота не имеет и иметь не будет.»

Хан никакого конкретного ответа не дал, но пообещал прислать в Оренбург своего представителя. Вскоре после возвращения из поездки Никифоров отправился к своей матери в Симбирскую губернию, но по дороге внезапно скончался от сердечного приступа.

Продолжать его дело в Хиве было поручено подполковнику Данилевскому, который прибыл к хану в октябре 1842 г. Он смог получить от только что вступившего на престол Рахимкуля обещание «не потворствовать грабежам и разбоям ни в степи, ни на Каспийском море» и «не держать в неволе русских пленных». Тем не менее, уже в 1845 г. хивинский хан направил своих послов к казахскому военачальнику Кенисаре Касимову, ведшему против российских войск долгую и упорную борьбу. Не менее неприятным известием для русских стало то, что в Хиве прочно обосновался британский агент Томсон, который формально хлопотал о судьбе обращенных в рабство персов, а на деле собирал сведения о взаимоотношениях ханства с Россией.

Впрочем, большая часть царской администрации на Урале и в Сибири и без того полагала, что период переговоров и разрозненных экспедиций исчерпал себя. И постоянно обострявшиеся отношения с Англией, и экономические интересы России требовали самых решительных действий.

В 1847 г. преемник Перовского на посту Оренбургского военного губернатора генерал от инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев основал на берегу Аральского моря, в низовьях Сыр-Дарьи Раимское укрепление. Когда кто-то из столичного начальства выразил сомнение в необходимости этой меры, губернатор отвечал по-военному четко и ясно: «Если мы не займем низовьев Сыра, то могут занять англичане». Разумеется, в действительности подобное развитие событий было маловероятно в силу удаленности Сыр-Дарьи от британских владений, но настроение многих военачальников реплика Обручева выражала очень ярко. Появление Раимской крепости означало, что начинается неуклонное и поступательное движение России вглубь Средней Азии.

Глава 4

ВОЙНА С КОКАНДОМ

Характеризуя военные действия России в Средней Азии на рубеже 40-50-х годов XIX в., видный военный историк офицер Генерального штаба А. И. Макшеев писал: «Посылки войск в степь после Хивинской экспедиции (т. е. похода В. Л. Перовского - А. М.), сделались чаще, да и самая цель посылки изменилась. За исключением случаев прикрытия каких-либо научных исследований, прежде войска отправлялись в степь почти только для поисков (т. е. стычек с неприятелем), которые приносили нам больше вреда, чем пользы; а теперь они высылались преимущественно для комплектования гарнизонов степных укреплений и для снабжения их провиантом и всем необходимым.» Особенно быстро усиливалось Раимское укрепление. Показательны следующие цифры: в 1848 г. туда было отправлено 1570 подвод с грузом, в 1849 г. — 1247 подвод, в 1850 г. — 1065. Гарнизон крепости к 1850 г. достиг 850 чел.

Вполне понятно, что появление на Сыр-Дарье русского укрепления вызвало большую тревогу у хивинского хана. Первое столкновение произошло уже в августе 1847 г., через месяц после основания крепости. Тогда двухтысячный отряд подвластных Хиве казахов во главе со своим предводителем Илекеем Касымовым и хивинским беком Ходжи-Ниязом вторгся на правый берег Сыр-Дарьи, разграбил кочевья местных казахов и вновь ушел за реку в хивинскую крепость Джан-Кола. Подобные взаимные набеги с угоном скота («барантой») были в степи делом обычным. Однако, с точки зрения коменданта Раимской крепости подполковника Ерофеева произошло нападение на российскую территорию. Ерофеев собрал отряд из 200 солдат и казаков при двух пушках и двинулся к Джан-Коле. По дороге к нему примкнуло свыше 700 казахов из разоренных кочевий. По Сыр-Дарье шла вооруженная пушками шхуна «Николай» под командованием поручика Мертвого. Следует заметить, что оренбургский военный губернатор Обручев строго запретил Ерофееву переходить Сыр-Дарью, которая была объявлена границей между русскими и хивинскими владениями. Поэтому русский отряд, остановившись напротив вражеской крепости на «своем» берегу, обстрелял ее из пушек. Союзные Ерофееву казахи подобными «условностями» ограничены не были, а потому форсировали реку, ворвались в Джан-Колу, гнали совершенно деморализованных хивинцев до р. Куван-Дарья и отбили у них 50 тыс. баранов.

Во второй половине ноября на Сыр-Дарье появилось новое хивинско-казахское войско во главе с дядей правящего хана Рахманберды-бием. Оно вновь ограбило местных казахов и было отогнано русским гарнизоном. В марте 1848 г. набег на окрестности Раимской крепости совершили туркмены из племени йомудов, а в мае казахско-хивинское «скопище» напало на отряд прапорщика Яковлева, совершавший топографическую съемку местности. Интересно, что в последнем столкновении обе стороны продемонстрировали владение специфическими «степными» способами ведения боя. Яковлев, увидев приближавшуюся хивинскую конницу, построил своих людей в каре. Хивинцы, зайдя с наветренной стороны, подожгли траву так, чтобы огонь пошел на русских. Однако сопровождавшие Яковлева уральские казаки быстро выжгли вокруг отряда всю траву и огонь, шедший со стороны врага, погас. После продолжительной перестрелки нападавшие отступили. Недалеко от отряда Яковлева в то время находились две сотни оренбургских казаков под началом старшины Иванова, которые везли грузы в Уральское укрепление на р. Иргиз. За ними следовал раимский караван (рота пехоты и еще две сотни казаков). Узнав о произошедшей схватке, Иванов поспешил вступить с хивинцами в бой. По словам одного из сослуживцев он был человеком «нетрезвым, нераспорядительным, но вместе с тем беззаветно храбрым».

Сначала Иванов с небольшой группой казаков вырвался вперед основных сил и едва не попал в плен, но затем смог нанести хивинцам поражение. Во время боя он, по свидетельству А. И. Макшеева «с пикой в руках вносился в ряды неприятельские и много тел положил на месте».

Столкновения 1847-1848 гг. показали хивинцам, что русские не только прочно утвердились на Сыр-Дарье, но и намерены защищать тех казахов, которых считают подданными своей державы. В 1849-1850 гг. крупных набегов из Хивинских земель не было. Однако, у стен Раимского укрепления, переименованного к тому времени в Аральское, появился новый неприятель. В феврале 1850 г. кочевавшие недалеко от него казахи подверглись нападению другого казахского племени, пришедшего с территории Кокандского ханства. В августе набег повторился, причем на этот раз нападавшие угнали 21 тыс. баранов. Оставлять подобное безнаказанным было нельзя. 26 августа 1850 г. из Аральского укрепления выступил отряд, включавший сотню казаков, 150 пехотинцев, 200 союзных казахов и 2 пушки с прислугой. Пройдя около 240 км., он 9 октября атаковал пограничную кокандскую крепость Кош-Курган на р. Караузьяк и захватил ее. Тут, однако, выяснилось, что совершавших набег казахов в крепости нет, а весь ее гарнизон состоит из 10 воинов. Пятеро из них были убиты при штурме, а пятерых увели в плен, в Аральск.

События 1850 г. были следствием типичного для казахов того времени образа жизни, с «барантой» и постоянной борьбой за кочевья. Нечто иное произошло весной 1852 г. К Аральску двинулось полторатысячное войско под командованием Якуб-бека, правителя кокандской крепости Ак-Мечеть на Сыр-Дарье. Помимо казахов, в походе участвовало много воинов собственно кокандской армии из городов Кош-Курган, Чим-Курган, Ак-Мечеть и др., а также небольшой отряд хивинцев. Навстречу им из Аральска выступил отряд коменданта крепости майора Энгмана, численностью около 100 человек. С пушкой-единорогом. Противники столкнулись в 58 км от Аральска на урочище Ак-Булак. Воины Якуб-бека окружили русских, но были отогнаны ружейным и артиллерийским огнем. С наступлением сумерек неприятель скрылся, бросив угнанных баранов и коней.

Незадолго до этих событий, в марте 1851 г. Обручев составил на имя императора записку, в которой обосновывал необходимость захвата кокандской крепости Ак-Мечеть, а в перспективе и нового похода на Хиву. В целях практической подготовки этих акций он разработал целый ряд инструкций по организации «степных походов». Так было решено разрешить солдатам в жаркое время идти без мундиров, в рубахах, имея в руках только ружья, а ранцы везти в обозе. Улучшилось снабжение отрядов провиантом и фуражом. В Швеции были заказаны два парохода с выдвигаемыми килями, способные ходить как по морю, так и по рекам. Однако, в том же 1851 г. В. А. Обручев покинул занимаемую должность и управление Оренбургским краем вновь перешло в руки В. Л. Перовского. Последний, основываясь, видимо, на собственном горьком опыте, отверг идею Хивинского похода, но поддержал идею захвата Ак-Мечети. Более того, в рапорте на имя императора Николая I Перовский настаивал на уничтожении всех кокандских и хивинских крепостей на обоих берегах Сыр-Дарьи. «Допущение кокандцев и хивинцев к водворению на том или другом берегу Сыра, — писал он, — было бы в равной степени несовместимо с плаванием наших пароходов и с устройством, согласно Высочайшей воле, промежуточных постов для соединения Аральского укрепления с крайним пунктом Сибирской линии.»

Предложение, касавшееся Сибирской линии, еще до подачи рапорта Перовским выдвинул генерал-адъютант Анненков, который предложил развернуть ее фланги таким образом, чтобы левый достиг р. Или, а правый примкнул к Сыр-Дарье. Николай I счел строительство крепостей на р. Или преждевременным, но движение по Сыр-Дарье одобрил. Интересно, что сам Перовский, когда государь послал ему на отзыв план Анненкова, раскритиковал его и тут же стал готовиться к походу на Ак-Мечеть.

Летом 1852 г. он отправил на рекогносцировку (разведку местности) группу казаков и солдат под началом прапорщика Голова. Однако когда русские приблизились к Ак-Мечети, кокандцы приказали им уйти, угрожая расправой. В ответ Перовский послал к Ак-Мечети новый отряд численностью в 470 человек. (полурота пехоты, две сотни казаков и пять орудий с прислугой). Командовал этими силами полковник Иван Федорович Бларамберг, видный ученый-картограф и боевой офицер, имевший за плечами русско-турецкую войну и опыт боевых действий на Кавказе. По признанию современников, Бларамберг отличался большим личным мужеством и исполнительностью, граничившей с педантизмом. Не вступая в какие-либо переговоры, он 19 июля 1852 г. подошел к Ак-Мечети и сразу же начал ее обстрел из пушек.

Укрепления Ак-Мечети, как это часто бывает в средневековых городах, образовывали две линии: внешнюю и собственно крепость, которая была окружена рвом с водой и имела глинобитные стены высотой около 8 метров с несколькими башнями. Дополнительной защитой городу служили также протоки Сыр-Дарьи. Гарнизон противника, по сообщениям кочевавших неподалеку казахов, насчитывал от 80 до 200 человек. Якуб-бек к тому времени уехал в Коканд, и обороной руководил другой военачальник — Батырбасы.

20 июля 1852 г. начался штурм. Солдаты Бларамберга смогли преодолеть внешние укрепления, но, когда они подошли к внутренней крепости оказалось, что их штурмовые лестницы слишком коротки. Потеряв 20 человек убитыми и 52 ранеными, отряд отступил, поджигая по дороге находившиеся за стенами крепости дома. Неудача под Ак-Мечетью была в известной степени возмещена 4 августа, когда русским удалось взять приступом маленькую кокандскую крепость Чим-Курган. Кроме того, Бларамберг приказал разрушить Кош-Курган и Курмыш-Курган, оставленные кокандцами без боя. 21 августа отряд вернулся в Аральск. Объясняя причины неудачи при штурме Ак-Мечети, Бларамберг впоследствии писал в своих мемуарах: «Трудно, если не совсем невозможно, взять такую крепость, как тогдашняя Ак-Мечеть, штурмом с моим небольшим отрядом. Однако согласно полученному приказу я обязан был хотя бы попытаться.» Ценой «попытки», как уже говорилось, стали 20 человеческих жизней.

Тем временем В. Л. Перовский собрал силы для большого похода. Политическая обстановка благоприятствовала этому. Постоянно тлевшая в Кокандском ханстве борьба между кочевниками-кипчаками и оседлыми сартами в 1852 г, переросла в настоящую войну. В 1851, когда лидер «кипчакской партии», бывший регент Мусульман-кул отправился воевать с Ташкентом, в самом Коканде сарты устроили страшную резню кипчаков. Хан Худояр, хотя и был посажен на престол кипчаками, всемерно этому потворствовал, так как тяготился опекой волевого и энергичного Мусульман-кула. В октябре 1852 г. на урочище Былкыллам произошло сражение между армиями Мусульман-кула и старшего брата хана Малля-бека. Битва была очень сумбурной, обе стороны после первого столкновения отступили, но в итоге победа осталась за правительственными войсками. Взятых в плен Мусульман-кула посадили на высокий столб, у подножия которого воины Малля-бека резали кипчаков. По возвращении в Коканд бывшего регента повесили. Подобные жестокости, естественно, никак не способствовали консолидации кокандцев, что было очень на руку русским.

Заставляли спешить и обострившиеся отношения между великими державами. В феврале 1853 г. император Николая I встретился с английским дипломатом Г. Сеймуром и практически напрямую предложил ему разделить владения Турецкой империи между Россией и Великобританией. Лондонский кабинет, однако, полагал, что выгоднее сохранить единство Турции и, соответственно, единоличное влияние на ее политический курс. Отголоски «большой игры» докатывались и до среднеазиатских государств. Находившийся в Оренбурге в 1852 г. хивинский посол во время переговоров с В. Л. Перовским угрожал ему, что хан может отдать свои владения в районе Сыр-Дарьи турецкому султану или англичанам. При этом посол проговорился, что еще в 1851 г. хивинский сановник был послан для обсуждения этого вопроса в Тегеран, где находился «именитый турок от лица султана». При этом оказывать какую-либо помощь Коканду Хива не собиралась, да и вообще относилась к нему не слишком благожелательно.

В начале июня 1853 г. в Аральск были стянуты войска из Орска, Оренбурга, Верхнеозерской станицы, составившие т. н. экспедиционный отряд. Он включал три роты 4-го Оренбургского линейного батальона, 5 сотен уральских и оренбургских казаков, 3 сотни кавалеристов Башкирско-мещеряцкого войска, 17 орудий (в т. ч. 5 кегерновых мортир), гальваническую команду и специально присланную из Петербурга ракетную команду. Всего в поход отправилось около 2350 солдат и офицеров и 500 казахов, служивших разведчиками и перевозивших на лошадях грузы. К Ак-Мечети отряд двигался четырьмя эшелонами: 1-й под началом полковника Марка (2 сотни казаков, 3 орудия, ракетная и гальваническая команды); 2-й генерал-майора Подурова (рота пехоты, 1,5 сотни казаков); 3-й подполковника Ионея (такого же состава как и 2-й); 4-й войскового старшины Филатова (2 сотни казаков, 2 орудия и обоз).

Пройдя 410 км в 16 переходов за 18 дней, головные эшелоны прибыли к вражеской крепости 3 июля 1853 г. Последние эшелоны подтянулись два дня спустя. Тогда же, 5-го июля, по Сыр-Дарье пришел вооруженный пушками пароход «Перовский» под командованием капитан-лейтенанта Бутакова. Руководство осадными работами было

возложено на генерал-майора С. А. Хрулева, а общее командование осуществлял сам В. Л. Перовский. Строительство батарей производили преимущественно по ночам, т. к. днем кокандский гарнизон, численность которого достигала 300 человек, очень метко обстреливал осаждающий из ружей. Артиллерия крепости, напротив, сразу же показала свою слабость. У кокандцев было всего три пушки небольшого калибра, которые они переносили с башни на башню.

К ночи на 8 июля осаждавшие возвели пять батарей. Батарея № 1 находилась, примерно, в 500 м. к северо-востоку от крепости и состояла из двух шестифунтовых пушек и четвертьпудового единорога. Батарея № 2 стояла 730 м. на юг от крепости за рекой Сыр-Дарьей и была вооружена двумя полупудовыми единорогами. Между этими крайними батареями разместились батареи № 3 и № 4, причем первая из них включала 12-фунтовую пушку и три четвертьпудовых единорога, а другая (№ 4) была ракетной.

Наконец, ближе всех к неприятелю, всего в 300 м. к северо-западу от крепости стояла батарея № 5 из 4 мортир. Неподалеку от нее во рву разрушенного еще Бларамбергом внешнего укрепления засело полроты солдат, вооруженных нарезными штуцерами под началом майора Кузьмина-Караваева.

Почти сразу после окончания осадных работ между русскими и крепостью произошла перестрелка, причем кокандцы бросали со стен самодельные гранаты. Одной из этих гранат был контужен Кузьмин-Караваев. Рано утром 8 июля по крепости открыли огонь все батареи сразу. Как сообщает участвовавший в осаде капитан А. И. Макшеев, по неприятелю было выпущено около 160 снарядов из пушек и мортир и 40 ракет. Но огонь артиллерии оказался мало эффективным: русские снаряды не пробивали глинобитные стены крепости толщиной более 8 метров, а осажденные отвечали довольно метким огнем из ружей. В ночь на 9 июля батарея № 4 была выдвинута вперед и усилена четырьмя орудиями. Еще день спустя от нее начали копать апрош (осадную траншею) к восточному углу крепости, а затем соединили траншеями эту батарею с батареей № 5. 11 июля осаждавшим удалось разбить артиллерийским огнем восточную башню. После этого успеха на батарее № 4 сосредоточили 12 орудий, проделавших в крепостных стенах большую брешь. Воспользоваться достигнутым, впрочем, не удалось, штурма не начали, а в ночь на 13 июля кокандцы брешь заделали.

В ответ левее батареи № 5 была создана еще одна (шестая) батарея, всего в 200 м. от северо-западного фаса крепости. В. Л. Перовский направил осажденным письмо, в котором говорилось: «По приказу Государя моего императора Всероссийского пришел я взять Ак-Мечеть, построенную кокандцами на русской земле для притеснения киргиз (казахов — А. М.), наших подданных. Ак-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите в ней. Вы видите, что я, не теряя моих людей, могу истребить вас всех до одного. Напрасно исправляете вы стены: в Ак-Мечеть войду я в ворота, потому что в собственную крепость через стены не лазят. Если бы стены были не мои, то я не жалел бы их: вы знаете, что я имею силу разрушить их совершенно». Угрозы действия не возымели, и кокандцы сдаться отказались.

14-16 июля осаждавшие, прикрываясь мантелетом, вели апроши к западной, северной и восточной башням крепости. В ночь на 17 июля апроши достигли крепостного рва, в то время пересохшего. Кокандцы сбрасывали со стен горящий хворост и при свете обстреливали русских, но не смогли их выбить из траншей. Днем 20 июля группа осажденных совершила вылазку, захватила двух солдат и быстро вернулась в крепость. В Ак-Мечети пленных придали жестокой казни: с них содрали кожу. В ночь на 21 июля В. Л. Перовский распорядился выдвинуть к северо-восточному фаса крепости новую, седьмую батарею. Теперь русские пушки стояли всего в 100 м. от неприятельской твердыни, а кокандцы прямо со стен бросали в солдат, проникших в ров, глыбы сухой глины. 25 июля осаждавшие начали подкапывать склоны рва, чтобы подвести под крепость минную галерею и взорвать стены. Два дня спустя мина была заложена. В ночь на 28 июля, через 25 дней после начала осады, назначили генеральный штурм. Ровно в 3 ч. 50 мин. раздался мощный взрыв, и часть северо-восточной стены рухнула. В образовавшуюся брешь немедленно был направлен картечный огонь батарей № 4 и № 7, а затем туда бросилась 1-я рота линейного батальона, которая после жестокой схватки заняла стены. На помощь 1-й роте подоспела 2-я, но увлекшись погоней за отступавшими кокандцами, она ворвалась внутрь крепости, где попала под огонь самих штурмующих.

Тем не менее к 4 ч. 30 мин. крепость была взята. Комендант Ак-Мечети Мухаммед-Вали погиб в схватке, всего же при штурме было убито 212 кокандцев (206 мужчин, в основном воинов, 4 женщины и 2 ребенка). Еще 30 защитников крепости погибли в ходе

осады. Потери русских во время штурма составили 13 человек, а за все время осады — 17 человек. В ходе борьбы за Ак-Мечеть Перовский получил известие, что на помощь осажденным движется войско из Ташкента. В связи с этим он еще 18 июля отправил отряд из 500 казаков под командованием генерал-майора Падурова на встречу предполагаемому неприятелю — к переправе через рукав Сыр-Дарьи Бер-Казан. Очень скоро Падурову стало ясно, что слухи о походе ташкентцев ложны, но прежде, чем возвратиться к основным силам, он приказал своим казакам исследовать переправу.

21 июля отряд казаков и башкир (250 человек), пользуясь полученными сведениями, форсировал Бер-Казан на лодках и камышовых плотах, после чего быстрым маршем вышел к маленькой кокандской крепости Джулек и 24 июля взял ее без боя. По решению находившегося в отряде капитана А. И. Макшеева Джулекские укрепления были взорваны минами для тренировки перед взрывом стен Ак-Мечети.

За взятие кокандских крепостей генерал Перовский удостоился императорского рескрипта с благодарностью и решением о переименовании крепости Ак-Мечеть в форт Перовский. 36 участников экспедиции получили ордена и золотые сабли, 64 — очередные чины.

Еще в конце весны 1853 г., когда русские готовились к большой осаде Ак-Мечети, хан Коканда Худояр получил известие, что правитель города Ура-Тюбе Абдул-Гафар готовится совершить на него набег. Худояр решил нанести превентивный удар, но без особых оснований решил, что ура-тюбинцы находятся в сговоре с его братом и наместником в Ташкенте Малля-беком. Кокандские войска двинулись и на Ташкент, и на Ура-Тюбе. В обоих случаях им сопутствовала удача: города были взяты, а Малля-бек бежал в Бухару. Новый ташкентский наместник Шодман-ходжа решил проявить рвение и уже в середине августа 1853 г. предпринял поход с целью отбить у русских Ак-Мечеть. Численность его армии достигала 7000 человек, а ее ударную силу составляли 300 воинов, одетых в кольчуги.

Навстречу кокандцам из Ак-Мечети выступил отряд войскового старшины Бородина, включавший 150 уральских казаков, 120 солдат пехотинцев, 3 единорога. 24 августа на берегу Сыр-Дарьи произошло сражение. В течении целого дня кокандцы атаковали многократно уступавший им по численности отряд русских, но каждый раз меткий ружейный и картечный огонь заставлял их отступить. На следующий день Шодман-ходжа увел свое войско. Когда неудачливый полководец вернулся в Коканд, разгневанный Худояр приказал одеть его в женское платье, дать в руки прялку и в таком виде выставить в дворцовом зале совета, но казнить, вопреки своему обыкновению, не стал. Русское командование, отстояв крепость, приступило к сооружению Сыр-Дарьинской линии, которая протянулась от Аральского укрепления до форта Перовский. Между этими пунктами расположились еще три форта. Форт № 1 дал начало городу Казалинску.

В октябре 1853 г. Россия вступила в Крымскую войну, и на некоторое время ее наступательное движение в Средней Азии приостановилось. Эмиссары противников России, в первую очередь Турции и Великобритании, наоборот, действовали очень активно. Осенью 1853 г. в Коканд, Хиву и Бухару прибыли послы турецкого султана, призывавшие правителей этих государств к нападению на русских. 14 декабря кокандское войско, численностью от 12 до 13 тыс. человек с 17 орудиями под предводительством самого мингбаши (главнокомандующего) Касым-бека подошло к форту Перовский и встало около него лагерем. Русский гарнизон насчитывал 1055 человек при 14 пушках и 5 мортирах. Руководивший обороной начальник левого фланга Сыр-Дарьинской линии полковник Огарев сразу же попытался перехватить у противника инициативу. По его приказу рано утром 18 декабря отряд из 350 человек пехоты и 190 казаков с четырьмя орудиями и двумя ракетными станками вышел из форта и сначала обстрелял, а затем атаковал лагерь осаждающих. Кокандцы были ошеломлены, но быстро опомнились и стали окружать малочисленный отряд. Тогда из форта вышло еще два отряда по 80 человек в каждом, причем помимо солдат в их составе были матросы с парохода «Перовский». Ободренные подходом подкрепления главные силы снова пошли вперед, ворвались в лагерь, захватили всю кокандскую артиллерию.

Армия Касым-бека бежала. Ее преследование было поручено башкирам и казакам под командованием казачьего сотника Карамышева. Кокандцы понесли в этой битве огромные потери: 2000 убитыми. У русских погибло всего лишь 18 человек, причем среди них — ни одного офицера. Сообщая императору Николаю I о победе, В. Л. Перовский особо подчеркивал ее политическое значение, которое заключалось в «ослаблении враждебных для нас расположений, возбуждаемых агентами турецкого и английского правительств в

Бухаре и Хиве. Далее, касаясь более или менее дружелюбных отношений с Бухарой, Перовский писал: «На прочность этого полагаться нельзя, если только турки действуют в Бухаре столь же ревностно, как и в Хиве. Здесь стараются они внушить доверие к англичанам, против русских же возбудить недоверие». Для иллюстрации приемов, применявшихся турецкими агентами, интересен сообщаемый Перовским эпизод: «Между прочими средствами к возбуждению в народе религиозного фанатизма кокандские муллы пустили в ход древнее мусульманское предание, заключающееся в том, что в Софийской мечети в Константинополе хранится меч Али, зятя Мухаммеда, и что когда настанет время восстать всем правоверным против Гяуров, то меч этот сам должен выйти до половины из ножен. Теперь чудо это свершилось, проповедуют фанатики, обрекая проклятию всех, кто не послушается такого очевидного знака воли божьей. Ту же идею стараются распространить в Бухаре турецкие послы, подтверждая справедливость сказанного чуда».

Сильную обеспокоенность высказывал также генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт, доносивший в Петербург, что при «согласии бухарского хана и афганских владетелей англичане, как союзники турецкого султана, под предлогом поддержки прав магометан присылают кокандскому хану своих или турецких инструкторов и оружие и тем, конечно, смогут усилить и направить действия необразованных и неустроенных кокандских ополчений». В. Л. Перовский дополнил к этому, что в Хиву уже прибыли турецкие мастера, которые отлили для хана несколько пушек.

Для предотвращения возможных нападений в 1854 г. на казахских землях воздвигли еще одно новое укрепление — форт Верный (впоследствии — город Алма-Ата). Инициатор его создания Г. Х. Гасфорт предлагал устроить мощную линию укреплений по Сыр-Дарье, от устья до города Туркестана, а оттуда, через гора Каратау до р. Чу. Разумеется, у воюющей страны средств на такие обширные работы не было, и дело ограничилось строительством форта. Впрочем, даже эту меру кокандцы, собиравшие с казахов дань, восприняли, как новое вторжение в свои пределы. В мае 1855 г. в крепости Пишпек (ныне Бишкек) кокандцы собрали войско в 9000 человек, но, узнав, что из Омска к Верному идут подкрепления, на поход не решились. Зато они смогли поднять против русских местных казахов. Мятеж возглавил весьма энергичный предводитель Исет Кутебаров, поддерживавший также тесные контакты с Хивой.

В течение целых четырех лет (1854-1858 гг.) на степных просторах Казахстана отряд Кутебарова, умело уклоняясь от столкновений с правительственными войсками, нападал то на казачьи разъезды, то на купеческие караваны, то на ставки тех казахских правителей, которые поддерживали мирные отношения с русскими. Весьма опасным противником оказался и другой казахский воин Джан-ходжа. Первоначально он был настроен к русским вполне благожелательно и страстно ненавидел хивинцев за производимые ими поборы. Однако недоброжелатели из числа самих казахов оклеветали Джан-ходжу перед Перовским, а тот, не особенно вникая в детали, стал всячески притеснять его род. Летом 1856 г. обиженный воин увел своих людей за Сыр-Дарью, а зимой совершил несколько набегов на окрестности форта № 1 Сыр-Дарьинской линии. Впоследствии, начальник этой линии, майор Фитингоф совершил против Джан-ходжи настоящий военный поход, в котором участвовало до 400 солдат и казаков. И все же, к счастью для России, крупного конфликта со среднеазиатскими государствами во время Крымской войны и в первые послевоенные годы не произошло.

Исход самой Крымской компании, как известно, оказался для Российской империи крайне неудачным. Проиграв борьбу с коалицией Англии, Франции и Турции, она по условиям Парижского мирного договора (1856) фактически лишилась военного флота и укреплений на Черном море. В этих условиях вопрос о море Каспийском становился кардинальным. В феврале 1857 г. наместник на Кавказе А. И. Борятинский писал военному министру: «Появления британского флага на Каспийском море будет смертельным ударом не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей торговле внешней, но и ударом для политической самостоятельности империи». По указанию императора Александра II, военное министерство изучило записку Борятинского и составило доклад «О возможности неприязненного столкновения России с Англией в Средней Азии». Отвергая предложенные некоторыми, особенно ретивыми военачальниками фантастические планы похода в Индию, министерство, тем не менее, признавало, что британская угроза Средней Азии существует. Для экономического укрепления позиций России в регионе учредили Закаспийское торговое товарищество,

которое получило право создавать «заводы и фабрики для выделки изделий из произведений, как получаемых из Азии, так равно и отправляемых туда».

В 1857 г. управление Оренбургской губернией и, следовательно, среднеазиатские дела перешли в руки генерал-лейтенанта Александра Андреевича Катенина. По словам современника, это был «начальник весьма популярный в крае, любивший хорошие обеды и лихие солдатские песни». Упомянутые увлечения, впрочем, не мешали Катенину быть энергичным военачальником и, что, пожалуй, отличало его от Перовского, очень умелым администратором. Так он попытался расселить в низовьях Сыр-Дарьи казахских бедняков с целью приучить их к земледелию и превратить в опору русской власти. Катенин также активно старался превратить Аму-дарью в путь, открытый для русской торговли. В июне 1858 г. он снарядил посольство во главе с полковником Н. П. Игнатьевым, которому надлежало посетить сначала Хиву, а затем Бухару. От западного побережья Аральского моря до устья Аму-Дарьи послы добрались на кораблях недавно созданной Аральской флотилии под командованием Г. И. Бутакова, а затем следовали сухим путем.

Проводив посольство, отряд из парохода «Перовский», баркаса и трех барж направился в один из рукавов Аму-Дарьи Кичкине-Дарью и по ней дошел до города Кунграда. Интересно отметить, что среди участников плавания был М. Г. Черняев, которому в дальнейшем предстояло сыграть в покорении Средней Азии очень видную роль. Кунград, населенный туркменами-йомудами в то время осаждали хивинские войска. При виде русского корабля хивинцы сразу же сняли осаду и ушли. Правитель города горячо поблагодарил русских за помощь, но Черняев с явным разочарованием записал в дневнике: «Ямуды (так в тексте — А. М.) ничем не обнаружили и малейшего желания принять русское подданство. Народ этот, привыкший добывать себе хлеб грабежом и войной, более всего дорожит необузданной свободой и не променяет ее ни на какие блага, если с ними связаны порядок и благоустройство». При всей предвзятости моральных оценок, политические выводы Черняева были верны. Не приходилось сомневаться и в том, что йомуды действительно были очень опасны в качестве противника. 22 июня мимо стоявших лагерем у стен Кунграда русских промчался конный отряд туркмен. На вопросы о цели поездки они ответили, что идут за ушедшими из-под города хивинцами, чтобы «захватить кого-либо из оставших и за голову получить вознаграждение». Через день к Бутакову явился воин-йомуд, который действительно предложил купить у него несколько голов хивинских воинов, причем с явным намеком заявлял, что правитель Кунграда ему обычно платит по 40 рублей за голову. Разумеется, Бутаков от подобного «товара» отказался. Когда же кто-то из сопровождавших его казаков стал одну из голов осматривать, выяснилось, что она принадлежала старухе, но была выбрита «дабы походить на голову мужчины». Произведя рекогносцировку дельты Аму-Дарьи, суда флотилии вернулись в Аральское море.

Посольство тем временем добралось до Хивы, где 28 июля было принято самим ханом. Торжественная аудиенция не помешала хивинским сановникам фактически посадить дипломатов под домашний арест, заявив, что делается это для их же защиты от народа, якобы ненавидевшего всех русских. Взаимное незнание обычаев сказывалось буквально во всем. Один из членов посольства, ученый-ориенталист П. И. Демезон вспоминал, как возмутила хивинцев просьба русских выдать им для известных гигиенических нужд бумагу. По мнению правоверных мусульман бумага являлась священным предметом, ибо на ней, кроме прочего, написан Коран, а для гигиенических целей вполне годились плоские камешки, полный ящик которых и доставили послам.

Переговоры Игнатьева с ханом затянулись, не принося каких-либо конкретных результатов. Осенью 1859 г. царским властям в Оренбурге стало известно, что афганский эмир Дост-Мухаммед, примирившись с англичанами, потребовал от эмира Бухары передать ему город Карши. «Эмир таким требованием, — сообщал в Петербург Катенин, — поставлен в самое затруднительное положение, не знает, что ответить послам. Можно предположить, что англичане решились образовать в Средней Азии сильное ханство.» Через некоторое время Афганистан предъявил Бухаре еще более решительные требования: 1. Предоставить городу Шахрисабзу самостоятельность; 2. Ура-Тюбе передать Кокандскому ханству, а Чарджоу-Афганистану, который станет управлять им под английским покровительством. Возмущенный оказанным на него давлением бухарский эмир Насрулла направил 12-тысячную армию к пограничному Кундузскому ханству, которое считалось его вассалом. Однако, афганцы сумели захватить Кундуз раньше бухарцев, а в эмирской армии летом 1860 г. начались внутренние распри и один из

беков вовсе увел свой отряд. Эмир был вынужден признать переход Кундуза под влияние Дост-Мухаммеда.

Неспокойно было и в Кокандском ханстве. Потеряв Ак-Мечеть, хан Худояр решил укрепить свой пошатнувшийся авторитет с помощью жестокого угнетения подданных. Уже в 1857 г. казахи, кочевавшие около Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), не выдержав поборов, восстали. В поисках союзника Худояр счел за благо помирится со своим братом Малля-беком, который сумел подавить мятеж и в награду снова стал правителем Ташкента. Между тем в Ура-Тюбе появился некий Рустам-бек, заявивший о своих претензиях на кокандский престол. Худояр немедленно направил в Ура-Тюбе свое войско, но взять города оно не смогло. Более того во время отступления хивинцы сами подверглись нападению сторонников Рустам-бека и были разбиты. Смутой воспользовались бухарцы, которые вторглись в Кокандское ханство, заняли Ура-Тюбе и осадили Ходжент.

В борьбу за власть вступил также Малля-бек, не простивший Худояру причиненных обид. В начале 1858 г. он во главе отряда своих приверженцев занял селение Риштан восточнее Коканда. Туда стекались все недовольные властью Худояра, а таковых, учитывая крайне жестокий и сварливый характер хана, было немало. Поддержку новому претенденту на трон обещал и эмир Бухары, но его войска так и застряли под Ходжентом. Тем не менее в сражении у Коканда Малля-бек наголову разгромил Худояра, а затем после двадцатидневной осады вступил в столицу. Худояр бежал в Бухару, Малля-бек был провозглашен ханом. Желая сплотить своих подданных, новый правитель издал закон, обязывавший сартов вернуть кипчакам часть их земель, отобранных во время репрессий против сторонников Мусульман-кула. Вообще, в отличие от Худояра, Малля-хан проявил себя довольно умелым и здравомыслящим государственным деятелем, умевшим быть милостивым и даже великодушным. Например, заняв в 1860 г. Ура-Тюбе, он не устроил там резни и даже оставил прежнего правителя Барат-бека, назначенного бухарским эмиром.

Малля-хан пытался наладить отношения с Китаем, но потерпел неудачу: его посол был арестован и казнен властями пограничного города Яркенда. Не смог справиться Малля-хан и с внутренними раздорами: уже в первый год своего правления ему пришлось воевать сначала с неугомонным Худояром, а затем с городом Джизаком. Всеми этими неурядицами воспользовались российские власти, которые нанесли Кокандскому ханству новый удар, но не из Оренбургского края, как прежде, а с востока. В конце августа 1860 г. из форта Верный выступил отряд под началом полковника Циммермана. 28 августа он разгромил принадлежавшую кокандцам крепость Токмак, а 4 сентября занял г. Пишпек. В октябре того же года Малля-хан послал войско, чтобы вернуть потерянные крепости, но оно было разбито отрядом полковника Колпаковского. Соотношение потерь в этом сражении выглядит просто невероятным: у кокандцев убито и ранено около 1500 человек, а в русском отряде — всего 33 человека, причем убит из них лишь один.

Итак, в 1850-е годы вооруженные силы Российской империи смогли укрепиться на Сыр-Дарье и потеснить кокандцев в их казахских и киргизских владениях. В политической сфере важнейшим фактором стало влияние на среднеазиатские дела русско-английских противоречий.

В сфере военной несомненным достижением явилось то, что российское командование преодолело легкомысленный, предвзято-пренебрежительный взгляд на противника. Осада Ак-Мечети или Пишпека велась по всем правилам военного искусства, с применением инженерных сооружений (апрошей, мантелетов, насыпей и т. д.) и довольно многочисленной артиллерии. В полевых сражениях умело использовались большая дисциплинированность и выучка русских солдат и, особенно, превосходство в огневой мощи. Именно названные обстоятельства позволили русским не просто одерживать победы, но выигрывать битвы, не взирая на многократное численное превосходство противника: в сражении под Ак-мечетью 270 солдат и казаков заставили отступить 7-тысячную армию кокандцев, у форта Верный 700 русских захватили лагерь и отбили артиллерию у 12-тысячного кокандского войска.

Один из офицеров Генерального штаба, С. И. Турбин, служивший в Западной Сибири, написал даже солдатскую песню, в которой были такие слова:

Как в Азии воевали,
Много крови проливали,
Только не своей!

Так при взятии Пишпека
Потеряли: человека
И трех лошадей...

Дальнейшее развитие событий, однако, выдвинуло целый ряд новых задач, решать которые пришлось ценой больших усилий и жертв.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ

Отмена в 1861 г. в России крепостного права дала мощнейший толчок развитию отечественной промышленности и торговли. В города, на фабрики и заводы хлынули многие тысячи получивших свободу крестьян. Рост производства товаров с особой остротой ставил задачу расширения рынков сбыта. Предприниматели буквально засыпали правительство прошениями, в которых ходатайствовали о увеличении возможностей сбыта своей продукции, в т. ч. в Средней Азии. Директор канцелярии Министерства финансов Ю. А. Гагемейстер в 1862 г. особо подчеркивал на страницах журнала «Русский вестник», что торговля со Средней Азией «принимает оборот в том отношении выгодный для России, что сбыт туда наших мануфактурных изделий усиливается, тогда как мы оттуда запасаемся разными сырыми произведениями.» Далее финансист указывал на необходимость учреждения регулярного пароходства на Сыр-Дарье и создания опорных пунктов на Аму-Дарье для «прекращения в Хивинском ханстве торговли невольниками и усмирении чрез это туркменских племен, кочующих на восточной стороне Каспийского моря.» Со статьей Гагемейстера явно перекликалась работа С. А. Хрулева «Проект устава товарищества для развития торговли в Средней Азии», опубликованная в «Журнале мануфактур и торговли» в 1863 г. Однако, последний автор акцентировал внимание еще на одном, старом и болезненном для России вопросе — проникновении в среднеазиатские земли английских товаров. «Я лично видел, — писал Хрулев, — что наши киргизы носят бесполошно халаты с английской подкладкой. Этими путями англичане вытесняют нашу торговлю со среднеазиатских рынков и угрожают уничтожением всякого нравственного значения нашего, а с ним и всякого сбыта произведений.

Помимо экономических соображений, активизация действий России в Средней Азии диктовалась внешнеполитическими резонами. Великобритания принимала все меры, что бы ни дать Российской империи опомниться после поражения в Крымской войне. Когда в 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше, английский премьер-министр Пальмерстон обратился к царскому правительству с провокационной нотой. Петербургские дипломаты не без основания полагали, что наступление в Средней Азии будет способствовать, говоря словами современника, «отвлечению сил англичан из Европы и нанесению их торговым интересам возможно большего вреда.»

Важной предпосылкой такого наступления являлись победы русской армии на Кавказе и, особенно, пленение предводителя «мятежных горцев» имама Шамиля (1859 г.). Наконец, следует учесть, что в 1861 г. на пост военного министра был назначен Д. А. Милютин, который предпринял в армии целую серию глубоких реформ. Совершенствовались и вооружение, и система подготовки солдат и офицеров, и руководство вооруженными силами. Правда, комплектование армии рядовым составом вплоть до 1874 г. по-прежнему производилось посредством устаревшей системы рекрутских наборов, но в остальном военное дело совершенствовалось очень быстро. Благодаря всем перечисленным обстоятельствам российские власти сочли возможным нанести новый удар Кокандскому ханству. Руководство же этим ударом выпало на долю генерала от артиллерии Александра Павловича Безака, который в 1860 г. занял должность оренбургского генерал-губернатора вместо умершего Катенина. Весной 1861 г. он основал новое укрепление на месте оставленного кокандцами Джулека, в 100 км выше форта Перовский по течению Сыр-Дарьи.

В сентябре того же года из Джулека выступил отряд, состоявший из 578 русских пехотинцев с 9 пушками под командованием начальника Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенанта А. О. Дебу и 250 казахов во главе со своим правителем Илекеем. Пройдя 95 км. вверх по Сыр-Дарье, они 22 сентября осадили кокандскую крепость Яны-Курган. После массированного обстрела кокандцы сдались. По приказу Дебу, стены крепости были взорваны, а имевшееся в ней оружие увезено в Джулек. Это нападение очень

обеспокоило правителя Ташкента Канаата, который вполне обоснованно боялся, что ответственность за потерю крепости Малля-хан возложит на него, как на начальника расположенного в относительной близости крупного гарнизона. Собрав большое войско он двинулся вниз по Сыр-Дарье, причем около 1500 его воинов шло по левому ее берегу и около 500 — по правому.

Недалеко от Джулека авангард кокандцев (300 чел.) натолкнулся на 11 русских солдат и 9 казаков, которые вышли из крепости для заготовки сена. Уверенные в легкой победе кокандцы напали на фуражиров, но те, отразив несколько атак, смогли пробиться к высокому бархану и на нем окопались. К несчастью, во время схватки три солдата и казак погибли. После нескольких неудачных штурмов бархана кокандцы ушли, но предварительно обезглавили тела убитых русских воинов. «Так кончилось это блестящее дело, — писал генерал М. А. Терентьев, — дело горсти храбрых с неприятелем в 15 раз сильнее, дело достойное вечной славы, наряду со знаменитейшими подвигами древности.»

Основные силы Канаата на крупное сражение не пошли, а узнав, что из форта Перовский вышла рота пехоты и вовсе отступили. Недалеко от взорванных укреплений Яны-Кургана кокандцы попытались основать новую крепость, которую назвали Дин-Курган — Холм веры. Но раньше чем строительство было завершено, в январе

1862 г. к Дин-Кургану подошел крупный отряд русских (500 человек пехоты, 300 казаков, 10 артиллерийских орудий). После непродолжительной осады крепость сдалась и подверглась разрушению. Взбешенный неудачами Канаат начал стягивать в Ташкент войска для нового похода, но осуществить план мести помешали бурные события в самом Коканде.

В феврале 1862 г. Малля-хан совершил поездку по своим владениям, после чего пришел к выводу, что беки, судьи и прочие должностные люди погрязли в лихоимстве и казнокрадстве. Многие видные вельможи не только потеряли должности, но попали в подземную тюрьму-зиндан. Арестованных подвергали пыткам и, в знак презрения, выщипывали им бороды. Однако борьба с коррупцией среди приближенных часто становится роковой для самого правителя. Так вышло и на этот раз. В марте 1862 г. кокандские беки составили заговор и зарезали Малля-хана во время сна. На трон был возведен племянник убитого 17-летний Шах-Мурад, сын Сарымсак-бека, погибшего во время регентства Мусульманкула. Новый хан немедленно казнил всех близких сподвижников своего предшественника. Не ожидая для себя ничего хорошего, Канаат вступил в союз с изгнанником Худояром, который немедленно прибыл в Ташкент, провозгласил себя ханом и обратился за помощью к бухарскому эмиру, сыну умершего в 1860 г. Насруллы Музаффар-Эддину. Бухарцы, естественно сделали все возможное, чтобы воспользоваться соседскими распрями в своих интересах. Когда Шах-Мурад повел свое войско, состоявшее в основном из кочевников-кипчаков, к мятежному Ташкенту, войско эмира заняло Ура-Тюбе, а поддержанный ими Худояр — Ходжент. Испугавшись развития событий, Шах-Мурад отступил в горы Алатау. Худояр вновь стал ханом Коканда. Вскоре случай помог ему на некоторое время избавиться от бухарской опеки. Против эмира восстал город Шахрисабз и он увел свои войска из Коканда. Естественно все эти перипетии не позволили сделать, что-либо решительное для восстановления Дин-Кургана.

Неудачно для кокандцев развивались и события в северо-восточной части ханства. Взяв в сентябре 1860 г. Пишпек, русские в нем не остались и в 1861 г. город вновь занял кокандский гарнизон. Однако, осенью 1862 г. отряд полковника Г. А. Колпаковского (в будущем семиреченского военного губернатора) вторично захватил Пишпек, до основания разрушил его укрепления, а пушки утопил в реке Чу.

В феврале 1863 г. в Петербурге состоялось заседание Особого комитета, на котором присутствовали главы министерств, а также оренбургский и западно-сибирский генерал-губернаторы — А. П. Безак и А. О. Дюгамель. Генерал-губернаторы и военный министр Д. А. Милютин подчеркнули желательность быстрейшего соединения оборонительных линий в единую систему и активизации деятельности в Средней Азии. Министр финансов Рейтерн, однако, возразил, что «отвлечение сил от сердца России к такой далекой окраине» несвоевременно. Следует заметить, что в начале 1860-х годов вопрос о среднеазиатской политике очень часто вызывал разногласия в российских правительственных кругах. Как правило, за активные действия выступали военные и местные, сибирские и оренбургские, власти, а против — Министерство финансов, «оберегавшее» бюджет. Мнения сотрудников Министерства иностранных дел

разделилось. Его руководитель А. М. Горчаков считал, что форсирование действий опасно, так как может привести к конфликту с Англией. Директор Азиатского департамента министерства Н. П. Игнатьев, напротив, выступал за самый решительный курс.

В марте 1863 г. император Александр II утвердил план детального изучения местности между передовыми укреплениями Сыр-Дарьинской и Сибирской линий. Исполняя принятое решение, отряд под командованием М. Г. Черняева прошел на юг до г. Туркестана, затем свернул на восток к горам Каратау, взял без боя города Сузак (30 мая 1863 г.) и Чолак-Курган (8 июня 1863 г.), после чего вернулся в Джулек. Одновременно пароходы «Арал» и «Сыр-Дарья» под командованием Бутакова поднялись по Сыр-Дарье от Джулека до урочища Баилдыр-Тугай. Из форта Верный также были высланы разведывательные отряды: один из них во главе с подполковником Лерхе, двигаясь на запад, добрался до Меркэ и Аулие-Ата, другой, штабс-капитана Проценко, избрал южное направление, вышел на р. Нарын и, без единого выстрела, занял кокандские крепости Джунтал и Куртка (территория современной Киргизии).

Между тем смуты в Кокандском ханстве не утихали. Своего претендента на роль правителя выдвинули хивинцы. Это был Махмуд, сын Мадали-хана, управлявшего Кокандом с 1821 по 1842 г. и свергнутого бухарцами. В октябре 1862 г. Махмуд с небольшой свитой появился у стен Ташкента, но не получив поддержки местной знати был вынужден уйти во-свояси. Более удачливыми оказались сторонники свергнутого Шах-Мурада из числа казахов и киргизов, которые в феврале 1863 г. нанесли полководцам Худояра несколько серьезных поражений. Единственной надеждой хана к тому времени стали бухарцы, тем более, что эмир вступил в брак с его сестрой. В марте 12-тысячное бухарское войско заняло Коканд. В большинство городов были направлены бухарские вельможи и чиновники, а на местной монете начали чеканить имя эмира. В ответ казахи и киргизы развернули против пришельцев настоящую войну. Учитывая, что южным границам Бухарского ханства постоянно угрожали афганцы, эмир временно отказался от борьбы за Коканд и увел войска, с которыми уехал и Худояр. В июле 1863 г. на кокандский престол вззошел 12-летний сын Малля-хана Сеид-Мурад. Разумеется, реально править он не мог и вся власть сосредоточилась в руках регента муллы Алимкуля.

Алимкуль принял энергичные меры для укрепления военной мощи ханства. По его приказу правитель Ташкента Нур-Мухаммед посетил Сузак, Чолак-Курган и Аулие-Ата, чтобы оценить вред, нанесенный их укреплениям русскими и собрать дань с местных казахских родов. Правитель г. Туркестана Мирза-Девлет собрал двухтысячное войско, с которым отправился за данью с киргизов и казахов, в т. ч. являвшихся русскими подданными. Кроме того воины Мирзы-Девлета совершили несколько нападений на русские караваны между фортом Перовский и Сузаком. В начале 1864 г. начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Н. А. Вережкин направил Безаку донесение, в котором указывал на опасность ситуации и предлагал немедленно нанести по г. Туркестану удар. Весной того же года в форте Перовский был сформирован отряд численностью в 1637 чел. (5 рот пехоты, 2 сотни казаков, 10 пушек, 6 мортир и 2 ракетных станка с прислугой, более сотни добровольцев-казахов, чиновники и ездовые). Командование отрядом принял сам Вережкин.

22 мая участники похода выступили из форта и направились к г. Сузак, от которого затем повернули на г. Туркестан. К 9 июня русские солдаты очистили предместья города от вражеских передовых отрядов и приступили к осаде.

Туркестан был обнесен довольно мощной глинобитной стеной, общей протяженностью около 3 км. В северо-восточной его части, кроме того, располагалась цитадель (внутренняя крепость). Численность гарнизона достигала 1500 чел., не считая вооруженных горожан. В ночь на 10 июня осаждавшие соорудили три батареи и начали обстрел крепости. В ответ утром 11 июня кокандские воины произвели вылазку, но были отбиты. Одновременно с бомбардировкой русские солдаты начали вести к туркестанским стенам траншеи для сооружения в дальнейшем подкопа.

В ночь на 12 июня осажденные опять пошли на вылазку. «В тылу правого ложемента, — пишет об этом эпизоде осады Терентьев, — слышались крики несущейся кокандской кавалерии и в то же время замечена была значительная масса пеших кокандцев, скрытно ползущих со стороны исходящего угла крепости. Подпустив кокандцев на самую близкую дистанцию, рота, составлявшая траншейный караул, и рота рабочих открыли по ним меткий огонь и заставили их бежать... Часть кокандских всадников, занесенная испуганными лошадьми, наткнулась на нашу траншею. Кокандцы спешили, вскочили в

траншею и бросились на солдат с шашками и батиками (палицами — А. М.), но были тотчас заколоты штыками все до единого.»

Не имея сил помешать саперным работам и опасаясь взрыва стен, Мирза-Девлет собрал наиболее преданных ему воинов (330 чел.) и бежал в Ташкент. 13 июля крепость сдалась. За все время осады в отряде Веревкина было убито 5 человек: 4 солдата и офицер, капитан Коховский.

Одновременно с походом на Туркестан из форта Верный выступил отряд во главе с полковником М. Г. Черняевым (2640 человек при 17 орудиях и 2 ракетных станках). Пройдя города Токмак и Меркэ, он 2 июня подошел к Аулие-Ата и 4 июня захватил этот город штурмом, не прибегая к каким-либо осадным работам. Узнав о потере сразу двух городов, Алимкуль лично прибыл в Чимкент и возглавил собранную там 8-тысячную армию. Выбор данного пункта был неслучайным: находясь в нем кокандцы в равной степени могли действовать и против Туркестана (на северо-запад) и против Аулие-Ата (на северо-восток). Черняев сразу же заявил о необходимости атаковать Чимкент, но более осторожный Веревкин считал, что решать такие вопросы «с налета» нельзя.

Перепадка военачальников дошла до самого военного министра Д. А. Милютина, который специальной телеграммой предписал передать «общее начальство» Черняеву. Ему же предлагалось возглавить создававшуюся Ново-Кокандскую линию, которая протянулась с запада на восток и включила Туркестан, Аулие-Ата, Меркэ и Токмак.

7 июля 1864 г. Черняев выступил из Аулие-Ата с отрядом в 1298 человек при 10 орудиях и направился к Чимкенту. Двигаясь очень быстро, его войска уже через три дня вышли к урочищу Яски-Чу на р. Арысь, всего лишь в 53 км от цели похода. Ценой стремительного движения стали прерванные коммуникации и плохое снабжение отряда. Один из участников похода Г. Сялковский вспоминал: «Транспорт не приходил, пришлось уменьшить сухарную дачу на половину, на мясную же порцию отряд брал из реквизиционного скота сколько хотел. Оказался недостаток в соли, которой не могли найти ни в одном из аулов. Баранина без соли опротивела солдатам: они бросали ее целыми тушами, только печенка, сердце и почки считались лакомым куском, которые можно было есть без соли и хлеба.» Во что солдатское гурманство обходилось местному населению, у которого скот реквизировали догадаться нетрудно. Тем не менее, единства в стане кокандцев не было. Как стало известно Черняеву, многие казахи вовсе не рвались в бой, и Алимкул употреблял самые суровые меры для удержания их в рядах своего войска. Он даже устроил показательную казнь 80-летнего старейшины Байзака, которого расстрелял из пушки.

Со стороны Туркестана на соединение с силами Черняева был выдвинут небольшой (2 роты пехоты и сотня казаков с 3 пушками) отряд капитана Мейера. Встреча должна была состояться на урочище Караспан, но Мейер, не ожидая Черняева, вырвался вперед, вышел на урочище Ак-Булак всего в 13 км от Чимкента. Здесь его отряд 14 июля окружило многократно превосходящее по численности войско противника. Русские оказались на очень невыгодной позиции: на дне котловины, со склонов которой их и обстреливали кокандцы. В течение двух дней солдаты и казаки отбивали ожесточенные атаки врага. «Отряд старался окапаться, — пишет М. Терентьев, — материалом для бруствера послужили, между прочим, не только трупы убитых лошадей и верблюдов, но и тела убитых товарищей... Их укладывали кругом лагеря... и засыпали землей... Солдаты рыли землю штыками и выгребали руками.» Тем не менее Мейер смог отправить к Черняеву связного с просьбой о помощи. На выручку окруженным срочно направились 125 человек во главе с войсковым старшиной Катанеевым, но, не доходя 5 км до Мейера, они сами столкнулись с большим войском кокандцев, залегли и приняли оборону. К вечеру 16 июля Мейеру удалось вступить с противником в переговоры и добиться от него обещания пропустить отряд к Туркестану. Всего в двухдневной стычке погибло 13 солдат, да еще 45 солдат и 2 офицера было ранено. Кокандцы только убитыми и только в одной, последней атаке потеряли 500 чел. Вскоре отряд Мейера примкнул к основным силам.

22 июля русские разделились: усталый отряд Мейера, все раненые и больные остались в укрепленном лагере на урочище Алтын-Тюбе, а 6 рот пехоты, артиллерия и сотня казаков двинулись к Чимкенту. Едва они приблизились к стенам города, как крепостная артиллерия открыла огонь и, одновременно, кокандская конница пошла в атаку. Г. Сялковский вспоминал: «В городе послышался страшный шум, крики и гам, застучало множество барабанов, загудели трубы и зурны. Этому концерту вторила учащенная по нас пальба с кокандских батарей. Вскоре отряд наш был буквально со всех сторон окружен кокандцами. Я насчитал 22 конных колонны, каждая не менее 300 человек, которые шли

впереди, по сторонам и в тылу.» Сам Черняев, рассказывая впоследствии об этой схватке корреспонденту газеты «Русский вестник», вспоминал в первую очередь дикие боевые крики нападавших. «Кому не приходилось выдерживать атаку азиатских полчищ, — говорил он, — тот не может даже себе представить того действия, которое производят на нервы эти нечеловеческие звуки.» Невзирая на вражескую атаку, отряд обстрелял город и, обнаружив по ответному огню место положения вражеских пушек, отступил.

23 июля русские двинулись в обратный путь к Аулие-Ата. Передышка, однако, оказалась очень недолгой. Через месяц после похода к Чимкенту разведчик-казах сообщил Черняеву, что часть войск Алимкуля покинула город. 19 сентября 1864 г. русский отряд вновь подошел к Чимкентской крепости. На этот раз в распоряжении Черняева имелось 10,5 роты пехоты и 2,5 сотни казаков, сотня конных стрелков, 19 пушек и мортир с прислугой. Кроме того, в походе участвовало до тысячи казахов. В ночь на 20 сентября осаждавшие возвели первую батарею и начали обстрел города.

Одновременно, к городским стенам повели траншею. Следующей ночью началось сооружение еще одной батареи, ближе к крепости. Защитники города выкопали перед стенами контрминную траншею, в которой расположились пушки и пехота для обстрела ходов сообщения передовой батареи.

Утром 22 ноября кокандские воины в траншее стали даже готовиться к вылазке, но в этот момент были сами атакованы 4 ротами пехоты во главе с подполковником Лерхе. Ударом в штыки русские солдаты опрокинули противника и на его плечах ворвались в городские ворота. Вслед за этим под личным руководством Черняева была захвачена и внутренняя цитадель. За взятие Чимкента Черняев и Лерхе получили ордена св. Георгия 3-й и 4-й степеней, соответственно.

Окрыленные удачей, командиры решили развить успех. 27 сентября они во главе отряда, состоявшего из 8 рот пехоты и 1,5 сотни казаков с 12 пушками, двинулись к Ташкенту. Разумеется, осадить Ташкент, численность населения которого достигала 100 тыс. чел., отрядом в 1550 человек было невозможно. Однако, Черняев надеялся на поддержку многих горожан, ибо ташкентцы издавна торговали с Россией и очень тяготились войной, прервавшей коммерческие связи. К несчастью для русских в городе находился крупный кокандский гарнизон. Сторонники сдачи города, если таковые и были, никакой поддержки оказать русским не смогли. К этому следует добавить, что Ташкент был окружен стеной протяженностью более 25 км с 12 воротами, а в юго-западной части города располагалась хорошо укрепленная цитадель. Даже взяв каким-то чудом такой большой пункт, наступавший отряд не смог бы его контролировать. Тем не менее, 2 октября Черняев вывел своих людей к юго-восточному углу крепости и завязал перестрелку.

Метким огнем русские пушки проббили в городской стене брешь. К ней устремились две роты во главе с подполковниками Лерхе и Обухом. Штурмующие ворвались в ров перед стеной, но не смогли подняться по его крутому склону и попали под шквальный огонь противника. Кокандские воины не только стреляли из бойниц, но и бросали в ров ручные бомбы. Лерхе, Обух и оба ротных командира получили ранения. Понимая, что приступ провалился, Черняев приказал открыть по крепости массированный артиллерийский огонь, под прикрытием которого солдаты стали отступать. Впечатляющую картину этого отхода оставил в своих мемуарах Г. Сялковский. «Ряды нашей горсточки, — пишет он, — заметно поредели: повалился один, другой и третий. К кучке моих стрелков присоединились десятка полтора солдат 2-й роты со своим барабанщиком из евреев, который не переставал барабанить, стоя на самом краю рва; пуля подкосила его и он с барабаном покатился в ров. Рассыпавшись редкой цепью, отстреливаясь, мы стали отступать. Ташкентцы до того обрадовались, что многие сели верхом между зубцами и, страшно ругаясь, посылали вдогонку нам пули.»

Всего во время неудачного штурма было убито 2 офицера и 16 солдат. Отряд отошел от Ташкента и 7 октября вернулся в Чимкент. Безрассудный наскок на Ташкентскую крепость ярко высветил такие качества Черняева, как недалекость, склонность к импульсивным решениям. Император Александр II на донесении о бое под Ташкентом собственноручно написал: «Сожалею весьма, что решился на ненужный штурм, стоивший нам стольких людей.» Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель выразился более решительно и назвал деятельность Черняева «непонятной и ни с чем не сообразной». Многие петербургские сановники требовали примерно наказать самовольного генерала, но ничего подобного не произошло. Причину такой терпимости четко сформулировал военный министр Д. А. Милютин. «Мне случалось слышать упреки,

— писал он в мемуарах, — почему подобные самовольные действия мелких начальников проходят безнаказанно? В особенности Министерство иностранных дел сетовало на то, что такие начальники не подвергаются ответственности, но еще награждаются и прославляются. Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако, убежден в необходимости большой осторожности в подобных случаях... Страх ответственности за всякое уклонение от инструкций может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено». Недавно завершившаяся Кавказская война дала русской армии особый тип офицера-кавказца — храброго, знающего местные обычаи, умеющего использовать против горцев их собственные приемы борьбы, зачастую очень далекие от европейских норм. Именно такими были «коренные кавказцы» Г. Засс, Я. Бакланов и др. Теперь, по мнению министра, армии были нужны не столько исполнительные служаки, сколько коренные туркестанцы».

Конец 1864 г. ознаменовался еще одним трагическим эпизодом. В начале декабря из Туркестана вышла на разведку сотня казаков. Недалеко от г. Икан (по дороге к Чимкенту) она была окружена 10-тысячным кокандским войском. В течение трех дней, с 4 по 6 декабря, казаки, укрывшись за импровизированной баррикадой из мешков с продовольствием, стойко отражали натиск противника, а когда у них закончились патроны, двинулись в контратаку и целых 8 км. пробивались под перекрестным ружейным огнем. Нести тяжелораненых в такой ситуации было невозможно, и кокандцы их безжалостно добились. «В виду отряда, — писал очевидец, — кокандцы, как звери кидались на раненых, кололи их пиками и рубили шашками, снимая головы. Некоторые из казаков, будучи еще в силах, защищаясь, бросали в глаза неприятеля горсти снега». Всего из 114 участвовавших в бою казаков погибло 57. Все оставшиеся в живых получили георгиевские кресты.

В 1865 г. из Сыр-Дарьинской и Новококандской линий была образована Туркестанская область под началом оренбургского генерал-губернатора, пост которого в том же году занял генерал-адъютант Н. А. Крыжановский. Основу русских вооруженных сил в этой области составили уже находившиеся в ней 2-й, 3-й, 4-й и 5-й оренбургские линейные батальоны. В течение 1865 г. к ним присоединили 1-й, 6-й и 7-й линейные батальоны и сформировали Оренбургский стрелковый батальон. Кроме того, в области расположились 11 сотен оренбургских казаков. Командование всеми этими силами поручалось Черняеву. По воспоминаниям одного из сослуживцев, генерал-майора Качалова, Черняев всю зиму 1865 г. «бредил Ташкентом» и очень опасался, что Крыжановский «вздумает сам повести войска к Ташкенту, овладеет им, получит графа, а мы трудящиеся тут, останемся в дураках». К счастью для Черняева, вскоре поступило распоряжение военного министра о подготовке новой ташкентской экспедиции.

На этот раз Черняев, действительно, смог установить контакт со сторонниками прорусской партии. В Петербург прибыл Тюряхан Зейбуханов, который заявил, что является представителем 50 высокопоставленных ташкентцев и предупредил о готовящемся походе на Ташкент бухарцев. Последняя информация подстегнула активность военных. В конце апреля 1865 г. русский отряд численностью около 2000 человек с 12 орудиями отправился в поход. Его авангард под началом генерал-майора Качалова без особых трудностей овладел небольшой крепостью Ниязбек и, отведя в сторону рукава реки Чирчик, лишил Ташкент снабжения водой. К 8 мая основные силы Черняева встали у стен Ташкента лагерем. На следующий день из города вышла 8-тысячная армия во главе с самим Алимкулем, попытавшаяся отбросить русских от города. В ходе сражения 4 роты осаждающих отразили атаку, а еще две роты обошли противника елевого фланга. Войско Алимкуля стало отступать, причем сам предводитель получил смертельное ранение. Всего в тот день погибло 300 кокандцев. Среди русских убитых не было.

Видя поражение Алимкуля, ташкентцы решили обратиться за помощью к эмиру Бухары. Командир кокандского гарнизона — Сеид-хан — в ночь на 10 мая покинул город. Для предотвращения возможного вмешательства эмира Черняев захватил крепость Чиназ на бухарской дороге и таким образом окружил Ташкент с трех сторон. В ночь с 6 на 7 июня отряд солдат произвел разведку местности у южной стены города, а в ночь на 10 июня в Ташкент тайно прибыла небольшая группа бухарцев во главе с Искандер-беком, который и провозгласил себя правителем города. В этой ситуации Черняев был вынужден пойти на генеральный штурм. Согласно составленному плану основной удар следовало

нанести силами семи рот по юго-восточной части стены у Камелакских ворот. Одновременно три роты должны были произвести отвлекающую атаку на Кокандские ворота, шестью километрами севернее Камелакских. Штурм начался в три часа ночи с 14 на 15 июня. Первую колонну главного отряда (2,5 роты) повел капитан А. К. Абрамов. С помощью штурмовых лестниц солдаты быстро преодолели стены и двинулись вдоль них на север, сменяя те отряды кокандцев, которые пытались их удержать. Одновременно с атакой отряда Абрамова, Черняев начал массированный обстрел города и послал на помощь штурмующим еще два отряда, которые ворвались в город и пробились к цитадели. Четвертый отряд полковника Краевского, как и планировалось, бросился к Кокандским воротам. Понимая, что в городе уже идет бой, его солдаты стремительным рывком ворвались на стены и соединились с людьми Абрамова. К середине дня вся восточная часть города была очищена от противника, но вечером и ночью кокандцы предприняли ряд контратак. Только 17 июня утром к Черняеву явились старейшины «с изъявлением полной покорности». Остатки гарнизона бежали в Коканд. При штурме было убито 25 русских солдат и офицеров.

Следует заметить, что успеху операции во многом способствовали раздоры среди защитников крепости. К тому же эмир Бухары не только не оказал Ташкенту реальной помощи, но решил воспользоваться соседскими бедами и начал против Кокандского ханства войну. Невозможно спорить, что если бы отряд Черняева натолкнулся на единодушное сопротивление всего ташкентского населения, итог похода был бы гораздо менее благополучным.

Между тем бухарцы овладели Ходжентом. Оттуда эмир послал Черняеву письмо, в котором заявил о своих притязаниях на Ташкент и потребовал, чтобы русские войска отошли к Чимкенту. В ответ Черняев распорядился арестовать всех бухарских купцов, находившихся на подконтрольной ему территории. В начале июля аналогичная мера была принята и по отношению к бухарским торговцам в Оренбурге. Эмир распорядился арестовать русских купцов в Бухаре, но каких-либо иных действий не предпринял, т. к. был занят войной с кокандцами. В середине 1865 г. войска эмира Музаффара вступили в Коканд, Ханом был вновь провозглашен Худояр, но реальная власть сосредоточилась в руках бухарских вельмож. Завоевание Ташкента вызвало в российских правительственных кругах бурную дискуссию о его судьбе. По мнению Министерства иностранных дел, санкционировать присоединение города к империи было нежелательно из-за крайне болезненной реакции Англии. Поэтому возник план создания самостоятельного ташкентского ханства, своего рода буферной зоны между российскими и бухарскими владениями. Против этого плана решительно выступил М. Г. Черняев, считавший отказ от завоеваний постыдным и предлагавший провести границу по всей Сыр-Дарье вплоть до верховьев, чтобы открыть русским торговым караванам доступ в Кашгар.

Спорящие обменивались довольно резкими заявлениями и хлесткими эпитетами. Черняев обвинял оппонентов в недостатке патриотизма и утверждал, что без решительных действий расширить торговлю в Средней Азии невозможно. «Если мы будем расширять наши пределы, — писал в ответ сотрудник Министерства иностранных дел Стремоухов, — только потому, что будем желать присоединить к себе каждое воинственное племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда ли остановить свое движение на юг».

В сентябре 1865 г. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский побывал в Ташкенте и спросил «именитых граждан», какую власть они желают иметь. Те отклонили предложение об избрании хана и попросили передать полномочия религиозному главе и верховному судье города кази-калян. Сам Крыжановский полагал, что сосредоточение власти в руках духовного лица нежелательно и предлагал всемерно развивать в Ташкенте «значение класса коммерческого в ущерб партии политической и духовной, т. е. постараться сделать из него азиатский Гамбург и Франкфурт». Для решения данной задачи офицер Генерального штаба В. А. Полторацкий даже разработал специальную записку о мерах развития русской торговли в районе. Однако, политические события не позволили идти только путем медленных экономических преобразований.

В октябре 1865 г. в Бухаре было задержано русское посольство. В качестве ответной меры М. Г. Черняев во главе большого отряда (14 рот пехоты, 6 сотен казаков, 16 орудий и караван с припасами в 1200 верблюдов) переправился у г. Чиназа через Сыр-Дарью и двинулся по Голодной степи к г. Джизаку, который принадлежал бухарскому эмиру.

По дороге он получил от эмира два письма с просьбой остановить боевые действия, но ответа не дал. 5 февраля 1866 русские подступили к городским стенам, а 7 февраля подверглись нападению бухарского гарнизона. В течение четырех последующих дней

произошел целый ряд стычек, но 11 февраля Черняев принял решение об отступлении. В качестве официальной причины отхода называлась нехватка фуража, но думается, сыграло роль и то, что Черняев имел печальный опыт первого ташкентского штурма и не хотел начинать большой осады без необходимой подготовки.

Генерал Терентьев писал по этому поводу: «Джизак со своими двойными стенами, казался таким грозным, что перед штурмом его приходилось поразмыслить: неудача могла бы совершенно погубить отряд, отрезанный от своих подкреплений безводной степью... Отступить без боя и без результатов казалось бесславным... Понятны чувства, боровшиеся в душе Черняева. Многие на его месте не задумались бы лучше рискнуть, чем утратить обаяние славы. Не таков был Черняев: он предпочел пожертвовать своим именем». Правительство, впрочем, жертвы не оценило. Не наказанный после неудачного штурма Ташкента Черняев за отступление из-под Джизака был в марте 1866 г. отправлен в отставку. Командование туркестанскими войсками принял генерал-майор Дмитрий Ильич Романовский, офицер Генерального штаба и редактор газеты «Русский инвалид». Последнее обстоятельство особенно оскорбило Черняева, который в кулуарах называл Романовского «заурядным редактором плохой газетки».

Через месяц после смены командиров, в начале мая 1866 г. легкие стычки между русскими и бухарскими войсками переросли в большую войну. Дело развивалось следующим образом: весной на урочище Ирджар, на правом берегу Сыр-Дарьи стало сосредотачиваться большое бухарское войско, численность которого достигала 40 тыс. чел. 6 мая к войску прибыл сам эмир Музаффар, и бухарцы начали переправу через Сыр-Дарью. 7 мая навстречу им из недостроенного Чиназского укрепления по левому берегу выступил отряд во главе с самим Романовским, состоявший из 14 рот пехоты, 5 сотен казаков, 20 орудий и 8 ракетных станков. Кроме того, по реке двигался пароход «Перовский», а по правому берегу — меньший отряд солдат из Келеучинского укрепления. Утром 8 мая авангард чиназского отряда столкнулся с передовыми частями бухарской конницы. Отразив несколько атак русские начали решительное наступление. Прямо по дороге на Ирджар двигался отряд под командованием капитана Абрамова из 6 рот пехоты при 8 орудиях. Правее — колонна подполковника Пистолькрота из 5 сотен казаков с ракетными станками и 6 орудиями. Сзади — общий резерв (4 роты и 4 орудия), а за резервом обоз под прикрытием 4 рот и 2 орудий. Около 17 часов колонны вступили в соприкосновение с основными силами противника. Бухарская кавалерия атаковала русских с фронта и с флангов, но была отбита артиллерийским и ружейным огнем. Поддержанная резервами колонна Абрамова преодолела полевые укрепления бухарцев и ворвалась на их батареи. Одновременно казаки Пистолькрота отбросили конницу противника, вышли ему во фланг. Попавшие под огонь артиллерии и с фланга (из пушек Пистолькрота), и с фронта (из пушек Абрамова), бухарцы обратились в бегство. На поле боя осталось более тысячи воинов эмира, а в русском отряде погиб всего один солдат. Те бухарцы, которые пытались уйти на правый берег Сыр-Дарьи, попали под удар келеучинского отряда. Одержав победу в Ирджарском сражении, Романовский вместо преследования противника, отступавшего к Самарканду, направился к Ходженту. Город этот, собственно, принадлежал не эмиру, а кокандскому хану, но русское командование в подобные тонкости не вдавалось. 14 мая солдаты без боя заняли маленькую крепость Нау, а 17 мая подошли под стены Ходжента. В течение семи дней Романовский обстреливал город из артиллерии и вел к нему траншеи. В два часа дня 24 мая две колонны пехоты пошли на штурм. Первая из них под началом капитана Михайловского смогла с помощью штурмовых лестниц подняться на стены в северной части крепости. Вторая — капитана Баранова — преодолела восточную стену и открыла ворота подоспевшему резерву. Кроме того, была предпринята атака на северную стену силами десанта с баркаса, пришедшего по Сыр-Дарье. Соединившись внутри крепости, русские захватили цитадель и сбросили со стен вражеские орудия. К семи часам вечера город сдался. При штурме было убито более 2500 кокандских воинов и всего лишь 5 русских солдат. Узнав о взятии Ходжента, Крыжановский писал Романовскому: «Вследствие сего не должно быть заключено с Кокандом никакого формального мирного договора, могущего связать наши дальнейшие действия, но было бы полезно продлить с ним переговоры до того времени, пока силы наши позволяют окончательное завоевание этой области».

Романовский предъявил также целый ряд претензий к бухарскому эмиру. Бухаре следовало признать все территориальные захваты России в Средней Азии и дать гарантии безопасности русским купцам. Предусматривалась также выплата контрибуции. Крыжановский одобрил эти предложения и рекомендовал Романовскому, как вести себя в

отношении кокандского хана. По мнению оренбургского генерал-губернатора следовало: «Принять тон высокомерный, третировать Худояр-хана, как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним».

В сентябре бухарцы согласились на все предъявленные Романовским требования, но просили его отказаться от контрибуции. Генерал этим немедленно воспользовался. Он предъявил послам совершенно невыполнимый ультиматум: выплатить в 10-дневный срок 100 тысяч тилл. 23 сентября царские войска вторглись в пределы Бухарского ханства. Экспедиционный отряд состоял из 20,5 рот пехоты, 5 сотен казаков, 28 артиллерийских орудий, 8 ракетных станков и обоза в 600 повозок и 800 верблюдов. 27 сентября русские двинулись в Ура-Тюбе. Этому вечному яблоку раздора между Бухарой и Кокандом. Крепость располагалась на склоне, спускавшемся с севера на юг, имела двойной ряд стен с множеством башен и глубокий ров. В северо-восточном углу ее располагалась цитадель.

Удар решили направить на северо-восточный угол крепости, чтобы сразу взять цитадель, и на расположенную ниже прочих южную стену. 1 октября артиллерия открыла по Ура-Тюбе ураганный огонь и вскоре смогла пробить в юго-западной стене крепости две бреши. На рассвете 2 октября туда были направлены 3 колонны пехоты под общим командованием полковника Воронцова. Однако в собственно брешь ворвалась только одна колонна (две роты майора Назарова). Остальные стали подниматься на стены по приставным лестницам, а что из себя представляет такой способ штурма весьма красочно описал генерал М. А. Терентьев: «Два человека в ряд наверху лестницы против целой толпы врагов, привлеченных штурмом, немного могли сделать своим оружием, когда им еще надобно держаться за лестницу и карабкаться на стену... Закрыться нечем, а между тем, сверху сыплются глиняные глыбы, камни, бревна, пули, а не то льется горячая смола». Казалось бы, гораздо проще было пробить в стенах побольше брешей артиллерией. Но очень толстая глинобитная стена азиатской крепости хорошо выдерживала удар артиллерийского снаряда. Среди значительной части русского офицерства вообще сложилось мнение, что разрушать стены орудийным огнем в «азиатских условиях» невозможно. Сложившийся стереотип был так силен, что и при наличии бреши осаждающие предпочли воспользоваться привычными лестницами.

Осажденные сопротивлялись отчаянно, и на стенах закипел жестокий бой. Только к семи часам вечера сопротивление гарнизона было сломлено. В бою погибло около 2,5 тысяч бухарских воинов. Русские потеряли 17 человек, но среди них было три офицера (капитан Плец, поручик Плешков, подпоручик Кончиц), именами которых впоследствии назвали городские ворота. Оставив в Ура-Тюбе гарнизон, экспедиционный отряд двинулся далее и 12 октября 1866 подошел к Джизаку, имея в составе 16,5 рот пехоты, 5 сотен казаков, 20 пушек и ракетную команду.

После неудачного похода Черняева укрепления города были значительно усилены и представляли собой три ряда стен, при каждой из которых имелся ров. Гарнизон Джизака превышал 10 тысяч человек при 53 орудиях.

Первые дни осады были использованы осаждающими для разведки местности, а защитниками Джизака для двух крупных вылазок. Утром 16 октября русские батареи открыли огонь по южной стене крепости у Самаркандских ворот и юго-восточной стене около Ура-Тюбинских ворот. Днем 16 октября пробили первую брешь в юго-восточной стене, а к утру 17 октября — вторую, в южной. Все это время две роты солдат с 4 орудиями имитировали наступление с юго-запада, отвлекая внимание противника. В полдень 18 октября начался генеральный штурм. Две колонны солдат под командованием капитана Михайловского (4 роты с 6 облегченными орудиями) и подполковника Григорьева (4 роты и 4 батарейных орудия) пошли вперед.

«Ровно в полдень, — пишет М. А. Терентьев, — среди общей тишины роты подняли лестницы и молча вышли на эспланаду, перешагнув через опрокинутые туры траншеи. Люди успели уже пройти саженой 20, и только тогда неприятель спохватился. Джизакская стена окуталась дымом, и роты пошли бегом с обычным «ура». Резерв, остававшийся на батареях и следивший за товарищами глазами и сердцем, наконец, не выдержал: точно сговорившись, без всякой команды, кинулись люди с батареи и бегом пошли на обвал (т. е. к бреши — А. М.) с криком «ура». Одновременно на северо-западный угол крепости была произведена отвлекающая атака силами трех сотен казаков.

Бой был непродолжителен. Не ожидавшие столь решительного наступления бухарцы обратились в бегство. На поле боя полегло около 6 тысяч воинов эмира, тогда как в русском войске было убито всего 6 человек. Во время штурма на русский лагерь,

находившийся под началом полковника Мантейфеля, попыталась напасть бухарская армия, которую эмир направил на выручку Джизаку, Однако, под метким огнем русских она отступила, не принимая боя. В крепости разместился русский отряд (10 рот пехоты 3 сотни казаков при 12 орудиях), получивший название Джизакского.

Вскоре после этой победы Романовский получил повышение и покинул Среднюю Азию. Войска перешли под командование Мантейфеля. В ноябре-декабре, в связи с наступлением холодов боевые действия несколько поутихли, но весной 1867 они вспыхнули с новой силой. Сын известного казахского военачальника Кенисары Садык нанес поражение небольшому отряду казаков в районе форта Верный. Около Джизака постоянно появлялись конные разъезды бухарцев. В качестве превентивной меры комендант крепости Абрамов в мае 1867 захватил бухарское укрепление Яны-Курган, а затем нанес несколько поражений войнам, пытавшимся его отбить.

Таким образом, к лету 1867 г. в руках российского правительства сосредоточились весьма обширные территории Средней Азии. Для обсуждения их административного устройства в Петербурге работал специальный комитет под председательством военного министра Д. А. Милютина. Согласно решению комитета, 11 июля 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство, делившееся на две области: Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую. Последняя состояла из 7 уездов: Казалинского (город Казалинск возник на месте форта № 1), Перовского, Чимкенского, Аулие-Атинского, Ташкентского, Ходженского и Джизакского. Основу его войск составили 9 Оренбургских и 3 Сибирских линейных батальона, переименованных в Туркестанские. Кроме 12 линейных батальонов в округе первоначально размещались стрелковый Туркестанский батальон, по батальону Самарского и Каспийского полков и пеший Оренбургский казачий батальон. Но вскоре эти части перевели на другие места службы. Взамен в 1868 г. сформировали два губернских батальона в Ташкенте и Верном и 10 уездных команд. В состав войск округа вошло также образованное в 1867 г. Семиреченское казачье войско. Кроме того, в него направлялись казаки Уральского, Оренбургского и Сибирского войск. Силы собственно Сыр-Дарьинской области, по свидетельству М. А. Терентьева, насчитывали 49 штаб-офицеров, 203 обер-офицера и 10620 унтер-офицеров, солдат и рядовых казаков при 209 орудиях.

Первым туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа стан генерал-адъютант К. П. фон Кауфман, опытный офицер, имевший за плечами множество кампаний. «Человек большого ума и обширных знаний, — писал о нем один из сослуживцев, — он соединил с этим чисто русские взгляды на государственные задачи России, несмотря на немецкое происхождение». Кауфман располагал настолько широкими полномочиями, что местные жители прозвали «ярим-подшо», что означает «полуцарь». По инициативе генерал-губернатора был предпринят целый ряд мер для развития в Средней Азии русской торговли и промышленности. В январе 1868 г. Кауфман добился принятия кокандским ханом Худояром торгового договора, очень выгодного для России. Одновременно началась подготовка к решительной схватке с Бухарой.

Глава 6

БОРЬБА С БУХАРСКИМ И ХИВИНСКИМ ХАНСТВАМИ

В декабре 1867 г. полковник Абрамов произвел рекогносцировку западной части Джизакского района, находившейся под контролем Бухарской администрации. Во время этой экспедиции русские сожгли селение Ухум, занятое бухарцами. В марте 1868 г. большой по численности отряд майора О. К. Гриппенберга вновь подошел к Ухуму и разогнал стоявший в нем отряд воинов эмира. Положение в самом Бухарском ханстве к тому времени стало очень тяжелым. В Бухаре и Самарканде, как прежде в Ташкенте, сложились две группировки. Мусульманское духовенство и военная верхушка требовали от эмира Музаффара решительных действий против России, обвиняли его в малодушии и делали ставку на старшего сына эмира Абдул-Малика, по прозвищу Катта-тюра. Противоположную позицию занимало бухарское и самаркандское купечество, заинтересованное в экономических связях с Россией и требовавшее мирного урегулирования конфликта. Опираясь на многочисленных учеников религиозных школ, духовенство издало указ (фетву) о священной войне против русских. В апреле 1868 г. возглавляемая эмиром многотысячная армия направилась к р. Зеравшан, оставив у себя в

тылу Самарканд. Навстречу ей из Джулека двинулся русский отряд под командованием самого Кауфмана в составе 25 рот пехоты и 7 сотен казаков при 16 орудиях (всего 3500 чел.). Накануне столкновения русские получили неожиданного союзника. В Джизак прибыл отряд из 280 афганцев во главе с Искандер-ханом, внуком Дост-Мухаммеда. Эти афганцы находились на службе у бухарского эмира, составляя гарнизон крепости Нур-Ата. Однако, местный бек вздумал задерживать им жалование. Оскорбленные воины взяли «в возмещение убытков» два крепостных орудия и ушли к русским, разгромив по пути те бухарские отряды, которые пытались их задержать. Впоследствии Искандер-хан получил от русского командования чин подполковника, орден св. Станислава 2-й ст. и место офицера в прославленном Лейб-гвардии гусарском полку. Прервалась его служба в России совершенно неожиданно и даже нелепо. В Петербурге, во время занятий в манеже командир императорского конвоя ударил по лицу адъютанта Искандер-хана Раидиля. Искандер немедленно вызвал обидчика на дуэль, был арестован и посажен на гауптвахту. После этого гордый афганец уехал на родину, где принял покровительство англичан. Все это, однако, было потом. В описываемое время Искандер-хан добровольно присоединился к войску Кауфмана и вместе с ним шел в бой против бухарцев. 1 мая 1868 г. русские вышли на северный берег Зеравшана и увидели за рекой вражеское воинство. Прибывший от бухарцев посол просил Кауфмана не начинать военных действий, но и отводить войска эмир тоже не спешил. Около трех часов дня бухарцы открыли огонь из пушек. В ответ заговорили русские батареи, под прикрытием которых пехота начала переправу. Пройдя сначала через реку по грудь в воде, а затем по топким рисовым полям, русские солдаты нанесли бухарцам удар одновременно во фронт и с обоих флангов. «Неприятель, — вспоминал участник боя, — не ждал наших штыков и прежде, чем мы сблизились на сто шагов, оставил 21 орудие и бежал, бросая по дороге не только оружие и патронные сумы, но даже одежду и сапоги, в которых бежать трудно». Конечно, русского офицера можно заподозрить в необъективности, но в данном случае он, видимо, красок не сгустил. Бухарский литератор и дипломат Ахмади Дониш с едкой насмешкой писал: «Сражавшиеся нашли необходимым бежать: каждый бежал так, как мог бежать, бежали куда глаза глядят, бросали все имущество, снаряжение. Некоторые бежали в сторону русских, и последние, узнав их положение, накормив и напоив, отпускали их. Эмир, загрязнив штаны, тоже убежал. Никто не хотел воевать». Победа русского отряда была полной, причем с минимальными потерями: двое убитых. Остатки армии эмира отступили к Самарканду, но горожане закрыли перед ними ворота. Когда же к бывшей столице Тамерлана подошли русские войска, самаркандцы сдались.

К. Кауфман поблагодарил жителей от имени государя, а главному судье и духовному главе города кази-калян вручил серебряную медаль. Из Самарканда 6 мая был выслан небольшой отряд майора фон Штемпеля, который захватил маленькую бухарскую крепость Челек у подножия Нуратинских гор. 11 мая Кауфман снарядил еще одну, более крупную экспедицию в составе 6 рот солдат и 2 сотен казаков при 4 орудиях под командованием полковника Абрамова. Этот отряд отправился к г. Ургуту, расположенному в 34 км юго-восточнее Самарканда.

12 мая отряд столкнулся под стенами города с большим бухарским войском, которому и нанес сокрушительное поражение. После этого солдаты Абрамова штурмом взяли город, частично рассеяв, частично истребив его гарнизон. 14 мая экспедиция вернулась в Самарканд. 17 мая русские заняли Ката-Курган, в 66 км северо-западнее Самарканда. Все эти успехи очень испугали правителей города Шахрисабза. Этот крупный ремесленный и торговый центр, родина великого воителя Тамерлана, не раз пытался сбросить власть бухарских эмиров. Теперь шахрисабзские беки решили, что с властью Бухары покончено, но необходимо избавиться от русских. Для этого они поддержали сына эмира Абдул-Малика.

27 мая 10 тысячное войско шахрисабзцев атаковало у кишлака Кара-Тюбе, недалеко от Самарканда, отряд полковника Абрамова (8 рот и 3 сотни казаков). Но было отброшено. Это столкновение ободрило эмира Музаффара, посчитавшего, что настало время для реванша. 2 июня 1868 г. на Зирабулакских высотах, между Катта-Курганом и Бухарой произошло решающее сражение эмирского войска с отрядом самого Кауфмана. Деморализованные прежними неудачами бухарцы действовали крайне нерешительно и вновь потерпели поражение. Дорога на Бухару была открыта, а сам Музаффар собирался бежать в Хорезм.

Однако, Кауфман не мог атаковать эмирскую столицу, т. к. в тылу у него самого неожиданно возник очаг сопротивления. Отправляясь к Зирабулакским высотам, генерал-

губернатор оставил в Самарканде очень небольшой гарнизон, состоявший из 4 рот 6-го линейного батальона, 1 роты саперов и 2 артиллерийских батарей под общим командованием майора Штемпеля. Кроме того, в городе находились нестроевые и больные солдаты 5-го и 9-го линейных батальонов, а также полковник Н. Н. Назаров, который из-за частых ссор с сослуживцами подал прошение об отставке, но уехать не успел. Всего русский отряд насчитывал 658 человек, среди которых был и видный художник-баталист В. В. Верещагин в чине прапорщика.

2 июня эту горстку русских воинов осадила 25 тысячная армия под началом Баба-бека, пришедшая из Шахрисабза. В союзе с шахрисабзцами выступил 15 тысячный отряд киргизов во главе с Адилем-Дахты, а также восставшие жители Самарканда, численность которых также достигала 15 тысяч. Таким образом, на каждого русского воина приходилось более 80 противников. Не имея сил удерживать весь город, гарнизон сразу же отступил в цитадель, располагавшуюся у его западной стены.

«Когда мы затворили за собой ворота, — вспоминал участник событий штабс-капитан Черкасов, — неприятель ворвался в город... Под звук зурн, бой барабанов, сливавшийся с дикими криками, неприятель быстро распространился по улицам города. Не прошло и часа времени, как уже все улицы были наполнены им и развевающиеся значки стали ясно видны для нас».

Толщина стен цитадели достигала в отдельных местах 12 метров и пробить ее нападавшие явно не могли. Слабым местом обороны были двое ворот: Бухарские в южной стене и Самаркандские в восточной. Боеприпасы и продовольствие у русского отряда имелись в количестве вполне достаточном для долгой обороны. Первую атаку осаждавшие произвели на Бухарские ворота, которые защищали 77 солдат под началом майора Альбедилля.

Шахрисабзцы трижды пытались выломать ворота и перебраться через стену, но каждый раз их отбивали метким ружейным огнем. Тяжелое ранение получил сам Альбедиль. Наконец, штурмующим удалось поджечь ворота. Одновременно враг наседал и у Самаркандских ворот, где держали оборону 30 солдат прапорщика Машина. Здесь нападавшие также подожгли ворота, попытались через них пройти внутрь, но солдаты выбили их штыками. В разгар боя на помощь защитникам Самаркандских ворот подоспел взвод 3-й роты под началом прапорщика Сидорова, составлявший мобильный резерв. Он помог отразить вражеский натиск, а затем стремительно бросился к Бухарским воротам и поддержал отряд Альбедилля.

Кроме ворот шахрисабзцы пытались проникнуть в цитадель через проломы в восточной стене. Поднимались они и непосредственно на стены, для чего пользовались железными крючьями, которые надевались непосредственно на руки и на ноги. Однако, везде нападавших встречал меткий огонь солдат. К вечеру атаки прекратились, но этот временный успех стоил русским дорого: было убито 20 рядовых и 2 офицера.

Утром 3 июня штурм возобновился. Оборону Бухарских ворот возглавил вместо Альбедилля подполковник Назаров, официально никакой должности не занимавший. Этот офицер имел репутацию человека храброго, но очень дерзкого, заносчивого, не признававшего никаких авторитетов, словом, «истинного туркестанца». Для ободрения солдат он приказал поставить у ворот свою походную кровать, подчеркивая, что и ночью не оставит позиции. Спать Назарову, однако, не пришлось. В 8 ч. утра шахрисабзцы, сломав обгоревшие остатки ворот, разобрали сооруженную русскими баррикаду и захватили одну пушку. Солдаты бросились в штыки, причем впереди всех был В. Верещагин. После ожесточенной рукопашной схватки осаждающие отступили, но вскоре возобновили штурм на других направлениях.

Продолжались нападения и в течение двух последующих дней, причем они сочетались с постоянными обстрелами цитадели. Редевшему от вражеских пуль гарнизону приходилось не только отбивать атаки, но и тушить пожары, заваливать мешками с землей ворота, делать вылазки за крепостные стены.

Только 8 июля к Самарканду вернулось войско Кауфмана, обратившее шахрисабзцев и киргизов в бегство. В течение 8-дневной обороны русские потеряли убитыми 49 человек (в т. ч. 3 офицеров), а ранеными 172 человек (5 офицеров).

В наказание за мятеж Кауфман отдал город на три дня на разграбление. «Несмотря на назначение многочисленных патрулей, — вспоминал В. Верещагин, — много темных дел совершилось в эти три дня». Кстати, именно оборона Самарканда вдохновила художника на одну из самых знаменитых его картин — «Смертельно раненный» (1873 г.). Сам Верещагин описывал в своих мемуарах, как во время схватки за ворота солдат, сраженный

пулей, «выпустил из рук ружье, схватился за грудь и побежал по площадке вкруговую, крича:

— Ой, братцы, убили, ой, убили! Ой, смерть моя пришла!

Затем, рассказывал живописец, «бедняк ничего уже не слышал, он описал еще круг, пошатнулся, упал навзничь, умер, и его патроны пошли в мой запас».

Во время боев в Самарканде эмир Музаффар, испугавшись, что победа шахрисябзцев, поколеблет не только русскую власть, но и его собственную, разослал несколько ложных писем о том, что бухарское войско готовится к походу на Шахрисябз. Это обстоятельство, наряду с подходом сил Кауфмана, способствовало уходу осаждавших из Самарканда.

В июне к русскому командованию прибыл посол эмира Мусса-бек и между Россией и Бухарой был заключен договор.

Бухарцы официально признали вхождение Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака в состав Российской империи. Они обязались также выплатить 500 тыс. руб. контрибуции, причем для обеспечения исполнения этого пункта Самарканд и Катта-Курган подлежали временной оккупации русскими. Из вновь занятых территорий был организован Зеравшанский округ, начальником которого стал произведенный в генерал-майоры Абрамов.

Сын эмира Абдул-Малик бежал в Карши, где провозгласил себя ханом. Музаффар немедленно двинул туда свои войска и выгнал сына из города, но как только он вернулся в Бухару, непокорный отпрыск опять засел в Карши. Тогда Музаффар обратился за помощью к Абрамову, и тот направил под Карши свой отряд. Не дожидаясь битвы, Абдул-Малик вновь бежал, на этот раз в Индию, под защиту англичан. В Карши вступили русские войска, передавшие его затем представителям эмира. Все свидетельствовало о превращении Бухарского ханства в вассала Российской империи.

Явные успехи русской армии в Средней Азии вызвали новый приступ раздражения у правительства Великобритании. Министр иностранных дел лорд Кларендон обратился к русскому посланнику И. Ф. Бруннову с предложением о срочной выработке границы «нейтрального среднеазиатского пояса». В начале 1869 г. по этому поводу начались переговоры, которые сразу же вскрыли серьезные разногласия между странами. Кларендон настаивал на проведении границы «по Аму-Дарье в ее среднем течении, с тем, чтобы на меридиане Бухары она следовала строго на запад через всю Туркмению. Русские в ответ возражали, что такая черта пройдет всего лишь в 230 верстах от Самарканда, тогда как расстояние от нее до «передового английского поста с лишком вдвое больше». К тому же в английском варианте граница пересекала бы караванные пути из Бухары в Хорасан и другие провинции Северной Персии, что никак не устраивало русское купечество. Наконец, разгорелись споры о правах Афганистана, имевшего с Англией договор, на княжества между Гиндукушским хребтом и Аму-Дарьей. Русские дипломаты не без оснований полагали, что афганский эмир Шер-Али готовится начать против Бухары большую войну. В английских правительственных кругах зрело убеждение, что русское продвижение в Средней Азии начинает по-настоящему угрожать их позициям в Иране даже в Индии. Дело закончилось заключением некоторых общих деклараций, причем Россия обещала не продвигать границу Бухарского ханства на юг в направлении Афганистана.

Между тем российские торговцы и промышленники все настойчивее высказывали пожелание о «прочном овладении» восточным побережьем Каспийского моря. В апреле 1869 г. на заседании комитета Общества для содействия русской промышленности и торговле вспомнили даже идею Петра I о повороте Аму-Дарьи к Каспийскому морю. В июне 1869 г. туркестанский генерал-губернатор обратился к военному министру Д. А. Милютину с письмом, в котором отмечал, что отношения с Бухарой приняли желательный для России характер и возникла возможность вновь обратиться к решению «красноводского вопроса». Военный министр, согласившись с доводами Кауфмана, в августе того же года предложил кавказскому наместнику начать подготовку к военной экспедиции. В ноябре 1869 г. русский военный отряд под командованием полковника Н. Г. Столетова высадился на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива.

Эта мера вызвала сильнейшее неудовольствие иранского шаха Насреддина, считавшего, что туркмены-йомуды, кочевавшие вдоль рек Атрек и Гурган являются его подданными. Россия, однако, претензии персов отклонила. На Каспийском побережье было вновь отстроено Красноводское укрепление, а занятые русскими территории под названием Мангишлакского приставства подчинены Кавказской администрации. Все это разожгло волнения среди местного населения.

В середине марта 1870 г. возглавлявший приставство полковник Рукин отправился в разведывательную поездку, во время которой подвергся нападению «скопища» казахов и был убит вместе со всем конвоем (40 казаков). Вслед за этим казахи осадили Александровский форт, но были разгромлены прибывшими из Петровска кавказскими войсками. Вооруженные силы на Мангишлаке возглавил полковник граф Кутайсов. В конце апреля он нанес казахам целый ряд поражений, причем в боях особенно отличились воины Дагестанского конно-иррегулярного полка.

Для дальнейшего освоения территории под руководством Столетова был сформирован Красноводский отряд, подчинявшийся кавказскому военному начальству и включавший 5 рот пехоты (в основном 82-го Дагестанского пехотного полка), 1,5 сотни терских казаков, команду саперов и 16 орудий с прислужгой. Главным опорным пунктом для него стало Михайловское укрепление, основанное на берегу ныне обмелевшего Михайловского залива. Еще одну крепость построили в 75 км. от побережья на урочище Маллакари. Меры оказались более чем своевременными. 20 октября 1870 г. туркмены-текинцы, подстрекаемые Хивой, совершили нападение на Михайловское укрепление, но были отбиты. В качестве ответной меры Н. Г. Столетов собрал у Маллакари отряд в 490 солдат и казаков, при 3 пушках, с которыми двинулся на восток. Пройдя более 200 км, он 10 декабря достиг Кизыл-Арвата, но противника не обнаружил и вернулся назад. В мае 1871 г. Столетов направил экспедицию во главе со штабс-ротмистром М. Д. Скобелевым (будущим героем русско-турецкой войны) вглубь материка. Целью всех этих мероприятий было не только «замирение» туркмен, но и разведка путей, подготовка к решительному наступлению на Хивинское ханство.

Во время войны России с Бухарским и Кокандским ханствами Хива по-прежнему предоставляла приют разбойникам, грабившим торговые караваны и всячески интриговала против России. В 1870 г. Н. А. Крыжановский получил сообщение, что к хивинскому хану прибыл турецкий посол, предложил Мухаммед-Рахиму помощь в случае создания союза среднеазиатских государств. Многие военачальники призывали немедленно покончить с Хивой, но дипломаты были более осторожны. Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов в своем письме к Крыжановскому прямо заявлял, что «военная демонстрация» преждевременна. В этих условиях командир Красноводского отряда Н. Г. Столетов и его помощник М. Д. Скобелев решили начать боевые действия на свой страх и риск. Узнав об их планах, в Красноводск для выяснения ситуации прибыл начальник штаба Кавказского военного округа генерал Свистунов. Опасаясь, что ему запретят воевать, Столетов попытался скрыть от начальства свои намерения и не пускал Свистунова к передовым постам.

Дело кончилось скандалом. В июне 1871 г. Столетов был отстранен от должности и едва не попал под суд, а командиром отряда стал подполковник В. И. Маркозов. Опала своевольного Столетова не означала, что правительство отказалось от намерения утвердить свою власть над Хивой. Осенью того же года Маркозов произвел глубокую рекогносцировку территорий по Атреку и к Сарыкамышу. В начале сентября его отряд численностью в 625 солдат и казаков с 16 орудиями собрался в Маллакари. Когда туркмены отказались предоставить Маркозову необходимых для похода верблюдов, тот отнял их силой и, составив большой караван, двинулся по направлению к Сарыкамышу, основывая по пути укрепленные пункты.

Главной трудностью для экспедиции стала нехватка воды. Тем не менее, русским удалось достичь далекого колодца Декча и к началу ноября вернуться в Маллакари. После этого Маркозов распорядился перевести гарнизон Михайловского укрепления в селение Чикишляр на берегу Гассанкулийского залива, у впадения в него р. Атрек. Причина подобного перемещения заключалась в том, что по Атреку пролегал удобный путь на главный центр туркмен-текинцев Кизыл-Арват. Летом 1872 г. началась еще одна, очень крупная экспедиция. Ее база располагалась в селении Билек, в 76 км восточнее Красноводска. Для обеспечения похода производились массовые реквизиции верблюдов у туркмен. Одна рота солдат была специально направлена к урочищу Бугдайли, известному своими водоемами, чтобы принимать верблюдов, собранных другой ротой на побережье. Мероприятие это едва не кончилось трагически. Само название «Бугдайли» происходит от туркменского слова «бугдай» — пшеница. В дождливые весны там действительно возникают настоящие озера, которые могут быть использованы для водопоя скота. Однако, к июлю вода частично испаряется, частично уходит в почву и тогда надо копать глубокие колодцы. Русские солдаты вышли к Бугдайли в августе, да еще весна в тот год выдалась сухой. Воды обнаружить не удалось. Дело дошло до того, что солдаты пили

собственную мочу. С большими потерями, не выполнив поставленной задачи, рога вернулась в Чекишляр.

Гораздо успешнее действовал отряд майора Мадчавариани, который добыл на Узбое более 500 верблюдов. Сам Маркозов выступил из Чекишляра во главе двух рот 80-го пехотного Кабардинского полка. После 12-дневного марша он достиг озера Топиатан в сухом русле Узбоя, где захватил караван, следовавший из Хивы на Атрек. Постепенно к Топиатану подтянулись и другие части Красноводского отряда. К началу октября там сосредоточилось 9 рот пехоты и сотня казаков, Маркозов распорядился оставить 200 солдат (7-я рота Кабардинского полка) у колодца Джамал для строительства укрепления, а сам повел основные силы вверх по Узбою и, затем, на Кизыл-Арват. 25 октября русские добрались до Кизыл-Арвата, но выяснилось, что он оставлен туркменами.

Маркозов решил продолжить движение на юго-восток, но и здесь все селения пустовали. Отряд прошел Кодж, Кизыл-Чешме, Бами и наконец в селении Баурма обнаружил небольшую группу текинцев, которые немедленно вступили с русскими в перестрелку. В ответ Маркозов приказал «придавать огню все туркменские кибитки, которые только встретятся» и, одновременно, направил 5 рот под командованием полковника Клугена к колодцу Гяур и, затем, к Джамалу для «поднятия остальных войск». Когда отряд Клугена достиг Джамальского укрепления, то оказалось, что его осаждает около 2 тыс. туркмен и хивинских воинов. В произошедшей схватке туркмено-хивинское войско было разбито. Клуген с подкреплениями и припасами двинулся назад к Кизиол-Арвату, но по пути множество верблюдов пало, и пришлось сжечь 46 вьюков с сухарями.

Соединившись, отряды Маркозова и Клугена, направились через предгорную равнину Кюрендага по ущелью Аджи и далее по Атреку назад к Чекишляру, куда и прибыл 18 декабря. Переход был очень тяжелым. Верблюды обессилили до такой степени, что русским приходилось постоянно бросать грузы, а это приводило к уменьшению довольствия. Под конец похода к тому же начались дожди, и рзытая глинистая почва еще больше затрудняло следование войск. Следует заметить, что весь прежний боевой опыт Маркозова был связан с Кавказом и он не знал, да и не мог знать многих специфических особенностей похода через пустыню. Собранный им экспедиционный отряд был довольно многочисленным: около 1700 человек. Для его обеспечения водой, продовольствием и боеприпасами требовалось такое большое количество верблюдов, найти которое было невозможно. Поэтому солдаты Маркозова навьючивали на верблюдов вдвое больше грузов, чем допустимо. Неудивительно, что из 1600 животных, имевшихся в начале похода, к возвращению в Чекишляр осталось лишь 635. Отряд совершал трудные переходы от колодца к колодцу, ожидая столкновения с противником, но туркмены отходили, не давая боя. Конечно, Маркозову удалось произвести детальную разведку местности, но многие его сослуживцы сомневались: следовало ли ради этого двигать по пустыни такое большое войско.

Тем не менее, Хивинское правительство расценило поход Красноводского отряда, как начало большой войны и стало собирать войска. Ситуация в бухарских землях также оставалась сложной. После того, как эмир подписал с русскими мир, шахрисабзские беки отказались подчиняться его власти. «Отпали» от Бухары и мелкие бекства в верховьях Зеравшана: Матча, Фальгар, Фан и др. Весной 1870 г. туда были отправлены экспедиции под начальством генерал-майора Абрамова (550 солдат с 2 горными пушками) и полковника Деннета (203 чел.).

Первый отряд выступил 25 апреля из Самарканда, прошел более 200 км вверх по Зеравшану и достиг селения Обурдан. Туда же прибыл и отряд Деннета, но он шел из Ура-Тюбе, через горный Аучинский перевал. Соединившись, экспедиции Абрамова и Деннета вышли к селению Пальдорак, резиденции матчинского бека, который, узнав об их приближении, бежал. В конце мая Абрамов пошел дальше на восток, к ледникам Зеравшана, а Деннет — на север, к перевалу Янги-Сабах. Пройдя перевал, отряд Деннета столкнулся с большим войском таджиков-матчинцев и киргизов, после чего вернулся на соединение с силами Абрамова. Затем русские снова двинулись на север, настигли противника и 9 июля 1870 г. разгромили его у северного выхода с Янги-Сабах. После этого они обследовали территории по рекам Ягноб и Фан-Дарья, у озера Искандер-куль, по названию которого вся экспедиция стала называться Искандер-кульской. В том же 1870 г. новые земли были включены в состав Зеравшанского округа под названием «Нагорные Тюмени».

Между тем в Петербург поступали новые вести, что эмир Музаффар, несмотря на оказанную ему при Карши помощь, пытается сколотить союз против России,

устанавливает контакты с афганским эмиром Шер-Али, ведет переговоры с Хивой и даже со своими недавними врагами шахрисабзскими беками. Ситуация осложнялась тем, что из-за холодной и малоснежной зимы 1869-1870 гг. в ряде областей Бухарского ханства был неурожай. Из-за бескормицы начался падеж скота. «Шайки голодных бедняков, — сообщал Кауфман, — стали бродить по ханству, производя серьезные беспорядки. Фанатичное же духовенство всеми мерами подстрекало эмира против нас, указывая ему в один голос на важность утраченной в 1868 г. житницы (т. е. Самаркандского оазиса — А. М.)».

Для предотвращения возможных выступлений Кауфман летом 1870 г. решил нанести удар шахрисабзским бекам. Поводом к началу боевых действий послужило то, что в Шахрисабзе нашел убежище некий Айдар-ходжа, который со своими сторонниками совершали набеги на границы Зеравшанского округа. Генерал Абрамов потребовал выдачи виновного, но получил отказ. Вскоре в Самарканде был сформирован экспедиционный отряд из 9 рот пехоты, 2,5 сотен казаков при 12 орудиях и 8 ракетных станках. Он был разделен на две колонны, которые двинулись в поход с интервалом в 2 дня (7 и 9 августа) и 11 августа подошли под стены города Китаба в Шахрисабзском оазисе. 12 августа русские, заложив батареи, начали осаду этого пункта. Гарнизон Китаба насчитывал 8 тыс. чел., и его укрепления были достаточно мощны.

14 августа, когда русские пушки пробили в городской стене брешь, руководивший осадой генерал Абрамов решился на штурм. Солдаты штурмовой колонны под началом полковника Михайловского одновременно ворвались в брешь и поднялись по приставным лестницам на стены. За ними последовала резервная колонна майора Полторацкого, солдаты которой подожгли городской склад сена. После ожесточенных уличных боев город был взят. В сражении погибло 600 защитников Китаба и 20 русских (1 офицер и 19 солдат). Желая подчеркнуть, что данный поход направлен только против мятежников, Абрамов передал управление Шахрисабзскими оазисом посланцам эмира.

Тем временем шахрисабзские военачальники Джура-бек и Баба-бек собрали 3-тысячное войско в Магианском бекстве. Против них выступили три роты пехоты и беки, не решившись на битву, отступили. Шахрисабзская экспедиция не только увенчалась победой, но под видом помощи продемонстрировала эмиру силу и мощь русской армии.

Еще один крупный успех был достигнут на границе киргизских племен и Западного Китая. Летом 1871 г. отряд во главе с губернатором Семиречья Г. А. Колпаковским занял там земли Кульджинского ханства, возникшего в ходе восстания мусульман-дунган против китайской власти. Переход Кульджи в русские руки способствовал крупному дипломатическому успеху: заключению договора с правителем Кашгара Якуб-беком, тем самым, что воевал с русскими, будучи кокандским полководцем. Прекрасно понимая с какой сильной державой он имеет дело, Якуб-бек вообще всячески избегал конфликтов с русскими.

Таким образом в 1868-1872 гг. российские вооруженные силы подавили очаги сопротивления в Бухарском ханстве, совершили далекие походы в горный Таджикистан и вглубь Туркменских земель. Следующим этапом, по замыслу туркестанского командования должно было стать решительное наступление на Хивинское ханство, которое по-прежнему пыталось держаться по отношению к России независимо и даже вызывающе.

Глава 7

БОЛЬШОЙ ХИВИНСКИЙ ПОХОД

В течение 1870-1872 гг. генерал-губернатор фон Кауфман упорно добивался санкции Петербурга на военную экспедицию против Хивинского ханства. Разъясняя чиновникам внешнеполитического ведомства свою позицию, он сообщал, что «сохранение на некоторое время спокойствия и мира» возможно лишь в том случае, если хан обеспечит безопасность русских торговцев в Хиве, накажет участников нападений на караваны, перестанет вмешиваться в дела казахских племен. Однако, дипломаты, традиционно опасаясь реакции Англии, сдерживали активность военных.

В начале 1873 г. Россия согласилась на присоединение Бадахшана к Афганистану. Границами между сферами российского и британского влияния признавались реки Пяндж и Аму-Дарья.

Для того чтобы окончательно успокоить Лондон, русский дипломат П. А. Шувалов заявил, что Россия не намерена присоединять Хиву к своим владениям. Однако, в то время, когда звучали эти заверения, уже началась подготовка военной экспедиции. В ней принимали участие войска Туркестанского, Оренбургского и Кавказского военных округов.

В Туркестанском округе создавались две колонны: Джизакская и Казалинская. Первая из них включала 11 рот солдат линейных и стрелковых батальонов, 1 саперную роту, 5,5 сотни казаков (в т. ч. 2 сотни Уральского казачьего войска, 1,5 сотни Оренбургского, 1 сотню Семиреченского и 1 сборную сотню), 14 орудий и 4 ракетных станка с прислужгой. Общая ее численность была около 3400 чел. Вторая, Казалинская колонна насчитывала 9 рот, 1,5 сотни оренбургских казаков, 8 орудий и 4 ракетных станка.

Оренбургский военный округ был представлен одним отрядом, состоявшим из 9 рот и 9 казачьих сотнях при 12 орудиях и 6 ракетных станках (3500 чел.)

Войска Кавказского округа дали два отряда. Один из них именовался Мангишлакским и включал 12 рот пехоты, 6 сотен казаков при 6 орудиях и 3 ракетных станках (2100 чел.). Вторым, Красноводский отряд насчитывал 12 рот пехоты, 4 сотни казаков, 16 орудий и 3 ракетных станка (2200 чел.).

Общее руководство походом возлагалось на К. П. Фон Кауфмана, который находился при Джизакской колонне. Подразделениями, соответственно, командовали: Джизакской колонной Туркестанского отряда — генерал-майор Головачев, Казалинской колонной того же отряда — полковник Голов, Оренбургским отрядом — генерал-лейтенант Веревкин, Мангишлакским отрядом — полковник Ломакин, Красноводским отрядом — полковник Маркозов. В целом по своим масштабам Хивинская экспедиция 1873 г. значительно превосходила все предшествующие операции русских войск в Средней Азии, и современники неслучайно называли ее «большим походом». При этом каждый отряд шел к Хиве своим путем, и на первом этапе между ними даже не было связи.

Одной из первых отправилась в поход Джизакская колонна. Одна ее часть выступила из 1 марта 1873 г. из Ташкента, а другая из Ходжента. 11 марта колонна сосредоточилась на р. Клыч около Джизака, а 13 марта вновь двинулась вперед. Условия похода были очень трудные. Весна выдалась холодной, и в степи бушевали снежные бураны. Казаки были вынуждены даже сжечь колья для палаток, чтобы хоть как-то согреться. Тем не менее, отряд прошел путь без таких ужасных потерь, как во времена Перовского. Это объясняется хорошей постановкой медицинской службы. Достигнув границы пустыни Кызылкум колонна из-за недостатка воды разделилась на две части, следовавшие параллельными дорогами. 30 марта 1873 г. войска вновь соединились у колодца Аристанбель-кудук, где и простояли до 11 апреля, ожидая подхода интендантского транспорта из Ташкента и Казалинской колонны.

Командир Казалинской колонны полковник Голов был военным топографом и прекрасно знал те непростые условия, в которых предстояло двигаться его подчиненным. Поэтому войска очень тщательно готовились и были обеспечены всем необходимым: провиантом, фуражом, медикаментами. Два эшелона колонны, выступив из Казалинска и Перовска, соответственно, 6 и 8 марта, сосредоточились у Иркебая, где 25 марта было основано укрепление Благовещенское. От Иркебая колонна проследовала на колодцы Кизыл-Кок, Бакачи и Танды. К 12 апреля она соединилась с Джизакской колонной. Еще раньше к Аристанбель-кудуку вышел первый эшелон интендантского транспорта.

Вскоре, однако, выяснилось, что значительная часть привезенных сухарей зачервивела. Один из офицеров отряда В. Полторацкий насмешливо доложил Кауфману, что такие сухари не потребуют верблюдов для перевозки и «сами доползут, куда нужно». Для возмещения потерянного провианта купеческий приказчик Громов отправился в Бухару. Не желая выдавать эмиру действительного положения дел, Кауфман написал, что хочет накормить своих людей свежим хлебом, так как сухари им надоели. Эмир, хотя и догадывался о истинной ситуации, противоречить русским не стал. Он послал отряду 3200 пудов (более 50 тонн) муки, 460 пудов ячменя и 240 пудов риса в качестве подарка, заявив, что всякая плата его оскорбит. Кроме того Громов по собственной инициативе купил 8 тыс. яиц, и солдаты смогли должным образом отпраздновать Пасху.

От Аристанбель-кудука Туркестанский отряд в полном составе продолжил движение по бухарской территории. Дойдя до колодца Хал-Ата, он основал там укрепление св. Георгия, после чего разделился. Авангард под командованием генерал-майора Бардовского (12 рот, 5 сотен казаков и 12 орудий) выдвинулся вперед для разведки, а основные силы остались у колодца и должны были продолжить свое движение не раньше,

чем отряд достигнет Аму-Дарьи. Вечером 28 апреля на разъезд отряда Бардовского (13 чел.) напали из засады 150 туркмен. К счастью, на помощь разъезду подоспели казаки, отогнавшие врага. В схватке было ранено 9 русских, в т. ч. 2 офицера.

29 апреля авангард прибыл к колодцу Адам-Крылган в 60 верстах от Аму-Дарьи. День спустя туда же подошли основные силы. Последний переход оказался особенно трудным, т. к. пришлось идти через песчаную пустыню при сильнейшей жаре. Отряд растянулся настолько, что головная часть останавливалась на привал в 9 часов утра, а замыкающая — в 5 часов вечера. Пало около 200 верблюдов, и тяжести пришлось сжечь. И все же 10 мая отряд добрался до Аму-Дарьи, где подвергся атаке туркменских всадников, но отбил ее. С 13 по 16 мая отряд следовал вниз по правому берегу Аму-Дарьи, причем грузы перевозились на лодках, а освободившихся верблюдов отправили в тыл для доставки дополнительных запасов продовольствия.

17 мая на левом берегу Аму-Дарьи появилось 5-тысячное хивинское войско. Однако, русские смогли отогнать их артиллерийским огнем, после чего начали переправу у Шейх-Арыка. К вечеру 18 мая большая часть отряда форсировала реку. Жители близ лежащего города Хазарасп привезли в лагерь Кауфмана продовольствие и всячески подчеркивали свое миролюбие. Однако, 22 мая в Хазарасп прибыло хивинское войско, которое напало на русских фуражиров. На следующий день Кауфман двинулся к городу. Хивинцы поспешно отступили, и русские войска заняли Хазарасп без боя. 27 мая Туркестанский отряд, оставив 3 сотни казаков для охраны переправы, продолжил движение к Хиве. Еще день спустя, он стоял у стен столицы ханства.

Вскоре туда же прибыли Оренбургский и Мангишлакский отряды, также прошедшие долгий и нелегкий путь. В течение февраля 1873 г. силы Оренбургского отряда стягивались из Оренбурга, Орска и Уральска в Эмбинское укрепление. Одновременно велась закупка продовольствия, фуража, медикаментов, амуниции и т. д. Один из участников событий военный инженер Е. Саранчев писал: «Своеобразность и трудность похода, предпринятого в суровую зиму в предвидении, что придется на походе встретить весну и, затем, двигаться по безводной степи при страшной летней жаре, заставила серьезно заниматься мерами относительно здоровья людей.»

По инициативе Н. А. Веревкина для Оренбургского отряда была приобретена 391 войлочная палатка-юламейка, каждая на 10 чел. Юламейки служили отличной защитой и от холода, и от жары. Отряд был также очень хорошо обеспечен обмундированием. Все его воины на холодное время получили полушубки с отстегивающимися воротниками и валенки, подшитые кожей. Для обеспечения отряда продовольствием, помимо огромных запасов муки, сухарей и круп, было заготовлено 136 пудов (более 2 т.) сушеной капусты, 800 пудов (почти 13 т.) овечьего сыра-круту и даже 15 пудов сушеного хрена. Имелись также запасы сушеного лука, соли, перца, уксуса, сгущенного молока, клюквенного экстракта и многого другого. Генерал Терентьев в связи с этим писал: «Оренбуржцы решились превзойти самих себя, точно в вознаграждение за лишения, испытанные в неудачную экспедицию Перовского...» Следует добавить, что в снабжении отряда большую роль сыграли жители Оренбурга, которые щедро жертвовали деньги и имущество на нужды похода.

30 марта 1873 г. Оренбургский отряд выступил из Эмбинского укрепления и сразу же столкнулся с трудностями. Из-за снежных заносов, верблюды не могли добывать корм, стали слабеть и гибнуть. Часть грузов пришлось бросить.

Тем не менее к середине апреля отряд дошел до урочища Исен-Чагыл у северо-западного побережья Аральского моря. И отдыхал там три дня. Далее войско Веревкина двинулось четырьмя эшелонами по западному побережью к селению Урга. 2 мая его передовые отряды подошли к укреплению Джаны-Кола, которое оказалось брошенным. Там люди запаслись водой, а верблюды подкормились сочным прибрежным камышом. После небольшой передышки, оставив в Урге гарнизон, Веревкин повел отряд на юг, к Кунграду. Когда 8 мая русские достигли этого города, выяснилось, что около него стоит хивинское войско, численностью примерно в 1 тысячу человек. Авангард оренбургского отряда завязал с противником перестрелку, но хивинцы отступили, не приняв боя.

Неподалеку от Кунграда казаки наткнулись на страшную находку: двенадцать обезглавленных трупов русских моряков с Аральской флотилии. Флотилия, состоявшая из двух пароходов («Самарканд» и «Перовский») и трех барж под командованием капитана 2-го ранга Ситникова вошла 28 апреля в р. Улькан-Дарью и обстреляла хивинскую крепость Ак-Кола, после чего продолжила движение и встала на якорь в 50 км. от Кунграда. Для связи с Оренбургским отрядом Ситников отправил небольшой отряд из 9

матросов, топографа и унтер-офицера под началом прапорщика корпуса штурманов Шебашева. К несчастью, Шебашев доверился некоему местному жителю Утену Мусабаеву, который заманил русских в свой кишлак и там с помощью родственников организовал их убийство. Головы погибших были отвезены в Хиву.

12 мая к Оренбургскому отряду присоединился в Кунграде Мангишлакский. Он был собран в начале апреля у колодца Порсубурун, недалеко от побережья Киндерлинского залива Каспийского моря. В течение первых двух недель апреля командир отряда Ломакин занимался сбором верблюдов для каравана. Затем отряд разделился на три эшелона, выступивших из Киндерли 14, 15 и 17 апреля. Их основу составили воинские части, стоявшие прежде на Кавказе, в т. ч. Апшеронский, Самурский, Ширванский пехотные полки, две сотни иррегулярного Дагестанского конного полка, 4 сотни кубанских и терских казаков. Начальниками эшелонов были офицеры, ставшие впоследствии очень видными военными деятелями: подполковники М. Д. Скобелев и Н. И. Гродеков. Интересно, что вместе с отрядом следовали и три иностранца: немецкий офицер, лейтенант 8-го гусарского Вестфальского полка Штумм, его ординарец ефрейтор Тейм и американский журналист Мак-Гахан.

Уже первые дни похода оказались очень трудными. В пустыне стояла сильная жара, а взятые отрядом запасы воды оказались недостаточными. Пройдя всего 70 км. от Киндерли до колодца Сенек, люди совершенно обессилили.

Один из участников событий вспоминал: «В 7 часов уже запекало солнце, во рту начало сохнуть, и мы поминутно останавливались, чтоб утолить жажду. Остатками соленой киндерлинской воды, но с каждым выпитым стаканом жажда становилась все нестерпимее. В 11 жар стал невыносимым. Пот струился по лицам и огромными пятнами выступал наружу сквозь китель и околыш фуражки... Я видел, как один солдат подошел к лезгину-милиционеру (т. е. служившему в иррегулярном конном полку — А. М.), проходившему мимо с бутылкой воды. Лезгин сжалился, поделился, но денег не взял.» К 18 апреля передовой эшелон после четырехдневного перехода достиг Семека.

19 апреля в 16 км от Семека, рядом с колодцем Биш-Акты было основано укрепление св. Михаила. Оттуда Мангишлакский отряд тремя эшелонами двинулся к плато Устюрт. По инициативе Гродекова и Скобелева было совершено несколько дерзких рейдов по кочевьям местных казахов, у которых угнали верблюдов, необходимых для пополнения обоза. Труднее было решить вопрос с водой, которой по-прежнему не хватало. Терпя тяжелые лишения, отряд к 28 апреля смог достичь колодца Ильтедже. Чувство, охватившее при этом людей, ярко описывает в своих путевых заметках Штумм: «Крик: Вода! Вода! вырвался у всех из груди. «Все вставайте, вода близко!» В секунду все эти истощенные люди поднялись на ноги.» От Ильтедже отряд 1 мая продолжил движение к колодцу Бай-Чалыр у которого разделился. Первый эшелон под командой подполковника Скобелева пошел к урочищу Ак-Чеганак у юго-западной оконечности пересохшего озера Айбугира, а основные силы во главе с самим Ломакиным двинулись к колодцу Алан.

5 мая эшелон Скобелева подошел к колодцу Аты-Бай, где имел ожесточенную стычку с киргизами. События развивались так: двигавшиеся впереди эшелона конный разъезд сообщил Скобелеву о близости колодца. Взяв небольшой отряд казаков и конно-дагестанцев, командир лично отправился вперед. Прибыв на место, он обнаружил там большое (в тысячу голов) стадо верблюдов под охраной пастухов. Почти сразу же вспыхнула типичная для пустыни схватка за воду. Киргизы открыли по пришельцам огонь, а те, не смотря на малую численность, бросились в атаку. Растерявшиеся вначале кочевники быстро сообразили, что противник очень малочислен и стали окружать отряд Скобелева. Разъезду пришлось послать вестника за подкреплением. Узнав о случившемся, майор Аварский взял 4-ю стрелковую роту Апшеронского полка и один взвод 8-й роты Самурского полка, с которыми бросился на выручку. Более 4 км. солдаты мчались бегом по страшной жаре, но успели вовремя. Сам Скобелев был уже шесть раз ранен пиками и саблями, получили ранения и другие офицеры разъезда: штабс-капитан Кедрин, прапорщики Зейнал-бек и Средницкий.

Вот как описывает эту «азиатскую баталию» очевидец: «Подполковник Скобелев и те офицеры и казаки... выхватили сабли и револьверы и в карьер бросились на прикрытие каравана. Киргизы приняли их в пики и завязалась свалка... Один здоровый киргиз с огромной дубиной в руке налетел на Скобелева и замахнулся, но к счастью, удар миновал начальника авангарда и обрушился на голову его прекрасной лошади, та взвилась на дыбы и опрокинулась вместе с всадником... Все револьверы наших разряжены в упор, но несмотря на это киргизы начинают одолевать благодаря своей численности... Момент

критический! В эту минуту показалась вблизи одна из Апшеронских рот, которая бегом спешила на выстрелы...»

Под метким огнем пехоты киргизы обратились в бегство. Трофеями русских стали 200 верблюдов и 800 пудов продовольствия. 7 мая весь Мангишлакский отряд собрался у колодца Алан, недалеко от развалин старого укрепления Эмир-Темир-Аксак, где нашлись огромные запасы воды. Здесь Ломакин получил письмо от Веревкина с предложением идти на соединение с ним к крепости Джан-Кола. Вскоре пришло еще одно послание, в котором Веревкин сообщал, что движется к Кунграду. В этой ситуации командир Мангишлакского отряда решил вести своих людей прямо через пересохший Айбугир. Семидневный переход от Алана до Кунграда оказался самым тяжелым за весь поход. Большая часть встречавшихся по пути колодцев содержала настолько соленую воду, что пить ее было невозможно. Лейтенант Штумм вспоминал: «Нужно представить себе, что вода, имевшаяся в ничтожном количестве, была солоня, и вследствие продолжительной перевозки вонюча, мутна, нередко черна и нагрета почти до степени кипения. Нужно принять в соображение, что даже такой воды было немного, при той невообразимо изнуряющей жажде, от которой изнемогали люди, шедшие под ружьем и в амуниции.»

К счастью на второй день пути, 9 мая пошел дождь, и люди стали пить воду, отжатую из промокшей одежды. На исходе было и продовольствие. Наконец, 12 мая отряд достиг окрестностей Кунграда, где было много арыков, а значит и неограниченный запас воды. 14 мая Мангишлакский отряд соединился с Оренбургским, пройдя от Киндерли до Кунграда 650 км. За весь этот трудный путь умерло всего 3 человека, хотя, конечно, лишения на воинах сказались. «Сами кавказцы, — писал М. А. Терентьев, — с завистью смотрели на сытых, хорошо и чисто одетых оренбуржцев: у них и палатки, и кровати, и походная мебель, и сытые кони, и даже экипажи... Кавказский же лагерь представлял собой спартанский табор: палатки ни одной, даже у Ломакина... Немало офицеров щеголяют в поршнях, как и солдаты... у кителей, вместо пол, болтаются оборванные фестоны... На ушах, носах и скулах — пузыри, нажженные солнцем.»

От Кунграда Оренбургский и Мангишлакский отряды вместе направились к Хиве. 15 мая, у г. Ходжейли дорогу им преградило 6-тысячное войско хивинцев, но после нескольких выстрелов из пушек и с ракетных станков противник быстро отступил. Веревкин и Ломакин в тот же день заняли Ходжейли, после чего двинулись далее по Аму-Дарье. 20 мая они вновь отбросили хивинское войско у города Мангита. В этом бою особенно отличились оренбургские казаки из отряда Веревкина, которые отбили вражескую попытку захватить обоз. После отхода противника русские вступили в город, но тут по ним открыли огонь из домов то ли затаившиеся ханские воины, то ли сами жители. Разъяренные сопротивлением солдаты и казаки бросились поджигать дома. В результате уличных боев погибло более 400 горожан и 3 русских (в т. ч. один офицер — капитан Кологривов). 21 мая к Веревкину явились старейшины городов Гурлена, Катая и Кята, сообщившие о полной их покорности. Тем не менее, 22 мая хивинцы сделали новую попытку остановить русских, но опять неудачно. Оренбургский и Мангишлакский отряды неотвратимо приближались к Хиве с севера, почти одновременно с Туркестанским отрядом, подошедшим с востока.

Наименее удачно сложилась судьба Красноводского отряда. Как и Мангишлакский он был укомплектован кавказскими войсками (5 рот 80-го Кабардинского полка, 2 роты 82-го Дагестанского, 3 роты 83-го Самурского и 2 роты 84-го Ширванского пехотных полков, 4 сотни терских казаков). Все они выступили из Чекишляра четырьмя эшелонами 19, 21, 26, 30 марта и направились на северо-восток к урочищу Бугдайли, колодцу Айдим и далее к колодцу Игды на Узбое. Как и при рекогносцировке 1872 г. с самого начала стал сказываться недостаток верблюдов.

Перегруженные «корабли пустыни» гибли, и припасы приходилось бросать. К тому же, как полагали впоследствии многие специалисты, Маркозову следовало идти другой дорогой (через реки Атрек и Сумбар, а затем на Кизыл-Арват), где было больше водоемов. Боясь опоздать к Хиве, он выбрал самый короткий, но далеко не самый легкий путь. Тем не менее, к 16 апреля кавалерийский авангард отряда добрался до колодца Игды. Там казаки подверглись нападению туркмен, отбили его, преследовали врага более 50 км. и захватили более тысячи верблюдов. После краткого отдыха Маркозов повел людей дальше на северо-восток, к колодцу Орта-Кую, в 100 верстах от Игды.

Преодолеть этого расстояния отряд не смог из-за страшной жары, нехватки воды и падежа верблюдов. 22 апреля от колодца Бала-Ишим, находившегося в стороне от

прямого пути, войска повернули назад, в Красноводск. Отряд Маркозова стал единственным, так и не дошедшим до Хивы.

Впрочем, имевшихся сил оказалось вполне достаточно. После того как Туркестанский отряд занял Хзарасп, а Оренбургский и Мангишлакский — Мангит и Катай, хан Мухаммед-Рахим был совершенно деморализован, да и многие из его окружения пали духом. 23 мая 1873 г. отряд Веревкина двинулся к Хиве. 26 мая он занял предместья в т. ч. и загородный дворец хана Чинакчик. Оттуда был выдвинут авангард во главе с М. Д. Скобелевым, который столкнулся с большим хивинским войском и отступил. Утром 27 мая около тысячи конных хивинцев подошли к русскому лагерю, но вместо атаки они попытались угнать верблюдов. Поднятые по тревоге солдаты открыли огонь, но нападавшие стали быстро уходить к городу. Наперерез им бросились две сотни Дагестанского конного полка во главе с подполковником И. О. Квинитадзе. Один из участников похода, ссылаясь на рассказ Скобелева, описывает произошедшую схватку следующим образом: «Они (дагестанцы — А.М.) называют своего сотенного командира, подполковника Квинитадзе, как принято у горцев просто по имени, Иваном. Вот скачет Квинитадзе. Пред ним в нескольких шагах лезгин настиг йомуда и одним ударом раскроил ему череп. Йомуд полетел с лошади, а лезгин, догоняя следующего, обращается на всем скаку к своему командиру: «Иван! Видел?» «Молодец! Видел!» — отвечает тот. Лезгин наносит новый удар, и новый йомуд валится с коня. «Иван! Видел?» «Молодчина!» — повторяет командир.»

На помощь дагестанцам подоспели казаки, довершившие разгром хивинской конницы. Тем временем в окружавших дворец садах стало скапливаться пешее войско неприятеля. Дагестанцы и казаки атаковали и этих новых противников, но те быстро отступили. Вечером того же дня капитан Генерального штаба Иванов с двумя сотнями казаков начал рекогносцировку местности примерно на 2 км вперед от прежней стоянки. Выйдя на место, предложенное Ивановым в качестве плацдарма, солдаты и казаки тоже имели стычку с хивинцами и вновь оттеснили их. Всю ночь с 27 на 28 мая неприятель обстреливал русский лагерь из легких пушек и ружей.

Утром 28 мая, не дожидаясь распоряжений Кауфмана, Веревкин решительно начал наступление на Хиву. К полудню его войска подошли вплотную к городу. Хивинцы открыли огонь с укреплений, расположенных перед городскими стенами, и с самой стены. Тогда две роты Апшеронского полка во главе с майором Буравцевым бегом бросились к арыку Палван-Ата, протекавшему всего в 250 м от стены, и захватили стоявшие на его берегу пушки. Ожесточенная схватка разгорелась также на кладбище рядом с арыком. Группа хивинцев засела в расположенном там медресе и неожиданно обстреляла авангард штурмующих. 20 солдат Апшеронского полка стремительным броском атаковали медресе и перекололи всех хивинцев штыками, но те успели ранить нескольких офицеров. В это же время выстрелом со стены был ранен в лицо и сам Н. А. Веревкин, который передал командование начальнику штаба Е. Саранчеву. В ответ на сопротивление русская артиллерия открыла по Хиве усиленный огонь.

В самый разгар боя хан бежал из города в г. Хазават, к туркменам. Группа придворных попыталась провозгласить правителем его брата Атаджана-тюру, который сидел в тюрьме, обвиненный в подготовке заговора. Городские старейшины, однако, нового хана не признали и вручили власть дяде бежавшего Мухаммед-Рахима Сеиду Эмиру-Уль-Омару. Тот немедленно выслал к русским парламентеров. Веревкин поручил вести переговоры Ломакину, все требования которого хивинцы выполнили беспрекословно. Русским сдали имевшиеся в городе пушки и то оружие, которое удалось собрать. Депутация старейшин отправилась к Кауфману с сообщением о сдаче города. Всего при занятии Хивы в отрядах Веревкина и Ломакина было убито 4 чел., ранен 41 чел. (в т. ч. сам Веревкин и еще 6 офицеров), контужено 9 чел. Следует заметить, что собственно штурм города так и не было. Русские не копали апрошей, как под Ак-Мечетью, не лезли на стены по лестницам, как под Ташкентом, и, даже, не воспользовались имевшимися в стенах проломами. Неслучайно генерал-лейтенант М. А. Терентьев называл бой за Хиву «перепалкой».

Основные силы К. П. фон Кауфмана ко времени сдачи Хивы находились в 20 км от города, у селенья Янги-Арык. Еще до прибытия делегации старейшин туда явился двоюродный брат хана Инак-Иртазали, сообщивший, что Мухаммед-Рахим готов отдаться на милость «Белого Царя». Кауфман потребовал личной явки хана. К 29 мая посол ответил согласием, но хан в указанный срок не явился. То обстоятельство, что бывший правитель Хивы скрывался у туркмен, очень тревожило Кауфмана. Значительную часть хивинского войска составляла туркменская конница, и туркмены занимали в государстве

привилегированное положение. Нередко даже перемена ханов зависела от симпатий и антипатий туркменских военачальников, особенно из племени йомудов. Поэтому главнокомандующий стал немедленно готовить экспедиционный отряд для похода на туркменские земли, а отряды Веревкина и Ломакина вступили 29 мая в саму Хиву. Освобожденные русскими рабы-персы и участвовавшие в походе в качестве караванщиков казахи решили было начать в Хиве грабежи, но Кауфман ввел на улицы усиленные патрули. После того, как 30 мая двух мародеров расстреляли на главной площади, в Хиве установился порядок.

2 июня возвратился хан Мухаммед-Рахим, который «изъявил покорность» России. Кауфман счел за благо иметь дело с легитимным правителем, а потому заявил хану, что вернет ему власть при условии заключения договора. Для ограничения ханских полномочий 6 июня был учрежден совет-диван, в который вошли три хивинских вельможи, избранных ханом, и четыре представителя Кауфмана: подполковники Иванов, Пожаров и Хорошин с ташкентским купцом Алтын-беком. Те приближенные хана, которые были известны, как убежденные противники России, подверглись арестам, а их имущество конфисковали. В счет контрибуции забрали и часть казны самого хана, причем его золотой трон был отправлен в Москву, в Грановитую палату. Два наиболее влиятельных организатора сопротивления диван-беги Мат-Мурат и есаул-баши Рахметулла впоследствии отправились в ссылку в Калугу.

19 июня 1873 г., решив первые административные дела, Кауфман наконец смог направить Оренбургский отряд к г. Куня-Ургенчу, дабы «привести к покорности» туркмен. Без этой меры, по его мнению, «не могла быть достигнута цель всей экспедиции». Явившимся с повинной туркменским старейшинам объявили, что на них наложена контрибуция в 300 тыс. руб.

7 июля для наблюдения за сбором денег к г. Хазавату выдвинулся отряд под началом генерал-майора Головачева (8 рот пехоты и 9 сотен казаков при 10 орудиях). Дойдя до места назначения, Головачев узнал, что туркмены не только не собрали денег, но собираются откочевывать. В ответ он немедленно двинул все имевшиеся в его распоряжении силы в йомудские кочевья, к селению Ильялли. 9 июля отряд Головачева прибыл дошел до селения Бузгумен. Оттуда были высланы 5 сотен казаков во главе с полковником Блоком для разведки и «возможного преследования неприятеля». Недалеко от небольшого озерца Зайкешь, являвшегося разливом Хазаватского арыка, они настигли туркменский караван с множеством груженных повозок. Когда кавалеристы блока бросились а атаку, конные туркмены стремительно умчались прочь, бросив арбы, в которых находились преимущественно больные, женщины, старики и дети. Спасаясь от нападавших, часть туркменских повозок попыталась переправиться через Зайкешь, но озеро оказалось глубоким, да еще с течением.

В опубликованном в 1883 г. официальном отчете о Хивинском походе происшедшее далее описывалось так: «Здесь казакам представилась страшная картина: глубокий и быстрый проток был буквально запружен туркменами: молодыми, стариками, женщинами, детьми. Все бросились в озеро от преследовавших их казаков, тщетно усиливаясь достигнуть противоположного берега. Туркмен погибло здесь до 2 тыс. человек разного пола и возраста; часть утонула в самом озере, часть в окружающих его болотах.» Тем не менее, Блок посчитал, что неприятель наказан недостаточно сильно и приказал обстрелять тот берег, на который выбирались беглецы, ракетами.

Основные силы Головачева тем временем разорили и сожгли туркменские селения: Алман-Чу, Бадаран, Ак-Теке, Дирекли и др. 13 июля русские войска собрались в 3 км от Ильялли. Туда приехали туркменские послы, просившие остановить боевые действия и обещающие собрать деньги. Тем не менее, в тот же день группа туркмен напала на отряд, причем в кавалерийской сшибке был зарублен прапорщик Каменецкий. На следующий день туркменские старейшины вновь пришли для переговоров, но Головачев отказался встречаться с ними. В три часа ночи на 15 июля 1873 г. 10 тысяч туркмен (6 тыс. конных и 4 тыс. пеших) атаковали выступивший из Ильялли отряд Головачева. Шедшая впереди ракетная батарея немедленно открыла огонь, но неудачно: из 5 станков из 8 взорвались. Туркмены смяли следовавших за батареей оренбургских казаков, но тут вперед выдвинулась русская пехота и открыла частую стрельбу. «Туркмены, — пишет генерал Терентьев, — дрались с дерзостью мести и отчаяния: подсакивая к самому фронту по двое на одном коне, они соскакивали и, надвинув папахи на глаза, кидались на русских с саблями и топорами.»

В бою особенно отличились две роты 1-го стрелкового батальона под командованием капитанов Батмана и Рейнау. Оба эти офицера, уроженцы Финляндии, действовали с

исключительным хладнокровием и стойкостью, заставляя своих солдат стрелять почти в упор. Очевидец вспоминал: «Раздастся ли после команды «кляц» чей-нибудь нетерпеливый выстрел раньше команды «пли», тотчас раздается «отставка» и следует вопрос: «Кто стрелял без команды? Кто это осмелился выстрелить?»

Очень успешно действовала в ночном бою и артиллерия русских, которая выехала на фланг и открыла по нападавшим огонь картечью. Когда рассвело, туркмены отступили. В бою был убит один русский офицер и 3 солдата, ранено 5 офицеров (в т. ч. сам Головачев) и 32 солдата и казака. Туркмены только убитыми потеряли более 800 человек.

17 июля Головачев, двигаясь на колодец Кок-Кудук, выслал вперед всю свою кавалерию, которая атаковала туркменский караван. В сражении было убито еще 500 туркмен, а русские захватили более 3 тыс. повозок и множество верблюдов. В тот же день Оренбургский отряд соединился с вышедшим из Хивы Туркестанским. 18 июля они вместе пришли в Ильялли, а 19 июля туда же прибыли и основные силы Кауфмана.

К командиру приехали послы от туркмен, молившие о мире. В начале августа треть контрибуции была выплачена, а в «обеспечение» остального Кауфман взял заложников. Впоследствии командиров экспедиции неоднократно обвиняли в излишней жестокости по отношению к туркменам. Особенно старательно муссировали этот вопрос английские газеты, сравнивая Головачева и Блока с турецкими башибузками. В ответных заявлениях русские военачальники также нередко высказывали очень резкие мнения. Н. И. Гродеков, например, писал в 1879 г.: «Туркмены — это черное пятно на земном шаре, этот стыд человечества, которое их терпит. Если торговцы неграми поставлены вне законов всех наций, то и туркмены должны быть поставлены в такое же положение. Что бы там ни писали... о жестокостях русских в йомудскую экспедицию 1873 г., во всяком случае приказ генерала Кауфмана об истреблении йомудов есть, по моему мнению, самый человеколюбивый акт, который когда-либо был издан, ибо он клонится к спасению и благополучию миллионов людей.» С другой стороны военный историк и участник войн в Средней Азии генерал Терентьев так же указывал на чрезмерную суровость, предпринятых мер, да и официальный отчет о событиях на Зайкеше более, чем красноречив. Как бы то ни было, бесспорно, что дискуссия о «йомудском походе» Головачева очень часто становилась оружием и в борьбе на международной арене, и в противостоянии группировок в военной элите России.

3 августа русские войска вернулись к Хиве. 12 августа в пригородном Гандемианском саду с ханом был подписан договор, согласно которому Хивинское ханство признавало вассальную зависимость от Российской империи, отказывалось от непосредственных сношений с иностранными державами, предоставляло российским судам исключительное право плавания по Аму-Дарье, а купцам — право беспошлинной торговли. На ханство наложили контрибуцию в 2 млн. руб., выплата которой растягивалась на 20 лет. Часть земель на правом берегу Аму-Дарьи, прямо напротив территории ханства, объединялась в особую административную единицу — Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области. Главной функцией начальника отдела являлся контроль за действиями ханских властей. Наконец, хивинские владения на Аму-Дарье между урочищами Кукерли и Ичке-Яр были переданы бухарскому эмиру, показавшему себя верным вассалом России.

Еще до окончательного завершения переговоров, русские войска двинулись в обратный поход. Первым, 9 августа, выступил Мангишлакский отряд, который прошел через Куны-Ургенч, Кунград, Айбугир и плато Устюрт. Месяц спустя, 12 сентября он прибыл в Киндерли.

Туркестанский отряд покинул Хиву 12 августа. Переправившись через Аму-Дарью, он основал укрепление Петровско-Александровское, в котором оставался до 5 сентября. Затем кавалерия проследовала к Петровскому форту, а остальные войска — в Ташкент.

Оренбургский отряд под начальством полковника Саранчева вышел 19 августа из Куны-Ургенча и через Ургу направился к Эмбинскому укреплению, которого достиг 24 сентября. Для всех отрядов обратный переход оказался очень тяжелым. Беды были те же, что и по пути к Хиве: нехватка воды, жара, песчаные бури и т. д.

На следующий год после Хивинского похода Императорское географическое общество снарядило на Аму-Дарью большую научную экспедицию. Российские власти считали свои, приобретения долговременными и хотели хорошо с ними ознакомиться.

Уже в августе 1873 г. было направлено новое посольство в Бухару. В предложенном эмиру договоре подтверждалось запрещение работ торговли и право российских кораблей свободно ходить по Аму-Дарье. Благодарный за переданные ему земли «повелитель правоверных» все подписал. Победа над Хивой и покорность Бухары означали,

господство России над очень значительными территориями. Казалось, настало время «почтить на лаврах», но тут новый очаг сопротивления вспыхнул на Сыр-Дарье, в землях Кокандского ханства.

Глава 8

ПОКОРЕНИЕ КОКАНДА

В течение нескольких лет правитель Кокандского ханства Худояр послушно исполнял волю туркестанских властей. По настоянию Кауфмана, он прекратил военные действия против Бухары из-за спорных территорий Каратегина (сентябрь 1869 г. — март 1870 г.), выслал в Ташкент шахрисабзских беков, бежавших в Коканд после поражения в борьбе с отрядом генерала Абрамова, передал управление Шахрисабзским оазисом бухарским вельможам (август 1870 г.)

В 1871 г. Кауфман уверенно сообщал в Петербург, что Худояр отказался «от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам». Хану даже вручили бриллиантовые знаки ордена св. Станислава I степени и титул «светлости». Русский дипломат Струве в мае 1870 г. писал, что Худояр «строит дворцы, базары, караван-сарай, разводит сады, задает большие пиры для угощения народа.» Эта идиллическая картина имела очень мало общего с действительностью. Утверждение российской власти на правобережье Сыр-Дарьи в ее среднем и нижнем течении, Ташкентом, Аулие-Ата, Пишпекком и другими городами резко сократило налоговые поступления в ханскую казну. Естественно, и сам правитель, и его приближенные пытались возместить потери за счет оставшихся подданных и совершенно разорили их поборами.

Широкое распространение получил насильственный сгон крестьян на работы, причем методы применялись весьма суровые. Так, земледельцев не пришедших в страду на прокладку ханских арыков живьем закопали в землю. В ханстве были введены самые невообразимые налоги: на камыш, на степные колючки, на пиявок, которых вылавливали в прудах... В дополнение ко всему, не получавшие жалования воины-сарбазы просто грабили населения, отбирая все, что понравится. Востоковед А. Кун в начале 1870-х гг. особо подчеркивал на заседании Географического общества, что в Коканде глубоко «пустила корни болезнь всеобщего недовольствия против хана и его приближенных». Кауфман неоднократно предупреждал Худояра о пагубности его курса, но тщетно.

Весной 1873-1874 гг. в Кокандском ханстве неоднократно вспыхивали мятежи, однако хану удавалось кое-как с ними справиться. Нередко повстанцы обращались за помощью к русским властям, но всегда получали отказ. Весной 1875 г. против Худояра поднялась даже кокандская знать: во главе заговора встали: сын некогда всесильного регента Мусульманкула Абдуррахман Автобачи, мулла Исса-Аулие и брат хана, правитель Маргелана Султан-Мурад-бек. Им удалось также привлечь на свою сторону наследника престола Насреддин-хана.

15 июля 1875 г. в Коканд прибыл русский посол Вейнберг в сопровождении ехавшего в Кашгар М. Д. Скобелева и конвоя из 22 казаков. Два дня спустя пришло известие, что мулла Исса-Аулие и Абдуррахман Автобачи, направленные во главе 4-тысячного войска против восставших киргизов, объединились с мятежниками. Предводитель киргизов Мулла-Исхак объявил себя дальним родственником хана Пулат-беком. На сторону заговорщиков перешел и сын хана Насреддин, находившийся с 5-тысячным войском в Андижане. Города Ош и Наманган открыли им ворота. 20 июля стало известно, что мятежники без боя вступили в Маргелан, всего в 77 км от Коканда, а мулла Исса-Аулие призвал народ к газзавату против русских и их пособников. Вейнберг сразу же направил генералу Головачеву письмо, в котором описывал ситуацию и просил выслать для защиты хана отряд из Ходжента.

В ночь на 22 июля мятежники подошли к Коканду. Половина ханского войска сразу же перешла на их сторону вместе со вторым сыном Худояра Мухаммед — Алим-беком. Утром начались волнения среди горожан. Худояр решил укрыться под защитой российских властей. Во главе 8-тысячного войска с 68 пушками и караваном, груженном сокровищами из казны, он двинулся по дороге в Ходжент. Вместе с ханом отправилось и русское посольство: Вейнберг, Скобелев, 22 казака, 9 купцов и 6 казахов-караванщиков. В шести километрах от Коканда хан остановился, что бы дать бунтовщикам бой, но все его войско по примеру прочих перешло на сторону противника. С Худояром осталась лишь его свита численностью примерно в 500 чел., да русское посольство. Подвергаясь

постоянным нападениям восставших маленький отряд к вечеру 23 июля смог добраться до территории, контролировавшейся русскими войсками, а на следующий день прибыл в Ходжент.

После бегства Худояра восстание охватило все ханство. Правителем провозгласили Насреддина. Разумеется, ни о каком снижении налогов он и не думал, но решительно обвинял во всех бедах русских и сразу же заявил о необходимости восстановить ханство в его старых границах от Ак-Мечети с одной стороны и до Пишпека — с другой. Российская администрация прекрасно понимала, что в сложившейся ситуации промедление «смерти подобно». Уже 23 июля уездный ходжентский начальник Нольде посадил 50 солдат 7-го Туркестанского линейного батальона на реквизированных у населения лошадей и выслал эту импровизированную кавалерию к пограничной крепости Махрам. Вслед за этим отрядом двинулся весь батальон и дивизион 2-й артиллерийской батареи под общим начальством полковника Савримовича. Именно приближение этих сил к границе заставило мятежников отказаться от преследования хана и посольства.

Русская администрация Ходжента была, впрочем, тоже не в восторге от приезда Худояра. Его свита разъезжала по городу с оружием, да и кормить гостей было накладно. 27 июля 1875 г. Кауфман, находившийся в форте Верный, распорядился по телеграфу отправить Худояра в Ташкент. Отъезд был назначен на 5 августа. Новые правители Коканда быстро получили об этом информацию. Оставлять свергнутого правителя в живых по правилам восточной дипломатии не полагалось, а потому 5 и 6 августа кокандское войско численностью более 10 тыс. чел. спустилось с гор и захватило несколько селений на р. Ангрене. Один из отрядов кокандцев вышел на ташкентско-ходжентский тракт, где принялся жечь почтовые станции, захватывая в плен ямщиков и проезжающих. Следовавшие из Ура-Тюбе в Ходжент врач 2-го линейного батальона Петров и прапорщик Васильев были зарезаны, а шестилетняя дочь доктора увезена в Коканд. Попали в плен ехавшие из Ташкента в Ходжент два юнкера 2-го линейного батальона Клусовский и Эйхгольм. Хан, находившийся во время этих погромов на станции Пскент чудом избежал гибели от рук своих подданных.

Впрочем, иногда нападавшие сталкивались с ожесточенным сопротивлением. На станции Мурза-Рабат ямщицким старостой был отставной солдат 3-го стрелкового батальона, крестьянин Псковской губернии Степан Яковлев. Узнав о приближении кокандцев, он закрыл и завалил дровами и мебелью ворота в станционный двор, а сам засел на стоявшей напротив ворот вышке. Когда кокандцы явились к станции отважный ямщик открыл огонь из винтовки. Почти двое суток один человек удерживал целый отряд. В конце концов кокандцы, пользуясь численным преимуществом подожгли станцию. Тогда Яковлев бросился на толпу врагов, раздавая им удары прикладом, но был зарублен. Отсеченную голову смельчака увезли в Коканд. Уже в 1877 г. на месте гибели Яковлева была установлена плита, а в 1895 г. — гранитный обелиск с мраморным крестом.

Вечером 8 августа 1875 г. большая армия кокандцев появилась под самим Ходжентом. Мулла Исса-Аулие рассылал местным жителям прокламации, но те хорошо помнили погромы, которые устраивали прежде кокандские воины во время походов на Ташкент, и присоединяться к газзавату не спешили. В Ходженте в то время находились батальон и две роты пехоты, уездная команда, сотня казаков и батарея артиллерии. 9 августа эти силы под командованием полковника Савримовича смогли отбить нападение 15-тысячного войска противника. 10 августа прибыло подкрепление из Ура-Тюбе во главе с майором Скарятиным, которое помогло отбросить врага от городских ворот.

12 августа полковник Савримович во главе 4 рот, сотни казаков и дивизиона артиллерии начал наступление на 16-тысячное кокандское войско, находившееся под командованием Абдурахмана Автобачи и стоявшее у селения Коста-Кола. Метким артиллерийским огнем противник был опрокинут, после чего пехота обратила его в бегство. В тот же день в Ходжент прибыл из Ташкента 1-й стрелковый батальон с дивизионом конных орудий под командованием подполковника Гарновского, заменившие защитников Ходжента на самых трудных участках обороны. Поняв бесперспективность дальнейшей осады кокандцы отступили от Ходжента.

Генерал-губернатор Кауфман, получив в ночь с 6 на 7 августа известие о вторжении кокандских войск, тотчас стал стягивать в район боевых действий войска. К г. Теляу был выдвинут отряд генерал-майора Головачева. Из Ташкента выступила колонна подполковника Аминова. К 18 августа русские войска сосредоточились в Ходженте, куда прибыл и сам Кауфман. Абдурахман Автобачи с огромной, 50-тысячной армией расположился недалеко от Ходжента, у крепости Махрам. 20 августа Кауфман двинулся

на противника. В сражении 22 августа 1875 г. кокандцы и их союзники кочевники-киргизы были наголову разгромлены. В бою polegло свыше 1200 воинов Абдуррахмана. Потери русских составили 6 чел. убитыми. Автобачи бежал в Маргелан.

26 августа отряд Кауфмана двинулся к Коканду. Навстречу ему выехал Насреддин-хан с просьбами о мире. 30 августа пришло покаянное письмо и от правителя Маргеана Мурад-бека. Лишаясь одного союзника за другим, Абдуррахман Автобачи отступал. В погоню за ним отправился отряд Скобелева, который включал 6 сотен казаков, дивизион артиллерии, ракетную батарею и две роты солдат, посаженных для скорости передвижения на арбы. Всего за 10 часов (с 9 часов вечера 8 сентября до 7 часов утра 9 сентября) отряд прошел 72 км и у селения Мин-Тюбе разгромил арьергард войска Абдуррахмана. 10 сентября солдаты и казаки вступили в город Ош. После всех поражений сторонники Абдуррахмана стали разбегаться. Вскоре от многотысячного войска у него осталось всего лишь 400 воинов, с которыми он метался между Андижаном и Узкентом.

23 сентября Кауфман подписал с Насреддином мирный договор, составленный по типу соглашений с Бухарой и Хивой. Он предусматривал отказ хана от непосредственных дипломатических соглашений с какой-либо державой, кроме России. Ряд земель на правом берегу Сыр-Дарьи (так называемое «Наманганское бекство») был включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства пол именем Наманганского отдела. Начальником этого отдела стал М. Д. Скобелев. Вопрос о восстановлении на престоле Худояра даже не поднимался.

25 сентября русские войска переправились через Сыр-Дарью и заняли Наманган. Здесь Кауфман получил сообщение, что в восточной части ханства вновь подняли голову мятежники. По предложению Автобачи ханом был провозглашен киргиз Пулат-бек. Центром сосредоточения его войск стал город Андижан. Однако противостоять русским войскам он не мог. В начале октября русские отряды генерал-майора Троицкого разгромили конные «скопища» киргизов, но не смогли взять штурмом Андижан.

Между тем в Коканде началась новая смута. Подстрекаемые Абдуррахманом Автобачи жители напали на ханский дворец. Насреддин, подобно своему отцу Худояру, бежал под защиту русских. 10 октября 1875 г. он прибыл в Ходжент. Кокандцы захватили Наманган и русский гарнизон, укрывшись в цитадели, едва смог отбить штурм. В ответ, в район Намангана были переброшены новые русские войска. Возглавляемый Скобелевым Наманганский действующий отряд предпринимал отважные рейды в различные районы ханства.

В январе 1876 г. Кауфман, прибыв в Петербург, смог добиться в обход министерства иностранных дел санкции императора на полную ликвидацию независимости Кокандского ханства. Об успехе он немедленно телеграфировал в Ташкент, приказав Скобелеву немедленно начать подготовку к занятию Коканда. 24 января совершенно подавленный поражениями Абдуррахман сдался. Теперь можно было приниматься и за ханскую столицу. 2 января Кауфман направил новую телеграмму генералу Колпаковскому с приказом начинать наступление на Коканд. Одновременно такую же телеграмму Скобелев, стоявший в Намангане, получил от генерала Троицкого. Злые языки впоследствии утверждали, что на телеграмме Троицкого имелась приписка «Миша, не зевай!» Так или иначе, первым к Коканду поспел именно Скобелев, пройдя за день более 80 км.

Коканд сдался практически без боя. На этот раз его самостоятельность была ликвидирована полностью. Кокандское ханство было включено в состав Туркестанского генерал-губернаторства в качестве Ферганской области. Военным губернатором края стал М. Д. Скобелев. Абдуррахман Автобачи был выслан в Россию, а вот замешанного во многих жестокостях Пулат-бека казнили в Маргелане, на той самой площади, где он расправлялся с русскими пленными.

После завершения войны с Кокандом, в Средней Азии наступила мирная передышка. В апреле 1877 г. Россия вступила в войну с Турцией, что, естественно, отодвинуло «туркестанские дела» на второй план. Поэтому основные усилия местных властей были сосредоточены на организации научно-исследовательских и разведывательных экспедиций. В 1878 г. академик Миддендорф совершил поездку по Фергане, а капитан-лейтенант Брюхов поднялся на пароходе вверх по Аму-Дарье до Ходжа-сале. Было также организовано несколько экспедиций в Афганистан, вызванных, как говорилось в официальном отчете, «политическими резонами».

Победы русских войск над турками крайне обострили русско-английские отношения. Вследствие этого в начале 1878 г. туркестанские войска выдвинулись на границы

русской территории и сосредоточились у Джама (48 рот, 21 сотня казаков, 40 орудий, 8 ракетных станков), в Маргелане (6 рот, 3 сотни, 6 орудий, 4 ракетных станка) и в Петро-Александровске (6 рот, 2 сотни, 4 орудия). Одновременно в Афганистан отправилось российское посольство, первое со времен поездки Виткевича в 1838 г. В его состав вошли генерал-майор Столетов, полковник Розгонов, военный врач Яворский, топограф Бендерский, переводчики Малевинский, Назиров и Земан-бек. Миссия выступила из Самарканда 2 июня 1878 г. и проследовала, по бухарским землям, в Карши, а затем к переправе через Аму-Дарью у Чушка-Кисара. Уже 29 июля послы торжественно вступили в Кабул. Шир-Али-хан принял русских очень благожелательно и, в то же самое время, отказался принять английских дипломатов. Эти события послужили прологом к Афгано-британской войне, которая разразилась в ноябре и ознаменовалась страшным поражением британских войск в битве при Майване 27 июля 1880 г. Даже то, что англичанам все-таки удалось посадить в Кабуле покорное себе правительство, не могло сгладить тягостного впечатления.

Однако противостояние России и Британии в Афганистане и на Памире — тема для отдельной книги, которая, возможно, еще появится. Пока следует заметить, что Россия блестяще реализовала свой замысел нажима на британцев через их азиатские владения. Но вместе с тем, она сама все сильнее и сильнее втягивалась в борьбу за далекие «азиатские просторы», борьбу по истине бесконечную, затянувшуюся до исхода XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

Битва со степью

Мемуары и публикации документов

1. Берк К. Р. Путевые заметки о России. // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 111-250.
2. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1-2; 1903. Ч. 3-4.
3. Джастис Э. Три года в Петербурге. // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 87-105.
4. Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в Санкт-Петербурге в 1733 году. // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 53-68.
5. Кук Дж. Путешествия и странствия по Российской империи. // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 385-444.
6. Манштейн К. Г. Записки о России. СПб., 1875.
7. Марсильи де Л. Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб., 1837.
8. Мартене Ф. Собрание трактатов и конвенции, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. СПб., 1875.
9. Масловский Д. Ф. Ставучанский поход. Документы. СПб., 1892.
10. Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е - 1760-е годы). Л., 1991. С. 25-79.
11. Миних Э. Записки. // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е - 1760-е годы). Л., 1991. С. 81-187.
12. Нащокин В. А. Записки Василия Александровича, сына Нащокина, что мог видеть от времени памяти своей... СПб., 1842.
13. Пархомов С. Записки. // Костромская старика. Выпуск 4. 1897.
14. Рико П. Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря при Оттоманской Порте. СПб., 1742.
15. Рондо Дж. Письма дамы, проживавшей несколько лет в России, к её приятельнице в Англию. // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е - 1760-е годы). Л., 1991. С. 190-253.
16. Сборник военно-исторических материалов. Выпуск. X. СПб., 1897.
17. Фон Хавен П. Путешествие в Россию. // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 303-368.

Научная и научно-популярная литература

1. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994.
2. Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736-1739 гг. Первые три года войны, СПб., 1906.
3. Бантыш-Каменский Д. М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1-2. СПб., 1840.
4. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.
5. Висковатов А. В. Военные действия российского гребного флота, под начальством вице-адмирала Бределя на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 гг. СПб., 1830.
6. История внешней политики России. XVIII век. (под редакцией Игнатьева А. В., Пономарёва В. Н., Санина А. Г.). М., 2000.
7. Зноско-Боровский Н. А. История Лейб-гвардии Измайловского полка 1730-1880. СПб., 1882.
8. Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
9. Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII веков. М., 1990.
10. Масловский Д. Ф. Атака Гданьска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года. М., 1888.
11. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1-2. СПб., 1891, 1894.
12. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
13. Петров Н. А. Влияние турецких войн с половины нашего столетия на развитие русского военного искусства. Т. 1. СПб., 1893.
14. Петрухинцев Н. Война с пространством. // Родина. № 5-6. 1998. С. 63-66.
15. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса. 1889.
- Соловьёв С. М. История государства Российского с древнейших времён. Книга X. Т. 19-20. М., 1963.

Битва с пустыней

Мемуары и публикации документов

1. Алексеев Л. Дело под Иканом. // Исторический вестник. 1893. Т. 51. №3. С. 796-805.
2. Арский А. В. Хивинский поход 1873 года. // Русский вестник. 1879. Т. 142. № 7. С. 4-39.
3. Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978.
4. Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. М., 1894.
5. Иванов Д. Л. Под Самаркандом. СПб., 1877.
6. Колокольцев Д. Г. Экспедиция в Хиву в 1873 г. СПб., 1873.
7. Мак-Гохан Я. А. Военные действия на Окусе и падение Хивы. М., 1875.
8. Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Кн. 1-9. Ташкент. 1881-1882.
9. Михайлов М. Поход в Коканд в 1875 г. (Из записок артиллериста). Ташкент. 1884.
10. Перов А. А. Путевые заметки о Хивинских походах 1876 и 1877 гг. Елисаветград. 1905.
11. Саранчѳв Е. С. Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца. СПб., 1874.
12. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края (составлен полковником А. Г. Серебренниковым). Т. 1-22. Ташкент. 1914-1915.
13. Сялковский Г. Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864-1865 гг. // Военный сборник. 1891. Т. 197. № 1-2. С. 370-382.
14. Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 г. СПб., 1861.
15. Отряд, действующий на левом берегу Сыр-Дарьи. Рапорт генерал-майора Троцкого. Ташкент. 1875.
16. Черняев М. Г. Дневник. М., 1999.

1. Гребнер А. В. Осады и штурмы средне-азиатских крепостей и населённых пунктов. СПб., 1897.
2. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Т. 1-4. СПб., 1883-1884.
3. Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 года. СПб., 1883.
4. Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (1839-1876). СПб., 1899.
5. Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. М., 1875.
6. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870-х годов в России. М., 1952.
7. Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск. 1909.
8. Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890.
9. Маркозов В. И. Красноводский отряд. Его жизнь и судьба. СПб., 1898.
10. Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб., 1882.
11. Левтеева Л. Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. Ташкент. 1986.
12. Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 г. СПб., 1898.
13. Лукин В. А. Геройский подвиг бомбардира Агафона Никитина. М., 1903.
14. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1885.
15. Петровский А. Г. Походы русских войск на Хиву. М., 1887.
16. Потто В. А. О степных походах. СПб., 1873.
17. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1-3. СПб., 1903.
18. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М., 1960.
19. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
20. Шеманский А. Д. Бой на Кушке и его 25-летний юбилей. СПб., 1910.
21. Эсадзе Б. С. Скобелев в Закаспие. М., 1914.
22. Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине 19 века. М., 1954.